

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 1-2
ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
══════ МОСКВА 1932 ══════

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Передовая—Вторая пятилетка и задача укрепления диктатуры пролетариата	1
М. Корнеев—Вторая пятилетка и уничтожение классов.	21
И. Кузьмин—Проблема распределения средств потребления во второй пятилетке.	42
И. Дворкин—Троцкистская теория кризисов и империализма (окончание).	55
Т. Молчадский—Против каутскианско - плехановской апологии и «марксизирования» Родбертуса	21
И. Разумовский—Против извращений ленинской оценки Каутского.	99
П. Юдин—Год работы.	115
В. Вандек и В. Тимоско—Критика оценки механистами и меньшевистствующими идеалистами философии Спинозы.	128

РАБОТЫ СЕМИНАРОВ ИКП ФИЛОСОФИИ.

Липендин, Митин и др. — А. А. Таксер (Очерк жизни и деятельности).	160
А. Таксер—Об общественно-экономической формации	165

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. Лебедев и К. Степанов—Рецензия на журнал «РАПП» №№ 1, 2, 3 и «Пролетарская литература» № 4 за 1931 г.	200
--	-----

С ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФРОНТА.

О. Штейн—О массовой работе ОВМД	211
---	-----

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ.

Гр. Баммель—Письмо в редакцию «Под знаменем марксизма»	217
О приеме в ИКП философии	226

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

№ 1—2

1932 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Передовая — Вторая пятилетка и задача укрепления диктатуры пролетариата (П. М. Корнеев — Вторая пятилетка и уничтожение классов (21). И. Кузьмин — Проблема распределения средств потребления во второй пятилетке (42). И. Дворкин — Троцкистская теория кризисов и империализма (55). Т. Молчадский — Против каутскианско-пехановской апологетики и «марксизирования» Родбертуса (72). И. Разумовский — Против извращений ленинской оценки Каутского (99). П. Юдин — Год работы (115). В. Вандек и В. Тимоско — Критика оценки механистами и меньшевистствующими идеалистами философии Спинозы (128). РАБОТА СЕМИНАРОВ ИКП ФИЛОСОФИИ. Ливендан, Митин и др. А. Таксер (Очерк жизни и деятельности) (160). А. Таксер — Проблема общественно-экономической формации (165). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Г. Лебедев и К. Степанов — Рецензия на журнал «РАШ» №№ 1, 2, 3 и «Пролетарская литература» № 4 за 1931 г. (200). С ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФРОНТА. О. Штейн — О массовой работе ОВМД (211). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. Гр. Баммель — Письмо в редакцию «Под знаменем марксизма» (217). О приеме в ИКП философии (226).

Вторая пятилетка и задача укрепления диктатуры пролетариата

Всемирно-историческое значение XVII партконференции состоит в том, что она поставила перед рабочим классом и трудящимися массами Советского союза как практическую, непосредственную задачу социалистического строительства во второй пятилетке величайшую во всей истории человечества задачу, указанную пролетарской теорией, — построение бесклассового социалистического общества. Что решениями XVII конференции открывается новая значительная эпоха всемирной истории, явствует уже из того, что предшествовавшее развитие общественно-экономических формаций Маркс рассматривал лишь как подготовку к построению социалистического общества, лишь как «предисторию» человеческого общества!

Решения партконференции основаны на реальном учете победоносного завершения фундамента социалистической экономики в третьем, решающем году пятилетки и бесповоротного решения вопроса «кто кого» и в городе и в деревне. Эти решения целиком покоятся на самой твердой базе револю-

ционной теории марксизма-ленинизма. Они означают величайшую победу марксистско-ленинской диалектики. Решения XVII конференции дают нам силу ориентировки, ясность перспективы и веру в победу нашего дела. Весь опыт диктатуры пролетариата в СССР, опыт ожесточенной классовой борьбы и успешного разрешения важнейшей, самой трудной и решающей задачи пролетарской революции — перевода мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического производства, опыт успешного завершения фундамента социалистической экономики в первую пятилетку полностью подтверждает правоту и действенность марксистско-ленинской диалектики. Этот богатейший исторический опыт диктатуры пролетариата, опыт социалистического строительства в СССР является неопровержимым доказательством правильности и всемогущества теории и тактики ленинизма, правильности ленинского учения о возможности построения социализма в одной стране.

Исключительная важность директив XVII партконференции — в том, что в основу их положен трезвый учет полной возможности их практической реализации. В этих решениях, могущих показаться утопией буржуазному мышлению, партия лишь подытожила практический опыт всего предшествовавшего периода диктатуры пролетариата, опыт социалистического строительства в СССР, подвела итог нашим успехам и достижениям в проведении первой пятилетки и на основе их определила те реальные возможности, которые могут и должны быть превращены в действительность в следующем пятилетии, указала конкретные пути и средства полной победы социализма.

XVII конференция констатировала, что первой пятилеткой уже создана собственная база социалистической крупной машинной индустрии для завершения реконструкции всего народного хозяйства, что Советский союз уже превратился в страну самого крупного в мире земледелия, что уже завершено построение фундамента социалистической экономики и полностью и бесповоротно и в городе и в деревне решен ленинский вопрос «кто кого», что уже ликвидированы в основном паразитические классы и что уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источники эксплуатации человека человеком, растут материальное благосостояние, культура и сознательность широчайших масс рабочего класса и колхозников.

Конференция исходила из тех возможностей в «развертывании производительных сил социалистического хозяйства во втором пятилетии», в создании «новой технической базы для всех отраслей народного хозяйства», которые полностью обеспечены «огромными природными богатствами страны, большевистскими темпами социалистического строительства, растущей активностью широких масс рабочих и колхозников и правильной линией партии». И только в результате строгого учета достигнутой нами ступени социалистического развития, учета материальных предпосылок, учета классовых сил, на основе успешного выполнения политики развернутого наступления социализма по

всему фронту конференция определила основную политическую задачу второй пятилетки. «Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Материальной технико-экономической базой для осуществления этой всемирно-исторической политической задачи является, как указывается в решениях конференции, «развернутая техническая реконструкция всего народного хозяйства — промышленности, транспорта, сельского хозяйства».

Первая пятилетка явилась лишь началом осуществления технической реконструкции народного хозяйства. Выполнение главной политической задачи второй пятилетки возможно лишь в неразрывной связи и на основе дальнейших экономических и технических достижений, на основе борьбы за новые, еще более высокие подлинно-большевистские темпы социалистического строительства, обязательной предпосылкой которых является гигантское развертывание технической реконструкции всего народного хозяйства, подведение новейшей машинной техники под все отрасли хозяйственного строительства. «Поэтому XVII конференция ВКП(б) считает, что основной и решающей хозяйственной задачей второй пятилетки является завершение реконструкции народного хозяйства, создание новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства» (резолюция XVII партконференции).

В определении этих основных задач второй пятилетки решения XVII конференции представляют собой образец гениального применения и дальнейшего развития марксистско-ленинской диалектики, развития марксистско-ленинского учения о политике как концентрированном выражении экономики в условиях борьбы за полное уничтожение классов, в условиях развернутого строительства бесклассового социалистического общества. Поэтому решения конференции являются не только боевой программой, мобилизующей революционную энергию и волю миллионных масс активных строителей социализма, они являются вместе с тем величайшим теоретическим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Неразрывное единство теории и практики социалистического строительства, ведущая и направляющая роль политики пролетарской диктатуры в развитии социалистической экономики, выявление грандиозных перспектив будущего и самый трезвый анализ конкретных условий борьбы — вот что характеризует всю линию нашей партии в вопросе о построении бесклассового общества. Партия разрешала и разрешает эти задачи в борьбе

с буржуазной теорией троцкизма, отрывающего политику от экономики, отрицающего возможность построения социализма в одной стране и уничтожения классов, превратившегося в передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Партия разрешала и разрешает задачи строительства социалистического общества в борьбе с правым оппортунизмом, отрицающим преобразующую, революционную роль пролетарской диктатуры, проповедующим затухание классовой борьбы, вращение кулацко-капиталистических элементов в социализм и более «плавные» темпы развития во второй пятилетке, — с правым оппортунизмом, являющимся главной опасностью на данном этапе, в борьбе с «левым» оппортунизмом, перепрыгивающим через исторические этапы нашего развития и объективные возможности строительства социализма.

Уничтожение классов через ожесточенную классовую борьбу — борьбу с продолжающим оказывать сопротивление ликвидируемым классом кулачества и гибнущими капиталистическими элементами, через борьбу за преодоление буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков в среде трудящихся, колхозников и самого рабочего класса, борьбу за новую трудовую социалистическую дисциплину и за социалистическое перевоспитание трудящихся — таков единственно верный путь к уничтожению классов и к построению полного социалистического общества, намеченный и проводимый партией. Изменяются лишь формы классовой борьбы, но классовая борьба сохраняется в течение всего второго пятилетия. Как отмечает резолюция конференции, классовая борьба в отдельных случаях еще неизбежно будет обостряться; чуждые пролетариату классовые влияния будут проникать в пролетариат и даже в его партию еще «в течение длительного периода». Конференция указывает, что и «в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки».

«Ввиду этого, — подчеркивает резолюция XVII партконференции, — перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с оппортунизмом и особенно с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе».

Последнее решение XVII партконференции имеет огромное принципиальное значение. Оно имеет целью подчеркнуть ту исключительно важную роль, которую должна выполнить система пролетарской диктатуры во всех ее составных звеньях, во всех массовых организациях трудящихся, служащих ей опорой, как орудие борьбы за уничтожение классов и построение социалистического общества. Советы, профсоюзы, комсомол, органы кооперации, — все эти «рычаги» и «приводные ремни» системы пролетарской диктатуры, руководимые ее основной и единственной направляющей силой, партией, — должны возглавить, организовать и довести до конца классовую борьбу пролетариата за выполнение второй пятилетки, за техническую реконструкцию народного хозяйства, за победу социализма. Колхозные и трудящиеся массы должны найти в лице всех организаций пролетариата, «в лице партийных, комсомольских, профессиональных и советских организаций большевистских

организаторов и руководителей победоносной борьбы за осуществление второй пятилетки». Дальнейшее укрепление органов советского государства, профсоюзов, кооперации, дальнейшая борьба за единство, дисциплину и боеспособность партии — важнейшая предпосылка дальнейших успехов социализма.

Весьма важное значение приобретает поэтому теоретическое освещение задач и путей развития всех органов диктатуры после завершения уничтожения классов и построения социалистического общества.

Остановимся прежде всего на советском государстве, ибо «Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата» (Сталин).

Конкретная задача, поставленная XVII конференцией, всемерного укрепления диктатуры пролетариата в целях создания предпосылок для отмирания государства имеет огромное политическое значение, она приобретает исключительную практическую важность в ближайшем пятилетии. В этом вопросе в решениях конференции дана ясная принципиальная установка, позволяющая вести успешную борьбу с всевозможными извращениями марксизма-ленинизма, которые характерны и для контрреволюционного троцкизма, и для правого и «левого» оппортунизма. И правые и «левые» оппортунисты много говорят об «отмирании» государства, совсем «забывая» об его укреплении. За внешней марксистской фразеологией у них скрывается полное непонимание и извращение задач пролетарской диктатуры, путей и этапов ее развития.

Общеизвестны полуанархистские ошибки т. Бухарина в вопросе о государстве, его теория «взрыва» государства, его недооценка роли и задач диктатуры пролетариата в области создания социалистического учета и контроля, в деле воспитания новой социалистической дисциплины в переходный период. Ленин дал в свое время резкую характеристику этих взглядов, которые получили дальнейшее развитие в теории равновесия тов. Бухарина. Государство рассматривается Бухариным не как особое орудие классового насилия, а лишь как «обруч», скрепляющий классы, как внешняя «оболочка» классового общества, дополнительное условие равновесия между классами. Эта механистическая теория государства, которая является открытой ревизией марксистско-ленинской теории классовой борьбы, которая затушевывает активную роль пролетарского государства в развитии социалистической экономики и его роль как орудия классовой борьбы и классового подавления пролетариатом бывших эксплуататоров, легла в основу методологии правого оппортунизма, в основу целой системы правооппортунистических взглядов на государство.

«Диктатура пролетариата, — писал т. Бухарин, — служит оболочкой для известного «сотрудничества классов», которое выражает единство общественного целого»... «Генеральная линия пролетариата при его диктатуре — это линия на укрепление общественного целого, линия против раскола общества, линия за упрочение государства (до той фазы, когда начнется «отмирание» его)». «При пролетарской диктатуре рабочий класс — за эволюционное движение к коммунизму, ибо

государство пролетариата не разрушается, а «отмирает»¹⁾). Мы видим, что Бухарин говорит здесь даже об «упрочении государства» на известном этапе. Но все дело в том, что само государство он понимает при этом как «оболочку» для известного сотрудничества классов, что у т. Бухарина речь идет не об укреплении органов пролетарской диктатуры как орудия классовой борьбы пролетариата, как орудия для уничтожения классов, а об «укреплении общественного целого»...

Самое «упрочение государства» т. Бухарин понимает как мирный эволюционный процесс; равным образом как результат мирной эволюции выступает у него и «отмирание государства». Вот как излагает Бухарин свою теорию эволюционного «вращения в социализм»: «Речь идет об эволюционной борьбе хозяйственных форм, речь идет об определении процесса сперва восходящей государственной кривой, а потом нисходящей, опять эволюционным путем. Мы должны сперва укрепить, сделать сильной организацию господствующего пролетариата, должны сплотить пролетарскую диктатуру, а затем таким же эволюционным путем эта государственная организация начнет отмирать... После завоевательного периода, после начала пролетарской диктатуры, это вращение в социализм только и начинается»²⁾).

Легко заметить, что, во-первых, говоря об «укреплении организации господствующего пролетариата», Бухарин имеет в виду сплочение мирным «эволюционным путем» классов, главным образом вначале, в «завоевательный период»; во-вторых, после завоевательного периода, согласно Бухарину, начинается «вращение в социализм», в процессе которого государство «начинает отмирать», начинается процесс «нисходящей государственной кривой»... В другом месте, критикуя Преображенского, тов. Бухарин указывал, что в переходный период государственная организация «уже не является надстройкой», что «она вырастает из базиса в начале своего возникновения и она погружается в базис и растворяется в нем в конце своего жизненного пути, когда государство «отмирает»...³⁾).

Таким образом, бухаринское толкование «упрочения» и «отмирания» пролетарского государства по существу отрицает марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата и уничтожении классов. После «завоевательного периода», согласно теории Бухарина, начинается отмирание классовой борьбы, а вместе с ней и отмирание государства; последний процесс мыслится Бухариным как эволюционное погружение пролетарского государства в экономику и растворение в ней. Говоря об укреплении диктатуры, тов. Бухарин имел в виду ту же линию на понижение, на потухание государственной кривой, на затухание классовой борьбы. Теория т. Бухарина означает отрицание единства всех сторон и задач диктатуры пролетариата и в

¹⁾ Н. Бухарин, К вопросу о троцкизме. 1925 г., стр. 146.

²⁾ Н. Бухарин, Атака, стр. 275.

³⁾ Н. Бухарин, К вопросу о закономерностях переходного периода. «Правда», 1 июля 1924 г.

частности отрицание значения пролетарской диктатуры как особого орудия классового подавления эксплуататоров, как орудия уничтожения классов. Подавление эксплуататоров, по теории Бухарина, ограничивается главным образом моментом завоевания власти. По мнению т. Бухарина, «творцы научного коммунизма и их великий русский продолжатель» не могли «заглянуть за историческую завесу дальше этого момента» и потому они якобы видели в диктатуре пролетариата исключительно инструмент для подавления классового противника!!! Тов. Бухарин же, видимо заглянувший «за историческую завесу дальше» Маркса и Ленина, истолковал диктатуру пролетариата как организацию для примирения, «склеивания» классов, для мирного, эволюционного слияния их, а не как орудие уничтожения классов в процессе классовой борьбы. Эта ревизионистская теория Бухарина о пролетарской революции и государстве переходного периода целиком лежит в основе правооппортунистической идеологии. Правые оппортунисты растворяют политику пролетарского государства в экономике, отрицают революционную активную роль диктатуры пролетариата как орудия уничтожения классов и построения социализма.

Известно, что и контрреволюционный троцкизм отрывает политику от экономики и противопоставляет диктатуру пролетариата социалистическому строительству. Этот отрыв экономики от политики, характерный для всех идеологов буржуазии и социал-фашизма, имеет своей основой идеалистическую теорию государства, которую Троцкий развивал в целом ряде своих работ. По мнению Троцкого, страна может созреть до диктатуры пролетариата, отнюдь «не созрев не только для самостоятельного построения социализма, но для широких мер социализации»¹⁾. Органы диктатуры пролетариата, согласно Троцкому, — сугубо бюрократические, «администрирующие» органы, опирающиеся на эксплуатацию трудящихся масс крестьянства. Так как строительство социализма, по Троцкому, невозможно без «государственной помощи» пролетариата других стран, без «мировой революции», то, по Троцкому, неизбежна реставрация капитализма. Троцкизм является непримиримым врагом марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, злейшим врагом ленинского учения о гегемонии пролетариата в революции, ленинской политики союза пролетариата с трудящимся крестьянством и политики руководства со стороны пролетариата социалистической переделкой среднего крестьянства. Современный троцкизм, как разновидность социал-фашизма, как передовой отряд буржуазной контрреволюции, является активным врагом диктатуры пролетариата, активным врагом страны строящегося социализма— СССР.

Толкование диктатуры пролетариата как диктатура партии, проводимое тов. Зиновьевым, обозначало в сущности дальнейшее развитие того же троцкистского субъективистского представления о государстве. Современные «левые» оппортунисты, проповедующие сейчас «отмирание государства» в районах сплошной коллективизации, занимающиеся болтовней об отмирании государства во второй пятилетке, исходят из того же идеалистического по-

¹⁾ Л. Тр о ц к и й, Перманентная революция, стр. 143.

нимания путей и этапов развития пролетарского государства, из антипартийного, «административного», обывательского, буржуазного представления как о советах, так и о колхозах. «Левый» оппортунизм совершенно не учитывает новых задач сельсоветов в новых условиях и их особой роли по отношению к колхозному движению: для «левых» загибщиков один «бюрократический» орган (совет) сменяется другим «бюрократическим» органом (колхозом)!.. За «левацкой» фразой об отмирании государства скрывается то же глубоко оппортунистическое буржуазное нутро. Недаром «левые» горе-теоретики немедленно удостоились похвалы меньшевиков из «Социалистического вестника»: «отмирание советов» этим последним пришлось очень по вкусу!

Между тем у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина мы находим совершенно четкие установки по вопросу об этапах развития пролетарского государства в переходный период и об его отмирании. Энгельс указывал прежде всего, что пролетарское государство, заменившее сломанную пролетариатом буржуазную государственную машину, есть «преходящее учреждение», нужное пролетариату для «насильственного подавления своих противников». Он указывает, с другой стороны, что переходного типа государство уже не «государство в собственном смысле слова», т. е. не государство класса буржуазии и ее чиновников, а государство вооруженных рабочих, и наконец что «с введением социалистического общественного строя государство само собой распускается (т. е. отмирает. — Ред.) и исчезает»...¹⁾

Маркс в своей «Критике Готской программы» проводит различие между «революционной диктатурой пролетариата» в политический переходный период и «будущей государственностью коммунистического общества»; эту последнюю Маркс понимает как отмирающую государственность, ставя вопрос: «какие общественные функции остаются тогда, аналогичные теперешним государственным функциям?» Ответ на этот вопрос Маркс, как известно, дает, проводя свое знаменитое различие между высшей и низшей фазами коммунистического общества.

В «Анти-Дюринге» Энгельс совершенно отчетливо говорит, что государство будет излишним, лишь когда оно становится «действительным представителем всего общества», после того, как уничтожатся классовые различия и классовые противоположности и сам пролетариат уничтожит себя как пролетариат. «С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо было бы держать в подавлении, с того времени, как исчезают вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают отсюда, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве»... «Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. Место правительства над лицами уступает распоряжению вещами и руководству процессом производства. Государство не «отменяется», оно отмирает».

¹⁾ Письмо Энгельса к Бебелю от 18 марта 1875 г.

Маркс и Энгельс таким образом проводят четкое различие между периодом диктатуры пролетариата, когда государство является орудием подавления эксплуататоров, врагов пролетариата, орудием его классового господства, «политическим государством» (Энгельс), и следующим этапом развития социализма, когда классы уже уничтожены и государственные функции превращаются в «простые административные функции», когда государство засыхает, отмирает. Процесс отмирания политического государства мыслится ими только после уничтожения классов, он протекает уже в коммунистическом обществе, при чем и Маркс и Энгельс подчеркивают постепенный характер этого процесса. В то же время Маркс и Энгельс подчеркивают, что пролетарское государство является уже не «государством в собственном смысле слова», что мы имеем здесь «поистине демократическую» власть, укрепление которой связано с уничтожением бюрократизма, с упрощением системы управления, сменяемостью чиновников и т. д.

Развивая и конкретизируя эти положения Маркса и Энгельса, Ленин разрабатывает дальше марксистскую теорию пролетарского государства в переходный период от капитализма к коммунизму и проблему создания условий его отмирания: он подымает марксистскую теорию государства на новую, более высокую ступень. Отмечая, что диктатура одного класса является необходимой «для целого исторического периода, отделяющего коммунизм от общества без классов», Ленин подчеркивает единство всех трех сторон диктатуры пролетариата как органа подавления буржуазии, руководства непролетарскими трудящимися массами и орудия строительства социализма.

Ленин внимательно прослеживает пути развития пролетарской демократии и вновь открытой им политической формы диктатуры пролетариата — советов. Пролетарское государство, по словам Ленина, уже «не есть собственно государство», поскольку оно не есть организация меньшинства для подавления большинства: «Раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особая сила» для подавления уже не нужна. В этом смысле государство начинает отмирать». Но далее Ленин указывает, что «особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» еще необходимо, но это уже переходное государство, надобность в особой машине для подавления начинает исчезать», потому что трудящееся большинство может подавлять эксплуататоров «и при очень простой машине, почти что без машины». Ленин указывает, что «об уничтожении чиновничества сразу, повсюду до конца не может быть и речи. Это утопия. Но разбить сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество, — это не утопия». Упрощение функций государственной власти, сведение их к учету и надзору — вот, по мысли Ленина, начало, которое постепенно приведет к «созданию такого порядка, когда все упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и наконец отпадут, как особые функции особых лиц».

Таким образом вопрос об отмирании пролетарского государства Ленин рассматривает не только со стороны структуры переходного государ-

ства, которая «позволяет начать сводить на-нет» чиновничество, в которой заложены возможности будущего отмирания государства, но и со стороны тех реальных условий развития пролетарского государства, подготовка которых только и может превратить эту возможность в действительность. Ленин проводит четкое различие между возможностью отмирания государства, заложенной в самой советской форме государства, и действительным процессом и конкретными условиями этого отмирания. Такими условиями, по мысли Ленина, являются: а) создание экономической основы для отмирания государства через его укрепление, б) упрощение государственных функций и самого госаппарата, в) поголовное вовлечение трудящихся в дело государственного управления и наконец г) превращение работы по государственному управлению в привычку. Но создание этих условий для подготовки будущего отмирания государства, отмирания пролетарской демократии при социализме, есть вместе с тем развитие и укрепление пролетарской демократии. Здесь, по словам Ленина, — та «грань, где последовательная демократия, с одной стороны, превращается в социализм, а, с другой стороны, где она требует социализма» ¹⁾. Эта подготовка условий для будущего отмирания государства не может, по мысли Ленина, протекать в порядке какого-то самотека. «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой» — эту важнейшую задачу выдвигает Ленин, имея в виду, что последовательный демократизм будет «оказывать свое влияние на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития».

В своих подготовительных заметках к «Государству и революции» Ленин намечает следующие исторические ступени в развитии демократии, раскрывая классовое содержание каждой конкретной формы ее. Буржуазная демократия есть «демократия лишь в виде исключения»; пролетарская демократия — «демократия почти полная», но дающая изъятия из свободы, ограниченная подавлением сопротивления буржуазии; наконец в коммунистическом обществе — «демократия действительно полная, входящая в привычку и потому отмирающая... Полная демократия равняется никакой демократии. Это не парадокс, а истина!» ²⁾. И здесь мы имеем ту же отчетливую перспективу: классы должны быть уничтожены, демократия лишь после уничтожения классов должна стать «действительно полной», т. е. основанной на поголовном вовлечении масс в управление; демократия должна войти в привычку — и тогда только и потому она начинает отмирать...

Только после полного уничтожения классов и всех остатков классовых различий, «только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет отмирать в силу того простого обстоятельства, что... люди постепенно привыкнут к соблюдению эле-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 324, 330, 335, 336, 360, 361, 369.

²⁾ Ленинский сборник XIV, стр. 367.

ментарных, всем известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством». Следует отметить, что Ленин подчеркивает постепенность процесса отмирания государства после полного уничтожения классов, поскольку и в социалистическом обществе остаются еще «родимые пятна» классового общества в виде эксцессов и нарушений правил общежития: «Коренная социальная причина эксцессов, — говорит Ленин, — состоящая в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут отмирать. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство»¹).

Процесс отмирания государства в различных его функциях начинается в период низшей фазы коммунизма. Полное отмирание государства возможно лишь при полном коммунизме. Без марксистско-ленинского учения об известных экономических различиях между двумя фазами коммунизма невозможно также правильно понять и диалектический процесс отмирания пролетарского государства через его всемерное развитие и укрепление на низшей стадии коммунизма. Этому важнейшему положению Ленин дает экономическое обоснование в своих комментариях на марксову «Критику Готской программы». Он показывает, как государство и право отмирают при социализме «лишь меру уже достигнутого экономического переворота». Вместе с уничтожением классов и самого пролетариата как особого класса пролетарское государство постепенно перестает быть политическим государством, аппаратом подавления буржуазии, оно отмирает в этих своих функциях пролетарской диктатуры: «государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя». Но экономической основой социалистического общества является еще распределение продуктов по труду, и оно еще не преодолевает узкого горизонта, как выражаются Маркс и Ленин, «буржуазного права». «Буржуазное право» остается «в качестве регулятора» (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. Сохранение этих правовых норм в распределении труда и продуктов, контроль над мерой труда и мерой потребления необходимо предполагает сохранение и государства, «ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права». Государство сохраняется в этих его административных функциях, «охраняющих общие социальные интересы» (Энгельс). «Государство, — говорит Ленин, — еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм».

Для полного отмирания государства необходимо полное исчезновение остатков фактического общественного неравенства, которое сохраняется еще

¹ Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 361 и 371.

при социализме и которое в частности, как на это указывает Ленин, выражается в противоположность умственного и физического труда. Для этого нужно превращение демократии в привычку, превращение труда в «первую жизненную потребность» (Маркс), нужно такое гигантское развитие производительных сил, чтобы общество осуществило правило «каждый по способностям, каждому по потребностям». Ленин подчеркивает всю постепенность и этого процесса отмирания «неполитического» государства: «как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность» — этого мы не знаем и знать не можем. Поэтому, — замечает Ленин, — мы вправе говорить лишь о неизбежности отмирания государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или конкретных формах этого отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет»¹⁾.

Ленинская диалектическая постановка вопроса о переходном государстве и путях его развития и отмирания таким образом в корне противоположна изложенным выше правооппортунистическим и «левацким» теориям. Пролетарское государство перестает быть государством «в собственном смысле слова»: в самой советской системе его заложены предпосылки его возможного отмирания в будущем. Но само отмирание государства — длительный процесс, начинающийся лишь после полного уничтожения классов. Пока же речь может идти лишь о развитии и укреплении диктатуры пролетариата и пролетарской демократии, усиления ее роли и значения как орудия социалистической переделки общества, орудия полного уничтожения классов, о таком ее развитии и укреплении, которое обеспечивало бы осуществление всех задач пролетарской диктатуры и вместе с тем подготавливало экономические и политические условия для будущего отмирания государства: т. е. уничтожение классов, завершение технической реконструкции всех отраслей социалистического хозяйства, улучшение и упрощение советского госаппарата, проведение борьбы с бюрократизмом, поголовное вовлечение трудящихся в управление государством и т. д.

Эту ленинскую установку всецело выразил и развил далее тов. Сталин. Характеризуя советскую власть как наиболее массовую и наиболее демократическую государственную организацию, как государство, которое по своей структуре облегчает дело руководства угнетенными массами со стороны пролетариата, как школу государственного управления, вовлекающую в дело управления всех трудящихся, тов. Сталин замечает: «Только советская форма государства, привлекающая массовые организации трудящихся и эксплуатируемых к постоянному и безусловному участию в государственном управлении, способна подготовить то отмирание государственности, ко-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 876

тое является одним из основных элементов будущего безгосударственного коммунистического общества. Республика Советов является таким образом той искомой и найденной наконец политической формой, в рамках которой должно быть совершенно освобождение пролетариата, полная победа социализма»¹⁾.

Советская власть — самая мощная государственная власть, ибо она опирается на многомиллионные массовые организации трудящихся. Тов. Сталин подчеркивает, что переход к отмиранию государства требует огромной предварительной работы над дальнейшим укреплением и улучшением советского государственного аппарата, работы по укреплению всех звеньев системы пролетарской диктатуры: «Социализм, — говорит т. Сталин, — есть переход от общества диктатуры пролетариата к обществу безгосударственному. Но для того, чтобы этот переход осуществить, необходимо подготовить переделку государственного аппарата в таком направлении и таким путем, при помощи которых может быть на деле обеспечено превращение общества с диктатурой в общество безгосударственное, в общество коммунистическое. Для этой цели и служит лозунг оживления советов, лозунг насаждения советской демократии в городе и деревне, лозунг приобщения лучших элементов рабочего класса и крестьянства к непосредственному управлению страной»... «Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова, — продолжает дальше тов. Сталин, — состоит из Советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных объединений, соединяющих Советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением»²⁾.

Тов. Сталин развивает далее ленинское учение о трех сторонах и о самой системе пролетарской диктатуры, устанавливая весь сложный характер этого орудия социалистической революции, определяя правильные взаимоотношения рабочего класса и его партии, подчеркивая все значение пролетарского государства как орудия классовой борьбы, активную роль пролетарской диктатуры в деле планового строительства социализма. Укрепление диктатуры пролетариата и ее прямого выражения, советского государства, должно идти по линии высшего развития пролетарской демократии, по линии укрепления всех «рычагов» и «приводных ремней» пролетарской диктатуры, по линии дальнейшего укрепления единства партии, ее боеспособности, ее дисциплины, — как направляющей и руководящей силы диктатуры пролетариата.

Эта единственно правильная, ленинская установка в вопросе о пролетарском государстве получила свое выражение в докладе тов. Сталина на XVI партс'езде: «Мы — за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, 1931 г., стр. 56.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 209 и 211.

властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненно и оно целиком отражает марксову диалектику»¹⁾.

Всякие разговоры об отмирании пролетарского государства, не учитывающие этой диалектики исторических процессов, льют воду на мельницу классового врага. Поэтому нужно вести самую решительную борьбу с «теорией» о том, что пролетарское государство у нас якобы отмирает уже с самого начала своего возникновения,—теорией, по существу смыкающейся с право-оппортунистическими взглядами о «понижении государственной кривой», которая ничего общего с марксизмом не имеет и является отражением чаяний врагов диктатуры пролетариата. Нужно вести решительную борьбу и с «левацкой» теорией отмирания советов в районах сплошной коллективизации, «левацкой» болтовней об отмене и отмирании пролетарского государства в течение второй пятилетки. Этот «левацкий» оппортунизм в вопросе о диктатуре пролетариата целиком направлен на ослабление мощи диктатуры пролетариата и льет воду на мельницу правых оппортунистов, этой агентуры кулачества в рядах нашей партии. Обе эти оппортунистические «теории» препятствуют проведению важнейшей задачи всего предстоящего периода — задачи укрепления пролетарской диктатуры.

Диктатура пролетариата есть величайший рычаг экономической и технической реконструкции. Диктатура пролетариата — важнейшее орудие классовой борьбы пролетариата. Задача укрепления пролетарской диктатуры неразрывно связана с основной политической задачей второй пятилетки — задачей уничтожения классов, с основной ее хозяйственной задачей — завершения технической реконструкции всего народного хозяйства. Задача укрепления диктатуры пролетариата предполагает дальнейшее укрепление всех органов советского государства, всех массовых организаций трудящихся, выявление новых стоящих перед ними задач, видоизменение форм и методов их работы в новых условиях.

Дальнейшее укрепление советского госаппарата требует продолжения самой упорной борьбы с бюрократизмом, борьбы за дальнейшее развитие советской демократии. «Ленин говорил, что без аппарата мы давно бы погибли, а без систематической упорной борьбы за улучшение аппарата мы наверняка погибнем. Это значит, что решительная и систематическая борьба с косностью, бюрократизмом, волокитой в наших аппаратах является одной из существенных задач партии, рабочего класса и всех трудящихся нашей страны» (Сталин). Бюрократические извращения в советском госаппарате, как неоднократно указывал Ленин, объясняются в основном недостаточной культурностью трудящихся масс, различием в их культурном уровне, невозможностью вовлечь все трудящееся население в работу по управлению государством, необходимостью использовать старые кадры, вносящие в наш аппарат пережитки старого бюрократического аппарата, и наконец подпа-

¹⁾ Сталин, Политотчет XVI парт'езду

дением под буржуазное влияние тех или иных звеньев нашего аппарата в обстановке классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Это понимание Лениным социальных корней бюрократизма указывало путь решительной борьбы с бюрократизмом. Оно было в корне противоположно фаталистической установке Троцкого, считавшего, что бюрократизм в нашей советской системе неизбежен, поскольку он опирается якобы на коренное противоречие интересов между пролетариатом и крестьянством. В то же время ленинское понимание бюрократизма в корне чуждо и тому голому «внеклассовому» культурничеству, которым пытались заменить борьбу с бюрократизмом правые оппортунисты. Чистка советских, профсоюзных, кооперативных и т. д. организаций от негодных и классово чуждых элементов, выдвижение рабочих в госаппарат, массовый рабочий контроль в форме шефства над советскими учреждениями, совместительство рабочих в госаппарате, — все эти формы борьбы с бюрократизмом, которые партия успешно применяла в последние годы, должны получить дальнейшее развитие в новых условиях.

Следует отметить, что со вступлением Советской страны в период социализма условия борьбы с бюрократизмом значительно облегчаются. Мощная сила социалистического соревнования, ударничества, встречного плана ломает наиболее уродливые формы извращений, встречающихся еще в советском аппарате, является действительным средством в борьбе с оппортунизмом, косностью, неповоротливостью, головоугодничеством, разгильдяйством и другими формами мелкобуржуазной распушенности отдельных работников и отдельных учреждений в отдельных звеньях государственного аппарата. Обобществление в колхозах прежде распыленного мелкого крестьянского производства и огромный культурный подъем рабочего класса способствуют самому широкому вовлечению масс в дело государственного управления. Особенно усиливается хозяйственно-политическая роль, вырастает хозяйственно-политическое значение сельсоветов и райкомов. Сельсоветы должны возглавить борьбу с кулачеством, завершить ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, возглавить борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за механизацию сельскохозяйственного производства, за повышение урожайности, за подлинный подъем животноводства. Новые задачи встают сейчас и перед горсоветами: коммунальное и жилищное дело, дорожное строительство, организация снабжения и т. д. Все эти новые условия советской работы привели к перестройке советской работы, к созданию городских исполкомов.

Исключительно важное значение приобретает сейчас, в условиях непрекращающейся подготовки интервенции, в условиях, когда проблема «кто кого» переносится на мировую арену, задача укрепления боеспособности Красной армии, забота о ее техническом вооружении, ее политической воспитательной закалке, создание вокруг нее внимания советской общественности. Важной задачей является также дальнейшее укрепление советских судебно-карательных и репрессивных органов. Вопрос об этих органах советского государства должен рассматриваться в неразрывной связи с обеспечением победы социализма в одной стране. Совершенно

очевидно, что полное отмирание политического характера советского государства немислимо в условиях капиталистического окружения. Совершенно очевидно, что органы репрессии, а особенно органы обороны Советского союза, могут отмереть лишь в условиях победы мировой революции, окончательной гарантии от интервенции. Очевидно также, что принудительные функции судебных и репрессивных органов могут начать отмирать лишь после того, как уже выработается известная привычка к соблюдению правил общежития, после того, как труд из принудительной обязанности превратится в первую жизненную потребность.

Эта диалектика в развитии этапов отмирания государства была совершенно не понята в свое время тов. Бухариным, который писал в «Экономике переходного периода», что после победы пролетариата «кривая роста пролетарской государственности круто начнет падать вниз, ибо главная и основная задача — подавление буржуазии — будет закончена (?!!). Внешние принудительные нормировки, — писал Бухарин, — начнут отмирать: сперва отомрет армия и флот, потом — система карательных и репрессивных органов, далее — принудительный характер труда». Ленин по этому поводу заметил: «не наоборот ли: сначала «далее», затем «потом», и, наконец, «сперва»¹⁾.

Эта ошибка Бухарина вытекает целиком из его антиматериалистической, антимарксистской теории классов и государства, из механистического и вместе с тем идеалистического отрыва политики от экономики. Бухарин совершенно игнорирует марксистско-ленинское учение о создании экономических условий для отмирания пролетарского государства, создания при активном воздействии пролетарского государства соответствующей экономической базы как предпосылки для отмирания этого государства. Именно в этом вопросе Ленин критиковал «левых коммунистов» и их лидера Бухарина в своей речи и докладе «Об очередных задачах советской власти», разоблачая Бухарина как мелкобуржуазного теоретика в вопросе о государстве, в вопросе об экономических (организационных) задачах диктатуры пролетариата, в вопросе борьбы за социалистическую дисциплину труда против мелкобуржуазной стихии и распушенности.

У Бухарина здесь ярко сказалось непонимание революционной роли пролетарского государства как политической надстройки и обратного активного воздействия ее на развитие социалистической экономики. Бухарин, следуя по стопам «экономистов» — идеологов хвостизма, целиком стоит на точке зрения самотека. Между тем, для всякого ясно, что без внедрения новой, социалистической дисциплины, без жесточайшей борьбы за учет и контроль за мерой труда и потребления невозможно вообще никакое поднятие производительности труда. А «высшая стадия развития коммунизма» (каждому по потребностям, каждый по способностям) «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного зря, вро-

¹⁾ Ленинский сборник XI, стр. 400.

де как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного» (Ленин, «Государство и революция»). Следовательно, чтобы достигнуть той ступени производительности труда, которая будет характеризовать высшую фазу коммунизма, необходимо сначала предварительно пройти фазу социалистического развития, фазу борьбы за коммунистическую дисциплину труда и развития новых, социалистических форм труда, пережить целый период борьбы за перевоспитание всех трудящихся в социалистических работников при неперенном условии активного руководства со стороны нашей партии процессом этого перевоспитания, при неперенном условии активного воздействия всех организаций системы диктатуры пролетариата.

Для всякого диалектика-материалиста совершенно ясно, что остатки принуждения («система карательных органов») могут отпасть, постепенно отмереть лишь тогда, когда будут созданы для этого социально-экономические предпосылки, и что только с созданием необходимых политических и экономических предпосылок отомрут всякие остатки принуждения.

По Бухарину же, наоборот, отмирание элементов принуждения должно наступить прежде, чем созрели материально-экономические основы для этого отмирания. Ясно, что Бухарин, будучи тогда лидером «левых» коммунистов, заботился не столько о выполнении трудной задачи создания этих условий и предпосылок, сколько боролся фактически против вмешательства пролетарского государства в дело учета и контроля над мерой труда и потребления, не понимая всей важности борьбы за социалистическую дисциплину труда против мелкобуржуазной стихии. Бухаринская схема этапов отмирания государства имеет свои корни в тех же мелкобуржуазных анархических настроениях, в той мелкобуржуазной стихии, которая является основным врагом социалистической дисциплины, на которую указывал т. Ленин в борьбе с «левыми» коммунистами в докладе «Об очередных задачах советской власти».

Уже в первую пятилетку наша партия добилась решающих успехов в деле развития новых, социалистических форм труда, развития методов социалистического соревнования и ударничества. Она добилась их в жесточайшей борьбе с правыми и левыми оппортунистами. Важнейшим историческим этапом в деле дальнейшего развития социалистической организации труда являются шесть указаний т. Сталина. «В 1931 г. началась перестройка организации труда и работы промышленности в целом на основе положений, выдвинутых т. Сталиным, осуществление которых является условием дальнейших успехов промышленности в новой обстановке: перестройка системы заработной платы; борьба с уравниловкой и обезличкой; борьба с текучестью рабочей силы в промышленности и за дальнейшее улучшение жилищно-бытовых условий рабочих; внедрение и укрепление хозрасчета; разукрупнение объединений с целью приближения их к предприятиям и усиления конкретного руководства; дальнейшее развертывание работы по подготовке пролетарской производственно-технической интеллигенции и изменение отношения к инженерно-техническим силам старой школы в сторону большего внимания к ним и заботы о них, в сторону большего привлечения их к работе и поощре-

ния их инициативы» (из резолюции XVII партконференции). Мобилизация воли и энергии миллионов строителей социализма для осуществления шестилетнего плана т. Сталина является также боевым лозунгом для второй пятилетки. Эта задача может быть успешно выполнена лишь при условии жестокой борьбы с оппортунистическими элементами и в особенности с правым оппортунизмом, который является главной опасностью на данном этапе.

Создание новой, социалистической дисциплины труда, по словам Ленина, — особая форма классовой борьбы: значение ее неизмеримо возрастает в условиях второй пятилетки. Но создание социалистической дисциплины, проведение хозрасчета, уничтожение обезлички и создание ответственности каждого и т. д. требуют наряду с методами убеждения применения и методов принуждения, требуют в частности укрепления суда как органа пролетарского государства. Ленин называл пролетарский суд «орудием воспитания и к дисциплине»¹⁾. Ленин видел в пролетарском суде вместе с тем одним из методов вовлечения трудящихся в систему государственного управления.

Укрепление диктатуры пролетариата непосредственно относится и к всем массовым организациям, образующим систему диктатуры: к профсоюзам, производственное значение которых должно неизмеримо вырасти во вторую пятилетку вместе с разворачиванием социалистических форм труда, созданием встречных планов и т. д.; к кооперации, роль которой в деле материального под'ема рабочего класса, в деле социалистической переделки деревни будет исключительно огромна; к комсомолу, представляющему новые, молодые рабочие и технические кадры.

Но особо важное значение приобретает в условиях второй пятилетки дальнейшее укрепление партии пролетариата, укрепление ее железной дисциплины, единства ее воли, ее боеспособности, разворачивание дальнейшей борьбы с оппортунизмом, в особенности с правым уклоном.

«Партия есть высшая форма классового объединения пролетариата» (Ленин), его «передовой отряд», его «организованный отряд» (Сталин). Партия объединяет работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направляет их к единой цели. Партия — «орудие в руках пролетариата для укрепления и расширения диктатуры» (Сталин). «Партия, — говорит т. Сталин, — есть средство диктатуры пролетариата. Но из этого следует, — продолжает т. Сталин, — что с исчезновением классов, с отмиранием диктатуры пролетариата должна отмереть и партия»²⁾.

Нужно правильное понимание этой последней мысли т. Сталина, в противном случае мы столкнемся со столь же оппортунистической теорией «отмирания» партии, как и в вопросе о советском государстве. Партия есть политическая организация, организация классовая, партия — основная руководящая сила системы пролетарской диктатуры. Это значит, что в будущем безгосударственном коммунистическом обществе, после того, как будут уничтожены классы и отомрет диктатура пролетариата, должна отмереть и партия.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 216.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 96.

Не нужно забывать, что партия есть наиболее передовая и сознательная часть рабочего класса, высшая форма его организации. Пролетариат вместе с уничтожением классов уничтожает и себя самого как особый класс. Но отнюдь не уничтожается огромный культурный и организационный опыт пролетариата: этот опыт наследуется и используется будущим бесклассовым обществом социалистических работников. Перед этим социалистическим обществом будут стоять задачи дальнейшего развития вперед, к высшей форме, к коммунизму, сложнейшие практические задачи. И точно так же, как сохранится в этом обществе государство, постепенно утрачивающее свой «политический характер», так необходимо должна будет сохраниться в социалистическом обществе и партия как наиболее сознательный и передовой авангард всего трудящегося населения.

Кроме того необходимо иметь в виду, что наша партия является важнейшей составной частью и руководящей силой всего мирового рабочего движения и его Коммунистического интернационала. Если после построения социалистического общества на известный промежуток времени сохранится еще капиталистическое окружение страны социализма, то неизбежно должна будет сохраняться и все более укрепляться и партия, — вплоть до полной победы мировой революции. Партия отомрет только при полном коммунизме, после того, как отомрут все рычаги и все приводные ремни пролетарской диктатуры.

Период уничтожения классов, как подчеркнула XVII партконференция, предполагает неизбежное сохранение и даже усиление проникновения классово чуждых влияний в пролетариат и его партию. Отсюда особую важность приобретает борьба со всеми видами оппортунизма и примиренчества к ним, в особенности с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе. Самый беспощадный отпор должен быть дан всякого рода недооценкам значения партийной работы и воспитательной роли партийной теории. Беспощадный отпор должна получить всякого рода оппортунистическая недооценка теоретического и практического значения борьбы за генеральную линию партии, которая проводится ее ЦК и т. Сталиным.

Правый уклон попрежнему является рупором гибнущих капиталистически-кулацких элементов, борьба с которыми еще далеко не закончена и борьба с остатками которых будет продолжаться в течение всего второго пятилетия. В правом оппортунизме мы имеем наиболее откровенное и прямое выражение проникновения буржуазной идеологии в ряды партии. Правые уклонисты попрежнему пытаются отстаивать линию, прямо противоположную нашей линии социалистического наступления: более «плавный» ход развития, снижение большевистских темпов, равнение на трудности, на потухание классовой борьбы и «государственной кривой». Правый оппортунизм неизбежно будет вновь возрождаться в условиях ожесточенной классовой борьбы и преодолеваемых нами трудностей социалистического наступления, в условиях усиления и обострения классовой борьбы и буржуазных влияний на ряды пролетариата. Отсюда — роль правого оппортунизма как главной опасности

Контрреволюционный троцкизм давно перестал быть фракцией внутри коммунизма, слившись с социал-фашизмом и превратившись в его передовой

отряд. Однако разлагающее влияние контрреволюционного троцкизма, троцкистские рецидивы и вылазки вполне возможны и вероятны—как это уже показали опыт нашего теоретического фронта и письмо т. Сталина—на всем дальнейшем этапе социалистического строительства. Разоблачение методологических основ троцкизма и его политической линии должно поэтому занимать определенное место в нашей партийно-воспитательной работе и в теоретической и практической борьбе нашей партии.

«Левый» оппортунизм, родственник троцкизму по своей методологии как рецидив троцкизма, остается также весьма актуальной опасностью на предстоящем этапе. «Левацкие» «прыжки» от сельскохозяйственной артели прямо к коммуне, «левацкие» теории отмирания советов, отмирания школы, «левацкая» теория непосредственного перехода от торговли к продуктообмену и отмирания денежной системы, защита «леваками» обезлички и уравниловки и т. д.—все эти типичные проявления «левого» оппортунизма должны будут встретить сокрушительный отпор на основе разоблачения теоретических основ «левацкой» методологии.

Непримиримая борьба за генеральную линию партии—таково основное ведущее звено всей нашей работы в деле укрепления диктатуры пролетариата, в деле завершения второй пятилетки, в деле построения социалистического общества.

Вторая пятилетка и уничтожение классов

М. Корнеев

XVII всесоюзная партконференция поставила перед партией и рабочим классом СССР задачу огромной исторической важности—во второй пятилетке полностью уничтожить в нашей стране капиталистические элементы и классы вообще. Постановка этих задач второй пятилетки подготовлена решающими достижениями в осуществлении первой пятилетки как в экономической, так и в политической области. Поэтому для того, чтобы понять своевременность постановки этих задач, их реальность и выполнимость во второй пятилетке, необходимо обратиться к итогам и достижениям только что истекшего третьего, решающего года первой пятилетки. Каковы же эти достижения?

В первую очередь обратимся к достижениям в области социалистической промышленности, как ведущей, решающей отрасли нашего народного хозяйства. На этом важнейшем участке социалистического строительства мы имеем огромные достижения. Если обратиться к валовой продукции нашего хозяйства, то мы увидим, что доля промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства за последние годы изменилась самым коренным образом.

До войны она составляла 42,1, в 1931 г. — 63%.

Таким образом решительно увеличилась доля социалистической индустрии во всем народном хозяйстве.

Если раньше, на грани 1925/26 г., тов. Сталин на XIV партс'езде констатировал, что «мы все еще страна аграрная: продукция сельского хозяйства преобладает над продукцией промышленности», то теперь мы имеем уже иное соотношение: продукция промышленности преобладает над продукцией сельского хозяйства.

Уже одно это показывает, что наша страна уже превратилась из аграрной в индустриально-аграрную.

Но качественные изменения в народном хозяйстве не исчерпываются изменением доли промышленности во всем народном хозяйстве.

Вместе с увеличением доли социалистической промышленности во всем народном хозяйстве коренным образом изменилось внутри нее соотношение тяжелой и легкой промышленности.

Возрос удельный вес тяжелой промышленности.

Продукция тяжелой промышленности составляла по отношению ко всей промышленности (в процентах):

В 1930 г.	48,5
В 1931	49,6
В 1932	52,2

Эти цифры указывают на то, что СССР все более превращается из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую их,

в страну, развертывающую гигантскими темпами производство средств производства.

Коренное качественное изменение промышленности состоит в том, что к настоящему времени, к концу третьего года первой пятилетки, мы уже создали собственную индустриальную машиностроительную базу для завершения технической реконструкции всего народного хозяйства, которую должны осуществить во второй пятилетке.

Это достижение надо особенно подчеркнуть, потому что создание собственной индустриальной базы есть важнейшая составная часть завершения построения фундамента социалистической экономики.

Нельзя забывать, что создать собственную индустриальную, машиностроительную базу—значит создать материальную основу, которая обеспечит возможность завершить техническую реконструкцию всего народного хозяйства, а завершение технической реконструкции народного хозяйства на базе крупной индустрии есть важнейшее условие и составная часть построения бесклассового социалистического общества в СССР во второй пятилетке.

«Действительной и единственной базой для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность... мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи»¹⁾.

Раньше, пока мы не имели собственной машиностроительной базы для завершения технической реконструкции нашего хозяйства, мы не могли сказать, что у нас завершено построение фундамента социалистической экономики.

Теперь мы создали собственную машиностроительную базу, этим мы выполнили одну из важнейших составных частей задачи завершения построения фундамента социалистической экономики.

Подъем тяжелой индустрии, развертывание производства средств производства есть составная часть, притом основная, решающая часть задачи завершения построения фундамента социалистической экономики.

Другая важнейшая составная часть (сторона) задачи завершения построения фундамента социалистической экономики заключалась в том, чтобы перевести мелкоотварное крестьянское индивидуальное хозяйство в колхозы—на социалистический путь развития, выбить этим почву из-под капиталистических элементов, нанести им решающие удары, разбить их как реакционную классовую силу и тем самым обеспечить победу социализма внутри страны.

Ленин, оценивая соотношение экономических укладов и классовых сил при переходе от военного коммунизма к нэпу, говорил:

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма... мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали»²⁾.

«Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа... либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкохозяйственной почве и произрастающие. Так стоит вопрос»³⁾.

¹⁾ Ленин, т. XXVI, стр. 390—391.

²⁾ Там же, стр. 46 (из доклада на VIII всесоюзном съезде советов).

³⁾ Там же, стр. 323 (статья о продналоге).

В этих словах Ленин тогда сформулировал положение о наличии у нас двух различных экономических баз и вытекавшего отсюда вопроса о борьбе двух возможных противоположных тенденций развития; тем самым Ленин поставил вопрос «кто кого» в нашей стране.

И вот раньше, пока наше советское хозяйство базировалось на двух разных экономических основах: на базе социалистической промышленности и индивидуального мелкотоварного крестьянского хозяйства, пока вопрос «кто кого» внутри СССР не был решен,—до тех пор мы не могли сказать, что у нас, в СССР, уже завершено построение фундамента социалистической экономики. Чтобы завершить построение фундамента социалистической экономики, необходимо было в области сельского хозяйства изменить форму производства, перевести мелкое крестьянское хозяйство на социалистический путь развития с тем, чтобы все наше народное хозяйство в целом базировалось и развивалось не на двух разных экономических основах, а на единой, социалистической основе. А это можно сделать только путем насаждения крупных, вооруженных машинной техникой совхозов в сельском хозяйстве как опорных пунктов социализма в деревне, путем перевода основных масс крестьянства в колхозы, ибо «колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы, как хозяйственный факт, представляют в основном новый путь развития деревни, путь социалистического развития деревни в противоположность кулацкому, капиталистическому пути развития»¹⁾.

Теперь на этом фронте, на фронте сельского хозяйства, мы добились решающих успехов.

Ленинская политика нашей партии и борьба с оппортунизмом, успехи индустриализации и политика союза рабочего класса с середняком, рост политического и хозяйственного авторитета рабочего класса как организатора социалистического производства, повышение руководящей роли пролетариата в деле развертывания совхозного строительства и проведения ленинского плана кооперации создали коренной перелом в деревне. Бедняцко-середняцкие массы, покинув базу мелкотоварного производства и перейдя в колхозы, окончательно стали на социалистический путь развития.

В итоге к концу 1931 г. в колхозах объединено свыше 60 проц. основных масс крестьянства, а колхозное производство занимает около 80 проц. всех крестьянских посевных площадей. Это значит, что сейчас речь идет уже не о начале сплошной коллективизации, а о ее завершении. Колхозник превратился в центральную фигуру земледелия. А если принять во внимание, что эти имеющие абсолютный перевес в деревне колхозы обслуживаются 2.100 машинно-тракторными станциями и около 150 тыс. тракторов, то это значит, что Советский союз превратился из страны отсталого мелкотоварного крестьянского производства в страну передового, самого крупного социалистического земледелия. Такое широкое применение машинной техники в сельском хозяйстве и техническое вооружение колхозов есть прямой результат политики индустриализации СССР, немыслимый вне условий диктатуры пролетариата.

На базе завершения сплошной коллективизации в решающих сельхозрайонах одержаны решающие победы в борьбе против кулачества.

Ленин на XI съезде партии говорил о том, что нам предстоит дать последний и решительный бой русскому капитализму. Теперь дан последний и решительный бой русскому капитализму, который растет из мелкого крестьянского хозяйства. Сейчас не только осуществ-

¹⁾ Сталин. Из речи на съезде аграрников.

лен переход от ограничения к ликвидации кулачества, но одержаны решающие победы: в решающих с.-х. районах СССР кулачество в основном уже ликвидировано.

Теперь, когда в решающих с.-х. районах в основном завершены сплошная коллективизация и ликвидация кулачества и мелкое крестьянство переведено на социалистический путь развития, вопрос «кто кого» решен в пользу социализма и в сельском хозяйстве; каналы для образования классов в решающих с.-х. районах в основном закрыты; кулачество разбито окончательно; перешедшее в колхоз белняцко-средняцкое крестьянство решающих районов превратилось в действительную и прочную опору советской власти, в центральную фигуру земледелия.

Тем самым вопрос «кто кого» и в промышленности и в сельском хозяйстве, т. е. во всем народном хозяйстве нашей страны, решен в пользу социализма бесповоротно.

Эти решающие победы на фронте классовой борьбы в области промышленности и сельского хозяйства, вместе взятые и представляющие органическое единство, означают, что в этом году, к концу третьего года первой пятилетки, мы выполнили задачу огромного исторического значения — завершили построение фундамента социалистической экономики в нашей стране и разрешили вопрос «кто кого» внутри страны в пользу социализма.

Эти огромные достижения дали возможность поставить еще более грандиозные хозяйственные и политические задачи во второй пятилетке. Создание собственной индустриальной базы и завершение в основном сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса к концу первой пятилетки подготовили предпосылки для завершения реконструкции всего народного хозяйства и уничтожения классов во второй пятилетке. В резолюции XVII партконференции читаем:

«Основной и решающей хозяйственной задачей второго пятилетия является завершение реконструкции всего народного хозяйства, создание новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства».

«Основной политической задачей второго пятилетия является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

По существу это не две независимые одна от другой задачи, а двоякая единая задача построения бесклассового социалистического общества.

* * *

Что значит уничтожить классы в нашей стране? Исходя из наличия оставшихся в реконструктивный период трех различных классов в СССР, задача уничтожения классов в нашей стране сводится к трем основным, неразрывно связанным между собою моментам:

1) к полной ликвидации капиталистических элементов вообще и в особенности кулачества в деревне; к полному уничтожению причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию;

2) к социалистической переделке основных масс крестьянства путем осуществления сплошной коллективизации деревни и превращения трудящихся масс крестьянства в работников бесклассового социалистического общества, на основе «вооружения совхозов и колхозов передовой машинной техникой, на деле превращающей с.-х. труд в разнородность индустриального

труда», короче — создание условий «для полного устранения противоположности между городом и деревней» (см. решения XVII партконференции);

3) к изжитию социалистическим пролетариатом и коллективизированным крестьянством в своей среде пережитков капиталистического общества и воспитания социалистического отношения к труду и социалистическому хозяйству вообще;

По этим трем основным линиям пойдет классовая борьба во второй пятилетке за уничтожение классов и классовых различий в нашей стране.

Уже к концу первой пятилетки на основе завершения в основном сплошной коллективизации по всему СССР будет в основном ликвидировано кулачество как класс, но только в основном, а не целиком, не полностью. Это значит, что остатки кулачества еще сохранятся и при переходе во вторую пятилетку. Кроме того нельзя забывать, что уничтожение экономических признаков кулачества не есть еще полное уничтожение всех его классовых признаков; уничтожение экономических признаков кулачества, в том числе его раскулачивание, в условиях сплошной коллективизации есть решающий шаг по пути уничтожения кулачества как класса. Но этим ликвидация кулачества как класса не заканчивается. После лишения кулачества экономической мощи и базы оно не сразу перестает быть классом, скажем, не в одну декаду, как это представляли себе некоторые ретивые «коллективизаторы», заявлявшие, что они ликвидировали кулачество как класс в одну ночь. Кулачество после раскулачивания на ряд лет сохраняет свои политические и идеологические классовые черты, продолжая оказывать сопротивление социалистическому наступлению пролетариата. Потребуется привести в действие все рычаги диктатуры пролетариата для того, чтобы полностью уничтожить класс кулачества со всеми присущими ему свойствами. Это и является одной из важнейших задач второй пятилетки.

Переходя к вопросу об уничтожении классовых различий между рабочим классом и основными массами крестьянства, надо подчеркнуть, что нельзя понять существа и путей социалистической переделки основных масс крестьянства, не имея полного представления о социальной природе пролетариата и его роли как руководителя основных масс крестьянства.

Характеристика пролетариата принципиально отлична от характеристики других классов. Пролетариат в отличие от других классов является классом, лишенным всякой частной собственности на средства производства; он прошел суровую школу капиталистической эксплуатации и борьбы в условиях капитализма, воспитал в себе навыки совместного общественного труда в крупном производстве, навыки сплоченности, организованности. Как класс, лишенный всякой частной собственности на средства производства и эксплуатируемый капиталом, пролетариат является единственным классом, способным бороться до конца не только против капиталистической частной собственности, но и против всякой частной собственности, следовательно не только против эксплуатации, но и против самых основ эксплуатации. Все это делает его могильщиком капитализма и носителем новой, высшей, социалистической формы общественного производства.

Ленин, характеризуя историческую роль пролетариата, писал: «Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую промышленную крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, — только тот

класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему,—только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции»,—только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку»¹⁾.

Пролетариат СССР, завоевав в октябре 1917 г. политическую власть, в корне подорвал господствовавший до того капиталистический способ производства, экспроприировав экспроприаторов, превратив основные средства производства промышленности, транспорт, банки, землю в общегосударственную собственность пролетарского государства.

Тем самым он перестал быть пролетариатом в собственном смысле слова, он перестал быть эксплуатируемым классом и превратился в работника последовательно социалистических предприятий и непосредственного строителя и организатора социалистического производства.

В процессе социалистической революции пролетариат должен очистить себя от наростов экономической, политической и всякой прочей нечисти капиталистического общества, дабы превратиться в подлинного работника социалистического общества. В октябрьские дни пролетариат СССР освободился от капиталистической эксплуатации, превратился в представителя и творца социалистических форм хозяйства; он освободился от политического гнета и рассеял идеологические предрассудки старого общества, которые веками держали угнетенные классы в духовном рабстве.

За время существования СССР рабочий класс достиг огромного дальнейшего политического роста и хозяйственного авторитета: он прошел политическую школу гражданской войны, прошел 15-летнюю школу организации социалистического производства и социалистического строительства, школу ударничества и социалистического соревнования. Мы имеем рост партийности в среде рабочего класса, развитие политической и социалистической сознательности. За это время рабочий класс СССР стал наиболее всесторонне развитым в классовом отношении по сравнению с пролетариатом любой капиталистической страны. Вместе с тем рабочий класс СССР в своей основной массе все более освобождается от последних пережитков капиталистического общества и все более всесторонне формируется как активный и сознательный строитель социалистического общества.

Но этим не исчерпываются изменения в среде рабочего класса СССР. Изменился также и удельный вес пролетариата в составе населения Советского союза, увеличился его количественный состав. За это время рабочий класс втянул в социалистическое производство новые миллионы трудящихся: если в 1925 году во всем народном хозяйстве было занято 8,5 млн. рабочих и служащих, то в 1931 г. мы имеем уже 18,1 млн. Изменился и качественный состав рабочего класса СССР: изменилось соотношение рабочих, производящих средства производства и средства потребления, значительно выросло число рабочих крупной индустрии, производящих средства производства.

Все это указывает на укрепление классовой мощи пролетариата и на повышение руководящей роли пролетариата в отношении основных масс крестьянства. Поворот основных масс крестьянства на путь сплошной коллективизации есть выражение роста доверия их к пролетариату; он свидетельствует о росте и ук-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 228.

решении политического и хозяйственного авторитета рабочего класса СССР, роста его классовой мощи.

Перевод основных масс крестьянства в колхозы под руководством пролетариата и его партии есть дальнейший крупный шаг по пути уничтожения классов. Значение сплошной коллективизации состоит не только в том, что на ее основе ликвидируется кулачество, но и в том, что обобществление средств производства на социалистических началах и ликвидация частной собственности на них подорвала самую основу капитализма, закрывая каналы, при помощи которых порождаются классы и эксплуатация, что представляет решающий шаг по пути уничтожения классов вообще.

Уже к концу первой пятилетки мы в основном завершим сплошную коллективизацию по всему СССР. Полностью сплошная коллективизация будет завершена в первые годы второй пятилетки. Тем самым будет полностью уничтожена почва, порождающая классы и эксплуатацию. Но уничтожить почву, порождающую классы, и предотвратить рождение новых классов еще не значит довести до конца уничтожение всех классовых черт. Чтобы предотвратить рождение классов в нашей стране, достаточно уничтожить частную собственность на средства производства и обобществить их на социалистических началах в колхозах; для уничтожения же классов необходимы дальнейшая борьба и дальнейшие экономические и политические мероприятия по преодолению пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Переход на путь сплошной коллективизации есть крупный и решающий шаг по пути переделки мелкого крестьянства как класса мелких частных товаропроизводителей.

К концу первой пятилетки мы в основном завершим сплошную коллективизацию по всему СССР. Но уничтожение крестьянства путем переделки его не совпадает с завершением сплошной коллективизации. Полное уничтожение крестьянства как класса будет совпадать с завершением его социалистической переделки со стороны пролетариата; с переводом же крестьян в колхозы этот процесс коренной социалистической переделки лишь начался, а отнюдь не завершился. Мелкое крестьянство, перейдя в колхозы и превратившись в действительную и прочную опору рабочего класса, утратило ряд своих старых экономических классовых признаков, оно сделало решающий шаг в своем экономическом и политическом развитии в сторону приближения к пролетарскому социализму. Этим колхозное крестьянство качественно отличается от крестьян-единоличников. Но колхозники — отнюдь не новый класс, потому что здесь речь идет не о возникновении новых классовых признаков и не о создании новых классов, а об утрачивании старых признаков, присущих мелкому крестьянству как классу, об этапах и путях уничтожения этого класса. Но колхозное крестьянство еще не утратило полностью классовых черт и признаков, присущих мелкому крестьянству в отличие от социалистического пролетариата. Тут мы имеем дальнейшее приближение основных масс крестьянства к рабочему классу СССР.

По какой линии идут различия между пролетариатом и колхозным крестьянством? Эти различия сохранились еще и по линии экономической и по линиям политической и идеологической.

Экономические различия между пролетариатом и колхозниками вытекают из пока еще не изжитого их различного отношения к общественным средствам производства: в колхозах, являющихся по своему типу социалистическими предприятиями, организованными на государственной земле, обобществленные средства производства, за исключением основного средства производства — земли, являются не общегосударственной, а колхозной собственностью, принадлежащей данному

коллективу лиц. Из особого отношения к этим средствам производства в колхозах вытекает и особый характер их распределения, отличный от распределения в общегосударственном последовательно-социалистическом секторе; поскольку в колхозах значительная масса средств производства принадлежит данному коллективу колхозников, постольку и продукция колхозов, за исключением части, выплачиваемой пролетарскому государству, принадлежит данному колхозу и распределяется внутри колхоза, в то время как вся продукция наших общегосударственных, последовательно-социалистических предприятий поступает в общий котел пролетарского государства и уже оттуда распределяется между различными частями единого общегосударственного хозяйства и отрядами рабочего класса.

Политические и идеологические различия между ними состоят в том, что если рабочий класс СССР прошел суровую школу капиталистической эксплуатации и политической борьбы в условиях капитализма, школу 15-летней борьбы и организации социалистического производства, школу совместного социалистического труда, то колхозное крестьянство, хотя оно в значительной своей массе под руководством пролетариата и его партии принимало участие в гражданской войне и борьбе против кулачества, в организации и строительстве первичных форм кооперации и тем самым прошло известную политическую и кооперативную школу под руководством пролетариата и его партии, все же колхозники — это вчерашние единоличники, еще не изжившие всех черт частной собственности, в которых настроение частной собственности сейчас еще поддерживается остатками индивидуального хозяйства. Мелкобуржуазное отношение к труду и мелкособственническая идеология и психология, связанные со вчерашним прошлым колхозников, не отпадают сразу при переводе крестьян на социалистический путь развития. Потребуются огромная организующая работа, классовая настойчивость и энергия со стороны рабочего класса и его партии для того, чтобы ликвидировать эти остатки мелкобуржуазных классовых черт колхозного крестьянства.

Таким образом классовые различия между пролетариатом и колхозным крестьянством целиком еще не ликвидированы; рабочий класс является организатором социалистического производства, руководителем; колхозное же крестьянство, руководимое пролетариатом, — это основной опора в деле социалистической перестройки деревни.

Что необходимо для завершения его социалистической перделки, для уничтожения классовых различий между рабочим классом и колхозным крестьянством и превращения колхозного крестьянства в активных строителей бесклассового социалистического общества?

Для этого необходимо: 1) преодоление экономических различий и превращение колхозов в предприятия последовательно - социалистические через МТС; 2) завершение технической реконструкции сельского хозяйства и на ее основе превращение с.-х. труда в разновидность индустриального труда; 3) необходимо, чтобы труд стал социалистическим не только по экономическим формам, но и по методам (социалистическая дисциплина, социалистическое отношение к труду), соревнование, а это связано с ростом социалистического сознания.

Превращение колхозников в подлинных и активных работников бесклассового социалистического общества зависит не от одного только воспитания, но от дальнейшего социалистического развития и изменения экономической формы колхозов, превращения их в общегосударственные последовательно - социалистические предприятия. Окончательно

и полное уничтожение классовых различий между рабочим классом и колхозным крестьянством возможно только на основе полного уничтожения всех экономических различий, на основе превращения колхозов в общегосударственные последовательно - социалистические предприятия. Ленин, давая характеристику социализма как первой фазы коммунистического общества, писал: «Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката»... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты»¹⁾. Как видим, экономическая основа полного уничтожения классов вообще и классовых различий между пролетариатом и колхозным крестьянством будет доделана тогда, когда все основные средства производства промышленности и сельского хозяйства будут сконцентрированы в руках пролетарского государства. Применительно к нашим условиям эта проблема есть проблема превращения колхозов в общегосударственные последовательно-социалистические предприятия. Без ясного понимания проблемы превращения колхозов в общегосударственные последовательно-социалистические предприятия нельзя правильно решить и проблему путей уничтожения классов в СССР.

Решающую роль в деле превращения колхозов в последовательно-социалистические предприятия сыграют машинно-тракторные станции, этот важнейший рычаг непосредственного организующего воздействия пролетарского государства на социалистическое развитие сельского хозяйства. В резолюции XVII партконференции по этому вопросу мы читаем следующее: «По сельскому хозяйству — осуществить завершение социалистической реконструкции с тем, чтобы машинно-тракторные станции охватили все колхозы и в основном завершили механизацию сельскохозяйственного производства».

Между этой технической реконструкцией сельского хозяйства и дальнейшей социалистической реконструкцией сельского хозяйства, осуществляемыми через МТС, существует самая тесная связь. Техническая реконструкция сельского хозяйства путем охвата всех колхозов со стороны машинно-тракторных станций есть в то же время и превращение колхозов в последовательно-социалистические предприятия. В самом деле, что значит, что к концу второй пятилетки все колхозы будут охвачены машинно-тракторными станциями? Это значит, что с этого времени теперешние колхозы будут работать не только на земле, но и на средствах производства, принадлежащих пролетарскому государству. Пролетарское государство сосредоточит в своих руках все основные средства производства сельского хозяйства, а МТС на этой основе постепенно превратятся в единые местные центры организации производства и распределения продукции сельского хозяйства. Тем самым колхозы в основном превратятся в предприятия последовательно-социалистического типа. Это конечно не значит, что теперешние колхозы уже к концу второй пятилетки полностью превратятся в чистый тип последовательно-социалистических предприятий. По всей вероятности там сохранятся еще на некоторое время остатки кооперативных форм хозяйствования за пределами второй пятилетки. Тут нельзя забывать особенностей развития сельского хозяйства, на что т. Молотов указывал в своем докладе на XVII партконференции.

¹⁾ Ленин, т. XIV, ч. 2-я, изд. 1-е, стр. 379—380.

Превращение колхозных предприятий из предприятий с колхозной собственностью на средства производства в общегосударственные предприятия будет совершаться по мере охвата обслуживанием и регулированием всех основных процессов производства и распределения колхозов со стороны МТС и следовательно по мере превращения регулирующего влияния на колхозы со стороны диктатуры пролетариата в непосредственное управление ими. Уже сейчас колхозное производство обслуживаемое МТС, базируется на сочетании государственных и колхозных средств производства и на частичной замене мелких индивидуальных колхозных орудий труда крупными государственными сельскохозяйственными машинами. Это — конкретная помощь, оказываемая государственно-социалистической промышленностью колхозам в области производства и распределения, в деле превращения их в последовательно-социалистические предприятия. Государственные средства производства используются колхозами на договорных началах. Но уже одним тем, что МТС, организуя и обслуживая колхозное производство государственными средствами производства, становятся важнейшими организаторами и участниками не только в области колхозного производства, но и в области распределения валовой продукции колхозов. По мере дальнейшего, все большего организационного и хозяйственного обслуживания колхозного производства со стороны МТС будет возрастать и становиться все более решающей их роль и в организации распределения валовой колхозной продукции, пока наконец совершится переход от распределения колхозных доходов к зарплате по труду единому общему принципу, установленному для общегосударственных последовательно-социалистических предприятий.

Это — основной путь превращения колхозов в последовательно-социалистические предприятия; он таким образом лежит не через простую передачу мелких колхозных средств производства в общегосударственную собственность, а главным образом путем снабжения общегосударственными средствами производства колхозов через МТС и путем замены ими мелких колхозных средств производства. Вот почему XVII всесоюзная партконференция поставила задачу — охватить машинно-тракторными станциями все колхозы и в основном завершить механизацию сельскохозяйственного производства к концу второй пятилетки, тесно увязывая это с завершением социалистической реконструкции сельского хозяйства.

На основе механизации сельскохозяйственного производства во второй пятилетке изменится и самый характер сельскохозяйственного труда. В самом деле, поскольку основными видами труда и основными категориями сельхозработников будут трактористы, комбайнеры, шоферы, монтеры и т. п., постольку сельскохозяйственный труд на деле превратится в разновидность индустриального труда. Это тоже является важнейшим рычагом в деле борьбы за уничтожение классовых различий, ибо, как говорил Ленин, только техника и производительность труда могут оздоровить психологию основных масс крестьянства.

Итак, охват машинно-тракторными станциями всех колхозов и завершение технической реконструкции сельского хозяйства означают не только превращение колхозов в общегосударственные последовательно-социалистические предприятия, но еще и превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, что в совокупности означает подведение политической экономической базы под уничтожение классов в СССР.

Но одного превращения колхозов в последовательно-социалистические предприятия недостаточно для полного исчезновения крестьянства как класса и превращения его в работников социалистического общества. Для этого еще

необходимо, чтобы труд был социалистическим не только по экономическим формам, но и по методам.

Только на этой основе возможно преодоление буржуазного и мелкобуржуазного отношения к труду и создание новой, социалистической дисциплины труда, ибо эта дисциплина вырастает не на пустом месте, а на базе крупного социалистического производства. А без воспитания социалистического отношения к труду и дисциплине не может быть и превращения теперешних колхозников в активных и сознательных работников бесклассового социалистического общества.

Из этого следует, что одного превращения колхозов в последовательно-социалистические предприятия еще недостаточно для полного исчезновения крестьянства как класса. Для этого необходимо, чтобы у колхозников установилось не только последовательно-социалистическое соединение со средствами производства, но и социалистическое отношение к труду, к производству; чтобы труд был социалистическим не только по экономическим формам, но и по методам; нужно, чтобы социалистическая организация труда и производства в сельском хозяйстве держалась на свободной и сознательной дисциплине не десятков тысяч, а сотен миллионов самих трудящихся. «Коммунизм начинается там, — писал Ленин, — где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов».

Социалистическое отношение к труду, к фабрике, станку и новой социалистической трудовой дисциплине не приходят самотеком: они вырабатываются у трудящихся в процессе работы на социалистическом производстве путем борьбы против пережитков рабского мелкобуржуазного отношения к труду и хозяйству, в упорной борьбе против старой рабской и мелкобуржуазной психологии труда. Огромную роль в деле развития социалистических методов труда и в деле формирования работников бесклассового социалистического общества играют и сыграют социалистическое соревнование и ударничество; втягивая в практическую борьбу за повышение производительности и качества труда, за снижение себестоимости и за укрепление дисциплины, соцсоревнование и ударничество являются массовым методом вовлечения в социалистическое строительство и могучим орудием социалистического воспитания колхозного крестьянства.

Ведущая и организующая роль в деле формирования из колхозного крестьянства работников бесклассового социалистического общества принадлежит пролетариату. Пролетариат переделывает мелкое крестьянство в работников бесклассового социалистического общества. Но, идя по пути социалистической переделки основных масс крестьянства, пролетариат не просто сливается с ними в общую массу трудящихся и не растворяется в ней. Являясь носителем социалистических форм хозяйства, социалистический пролетариат переводит бедняцко-средняцкие массы крестьянства на свой, социалистический путь развития и переделывает их по своему образу и подобию; он вырабатывает в них те черты, которыми обладает сам как носитель социалистических форм хозяйства: он обучает их совместному обобществленному социалистическому труду, пролетарской, социалистической дисциплине крупного социалистического производства, социалистическому отношению к труду, к производству.

Социалистическую переделку основных масс крестьянства в области экономики пролетариат сопровождает социалистической переделкой их и в:

области сознания. В области сознания пролетариат также переводит их на свою точку зрения, на точку зрения пролетарского социализма. Смысл резолюции XVII партконференции по этому вопросу сводится к тому, чтобы к концу второй пятилетки преодолеть пережитки капитализма в сознании людей настолько, чтобы превратить их в сознательных и активных работников бесклассового социалистического общества. Что значит превратить все трудящееся население страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества? Поскольку это касается переделки сознания, это значит перевести их на точку зрения пролетарского социализма. «Ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы механизированы, чем скорее они будут тракторизованы» (Сталин, речь на конференции аграрников). Перешедшие в колхозы основные массы крестьянства на основе дальнейшего развития и механизации колхозов все больше будут втягиваться пролетариатом в практическое осуществление социализма; по мере этого они все больше будут изживать свои мелкобуржуазные взгляды и представления и усваивать под руководством компартии точку зрения пролетарского социализма как во внутрисоюзных, так и в международных вопросах.

Переделывая и перевоспитывая на социалистический лад основные массы крестьянства, социалистический пролетариат под руководством ленинской партии довоспитывает и самого себя, перевоспитывает остальные свои части, недавно пришедшие в рабочую среду из деревни, преодолевая в своей среде буржуазные и мелкобуржуазные пережитки, еще неизжитые в разной степени у разных отрядов рабочего класса.

«Начав коммунистическую революцию, — писал Ленин, — рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих при нищете многих. Но рабочий класс может победить и наверное неминуемо победит в конце концов старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут выдвигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих» (т. XV, стр. 302).

Рабочий класс СССР под руководством ВКП(б) во главе с т. Сталиным твердо и неуклонно ведет эту ленинскую линию на уничтожение классов, на построение бесклассового социалистического общества.

* * *

Путь к полному уничтожению классов — к бесклассовому обществу — лежит через классовую борьбу. Пока существуют классы и классовые различия, развитие социализма будет совершаться через классовую борьбу. Таково основное положение марксизма-ленинизма.

Ясно, что поскольку при переходе во вторую пятилетку в нашей стране еще останутся классы и классовые различия, постольку классовая борьба не прекратится. Уничтожение классов во второй пятилетке будет совершаться путем ожесточенной классовой борьбы. Во второй пятилетке рабочему классу СССР под руководством ВКП(б) предстоит «подавить» сопротивление остатков разбитых, но еще не добытых капитали-

стических элементов, провести решительную борьбу с пережитками мелкобуржуазной стихии, борьбу против сил и традиций старого общества» (Ленин). Когда классового врага ликвидируют, он оказывает отчаянное сопротивление. Поэтому в нашей стране во второй пятилетке классовая борьба будет обостряться на отдельных участках социалистического строительства. Классовая борьба будет продолжаться во второй пятилетке как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства.

Только люди, не порвавшие с правым оппортунизмом, могут утверждать, что третий год пятилетки есть последний напряженный год нашего развития и что будто дальнейшее продвижение во второй пятилетке пойдет плавно и без особых напряжений. Так говорить — это значит бросить лозунг: «ослабьте темпы во второй пятилетке, ослабьте борьбу против вредителя и кулака, ослабьте борьбу против правого оппортунизма». Партия дает решительный отпор такого рода лозунгам, идущим по линии «затухания» классовой борьбы во второй пятилетке.

В самом деле, остается ли почва для классовой борьбы в промышленности? Несомненно остается. Достаточно вспомнить, что наша промышленность черпает и будет черпать во второй пятилетке рабочую силу преимущественно из деревни, из колхозников и единоличников. Эти сотни тысяч и миллионы новых отсталых рабочих, не прошедших школы крупного социалистического производства, принесут с собой в нашу промышленность мелкобуржуазные, хвостистские настроения и традиции, уравниловские и рваческие тенденции, старую рабскую психологию труда — сделать поменьше, а урвать у пролетарского государства побольше. «Разве, — говорил Ленин, — классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать ему (пролетарскому государству. — М. К.) работу поменьше и похуже, содрать с него денег побольше» (т. XXIII, стр. 213). Рабочий класс должен вести самую упорную борьбу в своей среде против всех тунеядцев, паразитов, жуликов, прихлебателей, против всех тех, которые в своих поступках еще остались «сынками» капиталистического строя. Воспитание социалистического отношения к труду и новой, социалистической дисциплины есть одна из важнейших новых форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата.

Кроме того нельзя забывать, что нами еще не ликвидированы полностью капиталистические элементы в городе и их агенты в промышленности. После разоблачения вредительства они не прекратили своей борьбы против социалистического строительства; они продолжают оказывать сопротивление, переходя к еще более скрытым формам вредительства. Жесткая борьба с ними, вскрытие и разоблачение замаскированных форм сопротивления классового врага есть также одна из коренных задач классовой борьбы пролетариата в промышленности во второй пятилетке. Необходимым дополнением к этой борьбе должна быть борьба против бюрократизма в аппарате промышленности и торговли как борьба против одной из форм влияния классового врага на наш советский аппарат.

Не менее важные задачи классовой борьбы во второй пятилетке стоят перед нами и в области сельского хозяйства. При переходе во второй пятилетке будет в основном завершена сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса; но лишь в основном, а не целиком. Этим будет уничтожена экономическая база кулачества, но

не будет уничтожена его классовая злоба, ненависть, сопротивление; нельзя забывать, что в период уничтожения кулачества класса его остервенение усиливается и сопротивление принимает более резкие формы. Поэтому одной из основных задач классовой борьбы в деревне второй пятилетке является борьба за окончательное уничтожение кулачества и его остатков, за то, чтобы к концу второй пятилетки окончательно добить кулачество, в основном разбитое уже теперь.

Кроме того нельзя забывать, что колхозники — это вчерашние единоличники, которые принесли с собой в колхоз мелкособственнические навыки, настроения, традиции, это — люди, еще не изжившие тенденции частнохозяйственного накопления. Все эти мелкособственнические пережитки в колхозах тормозят организационно-хозяйственное укрепление колхозов и социалистическую переделку колхозников. Эти мелкобуржуазные навыки и пережитки могут быть преодолены только в процессе упорной борьбы и развития социалистических методов труда.

Элементы классовой борьбы в колхозах усиливаются и будут еще усиливаться на отдельных участках в связи с проникновением кулачества внутрь колхозов и влияния его на колхозы извне. Кулацкие элементы пытаются внутри колхоза опереться на неустойчивые, еще не переварившиеся в колхозном котле, слои колхозников, на мелкобуржуазные предрассудки и традиции с тем, чтобы продолжать свою реакционную подрывную работу против социалистического наступления пролетариата. Соответственно новым условиям меняются и формы сопротивления и борьбы кулачества. Если раньше, в начале сплошной коллективизации, когда перед нами стояла задача вовлечения середняка и бедняка-единоличника в колхоз, кулачество прилагало все силы к тому, чтобы помешать вовлечению в колхоз, удерживать их от вступления в колхозы, то теперь, в период завершения сплошной коллективизации и организационно-хозяйственного укрепления колхозов, кулачество все свое сопротивление направляет на то, чтобы не дать укрепиться колхозам, расшатать их изнутри.

Это сопротивление кулачества организационно-хозяйственному укреплению колхозов идет в самых различных направлениях:

а) по линии попыток противопоставить интересы колхозов интересам пролетарского государства в вопросах хлебозаготовок, посевных кампаний и проч.;

б) по линии использования отдельных промахов колхозов для того, чтобы дискредитировать всю систему колхозного хозяйства, доказать его невыгодность;

в) попытки кулачества опереться на отсталые слои колхозников, чтобы через них оказать сопротивление ликвидации обезлички и тем самым посеять хищническое отношение к колхозному имуществу, бесхозяйственность и расточительность, расшатать трудовую дисциплину, помешать воспитанию в колхознике социалистического отношения к труду и орудиям труда;

г) попытки кулачества разжечь у отсталых колхозников уравнилельные тенденции, организовать сопротивление ликвидации уравниловки в колхозах с тем, чтобы лишить колхозников личной заинтересованности и тем самым понизить производительность и качество колхозного труда и хозяйства.

Вот почему борьба рабочего класса и передовых слоев колхозников против кулацких элементов и подкулачников, за окончательное укрепление колхозов есть одна из необходимых форм классовой борьбы за построение бесклассового социалистического общества. Чтобы уничтожить сопротивление

ние кулачества и находящихся под его влиянием отсталых элементов колхозников, чтобы преодолеть мелкобуржуазные пережитки колхозников, передовые слои колхозников и их руководители под руководством ВКП(б) должны будут и во второй пятилетке вести с большевистским упорством борьбу против кулацких влияний в колхозах, за преодоление мелкобуржуазных пережитков колхозников на основе развития социалистических форм труда и путем настойчивой борьбы против уравниловки и обезлички на основе внедрения шести условий тов. Сталина, путем решительной борьбы против всех видов оппортунизма, и в первую очередь против правого оппортунизма как главной опасности.

Только оппортунисты, и в первую очередь правые оппортунисты, выполняя социальный заказ кулака, могут утверждать, что классовая борьба внутри СССР во второй пятилетке будто бы прекратится. XVII партийная конференция, борясь против этой установки, в резолюции подчеркнула необходимость продолжения классовой борьбы во второй пятилетке и неизбежность обострения ее на отдельных участках социалистического строительства: «Новые успехи социализма рабочий класс обеспечит лишь в борьбе с остатками капитализма, давая беспощадный отпор сопротивлению гибнущих капиталистических элементов, преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди трудящихся и ведя настойчивую работу по социалистическому перевоспитанию. Это означает, что и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию. Ввиду этого перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с оппортунизмом и особенно с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе» (из резолюции XVII партконференции).

* * *

Но задачи классовой борьбы рабочего класса СССР не исчерпываются задачей уничтожения капиталистических классов и классов вообще внутри нашей страны. Ведь пролетариату СССР противостоит как классовый враг не только русский капитализм, но и международный капитализм в целом. Поэтому победить русский капитализм еще не значит победить капитализм полностью и окончательно, т. е. в международном масштабе. Уничтожая капиталистические элементы и классы в нашей стране и разрешив проблему «кто кого» в пользу социализма внутри страны, мы тем самым в основном преодолели и преодолеваем внутренние классовые противоречия нашей страны. Но внешние противоречия между СССР и капиталистическим миром еще не разрешены, борьба двух систем продолжается: вопрос «кто кого» на международной арене еще не решен. Нашим главным врагом остается международный капитализм. Этот враг окружает нас почти со всех сторон и готовит нападение на нас с тем, чтобы задушить страну строящегося социализма — базу международной пролетарской революции. «Мирная передышка» на международной арене начинает подходить к концу.

Рабочий класс СССР под руководством ВКП(б) во главе с т. Сталиным, увязывая борьбу против остатков капитализма внутри страны с международными задачами борьбы за мировую Октябрь, использовал и еще использует эту «мирную» передышку на международной арене для

победы над внутренним врагом, для ликвидации капиталистических элементов и классов вообще и для преодоления мелкобуржуазной стихии внутри нашей страны, для решения проблемы «кто кого» внутри СССР, опасность реставрации капитализма изнутри в СССР ликвидирована. Этим самым мы многое сделали для предотвращения реставрации капитализма и извне, потому что этим мы усилили и укрепили свои позиции в борьбе на международной арене; соотношение сил на международной арене изменилось в нашу пользу; обороноспособность СССР усилилась, возросла степень наших возможностей дать сокрушительный отпор империалистическому происку международного капитала.

Эти наши победы имеют международное значение: они ускоряют приближение пролетарской революции во всем мире; они облегчают пути и ход мировой социалистической революции, ибо они являются путевой звездой мировой революции. Этим самым рабочий класс на данном этапе выполняет свои интернациональные задачи; он сделал «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»¹⁾.

Тактика большевизма есть единственно интернационалистическая тактика, ибо она на каждом особом этапе ставит свои задачи, исходя из интересов борьбы за мировую социалистическую революцию, готовя эту революцию, ибо социалистическая революция в СССР есть начало и составная часть мировой социалистической революции.

Вот почему и после уничтожения классов в СССР рабочий класс прекратит классовую борьбу против международного капитала. Формы этой борьбы на разных этапах развития мировой социалистической революции будут меняться в зависимости от соотношения сил, сама же борьба не прекратится до полного уничтожения капитализма в международном масштабе.

«Победивший пролетариат,—писал Ленин,—этой (одной.—М. К.) страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже военной силой против эксплуататорских классов и их государств»²⁾.

Поэтому рабочий класс СССР не утратит своего классового характера и после уничтожения классов внутри СССР. Рабочий класс после уничтожения классов в СССР перестанет быть классом постольку, поскольку это касается его отношения к другим частям общества внутри СССР. По отношению же к международному капиталу он еще не перестанет быть классом. Поскольку наша Октябрьская революция есть составная часть международной революции, рабочий класс СССР не перестанет быть составной частью рабочего класса всего мира. Рабочий класс СССР является и будет являться передовым отрядом международного пролетариата, отрядом, в своей стороне развитым в классовом отношении, в экономическом, политическом, идеологическом и организационно-техническом отношении: он имеет богатейший политический опыт длительной классовой борьбы и гражданской войны, опыт строительства социализма и уничтожения классов; он прошел длительную школу революционной пролетарской закалки в борьбе под большевистским руководством ленинской партии, школу социалистических форм труда; все это такие черты, какими не обладает пролетариат никакой другой страны. Вот в каком смысле рабочий класс СССР не пе-

¹⁾ Ленин, т. XV, изд. 1-е, стр. 502.

²⁾ Ленин, т. XIII, изд. 1-е, стр. 133.

рестанет быть классом и после уничтожения классов внутри СССР. Было бы оппортунизмом, изменой делу пролетариата противопоставлять социализм пролетариату; нельзя в классовой борьбе противопоставлять рабочий класс СССР, превратившийся в работников социалистического общества, международному пролетариату капиталистических стран: это—два отряда единого международного пролетариата, находящиеся на разных этапах борьбы за мировую пролетарскую революцию, за социализм и коммунизм в мировом масштабе. Неравномерность их развития обусловлена законом неравномерности эпохи империализма и пролетарских революций: именно отсюда вытекает возможность победы социализма первоначально в одной стране и неравномерность, неодновременность процесса уничтожения классов в международном масштабе; поэтому в одной стране капиталистические и мелкобуржуазные классы могут быть уничтожены раньше, в других — позднее. Рабочий класс СССР, уничтожая классы внутри СССР и переводя основные массы крестьянства на позицию пролетарского социализма, тем самым увеличивает кадры мирового пролетариата и умножает и накапливает его силы для окончательной борьбы против международного капитала.

* * *

Само собой разумеется, что уничтожение классов и дальнейшее продолжение и усиление классовой борьбы во второй пятилетке требуют от нас не ослабления, а укрепления пролетарского государства. Рабочему классу и его партии во второй пятилетке предстоит преодолеть огромную классово враждебную силу сопротивления. В самом деле:

- 1) против нас разбитое, но еще не добитое кулачество, озлобление которого не ослабело, а возросло; сопротивление его в отдельных районах приняло более скрытые и более резкие формы;
- 2) против нас остатки мелкобуржуазной стихии, сила мелкобуржуазных привычек и предрассудков, которые еще продолжают держаться у миллионов колхозников, проживших десятки лет и воспитавшихся в условиях индивидуального хозяйства;
- 3) против нас остатки пережитков капитализма, гнездящихся еще у отсталых слоев рабочих, десятки лет проживших в условиях капиталистического строя; капитализм калечил их физически и морально, прививал им отвращение к труду;
- 4) против нас наконец международная буржуазия: пока вопрос «кто кого» на международной арене не решен, международная буржуазия не потеряла и не потеряет надежды на свержение советской власти путем интервенции. О капиталистическом окружении нельзя также забывать еще и потому, что оно поддерживает у экспроприированных и ликвидированных капиталистических элементов внутри СССР надежду на возможность возврата капитализма; капиталистические элементы внутри нашей страны втайне надеются и еще будут надеяться на помощь иностранных капиталистов. «Переход от капитализма к коммунизму,—писал Ленин,—есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации».

Вот почему во второй пятилетке необходимо дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата и как орудия подавления классового врага и как орудия социалистического перевоспитания и переделки колхозного крестьянства и отсталых групп рабочих. Перед лицом грандиозных задач уничтожения и подавления классового врага и социалистической переделки колхозного крестьянства во второй пятилетке должно быть

усилено действие всех рычагов диктатуры пролетариата. Ленин писал, что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая административная, против сил и традиций старого общества». Все эти рычаги диктатуры пролетариата должны быть приведены в полное действие и во второй пятилетке, дабы путем упорной борьбы осуществить задачу построения бесклассового социалистического общества.

Нельзя забывать, что и за пределами второй пятилетки, после уничтожения классов, пролетарское государство еще не перестанет существовать: оно будет отмирать как орудие подавления класса эксплуататоров и как особая форма руководства основными массами крестьянства со стороны пролетариата, потому что тогда не будет внутри страны классов, не будет ни класса капиталистов, ни класса мелкого крестьянства. Но государство полностью еще не отомрет. Нельзя игнорировать тот факт, что за пределами второй пятилетки, после уничтожения классов в нашей стране, социалистическое бесклассовое общество еще будет покрыто «родимыми пятнами» старого общества, что оно еще будет носить отпечаток старого общества в экономическом и в идеологическом отношении. Еще не будут полностью изжиты следы классовых различий и пережитки капитализма как в экономике, так и в сознании людей. Сохранятся еще различия между трудом квалифицированным и неквалифицированным, остатки фактического неравенства в распределении средств личного потребления; сохранятся еще остатки противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом; останутся еще различия в степени сознательности и дисциплинированности между авангардом общества и его остальной частью. И вот поскольку при социализме после уничтожения классов сохранятся следы классовых различий и пережитки капитализма в экономике и сознании людей, постольку сохранятся остатки государственного принуждения, а следовательно в этот период не может полностью отмереть и государство. «В первой своей фазе, — пишет Ленин, — коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций и следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта буржуазного права» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов потребления предполагает неизбежно и буржуазное государство, ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»¹⁾

Что значит, что при социализме останутся еще «узкие горизонты буржуазного права»? Здесь речь идет не о буржуазном праве в полном смысле слова, потому что буржуазное право по своему классовому существу есть право, основанное на частной собственности на средства производства и на эксплуатации, тогда как при социализме не будет ни того, ни другого. Следовательно по отношению к способу производства буржуазное право уничтожено. Здесь речь идет лишь об остатках «буржуазного права» в области распределения продуктов личного потребления, в связи с тем, что при социализме продукты потребления будут распределяться не по потребности, а по количеству и качеству затраченного труда. Маркс это назвал «узким горизонтом буржуазного права» потому, что этот принцип «эквивалентного вознаграждения за труд есть пережиток буржуазного принципа эквивалентного обмена.

¹⁾ Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 377.

Так как сохранятся еще нормы этого права, нормы распределения продуктов потребления по труду, останется и принуждение к соблюдению норм этого «права», необходима будет борьба с нарушениями норм «права», необходим строжайший контроль над мерой труда и мерой потребления со стороны государства. Государство не отомрет полностью при социализме еще и потому, что социалистическое общество еще нуждается в охране общественного государственного имущества, ибо при социализме сохранятся еще остатки неравенства в потреблении, продукты будут распределяться по труду, а не по потребности, а следовательно полное удовлетворение потребностей еще не будет достигнуто для всех членов социалистического общества. Государство сохранит свое значение при социализме и как орган борьбы с нарушениями трудовой дисциплины потому, что труд при социализме не перестанет еще быть только средством для жизни и еще не для всех он превратится в первую потребность жизни. Вот почему при социализме не будет полного отмирания государства. «Мы не утописты, — писал Ленин, — и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно и необходимости подавлять такие эксцессы... Но мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы начнут «отмирать»... С их отмиранием отомрет и государство» ¹⁾.

Полностью отомрет государство только при полном коммунизме. «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям... Распределение продуктов тогда не будет требовать нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности» ²⁾.

Итак, по Марксу и Ленину, государство отомрет полностью только при полном коммунизме. Для полного отмирания государства необходимы соответствующие и экономические и культурные предпосылки.

1) Прежде всего должны быть созданы экономические основы полного отмирания государства; необходим более высокий уровень в развитии производительных сил, при котором: а) возросшее количество благ обеспечит возможность в потреблении перейти от распределения по труду, к распределению по потребности, чем будут устранены последние остатки фактического неравенства в потреблении, а следовательно отпадут и остатки «буржуазного права», отпадет и станет ненужным государственное принуждение к соблюдению норм этого права; б) с другой стороны, труд будет настолько производителен и настолько облегчен, что он перестанет быть только средством для жизни и превратится в первую жизненную потребность; тогда все люди будут трудиться по способностям добровольно, без принуждения, а следовательно отпадет необходимость принуждения к соблюдению коммунистической трудовой дисциплины.

2) Для полного отмирания государства должны быть созданы и культурные предпосылки, должна быть полностью преодолена противоположность между умственным и физическим трудом, как одна из форм культурного неравенства; когда культурный уровень людей повысится до уровня тре-

¹⁾ Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 371.

²⁾ Там же, стр. 376.

бований коммунистического общежития и будут устранены экономические причины эксцессов, тогда люди привыкнут к соблюдению правил коммунистического общежития без всякого насилия, без принуждения. Тогда необходимость соблюдать правила коммунистического общежития превратится в привычку. Только тогда возможно будет осуществление полной демократии, только тогда начнет полностью отмирать государство, ибо отмирание государства есть отмирание демократии. При всем этом нельзя забывать, что если мы после уничтожения классов в СССР будем все еще находиться во враждебном нам капиталистическом окружении, то мы будем продолжать классовую борьбу против международного капитала. Это придает особенности тому государству, которое сохранится у нас при социализме; если роль государства, как орудия классовой борьбы по отношению к трудящимся, внутри СССР в основном отпадает, то по отношению к международному капитализму наше государство не потеряет своего классового характера и не перестанет быть орудием классовой борьбы мирового пролетариата против международного капитализма.

* * *

Исходя из всей этой внутренней и международной обстановки, перед лицом таких задач классовой борьбы, мы во второй пятилетке не только не должны ослаблять борьбы на два фронта против оппортунизма, но напротив, должны усилить эту борьбу.

Наша партия всегда решительно боролась против оппортунизма на два фронта; партийная воинственность и большевистская непримиримость к оппортунизму являются важнейшим условием укрепления партии в ее борьбе за осуществление ленинской генеральной линии партии. Партия не может ослаблять большевистского руководства во второй пятилетке. Борьба на два фронта против оппортунизма во второй пятилетке должна быть развернута еще больше, потому что почва, из которой вытекают уклоны, далеко не устранена.

Правая опасность остается главной опасностью, потому что она отражает кулацкую и мелкобуржуазную стихию; для правого оппортунизма характерны недооценка сопротивления остатков капитализма, отказ от классовой борьбы против кулачества, отказ от преодоления мелкособственнических пережитков в колхозах, игнорирование организующей роли пролетариата в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов, ставка на самотек, отказ от внедрения в колхозы шести условий тов. Сталина. Борьба против правооппортунистических установок на «затухание» классовой борьбы уже во второй пятилетке, борьба против самотечных настроений есть важнейшее условие успешной борьбы за окончательное уничтожение кулацко-капиталистических элементов во второй пятилетке, условие успешного преодоления мелкобуржуазных пережитков в колхозах.

Наряду с развертыванием борьбы против правого оппортунизма как главной опасности во второй пятилетке должна быть развернута борьба и против «левого» оппортунизма, который, будучи неспособен вести упорную повседневную работу по социалистическому воспитанию колхозников и отсталых рабочих, пытается организующую роль партии и рабочего класса подменить голым администрированием.

Решительная борьба на два фронта против оппортунизма должна сопровождаться дальнейшим развертыванием борьбы против гнилого либерализма, примиренчества к оппортунизму. Борьба против гнилого либерализма не потеряет своей актуальности и во второй пятилетке, потому

что в период, когда вопрос «кто кого» решен, классы ликвидируются, у отдельных неустойчивых, «уставших» звеньев перед лицом столь близкой окончательной победы социализма появляются и будут появляться демобилизационные настроения в вопросах борьбы против оппортунизма, ослабленные бдительности, настороженности.

Роль коммунистической партии и ее большевистского руководства не отпадает и за пределами второй пятилетки, после уничтожения классов. Пережитки капитализма в экономике и сознании людей еще не будут полностью изжиты к концу второй пятилетки: сохраняются еще остатки противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, различия между квалифицированным и неквалифицированным трудом; классы будут уничтожены, но следы классовых различий еще сохранятся на некоторое время и за пределами второй пятилетки: останутся еще различия в опыте классовой борьбы и в степени социалистической сознательности, выдержанности и дисциплинированности, ибо каждый имеет свою собственную историю и сохранят еще следы своего классового прошлого; останутся различия в опыте руководящей социалистического воспитания; останутся различия в опыте руководящей массовой работы в пролетарских организациях, различия в пролетарской и большевистской закалке. Следовательно останется необходимость в организаторе, руководителе, воспитателе, передовом борце. Все это выдвигает роль авангарда трудящихся и за пределами второй пятилетки, в первый период бесклассового социалистического общества, т. е. в первую фазу коммунизма.

Различие между партией и беспартийными сохранится за пределами второй пятилетки еще и потому, что сохранится значение этого различия в борьбе с международным капиталом, где имеют особо важное значение пролетарская сознательность и закалка, классовая устойчивость и выдержанность, большевистская боеспособность.

Нельзя забывать, что пока не будет закончена международная пролетарская революция, рабочие Советского союза и после уничтожения классов в СССР не перестанут быть составной частью мирового пролетариата: они останутся на этот период времени передовой, всесторонне развитой в классовом отношении частью мирового пролетариата. А следовательно, и наша большевистская партия не утратит своего классового характера на весь этот период: она останется пролетарской партией, партией пролетарского социализма, до полной победы мировой социалистической революции.

Проблема распределения средств потребления во второй пятилетке*)

И. Кузьмин

«Между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом» (Ленин, т. XVI, стр. 347). Переходный период — это период постоянно меняющихся условий, где старые формы переплетаются с новыми, новые постоянно вытесняют старые, где идет чрезвычайно быстрый процесс изменения всех сторон общественной жизни, техники, производственных отношений, культуры, быта. Поэтому анализ закономерностей этого периода представляет огромные трудности. Здесь всегда подстерегает опасность или отстать от жизни — застрять только на старых формах, в то время как жизнь их уже преодолела, — или увлечься только ростками нового, обобщить их на все происходящее, забыть не изжитые еще старые формы, их роль и значение для вызревания нового. Уметь найти на каждом этапе особую закономерность диалектического сочетания нового со старым, их взаимодействия — наиболее трудная, но совершенно необходимая задача, которая стоит не только перед теми, кто занимается теоретическим осознанием закономерностей советского хозяйства, но не в меньшей мере и перед теми, кто в повседневной практике борется за скорейшее построение социалистического общества.

Это положение не потеряло своего значения и для качественно новой стадии переходного периода, в которой мы сейчас находимся, для стадии периода социализма, протекающего еще в условиях последнего этапа нэпа. Мы завершили построение фундамента социалистической экономики. Партия поставила задачу построения бесклассового общества во втором пятилетии. Но остатки старых отношений в экономике, культуре, быту, особенно в двух последних, еще достаточно сильны. Сам носитель нового способа производства, его творец и создатель — пролетариат, успешно осуществляющий переделку старого общества и в процессе этой переделки передельвающий самого себя, — еще эту переделку самого себя не закончил. Во второй пятилетке развернется полным темпом и в невиданных масштабах эта всесторонняя переделка трудящихся в подлинно социалистических работников. Во главе этой переделки будет попрежнему стоять пролетариат города с передовым своим авангардом — коммунистической партией.

Родимые пятна буржуазного общества, его культуры, его навыков, его традиций присущи не только переходному периоду в старом смысле этого

*) В порядке постановки вопроса. — Ред.

слова, они присущи и всему периоду социализма. Только коммунизм, только вторая стадия социализма избавит общество в полной мере от этого наследия. Новые формы еще будут переплетаться со старыми и во второй пятилетке. Нужно уметь использовать старые формы для ускорения социалистического строительства. Это относится ко всем сторонам общественной жизни, в том числе, и пожалуй в первую очередь, к проблемам распределения.

Владимир Ильич в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» дал образец диалектического решения вопроса о старых и новых формах. «У нас, — говорил Вл. Ильич, — есть теперь», с точки зрения развития международного коммунизма такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно проявить себя в любой форме и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старыми помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые, формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма».

Владимир Ильич там же обрушился на правых и «левых» доктринеров, отрицающих и в теории и на практике этот важнейший закон развития. Он говорил: «Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять всю тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями» (т. XXV, стр. 238).

Эти положения, развитые Лениным для тактики международного революционного движения, имеют исключительно важное значение и для переживаемого нами периода социализма, когда происходит быстрая смена форм, когда буквально не по дням, а по часам растет, пробивает себе дорогу новое, могучее социалистическое содержание. Уметь в этот период учесть изменяющиеся условия, развить новые формы, использовать старые для укрепления нового и все это направить на пути дальнейшего ускорения развития социалистического содержания и новых, социалистических форм — решающая задача с точки зрения развития и укрепления победоносного социалистического строительства. Отсутствие диалектического подхода к разрешению проблем периода социализма с неизбежностью приводит в болото правого или «левого» оппортунизма.

Мы завершили построение фундамента социалистической экономики, социалистический сектор получил абсолютно господствующее положение в народном хозяйстве, внутри страны разрешена проблема «кто кого» окончательно и бесповоротно в пользу социализма, и одновременно с этим партия борется против прямого распределения, против «левацких» теорий отрицания роли денег, за развитие советской торговли, за укрепление хозрасчета, контроля рублем. Почему? Только потому, что в этих формах, на первый взгляд как-будто только старых формах, обеспечивается наиболее успешное и быстрое развитие социалистического способа производства. Партия всемерно развивает соцсоревнование, ударничество, встречный план — эти формы подлинно коммунистического отношения к труду, и одновременно ведет решительную борьбу против мелкобуржуазной уравниловки, едоцкою принципа распределения в колхозах, за сдельщину, за распределение по трудодням и т. д.

Правые и «левые» оппортунисты борются против этой линии партии. Почему? Потому что они не понимают диалектики классовой борьбы, потому

что они, говоря словами Ленина, «оказались людьми, до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием» (т. XXV, стр. 247), что превратились в прямых агентов классового врага. Для них закрыто понимание того, что хозрасчет, советская торговля, сдельщина сейчас наполнены новым содержанием, укрепляющимся и развивающимся, что партия именно борется за упрочение и развитие этого содержания, используя формы, соответствующие данному периоду социалистического строительства. Для них закрыто понимание того, что наша сдельщина принципиально отлична от сдельщины в условиях капитализма, что сдельщина на современном этапе развития пронизана социалистическим отношением к труду — соцсоревнованием, ударничеством, укрепляет и развивает их, способствует вовлечению новых слоев рабочих в соцсоревнование, ударничество и т. д.

Период социализма в условиях последней стадии нэпа характерен именно тем, что новое могучее содержание пронизывает собой все стороны экономической действительности, вызывает к жизни новые формы, подчиняет своему содержанию старые, но подчиняет их не механистически, а диалектически. И в области распределения мы принуждены сохранять еще распределение по труду. Только «на высшей ступени развития коммунистического общества, после того, как исчезнет порабощающее подчинение человека закону разделения труда, а вместе с ним и противоположность умственного и физического труда, и труд, перестав быть только средством для жизни, сам делается первой потребностью жизни, когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов разрастутся производительные силы и все источники общественного богатства будут литься широкой рекой — только тогда впервые раздвинется узкий горизонт буржуазного права и общество напишет на своем знамени: «Всякий по своим способностям, всякому по его потребностям». До тех же пор «всякий производитель лично получает (после сделанных вычетов) в точности то, что он дает обществу». Господствующий принцип в распределении следовательно «тот же, что и при обмене товарных эквивалентов, определенное количество труда в одной форме обменивается на то же количество труда в другой форме» (Маркс, «Критика Готской программы»).

Сохранение этой формы распределения во второй пятилетке обуславливается, с одной стороны, той ступенью развития, на которой находится строящаяся экономика социализма, с другой стороны, она как соответствующая данному этапу развития форма будет способствовать ускоренным темпам развития социалистической экономики, преодолению пережитков капитализма в экономике и сознании людей, будет способствовать превращению «всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Подчинить проблему распределения средств потребления задачам социалистического строительства — такова сущность проблемы, определяющая и практические формы ее осуществления.

«Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» (из резолюции XVII партконференции). В первое пятилетие мы, развивая большевистскими темпами социалистические производительные силы, построили фундамент социалистической экономики и успешно завершаем в 1932 — 33 гг. процесс ликвидации кулачества как класса. Во втором пятилетии задача ликвидации классов СССР, задача ликвидации условий, рождающих классы, будет решена полностью. Наша переходная экономика будет окончательно преобра-

зована в экономику социалистическую. Начнется новая эра в истории человечества. Бесклассовое общество будет двигаться к коммунизму—к высшей стадии развития в истории человечества.

Распределение во второй пятилетке будет определяться принципом: за равное количество труда — равная плата, за которую можно получить равное количество продуктов потребления. Эта несколько усложненная форма вытекает из того, что во второй пятилетке в экономике сохраняется денежная форма. Наличие денежной формы усложняет разрешение этой проблемы и требует разработки целого ряда последовательных мероприятий.

За равный труд — равная плата! Плата по количеству и качеству затраченного труда! Но какое содержание нужно вкладывать в понятие равный труд? Можно ли проблему равного труда свести к проблеме физиологического равенства? Все эти вопросы нужно правильно разрешить для того, чтобы по-марксистски этот принцип применить к действительности.

При разрешении этого вопроса нужно решительно преодолеть механистическую его трактовку, при которой единственным критерием будет количество затраченного физиологического труда. Бóльшая затрата физиологической энергии — бóльшая плата; равная затрата физиологической энергии — равная плата. Такой метод решения вопроса ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет, ибо отвлекается от способа производства, от задач социалистического строительства, сводит исторически ограниченную общественную категорию к категории надисторической, натуралистической. При этом подходе проблема распределения средств потребления не подчиняется задачам социалистического строительства. Он делает ставку на простую физическую затрату, отвлеченную от проблемы квалификации, от проблемы всестороннего политехнического развития трудящихся, от проблемы механизации и задач технической реконструкции. Между тем проблема завершения технической реконструкции народного хозяйства — основная хозяйственная задача второго пятилетнего плана. Человек в разрешении этой проблемы, как и других проблем, играет решающую роль. Ясно, что без овладения техникой дела проблему завершения реконструкции народного хозяйства не разрешить.

Проблема равного труда есть целиком общественная проблема, определяемая данными условиями социалистического строительства. В качестве такой проблемы она выступает во всей ее сложности и многогранности. При решении этой проблемы мы обязаны учитывать ряд сторон, которые в совокупности и дадут определение равного труда. Оно должно включать в себя определенную ступень квалификации, исходя из задач социалистической реконструкции народного хозяйства, ведущие участки квалифицированного труда, ведущие отрасли, ведущие профессии. Роль ведущих участков квалифицированного труда, определение степени квалификации на разных этапах социалистической реконструкции могут и должны быть различными. Кроме того остается область неквалифицированного труда, где должно быть четко проведено различие между трудом тяжелым и трудом легким. Различным будет следовательно и понятие равного труда для разных ступеней построения социалистического общества и самого социалистического общества. В определение равного труда наконец в качестве одной лишь стороны входит и различие физиологических затрат в широком смысле слова.

Физиологические затраты следовательно входят в понятие равного труда, но оно не сводится к ним, как у механистов, и не отрывается от них, как у идеалистов (контрреволюционная рублищина и другие идеалистические течения), сводящих всю проблему к бессодержательному равенству, отвлеченному от общественной формы и материального содержания.

Только при правильном определении равного труда система оплаты труда, а следовательно система распределения средств личного потребления может быть поставлена на службу социалистическому строительству.

Необходимость построения распределительных отношений на последней стадии переходного периода и в социалистическом обществе на основе количества и качества затраченного труда особенно подчеркнул т. Сталин на совещании хозяйственников. Он говорил: «В ряде предприятий тарифные ставки установлены у нас таким образом, что почти исчезает разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким»... «Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду того, «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности» (Сталин).

Принципы, положенные в основу личного распределения на современном этапе, должны быть решающими и для второго пятилетия. Они отпадут только в коммунизме, где будет создан иной базис для распределения, а вместе с ним изменятся и принципы распределения. Принципы распределения по труду, а не по потребности, покоятся, во-первых, на определенном уровне развития производительных сил, который еще не может обеспечить каждого по потребности, и во-вторых, на том, что социализм носит еще на себе отпечаток старого общества, родимые пятна капитализма.

Маркс, доказывая необходимость распределения по труду, отчетливо видел, что «равное право в принципе остается еще все тем же «буржуазным правом», с тою разницей, что теория и практика уже не воюют друг с другом, как в настоящее время (в капитализме. — И. К.), когда при обращении товаров обмен эквивалентов не существует для отдельных сделок и проявляется лишь в средних общих числах» (Маркс, «Критика Готской программы»). Однако это буржуазное право как неизбежное наследие, от которого мы на определенной ступени не можем еще отказаться, поставленное в иные социальные условия, сохраненное в ином, социалистическом способе производства, выполняет другое назначение. Там оно укрепляло капиталистический способ производства. Здесь мы его сохраняем, но не для укрепления частной собственности, частнособственнической психологии, а для преодоления ее, для ее отмирания. Ибо формула личного распределения «за равный труд — равная плата», правильно, по-марксистски примененная, заставляет рабочего развивать свои способности, свою техническую квалификацию, готовя тем самым развитого работника социалистического общества.

* * *

Социализм — это бесклассовое общество. Социализм — это крупное общественное в масштабе всего народного хозяйства производство. Оно немислимо без сознательной трудовой дисциплины, без сознательного отношения к труду. Пролетариат, воспитанный в условиях капитализма, где труд — тяжелое бремя и форма эксплуатации одного класса другим, неизбежно сохраняет в известных своих слоях это отношение к труду, как к тяжелому бремени, и в переходный период. Только в горниле классовой борьбы, в процессе гигантской созидательной работы по строительству нового, социалистического общества, пролетариат выковывает новое, подлинно коммунистическое отношение к труду, когда труд из зазорного и тяжелого бремени превращается в дело чести. Этот процесс выковывания нового, коммунистического отношения к труду — длительный и сложный процесс. Передовые слои, авангард, перерабатывают себя раньше, другие слои — позднее. От первого субботника на Казанской дороге, от тысяч передовых рабочих — участников первых субботников — до миллионной армии участников социа-

листического соревнования и ударничества, — таков путь, который прошел рабочий класс нашей страны за 10 — 12 лет социалистического строительства. Доблестный и славный путь!

Соцсоревнование и ударничество с каждым днем все больше захватывают различные стороны общественной жизни. Родившись на заводе и фабрике, соцсоревнование и ударничество проникли в советский аппарат, колхозную систему, культурные и учебные заведения, не оставив вне поля своего воздействия и область науки, область во многом еще до сих пор кустарщины и индивидуализма. Дальнейшие успехи социалистического строительства все в большей степени будут превращать соцсоревнование и ударничество в повседневный метод всей нашей работы.

Но можем ли мы сказать сейчас, что полностью изжиты остатки старого отношения к труду? Нет. Далеко еще нет. И уже прежде всего потому, что армия пролетариата пополняется ежегодно и будет пополняться в ближайшие годы сотнями тысяч, миллионами новых рабочих как из числа колхозников, так еще и выходцами из мелкой буржуазии деревни и города. Они в подавляющей своей массе приходят на социалистическую фабрику, завод со своей мелкобуржуазной идеологией, недисциплинированные, не привыкшие к условиям крупного производства. Выковать из них сознательных социалистических работников — такова задача. Она осуществляется целой совокупностью мероприятий, всем ходом социалистического строительства. Исключительную роль призваны здесь сыграть новые, социалистические формы отношения к труду: соцсоревнование, ударничество, хозрасчетные, планово-оперативные бригады. Но снимает ли развитие новых форм коммунистического отношения к труду использование форм личной заинтересованности работника в результатах своего труда?

Бесспорно, что только высшая стадия коммунизма окончательно снимет проблему личной материальной заинтересованности работника. Во второй же пятилетке и в социалистическом обществе будут меняться лишь различные формы и методы личной материальной заинтересованности при сохранении самой этой личной заинтересованности. Эту простую истину к сожалению в последнее время в практике социалистического строительства многие часто забывают, проводя на словах «ультракоммунистическую», а на деле кулацкую политику уравнительности, за которой скрывается глубокое внутреннее неравенство различных видов труда.

Различие между квалифицированным и неквалифицированным трудом, различие внутри квалифицированного труда мы еще уничтожить не могли, не сможем уничтожить и в ближайшее время, а без уничтожения этого различия всякие попытки ввести уравнительность означают мелкобуржуазную утопию, играющую на руку нашему классовому врагу. И отнюдь ведь не является случайностью, что кулачество усиленно агитирует за уравниловку в колхозах, выступает против распределения дохода по трудодням, против сдельщины. Мелкобуржуазную природу лозунга «уравнительности» отчетливо выявляют и ее непосредственные носители в рядах пролетариата, как правило, новые слои рабочего класса, выходцы из мелкой буржуазии города и деревни.

Все это говорит о том, что в тех случаях, когда «заработная плата» рабочих не ставится в зависимость от количества и качества выполняемой работы, форма «заработной платы», призванная стимулировать на основе материальной личной заинтересованности развитие производительности труда, рост квалификации и технической грамотности рабочих, не выполняет эту свою функцию и отказывается служить делу ускорения темпов социалистического строительства.

В условиях социалистического способа производства личная материальная заинтересованность, повышая уровень производительности труда, повышая квалификацию и техническую грамотность рабочего, повышая уровень

его жизни, тем самым служит прямо и непосредственно делу социализма, делу всего рабочего класса. В этом — коренное отличие личной заинтересованности вообще и в частности таких ее форм, как сдельщина, у нас от форм личной заинтересованности, и в особенности сдельщины, в условиях капитализма. Нужно эту коренную разницу понять, чтобы уметь максимально внедрить личную заинтересованность во всю практику и политику заработной платы, чтобы по-большевистски драться с мелкобуржуазными лозунгами уравнительности.

Равенство в распределении может быть достигнуто только тогда, когда будет достигнуто равенство условий труда в процессе производства, когда будет достигнуто равенство в условиях воспроизводства рабочей силы. Равенство в процессе труда мы осуществим только в высшей стадии коммунизма, когда будет уничтожена старая иерархия разделения труда. Энгельс в «Принципах коммунизма» писал: «Разделение труда, расшатанное уже в настоящее время машиной и превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребности общества или их собственной склонности. Таким образом воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда. Таким образом общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применить их всесторонне развитые способности» (стр. 478). Тогда-то и наступит действительное коммунистическое равенство: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». До тех же пор у нас сохраняется «буржуазное право»: «за равный труд — равное количество продукта».

Владимир Ильич говорит: «Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для поднятия производства» (т. XVIII, ч. 1-я, стр. 293).

Практика социалистического строительства блестяще подтвердила это положение марксизма-ленинизма. Она показала, что принцип личной заинтересованности является лучшим методом, средством, орудием в поднятии производительности труда, в трудовом перевоспитании масс на социалистических основах. Распределение играет далеко не последнюю роль в деле превращения труда в первую жизненную необходимость. «Заработная плата», построенная на марксистско-ленинских основаниях, на основе указаний т. Сталина — на основе борьбы с уравниловкой, на различии труда квалифицированного и неквалифицированного, труда тяжелого и легкого, — укрепляет и стимулирует новое отношение к труду, ибо оно исключает возможность для лодыря и прогульщика получать больше или столько же, сколько и дисциплинированный, сознательный рабочий.

А колхозная деревня, вступившая прочно на социалистический путь развития? Переделка там простого товарного производителя в социалистического работника — гигантская и сложная задача. Принцип распределения по количеству и качеству затраченного труда играет там исключительно важную роль в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов, в деле переделки бывших мелких собственников.

Одним словом, «буржуазное право», в силу необходимости сохраненное на почве социалистических производственных отношений, выполняет другую задачу, чем в условиях капитализма. Это лишний раз ярко подчеркивает положение Ленина о том, что мы используем старые формы не для того, чтобы со старым примириться, а для того, чтобы всяческие новые и старые формы

сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма.

Строя распределение во второй пятилетке на принципе: «равная плата за равный труд», или иначе, плата по количеству и качеству затраченного труда, мы тем самым подчиняем проблему распределения средств потребления задачам производства — развитию производительности труда и социалистическому перевоспитанию рабочих и колхозников в единую армию социалистических работников.

Но поскольку на протяжении второй пятилетки еще сохраняются различия между последовательно-социалистическим типом организации производства и колхозно-социалистическим, постольку должны сохраниться и различия в формах распределения. Только в итоге осуществления всемирно-исторических задач, которые партия поставила перед второй пятилеткой, мы уничтожим экономическое различие между последовательно-социалистической и социалистической по типу формой производства и превратим рабочих и колхозников в работников социалистического производства. Колхозы должны превратиться в последовательно-социалистическую форму производства, ибо только на этой основе может быть уничтожено классовое различие между рабочим классом и колхозным крестьянством и проблема распределения по количеству и качеству затраченного труда выступит в одних и тех же формах.

Это не значит, что за пределами второй пятилетки, после ликвидации классового общества в нашей стране, у нас не будет остатков старого, классового деления общества. В социализме «имеются еще, несмотря на уничтожение классов, остатки старого, классового деления общества, а следовательно и остатки государственной власти пролетариата, принуждение права, не уничтожена и не изжита целиком противоположность между городом и деревней» (из программы Коминтерна).

Вторая пятилетка будет пятилеткой борьбы за уничтожение классового различия между рабочим классом и колхозным крестьянством. Поэтому в периоде второй пятилетки не могут не сохраниться различия в формах распределения в последовательно-социалистическом и социалистическом секторах, ибо «любое распределение средств потребления есть лишь производное следствие распределения самих средств производства». «Левацким» заскоком является поэтому требование еще до уничтожения различия в распределении средств производства требовать этого уничтожения в распределении средств потребления и перевода оплаты труда колхозников на «зарплату». Партия дает решительный отпор этим «левацким» загибам, ибо они ведут нас в сторону от переделки колхозного крестьянства в социалистических работников.

Один и тот же принцип распределения по количеству и качеству затраченного труда выступает и неизбежно будет выступать до определенного предела в различных формах в последовательно-социалистических предприятиях и колхозно-социалистических.

Различие форм распределения — «зарплата» и распределение по трудодням — выражает и отражает две различные ступени развития социалистических производственных отношений, две различные формы организации производства и труда на путях построения единой социалистической экономики.

Колхозная форма производства, основанная на земле, принадлежащей пролетарскому государству при концентрации в руках пролетарского государства производства всех основных средств производства, есть одна из форм социалистической организации производства. Отличие колхозной формы производства от последовательно-социалистической заключается в том, что в первой социалистические производственные отношения покоятся в условиях диктатуры пролетариата на коллективной собственности данной группы про-

изводителей, а последовательно-социалистические производственные отношения основываются на собственности пролетарского государства.

Эта коллективная групповая собственность многими путями переплетается и связывается с государственной собственностью. Достаточно указать на машинно-тракторные станции. Машинно-тракторная станция, принадлежащая государству, обслуживающая средствами производства ряд колхозов и поднимающая организацию труда в этих колхозах на более высокую ступень, есть, после национализации земли, важнейшая форма подведения под колхозную форму общегосударственной собственности. Все это однако не устраняет на данной стадии различия между последовательно-социалистической и социалистической колхозной формой производства, хотя намечает способ и делает первые шаги по пути этого устранения.

Отсюда и различие в формах распределения средств личного потребления. В колхозах это распределение выступает в качестве распределения в конце хозяйственного года дохода, оставшегося за вычетом соответствующих фондов: во-первых, фондов, подлежащих сдаче (продаже) государству, и, во-вторых, фондов, предназначенных для расширенного воспроизводства коллективного хозяйства. Сумма доходов в денежной и натуральной формах зависит от успеха истекшей хозяйственной деятельности данного коллектива.

Эта форма распределения не только повышает производительность труда, но и заставляет вчерашнего мелкого собственника подниматься до интересов всего коллектива, заботиться об его успешной хозяйственной деятельности. Его личные интересы здесь теснейшим образом переплетаются с интересами коллектива, ибо его личное благосостояние зависит от благосостояния коллектива.

Партия остается верной заветам Ленина о путях переделки мелкого собственника в коллективного работника. Путями, доступными и понятными ему, мы вовлекали и вовлекаем его в колхозы. Путями, доступными и понятными ему, мы переделываем его внутри колхоза, ставя задачей превращение его через ряд переходных звеньев в социалистического работника. Форма распределения доходов по количеству и качеству затраченного труда на основе трудодней является одной из лучших форм, приучающей колхозника к трудовой дисциплине, заставляющей его заботиться об интересах целого.

При этой форме распределения неизбежно сохраняется различный уровень в доходах одних и тех же групп колхозников не только в различных районах, но и внутри одного района. В различных колхозах одного и того же района, одного и того же направления сельского хозяйства (не говоря уже о различных направлениях) неизбежно будет существовать различный доход на один трудодень, а следовательно и различный доход от одного и того же количества выработанных трудодней. Кроме всех прочих различий (степень механизации, электрификации, химизации), которые будут устраняться по мере индустриализации деревни, различная высота дохода будет главным образом зависеть от умелого ведения хозяйства, от организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Различная сумма дохода на трудодень в зависимости от успехов хозяйственной деятельности будет толкать колхозников на лучшую организацию труда и производства в их колхозе, будет стимулировать их хозяйственную инициативу, способствовать укреплению трудовой дисциплины и росту производительности труда, будет заставлять их доискиваться причин меньшей производительности, толкать на необходимость большего технического вооружения труда, его рационализации.

Различный уровень доходов одних и тех же групп колхозников, хотя бы и смежных колхозов, на определенной ступени (и только на определенной ступени) следовательно является стимулом в улучшении организации труда и производства, в то время как различная оплата труда одних и тех

же групп рабочих, одной и той же отрасли производства является сейчас (там, где она вопреки директивам партии существует) тормозом в деле организации труда и производства. Это положение вещей вытекает из различия последовательно-социалистической и социалистической формы организации производства. Оно покоится на том, что колхозники являются коллективными собственниками данного предприятия, материально отвечающими за его деятельность, получая результаты деятельности в зависимости от успешной работы данного предприятия.

Проблема распределения крепчайшими нитями увязана с задачей организационно-хозяйственного укрепления колхозов, больше того, она является ее важнейшей стороной. Задача организационно-хозяйственного укрепления шире, чем задача распределения, но не следует забывать, что распределение есть вторая сторона процесса воспроизводства, находящаяся с ним в диалектическом единстве.

Могла ли та роль, которую выполняет форма распределения дохода на основе трудодней, выполнить на данной ступени развития колхозов форма «зарботной» платы? По нашему мнению, не могла бы, ибо она при теперешнем уровне развития колхозного движения снимала бы с колхозника заинтересованность в успешной деятельности своего предприятия и означала бы не что иное, как перепрыгивание через данный этап колхозного движения, отрывала бы тем самым проблему распределения от способа производства и ни в коей мере не способствовала бы организационно-хозяйственному укреплению колхозов, а наоборот, привела бы их к развалу.

Различие форм распределения в государственных и колхозных предприятиях должно сохраниться, пока сохраняется различие между последовательно-социалистической и социалистической формой производства. Это конечно не означает, что не будет вовсе сдвигов в вопросах распределения, что на протяжении второго пятилетия целиком и полностью сохранятся все те формы, в которых происходит распределение дохода сейчас. Не занимаясь гаданием, можно уже сейчас предвидеть направление изменений в этой области.

Прежде всего они должны пойти на определенной ступени по линии уничтожения двойственной формы распределения — натуральной и денежной. Доход на трудодень должен будет получить единую форму выражения (денежную), и только в денежной форме должно будет производиться распределение. Колхозник сможет купить в своем колхозе на полученную сумму денег необходимые ему продовольственные продукты так же, как он покупает другие «товары» в кооперации и госторговле. Успехи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и развертывание советской торговли неизбежно предполагают переход на такую форму взаимоотношения колхозника со своим колхозом. Это вместе с тем будет означать переход распределения в колхозах на более высокую ступень.

Во-вторых, на определенной ступени индустриализации, роста неделимых фондов, роста средств производства, приобретенных колхозом, на определенной ступени организационно-хозяйственного укрепления колхозов отпадет необходимость распределения части доходов по имуществу, внесенному каждым колхозником в обобществленный фонд. Распределение по количеству и качеству затраченного труда выступит не только основным и решающим, но и единственным принципом в личном распределении.

В-третьих, уровень оплаты труда отдельных групп квалифицированных колхозников (механиков, электромонтеров, слесарей, трактористов и т. д.) на определенной ступени должен быть подтянут к уровню оплаты соответствующих категорий рабочих государственных предприятий. Индустриализа-

ция сельского хозяйства чем дальше, тем больше будет требовать и вместе с тем создавать десятки и сотни тысяч лиц квалифицированного труда, без которых немислимо осуществить механизацию и электрификацию сельского хозяйства.

Эти группы квалифицированных колхозников (в интересах как самого колхоза, так и пролетарского государства) должны быть закреплены в сельском хозяйстве. Одним из основных условий их закрепления будет соответствующий уровень получаемого ими дохода. Резкий отрыв дохода этих категорий колхозников от соответствующих им категорий рабочих будет создавать их отлив из колхозов. Между тем интересы социалистического переустройства сельского хозяйства, интересы поднятия производительности сельскохозяйственного труда будут требовать не только закрепления этих кадров, но и воспроизводства их во все более расширенном масштабе. Приближение дохода этих групп колхозников к уровню соответствующих групп рабочих покоится, с одной стороны, на принципе распределения «за равный труд равная плата», а с другой, обеспечивается более высокой производительностью труда этих групп в сравнении с общей массой колхозников.

Вообще нужно заметить, что устранение различия в уровне потребления города и деревни теснейшим образом зависит от увеличения производительности сельскохозяйственного труда. Оно будет осуществляться не на основе уравниловки, не на основе равномерного под'ема всех групп колхозников, а на дифференцированной основе: при общем быстром под'еме во второй пятилетке благосостояния всех колхозников одни группы будут подниматься быстрее, чем другие. Поднять благосостояние деревни до соответствующего уровня города — проблема, выходящая за пределы второго пятилетия. Лишь определенные группы колхозников поднимутся до соответствующих групп потребления индустриального пролетариата.

Это своеобразие распределения для определенных групп квалифицированного труда потребует регулирования оплаты их труда в порайонном масштабе, с учетом уровня оплаты соответствующих групп рабочих данного района, ибо разрешить эту проблему в пределах отдельного колхоза нельзя. Тем самым формы распределения для определенных групп колхозников будут приближаться к формам «заработной платы». Полный же переход на одинаковые формы распределения явится лишь как результат окончательной индустриализации сельского хозяйства, как результат уничтожения различия между последовательно-социалистической и колхозной формой производства.

Последовательное осуществление принципа распределения по количеству и качеству затраченного труда требует адекватных форм и для последовательно-социалистического сектора, при помощи которых этот принцип может быть осуществлен в наиболее полной мере. Какие же формы нужны для реализации этого принципа в предприятиях последовательно-социалистического сектора? Эти формы не могут быть произвольными. Распределение всегда определяется производством, теми формами, в коих протекает процесс производства. В условиях второго пятилетия сохраняется товарно-денежная форма в ее специфическом, советском смысле как всеобщая форма организации планового производства, как всеобщая форма измерения затраченного на производство живого и «овеществленного» труда, как форма выражения социалистического накопления. А форма измерения количества и качества затраченного труда обуславливает и формы распределения. Проблема распределения средств потребления по количеству и качеству затраченного труда может наиболее полно осуществиться только через денежную форму. Требования о переходе к натуральному распределению, к продуктообмену в условиях второй пятилетки являются «лево»-оппортунистическими, объективно направленными на дезорганизацию производства и распределения, ибо оно

рассматривает распределение вне форм единого процесса расширенного социалистического воспроизводства. Единой и всеобщей формой распределения средств потребления во второй пятилетке в последовательно-социалистическом секторе может явиться только денежная форма «заработной платы».

Плата по количеству и качеству затраченного труда, равная плата за равный труд в практике нашей современной действительности еще полностью не проведена по двум причинам. Прежде всего этот принцип извращается уравниловкой в зарплате, с которой партия, осуществляя указания т. Сталина, ведет беспощадную борьбу. Система заработной платы в 1932 году должна быть так перестроена, чтобы полностью ликвидировать уравниловку. Тем самым мы должны осуществить денежную оплату по количеству и качеству затраченного труда. Но нужно помнить, что в зависимости от задач второго пятилетия, от хода осуществления плана, от развития новых отраслей соотношения между различными группами труда неизбежно будут изменяться. Определение равного труда не есть застывшее, неизменное определение, оно меняется в зависимости от многих условий. Отсюда следует, что требуется периодический пересмотр соотношений оплаты различных групп рабочих в зависимости от задач социалистического строительства.

Во-вторых, осуществление принципа оплаты по количеству и качеству затраченного труда требует полной увязки денежной и натуральной формы распределения. Эта полная увязка предполагает отмену прямого нормирования в форме распределения по карточкам, которое, даже при четком регулировании, неизбежно порождает известный разрыв между денежным и материальным распределением. Прямое нормирование создает известное уравнение в потреблении ряда продуктов среди различно оплачиваемых групп рабочего класса. Несмотря на эти отрицательные стороны, ясные для партии, они являются неизбежным и необходимым следствием недостатка ряда продуктов. Но это—вынужденная, временная необходимость, а не принцип распределения для всего периода социализма. Люди, пытающиеся возвести эти неизбежные и необходимые для данного этапа формы распределения в принцип для всего периода социалистического общества, мало что поняли в учении Макрса—Ленина—Сталина о социализме. Отнюдь не случайно, что XVII партийная конференция поставила перед второй пятилеткой задачу отмены нормирования и замены системы централизованного распределения развернутой советской торговлей.

После отмены нормирования (которое мы осуществим на определенной степени второй пятилетки) единственной и всеобщей формой регулирования потребления будет «заработная плата». Отмена нормирования, отказ от централизованного распределения и переход к развернутой советской торговле потребуют прежде всего единой цены. Гибкая политика цен предполагает тщательное изучение не только всех производственных элементов ценообразования, но и потребностей, спроса на те или иные группы товаров, специфических особенностей тех или иных районов. Советская торговля, за всемерное развертывание которой партия сейчас борется, только одна и позволит в наиболее гибких формах осуществить все эти задачи.

Отмена нормирования во второй пятилетке подготавливается не только развертыванием советской торговли. Наши успехи в области индустриализации и реконструкции сельского хозяйства позволили партии запроектировать увеличение потребления трудящихся в 2—3 раза и на этой основе, по мере осуществления этих задач, позволят партии отменить на определенной степени нормирование. Недостаток отдельных товаров в таком случае не явится препятствием для отмены нормирования. Правильная политика цен позволит регулировать соотношение спроса и предложения, будет способствовать замене одних продуктов другими.

Отмена нормирования, переход к развернутой советской торговле. все не означает, как это представляют себе оппортунисты, отрицания роли планового начала. Плановое начало будет всемерно усилено, но оно выступит в более гибких формах, в формах советской торговли, заработной платы и плановой цены.

Установление единой для последовательно-социалистического сектора системы распределения, которая вместе с тем является и формой организации трудового процесса на производстве, — в форме заработной платы, позволит наиболее полно и последовательно осуществить распределение по количеству и качеству затраченного труда.

XVII партконференция в своих решениях четко наметила пути и задачи нашего развития во второй пятилетке. Эти решения обязывают экономистов-коммунистов заняться теоретической разработкой проблем, вытекающих из этих решений. Теоретическая разработка этих проблем приобретает актуальнейшее значение, ибо роль марксистско-ленинской теории состоит в том, что «она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что «Без революционной теории не может быть и революционного движения» (Сталин).

Троцкистская теория кризисов и империализма

И. Дворкин

(Окончание*)

Троцкистская теория империализма в изложении Преображенского

Подобно тому, как в теории кризисов Преображенский применяет механистический, абстрактно-аналитический метод, не вскрывает реальных противоречий капитализма, не показывает того, как эти противоречия порождают кризисы и как они в кризисах выражаются, а пытается вывести всю теорию кризисов из конструированных им схем, составляющих якобы «продолжение» и «усложнение» марксовых схем воспроизводства, так и в теории империализма Преображенский применяет тот же самый метод. Преображенский считает необходимым исследовать кризисы в период империализма, исходя «из предпосылок чистого капитализма, находящегося на стадии монополизма» («Закат капитализма», стр. 40). Вместо того, чтобы взять империализм как противоречивое целое Преображенский выдумывает чистый, в действительности несуществующий «монополизм» — империализм без конкуренции. Преображенский берет не реальную противоречивую действительность империализма, т. е. империализм в связи с противоречиями старого капитализма, а чистую, существующую лишь в его представлении, абстракцию империализма («монополизма»).

Империализм нельзя изучать без противоречий капитализма, без конкуренции. Метод Ленина в изучении империализма прямо противоположен методу Преображенского. Ленин писал: «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополями... в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с нею, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов» (Ленин, «Империализм», т. XIX, стр. 141, 142. Разрядка наша. — И. Д.).

Вместо того, чтобы взять для изучения империализм во всей совокупности его конкретных отношений, во всем его противоречивом развитии, Преображенский изучает «чистый», «нормальный» империализм («монополизм»), из которого исключаются реальные противоречия,

*) См. № 11—12 за 1931 г.

противоположности. Вместо того, чтобы изучить империализм во всех его противоречиях, «охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования» (Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 55), Преображенский берет предметом изучения «чистый», реально не существующий «империализм», по его терминологии «монополизм», лишает империализм его основных черт.

Метод изучения «чистого» империализма, применяемый Преображенским,— тот же, который применяют все теоретики организованного капитализма и ультраимпериализма. Все они от Каутского до Гильфердинга отвлекаются от реальных противоречий империализма, которые как раз и образуют его сущность. Например Каутский, создавая свою теорию империализма, именно и берет империализм как чистый, лишенный противоречий, лиричный и т. д. «Теоретическая критика империализма у Каутского,— писал Ленин,— потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «частной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д.» (Ленин, т. XIX, стр. 161).

Принимая обычный метод социал-демократических теоретиков, Преображенский не может,—как это мы увидим ниже,—не притти к чистой логической схеме империализма, которая пытается отразить лишь одну из сторон империализма, одну или несколько черточек и поэтому не отражает его в целом. Механистический, аналитический подход к изучению империализма вместо диалектического подхода—таков метод Преображенского. Подобно тому, как в своей теории кризисов Преображенский взял лишь один из моментов, порождающих кризисы,— смену основного капитала, выпятил эту сторону, придав совсем несоответствующее ей значение, объявил ее главной причиной кризисов, а этим самым исказил и опошил теорию кризисов, по-буржуазному ее истолковал, так и в своей теории империализма и кризисов при империализме он идет тем же путем абсолютизации отдельных сторон, черточек империализма, взятых вне их противоречивой связи с другими сторонами империализма. Чистую абстракцию, «монополизм» он объявляет абсолютной истиной, подчиняет действительность надуманной логической схеме, вместо того, чтобы взять всю совокупность всех сторон империализма в их связи, в их целом, в их противоречивом развитии.

Второй методологический прием Преображенского заключается в том, что при изучении капиталистического производства в эпоху империализма он все мировое капиталистическое хозяйство рассматривает, как «единый хозяйственный организм» («Закат капитализма», стр. 55), отвлекаясь от национальных хозяйств. «Анализ теоретической проблемы воспроизводства при монополизме, взятом в разрезе национального хозяйства... дает результаты столь несущественные для всего исследования, что не стоит даже останавливаться на них» («З. К.», стр. 43). В другом месте он пишет так: «Как нелепо при изучении национального капиталистического хозяйства исходить все время из отдельного капиталистического предприятия, поскольку на нем нельзя проанализировать всех закономерностей целого, так и невозможно и закономерности монополизма изучать на отдельном национальном хозяйстве. Эти закономерности могут быть вскрыты лишь при анализе мирового хозяйства, как более или менее единого хозяйственного организма» («З. К.», стр. 55).

В полном соответствии со своей методологической установкой Преображенский берет мировое хозяйство не как реальную совокупность националь-

ных хозяйств, а только как единый хозяйственный организм, взятый вне реальной связи составных своих частей: Он не считает нужным изучать империализм как реальное конкретное целое, взятое в связи с его противоречиями, возникающими и в пределах «национального хозяйства». Он противопоставляет часть целому, не понимая диалектической связи между ними и перехода одного в другое, он просто отбрасывает часть и рассматривает только целое. Но в этом случае целое оказывается лишенным своего реального содержания. Реальные противоречия, присутствие отдельным частям капитализма, оказываются выкинутыми за борт. Империализм как «единый мировой хозяйственный организм» оказывается пустой, абстрактной, логической схемой, не могущей отразить реальных противоречий империализма. Логическое отвлечение от реальных противоречий, существующих в пределах отдельных национальных хозяйств, ничего общего с ленинизмом, с диалектическим методом не имеет. Такой метод неизбежно должен привести к теории организованного капитализма, к теории ультраимпериализма.

Теория организованного капитализма ясно проглядывает и в сконструированной Преображенским теории «накопления резервов основного капитала». Согласно этой теории из существа монополизма вытекает необходимость наличия больших масс омертвленного основного капитала, при чем эти резервы основного капитала должны быть доведены до определенного уровня, свойственного системе империализма по ее структуре. «Монополизм... доводит свои резервы основного капитала до уровня, свойственного этой системе по ее структуре» («З. К.», стр. 63). И в другом месте: «Я лично придаю особо важное значение для понимания динамики расширенного воспроизводства при империализме закону увеличения резервов основного капитала при монополизме, или закону растущего омертвления средств производства. Этот закон вытекает из самой структуры монополизма» («З. К.», стр. 48).

В соответствии со всей своей методологией Преображенский сваливает в одну кучу закономерности, вытекающие из всеобщего кризиса капитализма, и закономерности империализма вообще. Он выдумывает какой-то «чистый» «закон резервов» основного капитала, определенный уровень, до которого доводят резервы своего основного капитала тресты. Хотя он и убеждает, что тресты стихийно доводят резервы своего капитала до определенного, присущего империализму, уровня, но на деле эта теория резервов есть не что иное, как теория организованного капитализма, теория сознательного доведения резервов основного капитала до определенного уровня, соответствующего выдуманным самим Преображенским законам.

Игнав конкуренцию из империализма, Преображенский неизбежно должен был притти к теории абсолютной стагнации,—теории, в свое время развитой Троцким и нашедшей у Преображенского свое развитие выражение. Он утверждает, что при империализме налицо «приостановка развития производительных сил буржуазного общества» (стр. 141), говорит о «закупорке развития производительных сил...», какая вытекает из экономической структуры монополистического капитализма» (стр. 146). Он утверждает, что при империализме экономическое «развитие вообще приостанавливается», что налицо «полная приостановка развития производительных сил» (стр. 157).

Утверждение о приостановке и закупорке развития производительных сил является прямым и непосредственным переходом Преображенского к теории организованного капитализма. Именно Троцкий говорил об абсолютной стагнации, исключая конкуренцию и оставляя чистую монополию. Теория абсолютной стагнации, абсолютного застоя и загнивания ничего общего с ленинизмом не имеет. Вопрос о загнивании, о состоянии производительных сил в период империализма ставился Лениным совсем иначе, чем ставится

Преображенским. Он писал: «Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Эта монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию: поскольку устанавливаются хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренцию со всемирного рынка... Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в своей очереди действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известный промежуток времени она берет верх» (Ленин, т. XIII, изд. 1-е, стр. 314).

Империализм является монополистическим, загнивающим капитализмом. Но он не исключает конкуренции. Противоречия между монополией и конкуренцией, взаимное проникновение монополии и конкуренции составляют существенную особенность капитализма. Но это соединение монополии и конкуренции как раз и означает, что империализму присуще не абсолютное загнивание, а лишь тенденция к застою и загниванию. С ростом монополий растет и усиливается эта тенденция к загниванию при обострении противоречий между монополией и конкуренцией.

Период всеобщего кризиса капитализма характеризуется чрезвычайным усилением тенденций к загниванию. Совершенно неправильно думать, что империализм означает устранение возможностей к развитию производительных сил, к развитию производства. «Было бы ошибкой,—говорит Ленин,—думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»¹).

Утверждение Преображенского о закупорке производительных сил в период империализма, о наличии абсолютной стагнации в эту эпоху, есть прямая непосредственная защита троцкистского тезиса об ослаблении неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, есть утверждение об ослаблении противоречий внутри отдельных капиталистических хозяйств и внутри мирового хозяйства. В этом отношении к Преображенскому можно целиком и полностью отнести ту критику, которую дал Ленин по отношению к Каутскому в связи с вопросом об ультра-империализме.

«Разговоры Каутского об ультра-империализме поощряют между прочим ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их» (Ленин, Собр. соч., том XIII, стр. 310).

Империализм характеризуется обострением закона неравномерности капиталистического развития. Закон неравномерности развития как раз и дает возможность странам, относительно отсталым по сравнению с наиболее передовыми капиталистическими странами, пользуясь новейшими достижениями капиталистической техники, в максимально быстрый срок догнать и

¹) Ленин, Собр. соч., том XIII, стр. 333.

обогнать передовые страны. Из этого закона следует, что вполне возможно построение социализма в одной стране, установившей диктатуру пролетариата и уничтожившей противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения, в стране, которая, пользуясь новейшими достижениями техники, может догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны в минимальные исторические сроки.

Что изменилось в развитии капитализма в эпоху после первой мировой войны?

Капитализм вступил в эпоху своего всеобщего кризиса. Это означает, что империализм вступил в новую ступень своего развития, в новый этап. Этот этап развития империализма, и в то же время капитализма вообще, характеризуется резким обострением всех противоречий капитализма, чрезвычайно усилением загнивания. В этот период возможно и довольно быстрое развитие отдельных стран. Это является выражением обострения неравномерности капиталистического развития. Но в то же время чрезвычайно усиливается тенденция к загниванию и застою. Развитие производительных сил в целом в капиталистическом мире, вследствие наступления всеобщего кризиса капитализма, резко замедляется. Тенденции к застою и загниванию все более берут верх во все большем количестве стран, что не исключает однако развития в отдельных случаях, от времени до времени, спорадически, даже в тех странах, где тенденции к застою и загниванию проявляются с особенной силой.

Теория абсолютной стагнации, теория абсолютного загнивания по своей методологии является эклектическим соединением идеализма с механицизмом. Идеалистичность теории абсолютной стагнации заключается в первую очередь в том, что субъективное желание теоретизирующего субъекта подставляется на место конкретных фактов реального исторического движения. Троцкист, сторонник теории перманентной революции, субъективно желает конечно конца капитализма, но это субъективное желание он подставляет на место действительного развития. Не понимая закона неравномерного развития капитализма, всех противоречий капитализма, не понимая того, что как раз рост и обострение всех противоречий в эпоху империализма, обострение действия закона неравномерности движения с необходимостью порождают пролетарские революции и возможность построения социализма в одной стране, троцкизм объявляет империализм лишенным всякой возможности к развитию. Но сказать так, значит утверждать, что при империализме исключается кризис. Это — вывод, который с необходимостью вытекает из всей концепции Преображенского (и Троцкого).

Субъективный идеалист подставляет личное желание на место объективной закономерности, заменяет объективное развитие собственными измышлениями. В то же время в теории абсолютной стагнации элементы идеализма переплетаются с элементами механицизма, который механически исключает конкуренцию и представляет империализм как организованный капитализм, лишенный конкуренции. Утверждение о закупорке производительных сил, об абсолютной стагнации в эпоху империализма означает, что конкуренция уже исчезла, что налицо полностью организованный капитализм.

Отсюда утверждение Преображенского о всяком отсутствии строительства в период империализма, о том, что при империализме не возникают новые предприятия. «При монополистическом капитализме дело ограничивается либо расширением производства существующих предприятий, либо пуском в ход временно законсервированных, отсталых предприятий» («З. К.», стр. 13). Эта теория производит несколько смешное впечатление, как и всякая логическая схема, пытающаяся подчинить себе насильственно действи-

тельность. Преображенский отрицает развитие производительных сил в эпоху предвоенного империализма. Преображенский отрицает, что в период стабилизации происходил рост новых предприятий в капиталистических странах. Эта «архиреволюционная» теория империализма на деле является реакционной и по существу должна исключать кризисы в эпоху империализма. Так, Преображенский пишет: «Погоня за наибольшей прибылью на сегодняшний день толкает не к расширению, а к сжатию производства... Именно в этом лежит главная причина загнивания современного монополистического капитализма, именно в этом он полностью изжил себя экономически» («З. К.», стр. 14).

В полном соответствии с изложенной выше теорией, что норма прибыли не толкает к развитию производительных сил капитализма, а является препятствием к этому развитию, Преображенский приходит к выводу, что в период империализма эта же погоня за прибылью толкает капиталистов к сжатию производства. Но раз это так, раз исключается всякая возможность расширения производства при империализме, раз загнивание заключается в том, что погоня за прибылью ведет к сжатию производства, а не к его расширению, то откуда возьмутся кризисы перепроизводства? Кризисы перепроизводства из схем Преображенского исчезают.

В самом деле, известно, что периодические кризисы порождаются развитием капиталистического производства со всеми его внутренними противоречиями, вытекающими из основного противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения. Развитие производства наталкивается на ограниченный уровень потребления масс. Если не развитие производства, если налицо полная закупорка производства, если норма прибыли не действует в пользу изменений, а толкает лишь к сокращению производства, то никакого перепроизводства не получится. Эклектичность, мозаичность, непоследовательность всей теории Преображенского сказываются в первую очередь в том, что кризисы у него исключаются из его теории империализма. Кризисы у него выскакивают совсем не равномерно, как *deux-еx machina*.

Впрочем Преображенский ведь не признает, что кризисы порождаются противоречием между общественным характером производства и частным способом присвоения. По существу его теория кризисов не есть теория кризисов общего перепроизводства. Для него кризисы порождаются лишь неравномерной сменой основного капитала. Он сводит кризис лишь к диспропорции. Периодические кризисы у Преображенского, поскольку они существуют в период империализма, суть по существу кризисы общего перепроизводства, а исключительно кризисы, порожденные диспропорциональностью, несоответствием и неравномерностью смены основного капитала. Так, немарксистская теория кризисов и немарксистская теория империализма приводят Преображенского к полному отрицанию кризисов перепроизводства и к утверждению, что, поскольку кризисы еще существуют в период империализма, это суть кризисы диспропорциональности, кризисы, порожденные еще недостаточной организованностью производства.

Но не ищите у Преображенского особой последовательности. В других местах книги он признает, что кризис может наступить в результате того, что вообще произведено товаров больше, нежели их можно потребить. Это лишь подчеркивает эклектичность работы, ее противоречивый характер. «Абстрактный» теоретик противоречит самому себе, ставит факты на голову, подгоняет факты под схему, а когда факты слишком очевидно противоречат схеме, он незаметно подменяет одну теорию другой.

Существом теории кризисов империализма Преображенского является отрицание общего перепроизводства в эпоху империализма, отрицание общих периодических кризисов в эпоху империализма. Отсюда неизбежен вы-

вод, что возможно лишь частичное перепроизводство в результате неравномерного снашивания основного капитала, диспропорциональности между отдельными отраслями производства. Если, несмотря на это, в полном противоречии со всей своей теоретической установкой Преображенский вынужден признать, что кризисы перепроизводства в период империализма существуют и приобретают исключительную остроту, то тем хуже для фактов. Преображенский об'явит вам, как это мы увидим ниже, что капитализм идет, но еще не пришел, к полному уничтожению цикличности, переходит, но еще не перешел, к бескризисному состоянию. Так мстит за себя действительность «абстрактному теоретику», троцкисту, пытающемуся путем вымученных схем и пары жалких абстракций об'яснить все и вся.

В соответствии со своей теорией «абсолютной стагнации» и теорией «организованного капитализма» Преображенский утверждает, что монополизм «означает более точное знание рынка и лучшее приспособление к спросу на данный отрезок времени. Но вместе с тем это знание усиливает тенденцию к сокращению производства, потому что ликвидирует то авансовое расширение на неизвестный спрос, которое было так характерно для эпохи свободной конкуренции, было столь важным стимулом к расширенному воспроизводству на хозяйственных трупах просчитавшихся и разорившихся предпринимателей всей капиталистической системы в целом... Этот механизм попорчен монополизмом, который лучше учитывает спрос и лучше приспособил к нему положение на отдельных участках, но, не доводя дело до планового производства, до непосредственного удовлетворения потребности общества, лишь ограничивает размеры производства, создает закупорку в экономическом развитии общества» («З. К.», стр. 33).

Итак «монополизм», по Преображенскому, означает более точное знание рынка капитализмом, уничтожение бесплановости, «установление такой плановости, которая еще не означает планового производства для непосредственного удовлетворения потребности общества, но такую плановость, которая «лишь ограничивает размеры производства, создает закупорку в экономическом развитии общества».

Длинные уши теории организованного капитализма выглядывают с особой яркостью, социал-фашистская сущность троцкистской теории Преображенского видна совершенно ясно. Из всей концепции Преображенского вытекает утверждение, что «монополизм» означает прекращение накопления. Монополистические об'единения не дают возможности «возникнуть новым предприятиям».

Монополизм для Преображенского означает переход к простому воспроизводству. «Капиталистическая система,—пишет он,—будет все больше и больше склоняться к условиям простого воспроизводства» (стр. 95). Отсюда неизбежно вытекает теория ослабления кризисов, кризисы должны становиться все слабее и слабее, цикличность должна уничтожаться.

В то время как для Ленина и Сталина период империализма означает обострение кризисов, каждый последующий кризис становится все более и более глубоким по сравнению с предыдущим кризисом,—для Преображенского, в полном противоречии с Лениным и Сталиным, со всей теорией марксизма-ленинизма, в полном противоречии с конкретной действительностью, постепенно исчезают кризисы перепроизводства, капитализм переходит к бескризисному, бесциклическому состоянию. «Вся капиталистическая система, если не произойдет какого-либо исключительного обстоятельства, должна вступить в условия, когда постепенно рассасывается самая форма циклического движения, когда вообще приостанавливается постепенное экономическое развитие и все больше и больше берут верх тенденции к простому воспроизводству» («З. К.», стр. 96—97).

И в другом месте: капиталистическая система «не только не может удержать уже достигнутые темпы экономического развития, но... это развитие вообще приостанавливается» («З. К.», стр. 153).

Раз исчезает накопление, раз берут верх тенденции к простому воспроизводству, раз капитализм переходит к простому воспроизводству, то следовательно исчезают кризисы перепроизводства, а если они еще существуют, то они должны происходить все слабее и слабее, становиться все менее и менее заметными.

Но почему кризисы в эпоху империализма становятся все сильнее и сильнее, все острее и глубже, сопровождаются все более и более чудовищными страданиями для масс, становятся все длительнее и мучительнее? На это у Преображенского не найдете ответа, потому что из его схемы исключена действительность.

Перед нами социал-фашистская теория ослабления, уменьшения и исчезновения кризисов, прикрытая громкими фразами о своей «революционности», о своей коммунистичности. Абсолютно неверно, что погоня за прибылью в период империализма сопровождается сокращением производства, неверно, что исчезает конкуренция, неверно, что кризисы ослабляются. Капитализму присуще накопление. Периоды кризисов являются периодами сокращения производства, отсутствия расширенного воспроизводства, но сами кризисы подготовляются расширением производства, накоплением. Раз империализм есть соединение монополии и конкуренции, то расширение производства неизбежно приходит в противоречие с платежеспособным спросом, наступают кризисы перепроизводства, которые становятся все тяжелее и тяжелее, все глубже и глубже.

Прямым выводом из теории Преображенского о переходе капитализма к простому воспроизводству является теория автоматического краха. У Преображенского период империализма характерен ослаблением и постепенным исчезновением противоречий, выражающихся в кризисах, поскольку налицо абсолютная стагнация, закупорка производительных сил. Но кризис является выражением всех противоречий капитализма. Раз кризисы исчезают, то значит исчезают те противоречия, которые кризисы порождают, т. е. исчезают и классовые противоречия.

Если капитализм переходит к простому воспроизводству, как это утверждает Преображенский, то из этого с необходимостью вытекает прекращение накопления. Но накопление присуще капитализму, хотя в период кризиса накопление, превращение прибавочной стоимости в капитал, резко сокращается и спускается до относительно очень небольших цифр.

Кризис означает сокращенное воспроизводство. Кризис означает падение прибылей, выбрасывание рабочих из производственного процесса, сокращение количества производимых товаров. Это конечно не исключает того, что и в период кризиса на отдельных участках капиталистического производства происходит накопление. Могут строиться (и строятся) отдельные предприятия, другие предприятия расширяются. Это является выражением действия закона неравномерного развития капитализма, анархичности капитализма. Но постройка отдельных предприятий, накопление (превращение прибавочной стоимости в капитал) на отдельных участках капиталистического производства в период кризиса не исключают того обстоятельство, что в целом в период кризиса нет расширенного воспроизводства, а есть сокращение производства, предприятия закрываются, рабочие увольняются.

Нынешний экономический кризис характеризуется исключительно резким сокращением накопления. Это выражается в резком сокращении строи-

тельства вообще и промышленного строительства в частности. Так, в Германии и САСШ строительство в 1931 г. сократилось на 50 проц. по сравнению с 1929 г. Промышленное строительство еще больше сократилось. Количество машин, идущих на германский внутренний рынок и производимых в самой Германии, в первые три месяца 1932 г. таково, что далеко не покрывает простого воспроизводства отраслей, потребляющих эти машины. Количество паровозов и вагонов, которое заказано в этом году машиностроительным предприятиям всеми железными дорогами САСШ и Германии, исчисляется всего лишь десятками паровозов и вагонов, что конечно даже в ничтожной мере не покрывает годового износа паровозов и вагонов на дорогах САСШ и Германии. То же относится к заказу шпал, рельсов, костылей и т. д.

Вместе с тем однако для резкого обострения действия закона неравномерного развития капитализма характерно то, что ряд немецких и французских капиталистов в ожидании повышения пошлин на ввозимые в Англию товары построил и строит ряд предприятий в расчете на повышение цен в результате введения пошлин.

Но для капитализма в целом не может быть перманентного состояния сокращенного воспроизводства или простого воспроизводства. Капитализм без накопления не существует и существовать не может. Утверждать, что капитализм может существовать при простом воспроизводстве, значит утверждать, что ослабляется эксплуатация пролетариата, что капитализм не повышает и не стремится всемерно повысить норму и массу прибавочной стоимости, не повышает и не стремится всемерно повысить норму эксплуатации рабочего класса.

Теория абсолютной стагнации, теория, утверждающая, что капитализм переходит к простому воспроизводству, своим неизбежным логическим выводом имеет вывод об ослаблении и притуплении всех противоречий капитализма, в том числе и классовых противоречий. Это—апологетическая буржуазная теория. Ряд буржуазных ученых (Бенде, Фриц Рейт и др.) как раз и приходят к выводу о том, что империализм есть период абсолютной стагнации производства, абсолютного застоя производительных сил, и отсюда выводит увековечение капиталистических производственных отношений, предполагая, что абсолютный застой означает ослабление классовых противоречий, ослабление эксплуатации, уничтожение возможности революции.

Думать, как это думает Преображенский, что капитализм не накапливает в эпоху империализма, значит думать, что в эпоху империализма капитализм не эксплуатирует колоний, не получает оттуда гигантских прибылей, не увеличивает чудовищно эксплуатацию рабочего класса, не приводит к усиленному обнищанию рабочих масс.

Из этой теории с неизбежностью вытекает политический вывод об ослаблении противоречий между империализмом и эксплуатируемыми колониями вместо обострения этих противоречий, как это имеется на деле. В самом деле, зачем капитализму усиливать эксплуатацию колоний, бороться за раздел и передел рынков сырья, источников приложения капитала, когда капитализм не накапливает и накапливать, по Преображенскому, не собирается. Тогда как для Ленина, Сталина и Коминтерна именно империализм, и в частности и в особенности капитализм эпохи всеобщего кризиса, характеризуется резким обострением противоречий между метрополиями и колониями, неизбежным выводом из теории Преображенского является утверждение об ослаблении этих противоречий.

Теория Преображенского подкрашивает капиталистическую действительность, лишает капитализм его реальных противоречий, которые как раз и обостряются всемерно в эпоху империализма вообще и в эпоху всеобщего кризиса капитализма в частности и порождают конфликты, империалистические войны, пролетарские и колониальные революции.

Но Преображенский субъективно хочет гибели капитализма и, как полагается идеалисту, он подсовывает на место действительности свое собственное желание. Раз из его, Преображенского, теории вытекает притупление капиталистических противоречий, а не их обострение, раз из этой теории не вырастает с необходимостью пролетарская революция, а наоборот, притупляются классовые противоречия, ослабляется эксплуатация пролетариата, уменьшается и ослабляется антагонизм по всем линиям, то... тем хуже для действительности, тем хуже для фактов.

Преображенский спасается от капиталистической действительности с ее противоречиями путем теории автоматического краха капитализма. Теория автоматического краха капитализма есть неизбежный вывод из всей теории Преображенского. Он пишет: «В настоящее время в тираж идет не только все растущая часть населения, но и растущая часть средств производства. Это будет продолжаться до тех пор, пока в тираж не пойдет сама капиталистическая система» («Закат капитализма»). И в другом месте: «Монополистический капитализм по самой своей структуре приводит к растущему омертвлению капитала и общества, его рабочих сил, подводя к краху капиталистическую систему прежде всего со стороны экономического фундамента буржуазного общества» («Закат капитализма», стр. 16—17. Разрядка наша.—И. Д.).

Таким образом, по Преображенскому, растущее омертвление основного капитала приводит к «выходу в тираж» всей капиталистической системы. Капитализм автоматически лопаётся, гибнет не под тяжестью всех своих противоречий, а лишь в результате действия закона абсолютного загнивания.

В статье «Мировой денежный кризис, роль золота и угроза всеобщей инфляции», помещенной в «Известиях» за 31 октября 1931 г., Преображенский писал: «В настоящий момент дело идет уже не только о сжатии производства, не только об огромном уменьшении народного дохода, крахе бюджетного равновесия, ужасающем росте нужды и безработицы, о разорении масс крестьянства, мелких вкладчиков, а дело идет уже о начале распада самого механизма капиталистического хозяйства, о распаде, который вызван не какой-либо экстраординарной катастрофой вроде мировой войны, а который органически вытекает из загнивания капитализма на определенной стадии развития этого процесса и из необходимости для буржуазной системы подтапливать печь инфляции крышей и карнизом собственного здания».

Таким образом Преображенский считает распад механизма капиталистической системы, т. е. иными словами, гибель капитализма, явлением, органически вытекающим из загнивания капитализма на определенной стадии развития этого загнивания. Это—фаталистическая теория неизбежности гибели капитализма, которая исходит из распада экономического «механизма» самой капиталистической системы независимо от революционного действия пролетариата, а лишь в результате инфляции. Эта теория ничего общего с ленинизмом не имеет.

Ленин говорил в докладе на втором конгрессе Коминтерна: «Иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но... пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Бур-

жуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции» (Ленин, т. XXV, изд. 2-е, стр. 341. Разрядка наша.—И. Д.).

Для Маркса, Ленина и Коминтерна вопрос об уничтожении капитализма есть вопрос революционного действия, революционной практики пролетариата. Капитализм не может «крахнуть» сам по себе, автоматически. Пролетариат должен практикой доказать «безвыходность» того или иного положения для капитализма. Капитализм можно уничтожить только путем пролетарской революции, путем вооруженного восстания. Отсюда Ленин подчеркивает значение руководящей роли компартий, организующих и сплачивающих пролетариат, являющихся авангардом революционного пролетариата, ведущих пролетариат к победе над капиталом.

В своих замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» Ленин также останавливается на теории автоматического краха.

Бухарин писал в своей «Экономике»: «На базисе лопающихся (старых капиталистических) отношений невозможно никакое «возрождение промышленности», о котором мечтают утописты капитализма. Единственный выход заключается в том, что низшие звенья системы, основная производительная сила капиталистического общества, рабочий класс, займет господствующее положение в организации общественного труда».

Таким образом Бухарин утверждал в «Экономике переходного периода», что капитализм оказался в безвыходном положении, что никакого, даже временного, под'ема промышленности не может быть. Ленин против этого места сделал следующее замечание на полях: «Это зависит от того, насколько пролетариат сумеет «на базисе лопающихся отношений» (ну, и язык! ну, и «социология»! ну, и организационная наука!) довести до того, чтобы они совсем лопнули» (Ленинский сборник XI, стр. 359).

Ленин ставил вопрос о крахе капитализма в зависимости от революционной практики пролетариата. Становясь на позицию теории автоматического краха капитализма, Преображенский тем самым провозглашает отказ от борьбы за организацию пролетариата на дело пролетарской революции, от подготовки борьбы за насильственное свержение капитализма во всем мире.

Теория автоматического краха Преображенского является разновидностью социал-фашистских теорий автоматического краха. Эту теорию в свое время развила Роза Люксембург, ее развил и обосновал под иным углом зрения, чем Роза, социал-фашистский теоретик Гроссман. Ее ныне поддерживает весь социал-фашизм. Особенно теперь, в пору растущего и углубляющегося, исключительного по своим размерам, кризиса, расцветают и ожидают теории автоматического краха. Они имеют своей целью обезоружить пролетариат, убедить пролетариат отказаться от революционного действия, от революционной борьбы за свержение капитализма и, сложив руки, ждать, пока капитализм сам по себе, независимо от классовой борьбы и помимо ее, автоматически лопнет. Эта теория чрезвычайно опасна, так как стремится пробудить в пролетариате пассивность, разложить его, убедить его отказаться от революционного действия.

«Лево»-социал-демократической теории автоматического краха капитализма очень родственна нынешняя теория госкапитализма, проповедываемая социал-фашистами и нашедшая поддержку у некоторых правых оппортунистов из среды экономистов-коммунистов. Эта теория утверждает, что

частный капитализм уже сам собою умер, что поддержка государством лопнувших и лопающихся концернов, банков, крупных и крупнейших предприятий есть госкапитализм, являющийся переходной фазой к социализму. Эта теория имеет своей целью обмануть пролетариат, примирить его с фашистским государством, убедить его в том, что чудовищные страдания, голод и нищета, вызванные кризисом, являются страданиями, жертвами на пользу социализма. Это—попытка убедить рабочих в том, что государство финансового капитала, государство Муссолини и Пилсудского есть государство, по своему типу переходное к социализму. Эта теория является неслыханным по своей наглости и гнусности обманом.

Теория о том, что госкапитализм есть этап перерастания в социализм находит в себе кое-какое теоретическое обоснование и у Преображенского. Его утверждение о том, что растущее омертвление капитала общества приводит «к краху капиталистическую систему прежде всего со стороны экономического фундамента буржуазного общества», мало чем отличается от утверждения Леона Блюма, что капитализм уже обанкротился перед лицом масс и поэтому нечего говорить о капитализме, который уже крахнул, а надо говорить о госкапитализме, который наступил на смену обанкротившемуся благодаря кризису частнокапиталистическому хозяйству и представляет собою переходный к социализму период.

Всеобщий кризис капитализма и всеобщий циклический кризис в освещении Преображенского

Если Преображенский берет империализм как «чистый» империализм, т. е. империализм без конкуренции, отвлекается от вещей, без которых империализм как целое в его противоречивом развитии познать нельзя, то, с другой стороны, он наделяет империализм теми свойствами, которые он получает лишь в эпоху всеобщего кризиса капитализма. Таким путем он выхолащивает самое понятие всеобщего кризиса капитализма, потому что если особенности, присущие всеобщему кризису капитализма, приписать империализму вообще, то ничего не остается для характеристики специфики всеобщего кризиса капитализма.

Перейдем к непосредственному рассмотрению этого вопроса. В программе Коммунистического интернационала указано, что первая всемирная империалистическая война «потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его всеобщего кризиса».

Всеобщий кризис капитализма характеризуется, во-первых, расколом мира на две противоположные, принципиально отличные друг от друга системы: систему капитализма и систему социализма в СССР. Всеобщий кризис капитализма характеризуется далее резким обострением всех противоречий капитализма. Выросли и обострились противоречия между пролетариатом и буржуазией, между метрополиями и колониями. Резкое обострение классово-борьбы между пролетариатом и буржуазией сказалось в ряде революций и в восстаниях. Революционный подъем в колониях, нарастание восстаний угнетенных народов против господства империализма являются одним из признаков, характеризующих всеобщий кризис капитализма. Современный экономический кризис развивается на фоне и на базе всеобщего кризиса капитализма, и его особенности, его характерные черты, его глубину и остроту нельзя понять без понимания особенностей и закономерностей всеобщего кризиса капитализма.

Как же представляет себе дело Преображенский? Для Преображенского всеобщего кризиса капитализма в том смысле, как его понимают наша партия и Коминтерн, не существует. В то же время всеобщий кризис существует у него со времени возникновения империализма.

Так, он пишет: «Задача теоретического исследования заключается в данном случае в том, чтобы в условиях воспроизводства при империализме, в условиях своеобразного хозяйственного цикла при империализме открыть черты общего социального кризиса всего капиталистического общества» (стр. 97). Получается, что всеобщий кризис существует с тех пор, как возник монополистический капитализм. Ветав на путь придания монополистическому капитализму, как таковому, черт, присущих всеобщему кризису капитализма, он конечно открыл черты всеобщего кризиса в империализме вообще. Но очевидно чувствуя, что никто ему в этом не поверит, он впадает в другую крайность, об'являя, что вообще никакого всеобщего кризиса капитализма нет, а он лишь возникает или может возникнуть из нынешнего экономического кризиса.

Преображенский пишет: «Можно утверждать, что экономический кризис при монополизме (Преображенский здесь имеет в виду циклический кризис.—И. Д.), если он не приводит к мировой войне или не прерывается технической революцией, неизбежно перерастает в общий не только экономический, но и обще-социальный кризис всей исторической системы капитализма» (стр. 97. Разрядка наша.—И. Д.)

Приведем здесь формулировку всеобщего кризиса капитализма, данную т. Сталиным на XVI с'езде партии. Общий кризис капитализма «означает прежде всего, что империалистическая война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет единой и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства, существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы.

Это означает далее, что империалистическая война и победа революции в СССР расшатали устои империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах. Это означает далее, что за время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынок сбыта» (Сталин, доклад на XVI с'езде ВКП(б).

Противоречивое утверждение Преображенского о том, что всеобщий кризис капитализма возникает, с одной стороны, с возникновением империализма, а с другой,—что он только еще лишь может возникнуть в результате нынешнего экономического кризиса, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет.

Особенно ясно проглядывает полный отказ Преображенского от ленинского понимания всеобщего кризиса капитализма в его «Законе резервов основного капитала при монополизме». Он пишет (стр. 48): «Я лично придаю особо важное значение для понимания динамики расширенного воспроизводства при империализме закону увеличения резервов основного капитала при монополизме, или закону растущего омертвления средств производства. Этот закон вытекает из самой структуры монополизма» (разрядка наша.—И. Д.). И в другом месте он пишет: «В итоге это означает омертвление огромных масс основного капитала, органически связанного с самым существом монополизма, что вместе с омертвлением рабочих сил наиболее ярко характеризует растущее замедление всего темпа экономического развития общества» (стр. 62).

«Закон» Преображенского о растущем омертвлении огромных масс капитала и все более и более растущей безработице, как закон, присущий империализму вообще, является мнимым законом. На деле хроническая недогрузка предприятий и наличие огромных армий безработных, превратившихся в постоянные армии, суть черты всеобщего кризиса капитализма. Об этом в, Сталин говорил следующее:

«Это означает наконец, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных, что создавало для капитализма массу трудностей еще до нынешнего экономического кризиса и что должно еще больше осложнять дело во время кризиса» (Сталин, доклад на XVI съезде партии).

Ясно, что «закон резервов» Преображенского, на деле являющийся хронической недогрузкой предприятий, оказывается присущим не империализму вообще, а только эпохе всеобщего кризиса капитализма.

Исходя из троцкистской теории кризиса, из троцкистской теории империализма, отрицая всеобщий кризис капитализма, Преображенский не может конечно правильно объяснить и природу современного экономического кризиса.

Как же оценивает современный кризис Преображенский? Он пишет: «Теперешний мировой кризис есть первый типичный хозяйственный кризис империализма» (стр. 98). У Преображенского таким образом получается либо, что до кризиса 1929 г. в эпоху империализма не было периодических кризисов, либо, что империализм развивался и существовал как определенный этап капитализма, не имея совершенно собственных кризисов, а имея лишь кризисы эпохи классического капитализма. Первое противоречит фактам, второе — чистейшая нелепость — нелепость, получающаяся потому, что Преображенскому нужно было подогнать действительность под выдуманную им схему. Таков обычный удел всяких схем, в том числе и троцкистских.

Нынешний мировой экономический кризис не является первым кризисом монополистического капитализма. Монополистический капитализм со времени его возникновения имел немало кризисов. Кризисы 1901, 1907 и 1914 гг. являются кризисами, развивавшимися в эпоху империализма. Сюда же относится и кризис 1921 г. Сказать, что эти кризисы не являются кризисами эпохи монополистического капитализма, или не носят черт монополистического капитализма, значит думать, что кризис может возникнуть независимо от той хозяйственной обстановки и тех производственных отношений, в которых он развивается. В кризисах 1901 г., 1907 г., 1914 г. выражались — и не могли не выражаться — противоречия империализма — этой последней стадии капитализма. Допускать обратное — значит отказываться от фактов, воистину впасть в мистицизм.

Особенностью монополистического капитализма послевоенного периода является то, что он развивается на базе всеобщего кризиса, и сами монополии должны рассматриваться как монополии на такой стадии, которой они достигли в эпоху всеобщего кризиса капиталистической системы.

Отличием нынешнего кризиса является то, что он развивается в обстановке всеобщего кризиса капитализма, порожден монополистическим капитализмом на той ступени его развития, которой он достиг в эпоху всеобщего кризиса. Специфические черты, отличающие нынешний экономический кризис от кризисов довоенной эпохи империализма, являются именно всеобщим кризисом капитализма. Его исключительная острота и глубина, то обстоятельство, что он длится уже около трех лет, что

не видно конца, что налицо такое падение производства, какого никогда до сих пор кризисы не знали, что он породил чудовищную, небывалую безработицу и поверг сотни миллионов людей в невероятную нищету и нужду, — все это характеризуется именно тем обстоятельством, что этот кризис развивается в обстановке всеобщего кризиса капитализма.

III конгресс Коминтерна указал на то, что цикличность свойственна капитализму до самой смерти. По Преображенскому же выходит, что речь идет о «потере механизма выхода из кризиса» (стр. 64) капитализмом. Эта троцкистская оценка современного кризиса переплетается у Преображенского с правооппортунистической оценкой и предсказанием близкого окончания кризиса. Еще на дискуссии в апреле 1931 г. Преображенский заявил, что кризис подходит к концу. В «Закате капитализма» он писал: «Если посмотреть на индекс промышленной продукции Соединенных штатов за последние 10 лет и сравнить его с данными о продукции по месяцам 1930 г., то это основное сжатие почти уже закончено к концу второй половины 1930 г., поскольку декабрь дает уровень продукции ниже такового за все последние 9 лет. Можно думать, что хозяйство Соединенных штатов заканчивает в настоящий момент то дополнительное сжатие, которое должно рассосать излишние товарные запасы. Поэтому уровень продукции в Соединенных штатах вряд ли уже значительно упадет по сравнению с его теперешним уровнем» (стр. 135).

В январе 1930 г., когда кризис Соединенных штатов уже перерос в мировой экономический кризис, Троцкий упорно отрицал наличие мирового экономического кризиса и предсказывал даже возможность перехода «биржевого кризиса», как он выражался, в промышленный расцвет. Он считал возможными следующие варианты развития: «Биржевой крах не вызывает непосредственно торгово-промышленного кризиса, а имеет своим последствием лишь временную депрессию. Удар по биржевой спекуляции приводит к более правильному соотношению между курсом бумажных ценностей и торгово-промышленной деятельностью, как и между последней и реальной покупательной способностью рынка. После депрессии и полосы приспособления торгово-промышленная конъюнктура снова поднимается вверх, хотя и не так круто, как за истекший период. Этот вариант не исключен. Резервы американского капитализма велики. Не последнее место среди них занимает государственный бюджет (заказы, субсидии и прочее)». («Бюллетень оппозиции» № 8, статья Троцкого «Третий период ошибок Коминтерна», стр. 11).

Таким образом уже в разгар экономического кризиса в Соединенных штатах, в момент, когда кризис начал охватывать ряд европейских стран, когда для большевиков было ясно, что речь идет о мировом экономическом кризисе исключительной силы, остроты и глубины, Троцкий отрицал наличие кризиса, говорил лишь о том, что налицо «биржевой крах», колебания в области биржевой спекуляции. Он предсказывал в худшем случае лишь небольшую депрессию, после которой должен был, по его мнению, наступить новый под'ем.

Больше того, Троцкий утверждал, что возможен под'ем в Европе даже в случае экономического кризиса в Соединенных штатах. Он утверждал (там же, стр. 11), что возможен следующий вариант развития: «Отлив средств от американской спекуляции оживит торгово-промышленную деятельность в Европе. Дальнейшая судьба этого оживления будет в свою очередь зависеть как от чисто европейских, так и от мировых причин. Даже и в случае острого экономического кризиса в Соединенных штатах в Европе может еще продолжаться в течение известного времени под'ем, так как немислимо все же представить себе, чтобы капитализм Соединенных штатов мог в течение не-

скольких коротких месяцев перестроиться для решительного наступления на мировом рынке».

Наконец еще один вариант хода развития Соединенных штатов и Европы намечался Троцким в следующем виде: «Действительный ход развития может пройти между намеченными выше вариантами и дать равнодействующую в виде колеблющейся прерывистой кривой, с вялыми уклонами вверх или вниз» (Троцкий, «Бюллетень оппозиции» № 8, стр. 11).

В то время, когда даже буржуазные ученые вынуждены были в январе 1930 г. признать наличие острого кризиса в Соединенных штатах, признать, что кризис этот переполз в Европу, Троцкий выступил как пророк будущего подъема и считал мало вероятным наступление кризиса тогда, когда этот кризис уже был в разгаре.

Вслед за Троцким Преображенский, как мы видели выше, предсказывал в начале 1931 г. наступление конца кризиса. Вместе с правыми оппортунистами он ожидал близкого окончания этого кризиса. Да и вполне понятно почему. Из всего теоретического построения и всей троцкистской теории Преображенского не вытекал кризис. Для него ведь монополистический капитализм означает исчезновение циклического движения, а следовательно уничтожение кризисов в эпоху империализма. Но раз этот кризис уже существует, то Преображенский конечно должен был предсказать и предсказывал близкое окончание кризиса. Ведь самый кризис не соответствует его теориям потери капитализмом механизма цикличности, теории перехода капитализма к простому воспроизводству.

Такова действительная ценность теории Преображенского. Факты бытия его теорию, противоречат ей. Если взять всю теоретическую концепцию Преображенского в целом, то перед нами антимарксистская и антиленинская, троцкистская теория, в ее наиболее развитой, наиболее законченной форме.

Фашизм в оценке Преображенского

Определенная теория ведет к соответствующим политическим выводам. Такие выводы делает Преображенский в специальной главе, посвященной «социальным основам фашизма». В оценке Преображенского фашизм является «новой формой буржуазного государства» (стр. 143). Утверждение, что фашизм является принципиально иной, новой формой государства, целиком льет воду на мельницу социал-фашистов. Ведь именно социал-фашизм всех мастей и оттенков пытается уверить рабочие массы, что социал-демократия и фашизм, демократия и фашизм являются непримиримыми противоположностями, что приход фашизма к власти есть создание принципиально нового типа государства, которое означает уничтожение демократии, и т. д. Между тем совершенно ясно, что фашизм и социал-фашизм — близнецы, что социал-фашизм — умеренное крыло фашизма, что демократия и фашизм суть лишь две формы диктатуры буржуазии, переплетающиеся друг с другом, переходящие друг в друга. Именно социал-демократия подготавливает фашизм, помогает его проведению в жизнь правительством Брюнинга. В Италии Туратти и другие социалисты, эти, казалось бы наиболее последовательные, проводники демократии, должностные, по схеме Преображенского, быть прямой противоположностью фашизму, — являются преданнейшими собаками режиму Муссолини. Преображенский своим объявлением о наступлении новой формы государства в лице фашизма льет воду на мельницу социал-фашизма, оправдывает политику германской социал-демократии, политику поддержки Брюнинга как «меньшего зла», чем Гитлер. Германские социал-демократические полицейские вместе с национал-социалистами терроризируют рабочие массы.

убивают рабочих, расправляются с безработными, загоняют компартию, терроризируя ее, в подполье.

«Введение фашистской дисциплины труда вносит существеннейшее изменение как раз в непосредственные отношения собственников средств производства к непосредственным производителям. Изменение это так глубоко, что для осуществления его нужна другая форма буржуазного государства» (стр. 151). Перед нами совершенно неприкрытая, самая бесшабашная апология социал-фашизма, его политики, его тактики, его теории. По Преображенскому выходит, что при фашизме меняются отношения собственников средств производства к непосредственным производителям. С его точки зрения фашизм означает что-то принципиально новое в отношениях эксплуатации, принципиально противоположное тому, что мы имеем в период так называемой демократии.

Сейчас социал-фашисты всех мастей объявляют фашистский декрет Брюнинга, декрет, который на деле является осуществлением экономической программы фашизма, программы тяжелой индустрии, шагом к социализму, отменой «частного права», торжеством «общественных идей», введением госкапитализма как переходного этапа к социализму. Любой социал-фашист с величайшим удовольствием подпишет под утверждением Преображенского о том, что фашистский декрет Брюнинга вносит «принципиальные изменения» в отношения между собственниками средств производства и непосредственными производителями. Ведь это и есть оправдание фашизации, прикрытие фашизации утверждением, что сама эта фашизация, фашистская экономическая политика есть переход к социализму. Теоретическая установка Преображенского является теоретическим оправданием всей политики фашизации, политики поддержки правительства Брюнинга, политики расправы над рабочим классом, поддержкой наступления капитала на рабочий класс, проводимой германской социал-демократией. Но это утверждение есть лишь теоретическое обоснование всей тактики современного троцкизма, который призывает к поддержке правительства Брюнинга единым фронтом с социал-демократией во имя теории «меньшего зла».

В полном соответствии со своей установкой, что фашизм есть принципиально новый тип государства, Преображенский пишет, что в Германии например возможны два варианта развития фашизма. Второй вариант следующий: «социал-демократия, возможно, при поддержке некоторой части буржуазии, которая по международным и другим причинам предпочтет фашизацию более эволюционным методам, обуздает организацию Гитлера и сохранит остатки парламентских учреждений и внешнюю видимость профсоюзных объединений рабочих и выполнит фашистскую экономическую программу буржуазии» («З. К.», стр. 149. Разрядка наша.—И. Д.).

Тезис Преображенского о том, что социал-демократия может обуздать организацию Гитлера, целиком и полностью обосновывает и оправдывает троцкистскую политику поддержки правительства Брюнинга. Именно Троцкий и троцкисты сейчас выдвигают лозунг поддержки Брюнинга на том основании, что социал-демократия якобы обуздывает организацию Гитлера, что Брюнинг представляет собой меньшее зло по сравнению с Гитлером. Перед нами полное обоснование контрреволюционной тактики Троцкого по отношению к фашизму и социал-фашизму. Троцкистская теория привела к троцкистским политическим выводам. Таков итог, венец теории Преображенского.

Против каутскианско-плехановской апо- логетики и „марксизирования“ Родбертуса*)

Т. Молчадский

Под руководством ленинского ЦК во главе с т. Сталиным мы завершили построение фундамента социалистической экономики. Вопрос «кто кого» разрешен и в городе и в деревне. На основе развернутого социалистического наступления и жесточайшей классовой борьбы мы завершаем пятилетку в четыре года. Впереди борьба, достойная партии Ленина, — борьба за вторую пятилетку, борьба за «превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Следует ли и можно ли в такой момент заниматься Родбертусом? Мы полагаем, что можно и нужно. Это вытекает из наших задач борьбы на идеологическом фронте с буржуазной контрабандой разных толков и типов у нас в СССР. Это вытекает из задач борьбы с международным капитализмом и оппортунизмом в связи с тем, что родбертусианство бесспорно является одним из идейных источников национал-фашизма и социал-фашизма. Ведь родбертусианство и сейчас еще рассматривается буржуазией как одно из орудий борьбы против пролетариата на идеологическом фронте.

В 1897 году Плеханов предложил Каутскому написать для «Die neue Zeit» статью под названием «Энгельс и родбертусианцы». Каутский писал ему в ответ: «Энгельс и родбертусианцы» — тоже хорошая тема. Но только скорее историческая, а не злободневная. Разве еще существуют последователи Родбертуса?» В этом ответе уже тогда сказался весь Каутский.

Дело в том, что и для того времени вопрос о родбертусианстве безусловно продолжал оставаться злободневным. Ведь именно в 90-х годах ревизионистами стала пропагандироваться мысль о том, что «социал-демократия не имеет никакого основания для того, чтобы особенно рьяно бороться с идеей государственного социализма» (Фольмар), — идеей, которую Энгельс, как известно, метко назвал «королевоко-прусским социализмом». Очень скоро выяснилось, что Фольмар далеко не одинок. Многие другие (Шрамм, Шиппель, Кварк) с давних пор являлись поклонниками идей Родбертуса. Шрамм в своей брошюре «Родбертус, Маркс, Лассаль» писал например следующее: «Кто хочет узнать о научном социализме, кто хочет в этом направлении составить себе свое собственное мнение, тот должен основательно изучать обоих авторов (Родбертуса и Маркса.—Т. М.)... Что касается меня, то я от него (Родбертуса.—Т. М.) большому научился, чем от всех политэкономов вместе взятых».

*) В порядке постановки вопроса.

Идеи Родбертуса всегда были сильны среди лассальянского крыла. Общеизвестно, что Лассаль считал Родбертуса своим лучшим учителем, объявляя себя с ним «согласным по всем существенным моментам» (письма Лассалья к Родбертусу, стр. 46). Неслучайно Кварк уже в 1904 году в своем журнале «Aus der Waffenkammer des Sozialismus» счел необходимым снова напечатать две старые статьи Родбертуса, так как, писал он, «многие молодые партийные товарищи вообще вряд ли что-либо знают о Родбертусе». К тому же в предисловии к этим статьям мы встречаемся с открытой апологетикой Родбертуса. Точно так же далеко не случайно, что, в то время как Каутский относил борьбу с Родбертусом к числу тем «исторических, а не элбодневных», Бернштейн в своих статьях весьма сочувственно отзывался о последнем.

Сам Каутский признал Родбертуса «лучшим представителем идеи государственного социализма», «самым значительным мыслителем и ученым среди государственных социалистов, наиболее бесстрашно доведившим свою точку зрения до логического конца». Совершенно очевидно, что раз идеи этого «лучшего представителя государственного социализма» показали себя живучими, как это выяснилось в 90-х годах из довольно широкой дискуссии вокруг понимания сущности и значения государственного социализма (дело даже дошло до партийтага), нужно было продолжать с ними решительную борьбу, выкорчевывая их с корнем. Не так однако отнесся к этому центрист Каутский.

Как известно, Родбертус (в письме к Целлеру от 1879 г.) и отдельные его ученики уже после смерти Маркса пытались обвинить его в плагиате. После знаменитых предисловий Энгельса ко II тому «Капитала» и к «Ницше философии» эти обвинения замолкли, а проф. Вагнер — издатель литературного наследия Родбертуса — вынужден был констатировать, что «Родбертус ошибся» («К осв. соц. вопроса», ч. 2-я, предисловие Вагнера). Но тот же проф. Вагнер, а с ним целая плеяда буржуазных экономистов, свято сохраняли и до наших дней сохраняют ореол Родбертуса как великого мыслителя одного ранга, — если не выше, — с Марксом, притом во многом, — если не во всем, — его предвосхитившего. Вагнер считает его бескорыстным и преданным другом рабочего класса, «Рикардо экономического социализма» (Ад. Вагнер). Немецкая экономическая литература вплоть до наших дней насчитывает ряд произведений, статей, диссертаций, посвященных Родбертусу, при чем в них нередок эпитет — «провидец из Ягцеова». Родбертус и Маркс — «основатели научного социализма», настойчиво твердит хор виднейших буржуазных экономистов, а для Бем-Баверка Родбертус — «самый симпатичный социалист». В предисловии к изданной в 1926 году переписке Родбертуса с Шумахером («Neue Briefe») Родбертус фигурирует как «основатель научного социализма».

В чем причина этого упорного, продолжающегося до наших дней, восхваления немецкими буржуазными экономистами родбертусовского творчества? В том, что он рассматривается ими как противоядие против марксизма. Для доказательства приведем следующие примеры: «Чем больше марксов «Капитал» становится у новейших социалистов социалистической библией, — пишет проф. Ад. Вагнер («Grundlegung», ч. 2-я, изд. 3-е, стр. 282), — разъясняется ортодоксальными догматиками и делается источником всей научной истины, тем более нужно держаться более глубокого и честного Родбертуса, как это делаю я». Эти же соображения породили у того же проф. Вагнера желание породнить «государственный социализм» с научным, с тем чтобы создать теоретическую возможность подмены научного социализма «государственным», ручным «социализмом». Отсюда заявление Вагнера: «Не принципиальные различия, а лишь различия в степени (graduelle Unterschiede) имеются между государственным социализмом и экономическим «научным социализмом».

Мы привели взгляды Вагнера по этому поводу лишь потому, что они очень четко формулируют причины интереса к Родбертусу, выдвигаемые в послевоенное время буржуазными идеологами. Так например в «Archiv für Sozialwissenschaften u. Politik» (1923, Band 50, S. 34) в статье, посвященной Родбертусу, фон Брадке пишет: «В письме Иосифу Целлеру Родбертус вот уже два поколения тому назад высказал уверенность, что через 50 лет его теорию будут проповедывать в широчайшем масштабе и что тогда и практика за этой теорией скоро последует. Первое не наступило, так как, когда созрела готовность заняться социальным вопросом, оказалось, что социализм Маркса и Энгельса безраздельно начал господствовать. Иначе обстоит дело с практикой. Родбертусовские предложения разрешения социального вопроса дают всеобъемлющий и последовательно разработанный план социализирования. Современникам он казался, естественно, утопическим. Но «теория, философия, пророчество, утопия суть лишь вехи, которые себе ставит социальная идея во все более отдаленном будущем и поэтому всегда во все более туманных очертаниях» (Родбертус, «Капитал»). Сегодня мы пришли к такому положению, когда стало важным превратить утопию в плодотворную теорию, а эту теорию претворить в практику» (стр. 34).

Родбертусианство живуче и в буржуазной литературе, видящей в нем одно из орудий борьбы с марксизмом, и среди ревизионистов. Отсюда ясно гнилое примиренчество Каутского в вопросах родбертусианства, проявленное им, как известно, и в борьбе с бернштейнианством. Мало того, в самой оценке сущности «государственного социализма» Каутский уже тогда показал себя оппортунистом. Мы видели причины стремления буржуазного идеолога Ад. Вагнера примирить «государственный социализм» с научным, представить их лишь оттенками одного качества. К тому же самому в сущности стремился и махровый ревизионист Фольмар, призывая к примирению с «государственным социализмом». Казалось бы, обязанностью Каутского было вскрыть классовые корни этих стремлений и показать ревизиониста Фольмара как агента буржуазии. Для этого следовало подчеркнуть различие между до-марксовыми разновидностями утопического социализма и послемарксовыми, развернув следующую мысль «Коммунистического манифеста»: «Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратной отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты». Именно на этой основе и следовало показывать сторонников «государственного социализма» как оппортунистов, агентов буржуазии внутри рабочего класса.

Центрист Каутский избрал другой путь. Формально критикуя Родбертуса, он по существу пошел широко навстречу этим стремлениям буржуазии и ревизионистов, примиряя вместе с ними «государственный социализм» и научный в одной категории «социализм в широчайшем смысле слова». «Под социализмом в широчайшем смысле слова, — писал Каутский, — я разумел государственный социализм и демократический социализм (или коммунизм)» («Neue Zeit», 1891—1892 гг., часть 2-я, стр. 706). Другими словами, разница между родбертусианством и марксизмом лишь в том, что первый — «государственный», а второй — «демократический». Какое же содержание вкладывал Каутский в понятие «социализм в широчайшем смысле»? Архив буржуазное: «Вмешательство государства в хозяйственные отношения» (там же). Стало быть Каутский ничем не отличался от, скажем, немецкого буржуазного профессора Гильдебранда, об'явившего и Сисмонди социалистом. Отсюда понятен характер и самой полемики Каутского с Фольмаром. Каут

ский не обрушивается на последнего со всей силой марксистской критики. Он только считает апологетическое определение «государственного социализма», дававшееся Фольмаром... «недостаточным».

Поэтому для Каутского идеи родбертусианства опасны только при господстве прусской монархии, покуда не будет демократии. Как только, отвечал он Фольмару, демократия будет достигнута, «пролетариат будет иметь возможность занять в государстве и обществе то положение, которое ему надлежит (gebührt), социал-демократия Германии сумеет устремиться с полной энергией к мероприятиям по постепенному введению лучшего общественного порядка. Эти мероприятия можно вполне хорошо называть государственно-социалистическими» (там же, стр. 712. Разрядка наша. — Т. М.).

Общеизвестно стремление социал-фашизма всякое «вмешательство государства в хозяйственные отношения» объявлять «социализмом». Это стремление выявилось очень четко у Реннера например в его статьях во время войны. Теперь оно чрезвычайно ярко выявляется в социал-фашистской прессе, объявившей грабительские декреты Брюнинга «куском социализма». Поведение и взгляды Каутского по вопросам «государственного социализма» периода 80-х и 90-х годов многое объясняют в развитии его ренегатства в дальнейшем.

Однако Родбертус нас интересует и по другой причине. И в нашей русской литературе творчество Родбертуса не прошло бесследно. Влияние его в частности на Туган-Барановского (в особенности на его соц. теорию распределения) бесспорно. Для него Родбертус «наряду с Марксом, замечательнейший представитель критического социализма», критика же Родбертуса Энгельсом «ядовита, но крайне слаба и не убедительна». «Карл Родбертус-Ягцов, — пишет он, — ученый, сумевший подняться над своими классовыми симпатиями, не пожертвовавший ради них ни крупницей того, что он считал объективной истиной, один из гениальнейших экономистов XIX века». Если все же в рабочей среде господствует Маркс, а не Родбертус, то это объясняется, говорит он, тем, что «огромное большинство, чувствуя свою духовную скудость, всегда ищет вождя и руководителя... за которым можно было бы слепо идти» (Туган-Барановский, «Очерки из новейшей истории политической экономии», 1903 г.).

Эти «славные» традиции буржуазной «науки» свободно гуляют до последнего времени и в нашей литературе, и по ним учится наша молодежь.

Насколько нам известно, пальма первенства принадлежит вредителю, проф. Н. В. Первушину, выпустившему в 1922 году брошюру «Родбертус и Бюхер». Из этой брошюры мы узнаем, что Родбертус, во-первых, «консерватор-социалист», а во-вторых, «известен как социал-политик и как основатель научного социализма». Но этих откровений вредителю Первушину мало. Ему «особенно хочется обратить внимание на Родбертуса, не оцененного ни идейными друзьями, ни врагами; на Родбертуса, который помимо того, что он был экономистом и политиком, историком, был еще социологом с интересными взглядами» (разрядка всюду наша. — Т. М.). Вредителю Первушину недостаточно еще внедрения буржуазных легенд о Родбертуса в нашу среду. Ему, видите ли, «особенно хочется» пропагандировать идеи «социолога с интересными взглядами» — «консерватора-социалиста» Карла Родбертуса из Ягцова.

Однако Первушин в области истории экономических учений — лишь обыкновенный «любитель». Обратимся например к Лященко. Для него «К. Родбертус-Ягцов представляет из себя интересную фигуру в области социалистических учений в том отношении, что он, с одной стороны, является безусловно одним из крупных теоретиков научного социализма, с другой стороны, по своему социальному положению и по

политическим воззрениям, стоит чрезвычайно далеко от социализма» (стр. 228 учебника). Трудно в таком малом количестве слов нагромоздить больше буржуазной чепухи, чем это сделал Лященко. Мы не станем «дискуссировать против этой галиматьи, против этого жульнического крючкотворства» (Сталин).

Перейдем к старому «марксисту», П. Берлину. Берлин — наш старый знакомый и «большой знаток» Маркса. Его перу принадлежит работа «Карл Маркс, его жизнь и деятельность», переизданная им вторым изданием в 1918 году. В предисловии к этому изданию мы читаем следующее: «Второе издание этой книги выходит в дни на вид торжествующей и побеждающей революции, в дни «диктатуры пролетариата». Но в эти дни наш правительствующий социализм еще дальше и глубже отошел назад от марксизма к утопизму и анархизму, чем в период первой русской революции. В деятельности правительствующего социализма, в теории, эту смесь тех бунтарских, бланкистских, прудонистских и бакунистических идей, с которыми К. Маркс вел такую упорную и такую успешную борьбу».

Прошли годы, меньшевик Берлин уже больше не поучает «русских правительствующих социалистов» необходимости «проникнуться больше, чем когда-либо, реализмом» (там же). Меньшевизм в нашей стране разбит вдребезги. Но Берлин остался тем же, и в 1929 году он все так же выполняет свою роль агента буржуазии, протаскивая буржуазную дребедень в нашу литературу. В своем «Очерке развития экономических учений в XIX и XX веках» (1929 г.) он нам рассказывает, что «английская буржуазия в лице классиков-экономистов смотрела на будущее без страха и сомнений, чем был обусловлен ее объективизм и строгая научность исследования. По той же причине и представители научного социализма взяли на себя дальнейшее развитие идей классической школы. Первое место между ними занимают два исследователя: Родбертус-Ягцов и Карл Маркс» (стр. 48. Разрядка наша. — Т. М.). И точно так же, как Первушин, меньшевик Берлин льет слезы по поводу того, что «до сих пор Родбертусу не было воздано должное по его очень крупным научным заслугам» (стр. 50).

Наконец обратимся к Рубину. Рубин и в своей «Истории экономической мысли», и в «Современных экономистах на Западе», и в своей статье о Родбертусе в МСЭ — всюду пропагандирует Родбертуса. Здесь имя Родбертуса обычно фатально связывается с именем Маркса. Обычно в конце главы подается концовка примерно следующего порядка: «Эту проблему впоследствии развили Родбертус и Маркс», а на стр. 65 «Истории» Рубин это делает более открыто, заявляя: «Дальнейшим своим прогрессом теория трудовой стоимости была обязана классической школе и научному социализму. Преемниками Петти явились Смит, Рикардо, Родбертус и Маркс» (разрядка наша. — Т. М.). В МСЭ Рубин считает Родбертуса «последовательным сторонником трудовой теории стоимости» и автором теории прибавочной стоимости, «которая весьма близко подходит к теории стоимости». В данной связи мы не станем останавливаться на ревизионистской оценке Рубиным значения родбертусовской теории стоимости. Энгельс, как известно, характеризовал ее как «в высшей степени бессодержательную». В оценке теории земельной ренты Рубин продолжает линию Каутского против Маркса — Ленина. Как известно, Каутский в предисловии ко II тому «Теории прибавочной стоимости» (1905 год!), явно ревизуя Маркса и марксизируя Родбертуса, писал, что Родбертус «впервые перед Марксом выставил цельную теорию абсолютной земельной ренты». В 1907 году Ленин в споре с Масло-вым резко выступил против подобного рода взглядов. «Сопоставление Род-

Родбертуса и Маркса в вопросе о ренте, — писал Ленин, — есть круглое невежество»¹⁾). Вся статья Рубина сквозит поддержкой взглядов Каутского против Маркса — Ленина. Для нас важно здесь отметить, что, как и следовало ожидать, меньшевик-вредитель Рубин занимался тем же делом, что и Первушин, Лященко, Берлин, — выполнением социального заказа буржуазии.

Борьба с этой буржуазно-ревизионистской контрабандой в нашей литературе не велась. Попытка тов. Цигоева («Проблемы экономики» № 2, 1930 г.) раскритиковать апологетику Родбертуса в «Очерках» Берлина оказалась неудачной именно потому, что она происходила на основе работы Плеканова, до сих пор считающейся наиболее марксистской. Между тем, как мы надеемся показать в дальнейшем, плекановская критика творчества Родбертуса сама содержит изрядную долю апологетики. Плеканов не понял методологии Родбертуса, «марксизировал» ее, приписывая ей несуществующие у Родбертуса черты.

В данной статье мы сосредоточим внимание главным образом на методологии Родбертуса. Раскрывая классовую сущность родбертусовской методологии, мы дадим критику взглядов на нее Каутского и Плеканова, касаясь остальных моментов неправильной трактовки ими родбертусовского творчества лишь в целях доказательства основной мысли.

* * *

Душой каждой теории является ее метод. Метод же обуславливается мировоззрением данного мыслителя. Это и понятно. Нет науки без понятий. Нет понятия без абстрагирования от того, что является для выражаемого явления второстепенным и несущественным. В какой же мере та или другая сторона явления может быть отнесена к второстепенным и несущественным чертам данного явления, определяется, исходя из общего подхода исследователя, из его мировоззрения.

Родбертуса весьма упорно называют основоположником научного социализма. Значит ли это, что его метод в какой бы то ни было мере является созвучным методу Маркса и Энгельса? Даже Диль, так упорно провозглашающий Родбертуса «основоположником научного социализма в Германии», вынужден был подчеркнуть «диаметральную противоположность» мировоззрений Маркса и Родбертуса. «Диаметрально противоположным, — заявляет он, — идеалистическим, государственно-социалистическим и социал-реформаторским идеям Фихте, Родбертуса и Лассалья является материалистическое, антигосударственное и революционное воззрение Маркса и Энгельса»²⁾). Мы здесь не станем останавливаться на дилевской характеристике взглядов Маркса и Энгельса как «антигосударственных» и обратимся непосредственно к характеристике мировоззрения Родбертуса как идеалистического.

Родбертус не только идеалист. Он — идеалист-эклектик, притом с резко выраженной во второй половине своей деятельности теологической нотой. Сам Родбертус в одном из писем Рудольфу Мейеру говорит, что из всех произведений философско-правового характера он больше всего научился по сочинениям одного из представителей исторической правовой школы, теолога-консерватора Штала. Об остальных влияниях на него он говорить не любил, хотя Дитцель например указывает на сильнейшее и непосредственное влияние на него Шеллинга, которого к тому же Родбертус «никогда не упоминал»³⁾.

Влияние на Родбертуса Фихте (в особенности его «Замкнутого торгового государства») и Сен-Симона общеизвестно, хотя и на них Родбертус

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. IX, изд. 1-е, стр. 513.

²⁾ Handwörterbuch für Staatswissenschaften, 1927. Bd. VI, стр. 598.

³⁾ H. Dietzel, Karl Rodbertus, II, стр. 182.

ссылаться не любил. Точно так же бесспорно огромное влияние на него Сисмонди. Однако и о нем Родбертус почти нигде не говорит, даже тогда, когда почти дословно повторяет его мысли по тому или другому вопросу. Наконец в своем арсенале Родбертус имеет мысли и Канта и Гегеля. Все эти философские системы и авторы Родбертусом используются от случая к случаю при чем он обычно эклектически вырывает из них в каждом отдельном случае, то, что ему представляется полезным для доказательств, впадая сплошь и рядом в противоречие с самим собой. Даже буржуазный профессор Дитцель вынужден был признать, что Родбертус «драпируется несколькими лоскутками, взятыми на прокат из различных мировых философских систем», что не мешает ему все же прославлять Родбертуса как «основателя немецкой социальной философии», «носителя немецкой идеи» и т. д.

Необходимо иметь в виду еще и следующее. Общеизвестны слова Энгельса, что «мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля». Энгельс имеет здесь в виду ту сторону немецкой идеалистической философии, которая в процессе своего развития привела ее к созданию гегелевской диалектики, пусть и поставленной им на голову и долженствовавшей поэтому быть преодоленной. Это было проделано Марксом и Энгельсом путем создания материалистической диалектики. Что именно в Германии идеологи буржуазии пришли в лице Гегеля к диалектике, хотя и идеалистической, объясняется, как известно, влиянием французской революции на немецкую буржуазию с ее специфическим положением в условиях полуфеодальной Германии. Именно результат этой революционной стороны развития идеологии немецкой буржуазии — гегелевскую диалектику, как это следует из всего «Анти-Дюринга», и имеет в виду Энгельс, когда говорит о происхождении марксизма «от Канта, Фихте и Гегеля».

Однако специфическое положение немецкой буржуазии в экономически отсталой тогда Германии заставляло ее каждый раз убеждаться в том, что по французскому пути ей пойти не удастся, что прусское юнкерство слишком сильно и что при всех взлетах мысли ей все же приходится приспособляться к тяжелым условиям реальной действительности. Отсюда другая сторона немецкой идеалистической философии, сторона, характеризующаяся настроениями постепеновщины. Так например Фихте в своем «Замкнутом торговом государстве» пишет, что реальное государство «может лишь постепенно приближаться к государству разума. Для него не стоит так просто, как для государства разума, вопрос, что вообще справедливо. Для него вопрос ставится так: что можно провести в жизнь при данных условиях из того, что является справедливым вообще». Вот почему, по Фихте, правильная политика государства лежит где-то посередине между реально существующим и идеалом. Другими словами, мы имеем у него теоретическое обоснование идеологии постепеновщины и «золотой середины».

Для прусского помещика Родбертуса характерно, что, не взяв от Гегеля ни грана диалектики, он целиком и полностью берет от немецкой идеалистической философии ее вторую сторону, характеризующую идеологией «золотой середины». Он так и пишет своему другу Рудольфу Мейеру: «Верным остается то, что я всегда говорил: первый погибает, последнего кусают собаки. Поэтому собственно достойна похвалы лишь золотая середина» (Письма Рудольфу Мейеру, стр. 124. Разрядка Родбертуса.—Т. М.).

Но Родбертус недаром по происхождению и социальному положению прусский помещик. Хотя и не указывая источника, он больше всего черпает у «философа-романтика» и или «философа во христе» (Энгельс)—у Шеллинга.

Если, по словам Маркса, «немецкая философия, — наиболее сложный, но в то же время наиболее верный показатель развития германской мысли» ¹⁾, то Шеллинг безусловно является идеологом мощного в Германии юнкерства с его феодально-аристократическим мирозерцанием, презрением к «буржуазному делячеству» и идеализацией роли юнкерства, как духовной аристократии, хранительницы извечных идеалов и божьих заветов. Отсюда «высокий штиль» Шеллинга, прославление им философии как «абсолютного идеализма» и презрительное отношение к «эмпирическому факту» как не имеющему для философии «никакого значения» (ярким примером последнего может служить его пренебрежительное отношение к ньютоновскому закону всемирного тяготения). Классовой сущностью Шеллинга объясняется и резко выраженное у него прославление бога, христианства и теологии как науки, а также деление истории на основе идеи триединства на три периода: природы, судьбы и провидения.

Не останавливаясь на разборе философских взглядов Шеллинга в целом, мы перейдем лишь к тому, как он понимает соотношение идеального и реального, формы и содержания, так как без этого нам не понять соответствующих взглядов Родбертуса.

По Шеллингу, нет подлинного знания, которое не было бы косвенно или непосредственно выражением извечного знания (Urwissens), и нет подлинного действия, которое (будь это даже через множество посредствующих звеньев) не выражало бы извечного деяния (Urhandelns), а через него божественной сущности ²⁾. Поэтому истинное знание, как и подлинная красота, по самой своей природе извечно, и хотя существует во времени, но к этому времени ни в каком соотношении не находится. Оно абсолютно и находит свое выражение не в отдельном индивидууме, а во всем человеческом роде путем идей ³⁾. Бог есть «идея всех идей и абсолютная мудрость» ⁴⁾. В нем происходит воссоединение идеального и реального. В реальном телеологически осуществляется идеальное, и «во всем, что претендует быть наукой, целью является полное растворение реального в идеальном». «Подлинное идеальное, — говорит Шеллинг, — само и без всякого посредничества есть подлинное реальное» ⁵⁾. Только идеи придают действию нравственное значение ⁶⁾. «Вещи являются символами идей и постольку формами абсолютного познания. Государственные образования, — говорит Шеллинг, — законы, отдельные учреждения, созданные для *сохранения равновесия божественного принципа в человечестве, были по своей природе все выражениями спекулятивных идей» ⁷⁾. Каждая идея имеет свою всеобщую и абсолютную форму в отличие от особых, преходящих и непрочных форм, в которых исторически возрождается и омолаживается гений идей. Искусство философа заключается в том, чтобы найти абсолютную форму извечной идеи в этих исторически преходящих формах ⁸⁾.

Каждая историческая форма показывает нам лишь конкретное, а не абсолютное. Между тем лишь абсолютное знание является подлинным знанием. Вот почему конкретная форма собственно, сама по себе не давая абсолютного, оторвана от своей сущности и поэтому нереальна, она просто видимость (Schein). Реальна не конкретная форма, а всеобщая и абсолютная. Лишь в этой последней форма не оторвана от сущности. Однако для

¹⁾ Маркс и Энгельс, Сочинения, т VI, стр. 25.

²⁾ Schelling, Vorlesugen über die Methode des akademischen Studium, 1813, стр. 25.

³⁾ Цит. соч., стр. 30—31.

⁴⁾ Цит. соч., стр. 22.

⁵⁾ Цит. соч., стр. 12.

⁶⁾ Цит. соч., стр. 148.

⁷⁾ Цит. соч., стр. 32.

⁸⁾ Цит. соч., стр. 65.

того, чтобы уразуметь абсолютную форму, дух должен проникнуть во все конкретные формы, потому что эти конкретные формы являются «историческими образами (Gestalten), в которых божественное себя только преходяще раскрывает (vorübergehend offenbart)»¹⁾.

Поэтому вещи и деяния отличаются друг от друга не по их сущности. Наоборот, по их сущности они есть высшее единство и воссоединяются в абсолютном. Они отличаются друг от друга лишь своей формой при чем одна форма не может быть понята из другой, так как они относятся не друг к другу, а каждая есть в своем роде выражение того же, что и другая, — т. е. абсолютного²⁾. Вот почему задачей является познание «чистой всеобщей формы», все остальное не имеет никакого научного содержания³⁾. Однако познать эту «чистую всеобщую форму», — говорит Шеллинг, — дело трудное. Первым руководящим принципом для ее познания он объявляет метод сравнения. Но сравнивать нужно не с эмпирически данным объектом, а с идеей, с прообразом (Urbild), так как вещи — лишь тела, душой которых является идея.

Эту шеллинговскую «карикатуру на философию» (Маркс) Родбертус фактически сделал главной составной частью своего метода. Подобно Шеллингу, он рассматривает различия лишь для того, чтобы найти в них тождество, найти в них проявление извечной идеи или, как он ее часто переименовывает, найти «логическую душу», «логическую категорию». Эту его логическую категорию он провозглашает чистой от всяких исторических случайностей, неизменным содержанием, скрытым в различных исторических формах. Роль этих исторических форм сводится лишь к тому, что они в конкретной исторической обстановке искажают — часто до неузнаваемости — это логическое содержание. Поэтому задачей науки, говорит Родбертус — может быть только такое познание действительности, которое исходит из идеи, так как человек должен стремиться познавать неизменное и вечное, а не исторически случайное. «Исходя из идеи, — пишет он, — следует рассматривать идеальное творение, если хочешь о нем правильно судить...»⁴⁾. «В понятии собственности, — пишет он Рудольфу Мейеру, — заключена (steckt) логическая душа, которая состоит в чистом понятии собственности, без исторической примеси и уродований» (Письма, стр. 413. Разрядка наша. — Т. М.). Эта логическая душа, эти логические категории, пишет он там же, «когда миновала соответствующая историческая фаза, всегда выступают наружу в виде чистого логического остатка для всего осуществления».

В духе немецкой идеалистической философии Родбертус награждает свою «идею» двумя непременными атрибутами. Его логическая категория всегда соответствует естественной морали и естественному праву, зато историческая категория, являясь результатом исторически преходящего и поэтому случайного позитивного права, сплошь да рядом этих атрибутов лишена. Однако напрасно мы стали бы искать у него критерия истинности права и морали. В этом пункте, имеющем, казалось бы, решающее значение для всей его «системы», мы встречаемся у него с самой непоследовательной эклектической кашей. Если для Фихте критерий морального лежит в структуре разума, то у Родбертуса каждый раз возникают новые объяснения того, что он считает истинно моральным. Иногда он таким критерием считает ответственность «морали времени», так например идея рабства в античном мире была моральной, а в наше время эта идея умерла, ее сменила идея личной свободы человека. Иногда таким критерием у него становится гегелевская

¹⁾ Цит. соч., стр. 171.

²⁾ Цит. соч., стр. 24.

³⁾ Цит. соч., стр. 266.

⁴⁾ Цитирую по Muziol'y, «Rodbertus als Begründer der sozialrechtlichen Anschauungsweise», Jena, 1927, стр. 53.

«все действительно разумно». Этим он мотивирует упадок античной формы хозяйства, которая «перестала быть этически-предпочтительнее, так как она перестала быть единственно возможной»¹). Иногда он апеллирует к «народному сознанию», иногда — к целям, которые ставит себе сама «социальная идея». «Я думаю конечно, — пишет он в своем «Капитале» (стр. 154), — что теория, философия, предсказания и утопия являются только вехами, какие социальная идея ставит себе в своем проникновении в отдаленнейшее будущее».

Данная нами до сих пор характеристика его метода все еще недостаточно полна. Дело в том, что перед нами человек с очень большой дозой самости, для которого реальная действительность существует лишь постольку, поскольку она совпадает с его взглядами. В противном случае, — тем же самым для нее: «И если, — пишет он по одному поводу, — история захотела бы сделать такой опыт, то я ей пророчествую: она по этому пути далеко не пойдет — и, наоборот, вынуждена будет повернуть назад»²). Неслучайно поклонники Родбертуса в наше время зовут его пророком, увидевшим из Ягцева. Они лишь повторяют претензии самого Родбертуса, рассматривающего себя как носителя божественных неоспоримых истин и требовавшего от Рудольфа Мейера: «Сделайте так, чтобы землевладельцы слушались моих спасительных предписаний (Heilvorschriften)». Он пишет Шумахеру: «Мы оба... победим вместе с великой идеей, овладевшей нами, как орудиями»³). Он занимается непрерывными пророчествами о судьбе мира и т. п. Нет поэтому ничего удивительного в том, что мы у него не находим доказательства его важнейших положений. Он их высказывает — и этим довольно. Именно эту черту родбертусовского метода имеет в виду Дитцель, когда пишет: «Редко кто сделал себе как доказательство собственной системы, так и опровержение воззрений противника таким легким делом, как он (Родбертус)»⁴).

Такова степень глубины и научности философских взглядов Родбертуса. Во второй половине своей деятельности он их еще «обогащает» элементами, заимствованными у Сен-Симона, — идеей триединства жизни, придав ей моральную окраску в духе Шеллинга⁵). Как показал Дитцель, он при этом у сенсимонистов заимствовал не только идеи, но в отдельных случаях дословно заимствовал фразы без указания источника. Дитцель по этому поводу пишет: «Он почти хотел бы утверждать, что этот человек, который так гордо указывает на оригинальность своей системы, умышленно уничтожал следы, которые могли бы раскрыть читателю, с чего она скопирована»⁶). В том же духе высказывается и французский исследователь творчества Родбертуса, Андлер. «Трудно знать, — говорит он, — каким путем знал их (сенсимонистов) Родбертус. Но его выражения похожи на них до тождественности»⁷). Таким образом два буржуазных исследователя — Дитцель и Андлер — вынуждены в весьма мягкой форме свидетельствовать, что Родбертус, который ведь столько людей, в том числе и Маркса, как известно, обвинял в плагиате, в действительности сам является плагиатором⁸).

Если в своем развитии от Канта к Гегелю немецкая идеалистическая

¹ K. Rodbertus. Beleuchtung der sozialen Frage, II, стр. 53.

² Briefe an Rud. Meyer, стр. 190.

³ Neue Briefe an Schumacher, № 36 от 6/II 1871.

⁴ H. Dietzel, K. Rodbertus, II, стр. 126.

⁵ Что у Шеллинга эта идея в зародыше была, мы видели из предыдущего.

⁶ Цит. соч., стр. 187.

⁷ Charles Andler, Les origines du socialisme d'Etat en Allemagne, 1910.

⁸ Относительно сомнений Андлера, каким путем Родбертус мог знать сенсимонистов, вопрос разрешается легко. Родбертус во Франции и в частности в Париже, как это можно видеть из его биографии, бывал неоднократно.

философия приходит от дуализма к монизму, хотя и идеалистическому, и гегелевской диалектике, то Родбертус и в этом отношении остается верен своей эклектической природе и классовому существу. Делая два шага назад, он заимствует идею триединства у сен-симонистов, искажая ее к тому же мистико-теологическим содержанием в духе Шеллинга. «Я хочу все же отметить,—пишет он Рудольфу Мейеру,— что я не верю в нашу дуалистическую природу. Мы—какого бы мнения обо мне ни были—триедины в рядка Родбертуса.—Т. М.) существа, потому что мы ведь прообраз триединого бога. В самом деле, смешайте дух, волю и силу (последнюю лишь в материю), и мешайте и взбалтывайте хорошо эту смесь,—и вы получите «жизнь».

В письме к Целлеру он выдает эти мысли, как исключительно собственные и пишет, что он «выработал себе совершенно новое мирозерцание в области природы и истории», характеризуя это свое «новое мирозерцание» следующим образом: «Оно доходит до бога, потому что меньше всего я материалист, хотя я и не являюсь сторонником нынешней ступени развития христианства. Оно касается всех принципов предшествовавших философских систем и не выставляет например дух или волю или оба вместе в качестве высшего философского принципа. При этом воззрении в основе жизни лежат совершенно другие антропология, физиология и психология, чем нынешние, путем рассматривания человека не как дуалистическое существо, состоящее из тела и духа (это воззрение древне-египетского происхождения), а как триединое существо, состоящее из духа, воли и силы (материальное) или из способностей сознания, решения и движения, потому что триединое, а не единое,—соединение этих способностей дает жизнь»¹⁾.

В свете этих взглядов Родбертуса мы можем оценить «научную объективность» некоего И. Мариана, ученика «знаменитого» Адольфа Вагнера, в своей диссертации о теории ренты Родбертуса писавшего следующее: «И (Родбертус) приходит к выводам, представляющим самостоятельное образование и одинаково далеким как от прежнего мистического или религиозного, так и от возникшего почти одновременно демократического, демагогического социализма»²⁾.

Что Родбертус далек от социализма, мы Мариану и Адольфу Вагнеру охотно верим, но что он далек от боженки — извините!

Современные буржуазные теоретики (например фон Брадке) считают философские взгляды Родбертуса «возвышенными», «непосредственными, полными жизни», «конкретными и захватывающими», но,—видите ли,—«идеалистическими» и «создающими логические трудности», несмотря на «ясность»³⁾. Насчет трудности для нормальной человеческой логики изложенную нами идеалистическую тарабарщину Родбертуса мы спорить не станем, но что касается «возвышенности» и прочих прелестей, то очевидно, мы, материалисты-диалектики, их постичь и узреть не в состоянии. Это мы предоставляем фон Брадке и ей подобным. Нам это родбертусовское похвальное мание жизни, как «смеси из духа, воли и силы», которую нужно хорошо «мешать и взбалтывать», напоминает лишь осмеянное Гете мировоззрение фаустовского Вагнера при создании им гомункулуса:

Действительно, надежда есть, что можем
Мы, ежели веществ мы сотни сложим,
Смешаем их,— в смешении здесь вся суть,—
Все человека вещество составить;

¹⁾ Цитирую по Зиберу, Сочинения, т. II, статья о Родбертусе.

²⁾ Joan Marian, Ein Beitrag zur Untersuchung der Grundrentennatur, стр. 7—8.

³⁾ Archiv für Sozialwissenschaften, 1922, Bd. 50, статья о Родбертусе.

Его мы в колбу можем переправить,
Закупорим, возгоним на огне,
И так свершим всё дело в тишине.

Для нас «жизнь есть форма существования белковых тел, и эта форма существования заключается по существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел», при чем, «чтобы знать действительно исчерпывающим образом, что такое жизнь, мы должны были бы перебрать все формы проявления ее, начиная с низшей и кончая высшей» (Энгельс, «Анти-Дюринг»). Это хотя и не так «возвышенно» и спускает нас с идеалистических высот к грешной действительности, но зато единственно научно и дает нам возможность вместо родбертусовских идей, парящих в «царстве теней», иметь понятия, опосредствующие объективную реальность.

Эта эклектическая «смесь» из Сен-Симона и Шеллинга для Родбертуса конечно далеко не случайна. Если Дитцель указывает, что Родбертус только к 60-м годам благодаря знакомству с сен-симонистской триадой пришел к изложенной нами только что концепции, то это конечно неверно. Сен-симонистов Родбертус знал уже в период 1839—1842 гг., как это можно видеть из обеих его работ того периода. Уже в ранней работе 1842 г. применение триады встречается неоднократно. Для примера приведем следующее место из этой работы: «Разделение труда, подобно правовому порядку и единению духа, является одним из трех основных социальных отношений, в которых государство и человечество необходимо объединены, и в которых история движется к своей цели»¹⁾. Таким образом упомянутое утверждение Дитцеля ни на чем не основано. Дело не во внезапном знакомстве с сен-симонистской триадой, как это пробует изобразить Дитцель.

Причины того, что именно к 60-м гг. Родбертус начал значительно более резко и определенно пропагандировать идею триады в том виде, как мы это только что изложили, — эти причины лежат значительно глубже. Они коренятся в изменившихся экономических условиях Германии, в изменившемся положении прусского землевладения в связи со все более усиливавшимся развитием капитализма в Германии и ростом на этой основе экономического и политического влияния буржуазии. Достаточно хотя бы вспомнить бисмарковскую политику, как раз в 60-ые гг. опиравшуюся в большей мере на буржуазию. В этих условиях, как это можно видеть и из его *Kreditnot*, Родбертус считал практически необходимым обосновать систему существования трех классов в обществе, этим самым подводя теоретическую базу под необходимость существования класса землевладельцев и в условиях капитализма.

Поэтому смешны укоры Дитцеля, посылаемые им по адресу Родбертуса, за то, что он не удовлетворился философией Шеллинга и не «соткал себе новую религиозно-моральную систему», «философию абсолютного», вместо того, чтобы «драпироваться несколькими лоскутками, взятыми на прскат из различных мировых философских систем». Избранный Родбертусом путь защиты интересов землевладельцев, как это можно видеть и из его социальных взглядов, требовал как раз такого рода драпировки, а положение класса землевладельцев в условиях развивавшегося капитализма уже не позволяло его идеологам базироваться только на мистично-религиозных взглядах Шеллинга с его презрением к другим классам. В их арсенале должны были быть и мотивы, имеющие доступ и к буржуазии и к пролетариату. Поэтому Родбертус естественно должен был сделать шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, немецкими романтиками типа А. Моллера.

Мы здесь не имеем возможности останавливаться на социальных взгля-

¹⁾ Rodbertus, Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Lufände, 1842, стр. 138.

дах Родбертуса. Отметим лишь следующее. Когда Родбертус нападает, подчас весьма ретиво, на буржуазию, он имеет в виду ослабить противника прусского землевладения. Когда он ратует за пролетариат, он тоже делает дело своего класса. Он ищет опору, — пусть лишь кажущуюся ему, — в борьбе против той же буржуазии. И все же он чувствует, что позиции его класса, становящегося «паразитарным наростом» (Маркс), не очень-то благоприятны для защиты. Пролетариата он боялся, хоть и хотел на него опираться. Буржуазии не любил, но в нужде видел в ней союзника против возможного восстания пролетариата, несущего угрозу существованию и землевладения. Эта полувинчатость в положении его класса находит теоретическое отображение в его эклектическом методе. Отсюда Родбертус осторожно ищет свои мотивы и у Канта, Фихте, Гегеля, философа развивавшейся буржуазии, и у сен-симонистов, долженствовавших по его мнению дать ему пути и методы влияния на «работающие классы». Эклектика Родбертуса таким образом является вполне закономерной, как вполне закономерно то почетное место, которое занял в пестряди его философских взглядов Шеллинг.

* * *

Каутский в своих статьях считает Родбертуса идеалистом — и только. Эта характеристика неполна, а потому и неверна. Из сказанного нами, мы полагаем, достаточно ясно, что мы здесь имеем дело не просто с идеалистом, а с путанным идеалистом-эклектиком.

Чем объясняется, что Каутский, подобно буржуазному профессору Дило, увидел в методе Родбертуса лишь идеализм и абсолютно прошел мимо эклектики у Родбертуса? Мы здесь не имеем возможности подвергнуть методологию Каутского развернутой критике. Отметим лишь следующее. Каутский в действительности никогда не понимал в марксизме того, что для тов. Ленина было первостепенным: «признаваемой даже противниками Маркса замечательной последовательности и цельности его взглядов» (Ленин), что в стройной «системе взглядов и учения Маркса» (Ленин) нельзя произвольно вырвать одну из ее сторон, потому что эти стороны теснейшим образом увязаны одна с другой, составляя единое органическое целое.

Если Д. Рязанов в предисловии к I тому сочинений Каутского писал, что Каутский «превратился из революционно-настроенного эклектика в последовательно-мыслящего марксиста», то мы здесь имеем со стороны Рязанова самую неприкрытую апологетику центриста Каутского. Вот в том-то и дело, что Каутский «последовательно-мыслящим марксистом» не стал никогда, что он всегда оставался именно эклектиком, что между прочим многое объясняет нам во всей его дальнейшей философской теоретической и политической эволюции. Для доказательства достаточно привести его письмо к Плеханову, написанное уже в 1898 году. «Во всяком случае, — пишет Каутский Плеханову, — я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии и хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством... Если бы Бернштейн полинял (gehäutet) только в этом направлении, меня бы это ни малейшим образом не беспокоило» (сборник группы «Освоб. труда» № 5, стр. 227, Каутский Плеханову, 22/V, 1898 г.).

Мы уже выше подчеркнули значение метода: «Применение материалистической диалектики к переработке идей политической экономии с основа-

ний ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их наиболее гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (Ленин). Что Каутскому до этого? Нападение Бернштейна на метод Маркса и Энгельса его «ни малейшим образом не беспокоило». Для него диамат есть «точка зрения», от которой «в крайнем случае» можно и отказаться, приняв вместо нее... неокантианство, то-есть метод, выдвинутый буржуазией именно в целях борьбы с марксизмом,—метод, ставший уже тогда знаменем самого оголтелого ревизионизма. Таков, согласно вышеприведенной характеристике Розанова, «последовательно-мыслящий марксист» Каутский, будто бы отказавшийся от эклектики. Нет. Каутский эклектики не изжил, и именно поэтому он и на эклектичность родбертусовского метода внимания не обратил: будучи сам эклектиком, он в эклектике особой беды не видел.

Каутский прошел мимо этой классовой природы эклектичности родбертусовского метода. Это неминуемо должно было привести к внутренним противоречиям в оценке родбертусовского творчества в целом. Уже махровый ревизионист Шрамм в своей полемике с Каутским зло подметил непостоянство Каутского при характеристике сущности родбертусианства. Действительно, в статье 1884 года Каутский начинает с того, что называет Родбертуса основателем одной из школ социализма в Германии, а кончает тем, что Родбертус — консервативный утопист. В статье 1885 года Родбертус для него уже представитель «юнкерского социализма», а в статье 1886 года он пишет: «В качестве консерватора среди консерваторов Родбертус — блестящая фигура; в качестве коммуниста среди коммунистов он является звездой третьей величины». Но звезда третьей величины есть все-таки звезда. Родбертусу, по Каутскому, место стало быть и среди консерваторов и среди коммунистов. Такова соглашательская «логика» центриста Каутского.

В этом своем соглашательстве Каутский приходит к таким «перлам».

По Родбертусу например разделение труда всегда есть лишь об'единение людей, их общность, так как они совместно участвуют в народном хозяйстве. Э... вытекает из уже знакомой нам родбертусовской методологии, где идея общности есть основная «идея» или «логическое понятие», все же остальное есть нечто историческое, случайное, наносное, от чего можно и должно абстрагироваться. «Прежде всего, — говорит Родбертус, — необходимо удалить из представления о разделении труда все несущественное, именно различие между работниками и владельцами земли и капитала. Какие бы громадные исторические и практические последствия ни имело ныне это различие, но все же для логического понятия оно лишь случайно» (Родбертус, «Капитал»). При разделении труда «один работает на всех и все на одного. Это правило высшей солидарности есть его последний принцип». Однако Родбертус идет дальше. Ему нужны политические выводы, и он их делает «бесстрашно», отождествляя разделение труда с... коммунизмом. «Одним словом, — говорит Родбертус, — оно (разделение труда) является коммунизмом (разрядка Родбертуса. — Т. М.), еще не правовым, но все же уже фактическим коммунизмом; правда не коммунизмом продукта, но все же коммунизмом производства, ибо к чему избегать употребления наиболее подходящего для вещи выражения» (там же). Только так, говорит он, следует понимать коммунизм, всякое другое понимание неверно.

Вот с этой «теорией» Родбертуса Каутский склонен солидаризироваться: «В известном смысле, — говорит он по поводу изложенных взглядов Родбертуса, — это правильно, если под коммунизмом понимать вообще общность» (Соч., т. I, стр. 275). Мало того, немного погодя, Каутский факти-

чески переходит на позицию Родбертуса: «Итак, это верно⁴⁾», — пишет он, — разделение труда ведет за собой известный коммунизм. Но в какой области? В сфере труда, а не капитала... Ныне работают сообща, для общей цели. В сфере труда (разрядка всюду Каутского. — Т. М.) ныне несомненно господствует коммунизм. Это признал и Родбертус». Таким образом Каутский благополучно пришел к антимарксистскому, родбертусианскому пониманию категории «коммунизм», а отсюда и к буржуазной апологетике процесса производства в его капиталистической, антагонистической форме. Вместо антагонизма на капиталистической фабрике у Каутского получилась «общность»... «коммунизм».

Перед нами — примирение противоположностей вместо вскрытия абсолютности борьбы противоположностей и относительности их единства. «Теоретически возможный» для Каутского отказ от марксовой диалектики (см. его письмо к Плеханову) показан на практике воочию.

Для оценки этих взглядов Каутского необходимо еще вспомнить ту роль, которую, по мнению Родбертуса, должна была сыграть эта его «теория», изложенная в его работе, демонстративно озаглавленной им «Капитал». Выпуск Марксом I тома «Капитала» Родбертус считал «нападением на общество», и поэтому его, Родбертуса, «Капитал» имел назначение «побить Маркса, которого до сих пор ни один профессор не сумел опровергнуть» (Письма к Р. Мейеру, стр. 406).

Родбертусианизм принадлежит к тем теориям, которые «в корне враждебны» марксизму. Он — юнкерская «вылазка против марксизма» (Ленин), и представляет собой один из источников ревизионизма, после того, как до-марксистский социализм оказался разбитым. Каутский и здесь широко протаскивал ревизионизм путем неприкрытой апологетики капиталистических производственных отношений.

* * *

Однако не только у Каутского, но и у Плеханова мы находим ошибочный анализ родбертусовского метода. В результате этих ошибок мы у Плеханова встречаемся с рядом противоречий, корни которых естественно следует искать в недостатках плехановской методологии — в отрыве теории от практики, абстрактном об'ективизме и «софистике» (Ленин).

Уже в общей оценке классового характера родбертусианства мы встречаемся у Плеханова с огромными противоречиями. Так, для него Родбертус «был и до конца жизни остался землевладельцем, не только по положению, но отчасти и по симпатиям», стремившимся «воспользоваться рабочим движением между прочим и в интересах землевладельцев, до сих пор еще не окончивших своей исторической распри с капиталистами» (Соч., т. I, стр. 338), при чем «смешно ставить его учение не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску с последним» (там же, стр. 364).

А наряду с этим в том же произведении Плеханов заявляет: «Родбертус с полным основанием может быть причислен к той блестящей, хотя и немногочисленной фаланге экономистов, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассалья. Почти одновременно с двумя первыми из названных писателей выступил он на поприще экономической литературы и так же, как они (разрядка всюду наша. — Т. М.), посвятил свои силы изучению вопроса о положении труда и роли труда в современном обществе» (там же, стр. 218).

⁴⁾ Перевод ГИЗ, 1928 г., стр. 283, неправильно передает слова Каутского: «Nun, das ist richtig» — условным: «согласимся, что...». Каутский пишет вполне категорически: «Nun das ist richtig, die Teilung der Arbeit führt einen gewissen Kommunismus mit sich» («Die neue Zeit», 1884, стр. 347).

у Плеханова обычно в его подходе к Родбертусу преобладает именно вторая приведенная нами точка зрения. Он например усиленно подчеркивает, что Родбертус «изучал положение рабочего в капиталистическом обществе и старался придумать такие меры, которые дали бы возможность изменить это положение к лучшему» (Соч., т. XVIII, стр. 81) и игнорирует в своем анализе слова самого Родбертуса, что железный закон заработной платы, сторонником которого был Родбертус, «иначе может оказаться губительным для наших (т. е. капиталистических. — Т. М.) общественных отношений». Отсюда Плеханов разводит руками по поводу взгляда Родбертуса на рабочий класс, как на варваров, по поводу того, что «Родбертус боялся рабочего класса» (т. XVIII, стр. 84).

Именно из-за непонимания классовости мировоззрения Родбертуса, Плеханов отрицал, что «теории Родбертуса представляют собою последнее стрезненное слово» буржуазно-юнкерской экономики, — слово, облеченное в ярко демократический наряд и потому оцененное по достоинству лишь в наше время заигрывания с народом даже самых закоснелых консерваторов» (Соч., т. I, стр. 218), тогда как в действительности, как мы это видели хотя бы из высказываний Ад. Вагнера, дело именно так и обстояло. Основной задачей Родбертуса было не улучшение положения рабочего класса, как это представлял Плеханов. Основной задачей его было увековечение классового неравенства, сохранение богатых и бедных: «Если бы,—пишет Родбертус,—годовой национальный прирост всегда равномерно распределялся между бедным и богатым, то при исконной привычке к такой разнице в общественном владении благами прирост национального богатства никогда не имел бы следствием недовольство или разрушение общества» («Zur Frage des Sachwertes des Geldes im Altertum», стр. 345).

Плеханов пробует выйти из затруднений путем различения Родбертуса-«теоретика» и Родбертуса-«практика», другими словами, путем отрыва теории от практики. Родбертус-теоретик, мол, стремится к беспристрастию, «Практические же практик — «сесть между двумя стульями» (т. I, стр. 338). «Практические предложения» его далеко не были так радикальны, как стремления Маркса и Энгельса. Но теоретические основы этих «предложений»... весьма близко подходили к учениям крайних партий» (там же, стр. 218).

Исходя из такого отрыва теории от практики, Плеханов считает возможным игнорировать произведение Родбертуса, посвященное «кредитной нужде землевладения», объявляя его «специальным сочинением, посвященным частным практическим вопросам» (там же, стр. 224). А между тем в этом произведении Родбертус весьма наглядно показывает свое классовое лицо. Здесь видно, для чего Родбертусу нужно рассматривать рабочий класс как варваров. Уже в 1-м социальном письме Родбертус подчеркивал, что если раньше рабочие классы так покорно переносили ярмо бесплатного труда, ныне они... готовы сбросить с своих плеч всю тяжесть».

В «Кредитной нужде землевладения» он для защиты своих практических предложений вскрывает классовый характер своей теории. Он подчеркивает, что смертельная опасность грозит «культуре общества», его национальной самостоятельности. Вывести общество из этой опасности может только землевладение. Государству грозит опасность потерять благодаря борьбе буржуазии и пролетариата свое равновесие, что «может привести к социалистическому аборту» (Родбертус имеет в виду революцию). Это равновесие ему может дать только землевладение. При этом «не нужно даже апеллировать к чувству собственного достоинства и интереса землевладельческого сословия, а только к благу общества», так как в этом случае государство было бы «образцом справедливости». Землевладельцам же Родбертус бросает клич: «об'единимся вокруг нашего естественного дохода, вокруг на-

шей ренты» (Kreditnot, II, предисловие). Таким образом произведение, которое Плеханов третировал как «практическое», являлось одновременно «теоретическим», и притом в своей практике вскрывавшим классовые корни теории.

Плеханов пишет, что Родбертус — «человек, сумевший возвыситься над классовыми предрассудками буржуазных экономистов» (т. I, стр. 232), но что он «при всем своем стремлении к беспристрастию никогда не мог возвыситься до того возвышенного бесстрашия, которое заставляет окончательно разойтись с отжившими и осужденными традициями» (там же, стр. 338). Другими словами, для Плеханова тут идеалом является не партийность в науке, а «возвышенное бесстрашие», т. е. абстрактный объективизм, ничего общего с марксизмом не имеющий. Именно Родбертус пытался изобразить себя «классовым» ученым. Вместо того, чтобы раскрыть классовый характер установок «померанского помещика» (Маркс), стремящегося теоретически и практически сделать свой класс хранителем «равновесия в государстве» классом-гегемоном, вместо этого Плеханов ударяется в апологетику Родбертуса и воспекает его, как человека, «возвысившегося над классовыми предрассудками буржуазных экономистов».

Что дает Плеханову повод говорить таким образом? Мы видели, что Родбертус боится пролетарской революции, что одновременно он стремится закрепить господство богатых над бедными. Родбертус понимал, что без реформ дело не обойдется, что нужны реформы по линии такого «улучшения» положения рабочего класса, которое даст возможность как можно дольше сохранить капиталистический строй. Мы знаем, что Плеханов абсолютно лишены возможности дать разбор его реформаторских проектов. Энгельс в предисловии к «Нищете философии» их в достаточной мере резко высмеял. Плеханов же выхватывает именно это признание Родбертуса в необходимости реформ, отрывает эту сторону родбертусовского учения от всех остальных, превращает ее в основную и выставляет ее как сущность родбертусианства, узревшего, «что главной задачей политической экономии должно быть отныне изыскание средств для облегчения бедственного положения пролетариата». Другими словами Плеханов средство у Родбертуса превратил в цель, одну из сторон его учения — и притом подсобную — в сущность всего учения Родбертуса. Вот к какой апологетике родбертусианства неминуемо приводила постановка вопроса Плехановым. Не поняв родбертусовского мировоззрения, зачислив Родбертуса «в одну фалангу с Марксом и Энгельсом», Плеханов естественно не разобрался и в родбертусовском методе.

Сам Родбертус был о своем методе, и особенно об уже упомянутом нами различении им категорий логических от исторических, чрезвычайно высокого мнения и неоднократно указывал на это Рудольфу Мейеру, Вагнеру и др. «Вы считаете, — пишет он Франке, — в науке логическими категориями те, что являются историческими», и видит в этом основную ошибку современной ему науки. Это его желание «провести резкую черту различия между логическими и историческими категориями во всех частях экономической науки» Плеханов правильно отмечает, как «одну из любимейших идей» Родбертусовских идей, но он тут же вынужден констатировать, что при этом «Родбертус попадает в целый ряд самых удивительных противоречий, при чем, по заявлению Плеханова, некоторые из этих противоречий, например введение Родбертусом понятия «конституированной стоимости», устранить решительно невозможно».

Стремясь все-таки разобраться в родбертусовском понимании логических и исторических категорий, Плеханов берет в качестве примера понятие «капитал» у Родбертуса.

По Родбертусу существуют два вида капитала в соответствии с уже известным нам различием Родбертусом категорий логических и исторических. Логической категории у Родбертуса соответствует капитал в логическом или национально-хозяйственном смысле или, как он в «Zur Erkenntniss...» его называет, капитал в узком или собственном смысле слова. Исторической категории Родбертуса в отношении капитала соответствует современный капитал, под которым он понимает предпринимательский фонд или, как он выражается иногда, капитал в широком смысле слова. Вся критика Плеханова направлена против родбертусовской логической категории капитала и не затрагивает исторической категории капитала.

Плеханов правильно указывает, что «по смыслу предлагаемого Родбертусом определения кремневый топор и кожа убитого дикарем зверя являются таким же «капиталом» в логическом смысле этого слова, как и хлопчатая бумага и паровые машины современного фабриканта» (т. I, стр. 349)¹). Чем же объясняется такая путаница у Родбертуса, спрашивает себя Плеханов и объясняет это следующим образом: «Родбертус... понимал, что обычное представление о капитале справедливо только по отношению к буржуазному ее периоду. Он старался избежать неудобств принятой экономистами терминологии, устанавливая различие между историческими и логическими категориями, между капиталом в логическом и капиталом в историческом смысле слова. Первым термином он обозначал средства производства, вне всякой связи их с общественными отношениями людей, вторым он хотел выразить именно эти общественные отношения... Но для него самого не было еще ясно, когда и при каких условиях «капитал в историческом смысле этого слова» может выражать собою общественные отношения производства. Критерием для определения различных видов исторического капитала он взял чисто юридический признак: большую или меньшую широту сферы частной собственности... Попытка Родбертуса установить различия между историческими и логическими категориями есть не более, как неудавшаяся попытка понять и формулировать ту особенность товарного способа производства, благодаря которой «общественные отношения людей являются в виде общественного отношения вещей»... Если бы для него была ясна эта особенность, тогда в его терминологии не было бы тех странностей, которые мы видим в ней теперь» (Плеханов, Соч., т. I, стр. 350—351). Разрядка всюду наша.—Т. М.).

Плеханов совершает две ошибки: во-первых, он пытается свести дело к стремлению Родбертуса «избежать неудобств принятой экономистами терминологии», а во-вторых, и это основное, он явно «марксизирует» Родбертуса, приписывая ему проникновение в тайну «товарного фети-

¹) В своем «Капитале», которым он думал «опровергнуть Маркса», Родбертус пишет следующее: «Политикоэкономы согласны с тем, что та палка, которую сламывает дикарь, чтобы при ее помощи сбить с дерева плод, которую он быть может тотчас же после такого употребления сломает или бросит, в одинаковой степени составляет капитал, как тысячи центнеров хлопка, как прочные здания и машины нынешней прядильной фабрики. Но если это так, то ни запас, ни количество, ни прочность (разрядка Родбертуса) капитальных предметов не могут быть сущностью капитала. Только то, что обще и капиталу дикаря и капиталу спокпортского фабриканта, может быть этой сущностью (разрядка наша.—Т. М.), именно то, что как палка, так и данное количество хлопка, машины и здания суть продукты, служащие для дальнейшего производства (разрядка Родбертуса), предварительно выполненный труд, за которым еще должен следовать труд сбивания плода и труд прядения» (стр. 158).

шизма». В действительности Родбертус и не пытается понять и формулировать ту особенность товарного способа производства, благодаря которой «общественные отношения людей являются в виде общественного отношения вещей» (Маркс). Недаром Плеханов вынужден был для формулировки этой будто бы родбертусовской «неудавшейся попытки» прибегнуть к марксовым словам. У Родбертуса найти их невозможно. Больше того, такие «попытки» ему абсолютно чужды. Они противоречат всему метафизическому складу его мышления. Попытки раскрыть природу товарного фетишизма у Родбертуса нет и в помине. Она — плод плехановской тенденции «марксизировать» Родбертуса.

Точно так же абсолютно неверно утверждение Плеханова, что, не справившись с этой своей «попыткой», Родбертус прибег к чисто юридическому признаку для различения исторических и логических категорий. Это не так. И не в «странностях его терминологии», как это хочет изобразить Плеханов, дело, а в его шеллинговском методе, так сказать шеллинговской «идее» в действии.

По своей идее, «логически, — говорит Родбертус, — капитал обнимает собой сырой продукт, вспомогательные материалы и орудия; исторически — содержание понятия значительно изменяется»¹⁾. «Понятие капитала в узком смысле слова исходит из природы вещей, понятие капитала в широком смысле слова — из случайных придатков исторического порядка. Оно исчезло бы, если бы исчезла собственность, приносящая ренту (родбертусовский термин для суммы ренты и прибыли. — Т. М.), и тогда чистое понятие осталось бы одно, как правильное и победившее» («Zur Erkenntniss...», стр. 24). И как будто предвидя возможность плехановского толкования, Родбертус заранее оговаривает: «Можно было бы капитал в широком смысле слова также определить, как запас благ, предназначенных приносить ренту. Но тогда определение понятия было бы взято, исключительно исходя из конкретного исторического порядка, который ведь ему дает только эту случайную форму (разрядка Родбертуса. — Т. М.) в противоположность чистому понятию капитала; притом всякий мост и всякое развитие из одного понятия в другое было бы прервано, так как не имело бы места включения в оба способа рассмотрения заключающегося в них общего» («Zur Erkenntniss...», стр. 25, прим.).

Сравните это понимание Родбертусом соотношения между логической и исторической категориями с приведенными нами уже выше взглядами Шеллинга, и вы найдете почти абсолютное тождество. Идеей капитала является капитал как средство производства. Эта идея принимает «случайную форму», обросшую «случайными придатками исторического порядка», и тогда она в условиях капитализма носит название капитала в широком смысле слова или предпринимательского фонда. Но в этой исторической категории «спрятана» ее логическая душа, — в понятие предпринимательского фонда средства производства входят основной частью. Это то общее, что должно иметься во всякой исторической категории капитала. А вот вам искажающие «исторические случайные придатки». Это — зарплата и рента, другими словами, все остальные издержки производства, взятые с точки зрения помещика, видящего лишь поверхность явления.

В понимании «исторической категории» капитала Родбертус стоит таким образом на две головы ниже Адама Смита или Рикардо, прекрасно понимавших теоретическую абсурдность причисления ренты, пусть даже оплаченной вперед, к капиталу. Но Родбертус, как и Шеллинг, считает ведь неправильным определять понятия, «исходя исключительно из конкретного исторического понятия». Ему нужно исходить из «идеи». Где уж там анализировать «случайную историческую формулу»! Ее можно брать так, как она

¹⁾ Родбертус, К освещению соц. вопроса, стр. 47.

представлялась помещику Родбертусу на поверхности явления. «Весь плоский характер Родбертуса выступает в этой противоположности «логических» и «исторических» категорий!» (Маркс ¹). Этого плоского характера Родбертуса Плеханов, не понявший самых корней родбертусовской методологии, не заметил, занявшись поэтому фактической апологетикой Родбертуса ²).

Однако не только в данном вопросе мы имеем у Плеханова ошибочное понимание сущности методологии Родбертуса. Плеханов переоценил метод Родбертуса в целом, объявив этот метод «плодотворным» и «историческим» (т. I, стр. 355). Вот почему при разборе отдельных сторон родбертусовского учения Плеханову часто приходилось нападать у Родбертуса, по его собственному выражению, на «непонятные вещи». Так например, характеризуя исторические взгляды Родбертуса, Плеханов пишет: «Благодаря своим обширным историческим познаниям, он (Родбертус) умел поставить изучаемое историческое явление на реальную почву развития общественного хозяйства (разрядка наша. — Т. М.). Таким образом он сразу выходил из заколдованного круга, тумана гипотез о «народном духе» и влиянии этого «духа» на политическую и правовую историю общества» (Плеханов, Соч., т. I, стр. 226).

Плеханов здесь снова «марксизирует» Родбертуса. Но опять-таки очень скоро ему самому приходится «удивляться, каким образом, будучи замечательным знатоком римской истории, Родбертус упустил из виду, что в первые века республики рабство существовало лишь в очень незначительных размерах» (Плеханов, там же, стр. 341). Считая Родбертуса «последовательным мыслителем» (т. I, стр. 222), он пытается объяснить эту непоследовательность Родбертуса тем, что «многие фазисы развития социальных отношений оставались для него (Родбертуса) закрытой книгой» (там же, стр. 341).

А между тем ларчик открывается очень просто. Где Плеханов видит непоследовательность, там на самом деле надо лишь функционирование уже знакомого нам родбертусовского метода. Если Плеханов прославляет изгнание Родбертусом из исторической науки «народного духа», то это верно лишь в том смысле, что «народный дух» Родбертус заменил шеллинговской идеей ³).

По Шеллингу, изучение истории должно иметь целью познание абсолютного, идеи, в противном случае мы получаем только знание о конечном и о прошлом, но путь к познанию прообраза нам закрыт. Поэтому «нет ничего более священного, чем история этого великого зерна мирового духа, этой вечной песни божественного разума» (стр. 219 ⁴). Становление истины реальностью в постоянном движении вперед,—говорит Шеллинг,—выражает себя в истории (стр. 152—153).

Шеллинг восстает против кантовского плана истории, так как Кант, говорит Шеллинг, ищет лишь познать рассудочную закономерность явлений, что является лишь прагматическим подходом к истории. Между тем, говорит Шеллинг, «подлинная история покочится на синтезе данного и реального с идеальным» (стр. 220), при чем, правда, добавляет он, «само собою понятно,

¹) См. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 400.

²) Меншевик-предатель Рубин также утверждает, что мы имеем у Родбертуса «редкое различие между техническими фактами производства, как таковыми, средства производства и земля, и тою определенною социальною формою, которая присуща им в капиталистическом хозяйстве (наемный труд, капитал и земельная собственность)» (Рубин, Современные экономисты на Западе, стр. 93).

³) Притом утверждение Плеханова вообще слишком категорично. Для эклектика Родбертуса все средства хороши. В случае нужды он прибегает и к народному «духу». Так например он пишет в своем «Капитале»: «Народное сознание отрицает во всех отношениях... коммунизм равенства. Оно желает только равноправия» («Капитал», 1906, стр. 62. — Разрядка наша. — Т. М.).

⁴) Все страницы указаны по вышецитированной работе Шеллинга.

что историк не может... изменить содержание истории, так как ее высшим законом должна быть истина» (стр. 221).

Нужно признаться, что в основном Родбертус покорно следует за Шеллингом, но в одном, в вопросе об исторической правде, он от него «отстывает», сознательно причисляя даже в своих специально исторических работах исторический процесс под свою «идею». Для того, чтобы не быть голословным, укажем хотя бы на его исторические работы об античном Риме, которым Родбертус много занимался, так как искал в нем причины гибели Рима. Изучая «социальный вопрос» античного Рима, Родбертус надеялся найти плодотворные мысли для излечения современного «социального вопроса» по методу нахождения «сходного в несходном». Мы не станем говорить об отдельных частностях описания Родбертусом античного Рима, так как это нас здесь абсолютно не интересует.

Для нас важнее, что в общей характеристике Рима того периода он изображает автаркию ойкоса основной формой его хозяйства, «идеей», присущей Риму и являющейся причиной, по словам Родбертуса, его «хозяйственного здоровья». Фактически же ойкос с его самодовлеющим натуральным хозяйством являлся мимолетным явлением в жизни Рима¹⁾. Зато масса ремесленников и мелких крестьян, реально существовавшая в тогдашнем Риме, в «истории» Родбертуса абсолютно отсутствует, так как «не вяжется» с его пониманием Рима. Он от них сознательно абстрагируется. «Впрочем,— пишет он,— я знаю, что это сознание (древнего Рима.—Т. М.) очерчено с большей остротой, чем его, даже в его происхождении (Ursprung), историю осуществила. Но как раз в этой остроте оно соответствует аристотелевской идее, а при рассмотрении творений действительности нужно исходить из «идеи», если хочешь составить себе о них (о творениях действительности) правильное суждение»²⁾.

Искусственность и ненаучность такого «исторического метода» бьет в глаза. Родбертус доводит шеллинговскую борьбу за «идею» в истории против кантовской «рассудочной закономерности явлений» до абсурда, что вполне закономерно, особенно имея в виду эклектическую смесь из Шеллинга и Сен-Симона, с которой мы имеем дело при «историческом методе» Родбертуса³⁾.

Неудивительно, что Плеханову приходилось разводить руками по поводу установленной Родбертусом схемы общественного исторического раз-

¹⁾ См. Енч, К. Родбертус, стр. 176. В этой симпатии Родбертуса к ойкосам тоже сказался померанский помещик с его в то время еще полунатуральным хозяйством.

²⁾ Цитирую по Енчу, стр. 111.

³⁾ Мы говорим о смеси из Шеллинга и Сен-Симона, потому что подчас Родбертус от Шеллинга отступает и пользуется историческими взглядами Сен-Симона. Например Шеллинг считает, что состояние культуры является первичным для человеческого рода. В этом первичном состоянии у человека было единство государства, наук, религии и искусства, как это когда-нибудь снова будет. Это первоначальное состояние утеряно человечеством благодаря революциям (цит. соч., стр. 169). Наоборот Сен-Симон, как известно, считал иначе. В своей работе о преобразовании европейского общества он писал: «Воображение поэтов пошло стило золотой век в колыбели человеческого рода, среди невежества и грубости первобытных времен; но это время правильнее отнести к железному веку. Золотой век человеческого рода не позади нас, а впереди. Он заключается в совершенстве социального строя». Родбертус придерживался в своих исторических взглядах в этом вопросе точки зрения Сен-Симона. Точно так же придерживался он сенсимонистского принципа, что настоящее время может быть понято и оценено только как промежуточное звено между прошлым и будущим. В отдельных случаях нельзя знать, у кого из них он заимствовал свои взгляды, ввиду общности по ряду вопросов исторических взглядов Шеллинга и Сен-Симона.

вятия — рабство, наемный труд, «новая эра» — и по поводу игнорирования Родбертусом существования в древнем Риме сельских общин и свободного ремесленного и земледельческого труда, что было с достаточной полнотой установлено уже в период деятельности Родбертуса. «Все эти исследования, — удивляется Плеханов, — оставались совершенно как бы неизвестными Родбертусу» (Соч., т. I, стр. 341).

В этом факте нет с точки зрения родбертусовского метода ничего поразительного. Что для схемы Родбертуса не подходит, то для него в науке не существует, хотя бы в действительности это имело место. Неудобное объявляется «случайной исторической формой», и тогда от него можно «отвлечься». А в основном упоминаемая Плехановым схема тоже не оригинальна. Родбертус просто переделал схему, данную Анфантенем в статье «О рабочем классе». В этой статье Анфантен писал, что рабочий класс в политическом отношении — наследник древнего рабства, перешедшего в крепостничество, которое в свою очередь видоизменилось в наемничество (esclavage, servage, état de salarié). Анфантен предсказывает, что наемный труд должен исчезнуть с полным торжеством ассоциаций (см. Иванов, «Сен-Симон и сен-симонизм»). Мы здесь лишь имеем один из примеров «заимствований» Родбертуса без указания источника.

Плеханов проглядел и другое. Плеханов, видевший в Родбертусе человека, сумевшего «поставить изучаемое им историческое явление на реальную почву развития общественного хозяйства», удивляется по поводу искусственности исторической схемы, установленной Родбертусом. Но дело в том, что у Родбертуса за время его деятельности была не одна схема, а несколько, и все притом построены им по одному, уже известному нам, «научному» принципу: «бог троицу любит».

В 40-х годах исторической схемой Родбертуса являлась следующая: а) античный период, которому соответствует изолированное хозяйство, б) германский период, при котором существует разделение труда, и в) царство свободы, при котором осуществляются реформаторские планы Родбертуса.

В 50-х годах родбертусовская схема уже несколько видоизменена: а) общество рабовладельческое (хозяйство изолированное), б) общество с собственностью на землю и капитал (хозяйство с наличием нетрудового дохода) и в) общество будущего.

Наконец в 60-е годы его схема такова: а) общество антично-языческое, б) общество христиански или католически-германское и в) общество христиански-социальное. Первым двум периодам соответствовали различные типы государств, третий период — государство будущего¹⁾.

В 60-х же годах он пользуется (в Kreditnot) и схемой Гильдебранда: хозяйство натуральное, денежное, кредитное. Даже Первушин, безусловный апологет Родбертуса, видящий в нем «основателя научного социализма», вынужден был признать, что «Родбертус не создал-таки настоящей схемы развития хозяйственной жизни», что его деление мировой истории «слишком общее и не выражает конкретных изменений в историческом развитии»²⁾.

Родбертусовские схемы, направленные, по словам самого Родбертуса, на нахождение «схожего в несхожем», на поиски во все времена и поколения «идеи», естественно шаблонизируют историю, насильственно втискивают факты в надуманные схемы, а в случае нужды и вовсе от них «абстрагируются».

Подобного рода «исторические методы» Маркс бичевал еще у Прудона: «Он не чувствует надобности говорить нам о XVII, XVIII или XIX веках,

¹⁾ См. Дитцель, цит. соч., стр. 140—144.

²⁾ Первушин, Родбертус и Бюхер, 1922, стр. 36—37.

ибо его история протекает в туманной среде фантазии и витает высоко над временем и пространством... С его точки зрения человек только орудие, которым идея, или вечный разум, пользуется для своего развития. Эволюции, о которых говорит г-н Прудон, — это особого рода эволюции, протекающие в мистическом тумане абсолютной идеи. Попробуйте сорвать покров с его мистической фразеологии — и вы увидите, что г-н Прудон описывает нам только распорядок, в котором экономические категории расположены внутри его головы»¹⁾. Эти слова полностью относятся и к Родбертусу.

При таком «методе» нет ничего удивительного, если Родбертус объясняет возникновение в античном мире больших общин (Gemeinwesen) — по сещению богослужения в христианских церквях²⁾. Или например он видит причину отделения городских ремесел от сельских «в приказе законодателям годным ремесленникам работать только в городах», что было равносильно, заявляет он, запрещению землевладельцам заниматься «городскими ремеслами» и повлекло за собой отделение земельной собственности от собственности на капитал, т. е. возникновение нынешнего хозяйственного порядка («К освещению соц. вопроса»).

Мы не можем дольше останавливаться на исторических взглядах Родбертуса, хотя дальнейшее их изложение еще больше подтвердило бы всю не правильность плехановской характеристики «исторического» метода Родбертуса. Укажем лишь на то, что Родбертус например верит в идею цезаризма в истории. Он ждет появления нового цезаря и верит, что таковым будет Бисмарк. Этот современный цезарь будет творить историю по примеру Цезаря и Карла Великого³⁾. Естественно, что при таком подходе Родбертус мог дать те или другие частные результаты, но возвыситься до правильного понимания хода исторического процесса, чуть ли не по-марксистски его объяснить, как это ему фактически хочет приписать Плеханов, — на это идеалист-эклектик типа Родбертуса конечно не был способен. В своем «историзме» Родбертус во многом близок к исторической школе, к Вильгельму Рошеру, но не к Марксу.

Не поняв этого, «марксизировав» и в этом отношении Родбертуса, Плеханов логично приходит к своему заключению о том, что метод Родбертуса в целом является плодотворным. «При всей плодотворности усвоенного им исторического метода экономических исследований, — подводит итоги Плеханов, — Родбертус также не выяснил окончательно исторического значения кризисов, как не усвоил он вполне точных и законченных понятий о меновой стоимости, капитале и товарном производстве» (Соч., т. I, стр. 355. Разрядка наша. — Т. М.).

Такого же мнения о методе Родбертуса был и Зибер, под сильным влиянием которого, как известно, одно время находился Плеханов. Мы здесь имеем фактическое прикрашивание положения вещей со стороны Зибера и Плеханова.

Мы хотели бы подчеркнуть фактическую примиренческую линию Плеханова даже тогда, когда он указывает на ошибки Родбертуса. Оказывается, что Родбертус выяснил проблему кризисов, но не окончательно. В отношении основных категорий политической экономии у него дело тоже не так плохо. У него лишь нет вполне точных и законченных понятий. Эта плехановская трактовка Родбертуса объективно апологетична. Она не вскрывает классовой сути метода Родбертуса.

Приведем краткое изложение самим Родбертусом его метода. «В без- ошибочной системе национальной экономии, — пишет он Рудольфу Мейеру, —

¹⁾ Маркса и Энгельса, т. V, стр. 286, Письмо к Анненкову.

²⁾ См. Jentsch, Karl Rodbertus, стр. 103.

³⁾ К идее цезаризма Родбертус также не пришел самостоятельно. Он заимствовал у Сен-Симона.

в которой избегается как смешение исторического и логического, так и индивидуалистический исходный пункт (исследования.—Т. М.), следует сначала представить состояние, при котором все части национальной экономики уже находятся на своем месте, в органическом порядке (разрядка Родбертуса.—Т. М.). Следует стало быть начинать с полного коммунистического понятия «национальное» (разрядка наша.—Т. М.), а затем в обратной последовательности через отдельные исторические периоды показать, какие вывихи, как бы напроказничал исторический элемент (das historische Ingrediens) в этом органическом порядке. Лишь тогда можно ясно видеть, познать естественное значение всех понятий» (Письма, стр. 417). При этом исходным пунктом для Родбертуса является идея общности людей в производстве и распределении, как логическая категория. «Во всяком случае,—заявляет Родбертус,—в систематическом изложении хозяйственной науки нужно начинать с понятия, из которого выросли все хозяйственные понятия, — это понятие общности. Следовательно, это понятие общности должно с самого начала окрасить все остальные хозяйственные понятия, иначе ведь с самого начала оставляется без внимания их существенный характер» (там же, стр. 414—415).

Таким образом Родбертус берет свою идею «общности» и через произвольно взятые «отдельные исторические периоды» ищет существование этой общности в этих периодах. Ему это легко удастся, так как в крайнем случае негодное ему явление он может отнести за счет «напроказничавшей истории» и абстрагироваться от него во славу «естественного значения понятия». Это дает возможность Родбертусу на основе своего логического понятия общности видеть в «национальном» только общность, а не различие, следовательно только «национальное», а не классовое. Отсюда единственное противопоставление у него, это противопоставление общности, или, как он еще выражается, коммунизма,—индивидуализму, целого—части. «Социальная жизнь покоится не на индивидуализации, а на общности, она есть единственный принцип социальной жизни—всесторонняя общность во всех индивидуальных сферах жизни, в умственной, нравственной и хозяйственной... Эта сила есть не свобода, но общность индивидов... Эта сила есть коммунизм, а не индивидуализм» (Родбертус, «Untersuchungen». Цитирую по Первушину, стр. 16).

Таким образом из понятия коммунизм Родбертус выхолощивает его суть — бесклассовость общества в противопоставлении классовому, антагонистическому, капиталистическому обществу. Взамен этого он переносит дело в совершенно другую, «общечеловеческую» плоскость, противопоставляя общее — частному, обществу — индивиду, его, родбертусовский, «коммунизм» — индивидуализму. Правда даже и это противопоставление Родбертус заимствовал в извращенном виде у сен-симонистов (у них association — individualisme, как на это указывает Дитцель). Но цель достигнута. Дело переносится из полной опасности сферы классовых противоречий капиталистического общества в тихую и абстрактную пристань отношений индивида «вообще» к обществу «вообще», а отсюда и к гармонии, сочетанию интересов «общества и индивида» с точки зрения идей морали и права.

Именно в этой постановке подхватили Родбертуса буржуазные экономисты во главе с Дитцелем и Ад. Вагнером. Именно в этой постановке—часть подчиняется целому, индивид—государству, нет места «классовому эгоизму»—жуют его и в наши дни Штаммлер, Диль, Момберт, Муциол, Штольдман, фон Бранке и др. Все эти идеи не раз выдвигались буржуазией против пролетариата. Все эти идеи стали, как известно, знаменем и международного оппортунизма. «Вопрос о высшей закономерности,—писал похвалявшийся своим влиянием на Бернштейна Руд. Штаммлер в «Хозяйстве и праве», — с точки зрения которой следует познавать социальную жизнь, практически

тотчас же приводит к тому или иному принципиальному пониманию отношения индивидуума к обществу; а от этого принципиального взгляда зависит понимание и разрешение вопроса о дальнейшем развитии, изменении и усовершенствовании наших социальных порядков» (стр. 6). То же самое мы имеем и у Р. Штольцмана в его книге «Кризис современной политэкономии» (1925 г.), сводящего все дело к вековечной борьбе двух мировоззрений: индивидуалистического и универсалистского.

Из сказанного, мы полагаем, ясно, к какой вульгарной апологетике капитализма ведет «плодотворный», по мнению Плеханова, метод Родбертуса. Столь же ошибочно и утверждение Плеханова, что Родбертус «рассматривал экономическую жизнь капиталистического общества с общественной точки зрения и лишь иногда «покидал эту им же горячо защищаемую общественную точку зрения» (Соч., т. IX, стр. 95—96).

У Родбертуса подлинной общественной точки зрения нет. Она у него подменена искусственным подходом с точки зрения реально несуществующего «логического понятия» общества с единой волей и едиными потребностями. Она у него подменена обществом, в котором существуют лишь атомы—индивиды, исполнители воли этого общества. Это—нелепая оторванная от жизни абстракция. То, что характеризует общество, по Родбертусу,—это трюистенное соединение языка и науки, нравственности и права, разделения труда и национального хозяйства. В обществе как «таковом», в «логическом понятии» общества он видит лишь единство, организм, по своей природе примыкающий к природе своих атомов—индивидуальных организмов.

К какой степени апологетике капитализма приходит наш пресловутый «научный социалист», станет ясным из следующего. «Национальный капитал,—говорит он,—есть нечто совершенно иное, чем сумма индивидуальных капиталов изолированных хозяйств. Он также принимает целостный органический вид, благодаря чему он в сущности принадлежит всем, так что нынешние «частные капиталы» суть не что иное, как идеальное разделение ценностей этого капитала между «капиталовладельцами» («Капитал». Разрядка наша.—Т. М.). Тут и Зибер не выдержал, замечая, что «Родбертус в данном случае несколько (?)... уклоняется от истины» (Соч., т. II, стр. 531). А между тем Родбертус на основе этих своих рассуждений «бесстрашно» делает выводы. Он капиталистов объявляет лишь... «государственными чиновниками».

Стоит ли доказывать, что точка зрения Родбертуса квази-общественна, замазывает основные классовые противоречия капиталистического общества, и вульгарно-апологетична, являясь лишь предшественницей взглядов современной «социальной» школы буржуазной политэкономии. Недаром лишь недавно Муциол провозгласил его «основателем социально-правового направления». Что касается Плеханова, то он, как мы видим, и тут не разглядел классовой сущности методологии Родбертуса, а напротив «марксизировал» его.

Из всего сказанного нами, мы полагаем, достаточно ясно, насколько диаметрально противоположен марксистской методологии метод родбертузианства, метод, долженствовавший создать, по выражению Родбертуса, «трансцендентальную политэкономии». Из всего сказанного ясно, насколько эта методология враждебна марксизму, насколько вредна плехановско-каутскианская трактовка родбертусовского творчества.

* * *

Достойным проводником этих плехановско-каутскианских идей явился «ученый марксовед» Д. Рязанов. Для него не существовали ясные указания по этому поводу Маркса, хотя бы в «Теориях прибавочной стоимости», Энгельса в его предисловиях ко второму тому «Капитала» и «Нищете фило-

софии», Ленина в статье о Сисмонди и др. местах, в которых беспощадно вскрыта суть родбертусианства. Рязанов гнет линию II интернационала. Чем, как не явным извращением взглядов Маркса, Энгельса, Ленина со стороны Рязанова, является следующая характеристика Родбертуса в изданном Институтом Маркса и Энгельса под редакцией Рязанова «Анти-Дюринге»: «В своих произведениях (из них главное: «Социальные письма к Кирхману») Родбертус дал,—читаем мы там,—научное обоснование государственного социализма, по которому устранение социального неравенства должно происходить без насильственных переворотов, путем государственных преобразований. По своим теоретическим взглядам Родбертус был последователем Рикардо. Исходя из теории трудовой стоимости, Родбертус дал свою теорию прибавочной стоимости. Благодаря этому Родбертус может быть признан предшественником научного социализма, хотя в своих планах преобразования общества разделял идеи утопических социалистов» (разрядка наша.—Т. М.).

В этой характеристике—мы это утверждаем—нет ни одного верного тезиса. Вся она является перепевом пехановско-каутскианских взглядов на Родбертуса, и—чудо из чудес!—тот, кто для Энгельса был лишь «тенденциозным экономистом» и автором утопии, «разыгранной на игрушечной трубе», тот для пехановско-каутскианского последователя, Рязанов, превращается в предшественника научного социализма. Если к этому прибавить, что Рязанов здесь же утверждает, что Родбертус дал научное обоснование «королевско-прусского» государственного социализма, которое им же характеризуется, как реформистское течение, что следовательно по Рязанову возможно научное обоснование реформистского течения,—то, думаем мы, круг завершён и дальше идти некуда.

Мы уже отмечали, что Родбертус фактически имеет в виду путем своих государственных реформ добиться как можно большего увековечения социального неравенства. Рязанов же нам представляет дело так, что Родбертус стремится к социальному равенству. «Ученый марксовед» Рязанов и здесь открыто выступает против Энгельса, писавшего в предисловии к «Ниццете философии», что «Родбертус, выкраивавший в 1842 году свою социальную реформу по мерке тогдашнего прусского государства, отдаёт все дело в заведывание бюрократии, которая сама определяет и милостиво выдает рабочим часть их собственного продукта... Эту современную норму прибавочной стоимости (Родбертус категории «прибавочной стоимости» не знает, а знает «ренгу», под которой он разумеет прибыль плюс ренгу.—Т. М.) Родбертус оценивает в 200%, т. е. при ежедневном двенадцатичасовом труде рабочим будут выдавать расписки не на 12, а только на 4 часа; стоимость же, произведенная в остальные 8 часов, должна делиться между землевладельцем и капиталистом... Зато если наши рабочие выкажут достаточно кротости и позволят уверить себя, что в течение тяжелого 12-часового труда они в действительности проработали только 4 часа, то в награду за это им на веки вечные будет гарантировано, что их часть в их собственном продукте никогда уже не упадет ниже трети. О подобной, разыгранной на игрушечной трубе, музыке будущего не стоит и разговаривать». И дальше Энгельс отмечает, что родбертусовские проекты реформ являются «простым ребячеством» и ставят его в этом отношении гораздо ниже его многочисленных сотоварищей, писавших как раньше, так и после него».

Рязанов, как мы видим, говорит о научном обосновании государственного социализма там, где Энгельс говорит о простом ребячестве, и об устранении Родбертусом социального неравенства там, где Энгельс подчеркивает стремление Родбертуса его сохранить на веки вечные. Но Рязанов занимается и в следующем тезисе неприкрытой апологетикой Родбертуса, идя и тут против Маркса и Энгельса.

Неверно, что Родбертус исходит из теории трудовой стоимости, наоборот, у него «стоимость и труд остаются без всякой реальной связи» (Энгельс). Точно так же неверно утверждение Рязанова, что Родбертус дал свою теорию прибавочной стоимости. Мы здесь не намерены повторить всей аргументации Энгельса, данной им в предисловии ко II тому «Капитала». Из этого предисловия ясно видно, что у Родбертуса «теории прибавочной стоимости» нет, что у него есть теория «ренды», пол которой он разумеет «просто сумму земельной ренты и прибыли», что он вообще-то «остаётся в плену тех экономических категорий, которые он нашёл у своих предшественников», что ничего нового он в теорию не принес, так как, «как всегда, он пришёл слишком поздно» (Энгельс). Таким образом во всех своих частях рязановская аргументация неверна, антимарксистская и приводит к ревизионистской апологетике Родбертуса, выдавая его за «предшественника научного социализма».

Таков логический результат линии Рязанова на замазывание теоретического значения Ленина, на некритическое отношение к Плеханову, на апологетизирование Каутского. Ведь мог Рязанов одновременно с открытием заявлением, что «я не ленинист», писать в предисловии к XII тому сочинений Каутского (1923 г.) о Каутском, «как о наиболее выдающемся теоретике марксизма после Энгельса». А этот «наиболее выдающийся теоретик марксизма после Энгельса», подобно Плеханову, считал, что Родбертус «достиг точки зрения, высоко стоящей над теоретическими представителями капитала, либеральными экономистами», что Родбертусу лишь «не удалось перейти последнюю границу, отделяющую его от борющегося пролетариата» («Neue Zeit», 1894 г., т. I, стр. 457/8). Мы уже видели, что у Родбертуса этого нет и в помине, как нет у него и «искренней симпатии к жертвам и противникам имущих классов, к пролетариям», которую там же находит у него Каутский.

Взгляды Каутского и Плеханова на Родбертуса Рязановым весьма усердно пропагандировались. До сих пор они в литературе считаются чуть ли не воплощением марксизма. Так например выпущенная в 1931 году под маркой киевского филиала УИМЛ небольшая работа Никитина о Родбертусе носит на себе целиком и полностью родимые пятна плехановско-каутскианской методологии и — помимо ее компилятивного характера — скатывается поэтому к буржуазно-ревизионистской апологетике Родбертуса.

* * *

Мы не ставим себе задачей исчерпать все вопросы, связанные с каутскианско-плехановской трактовкой родбертусианства. Сказанного, мы полагаем, все же достаточно для того, чтобы сделать некоторые выводы.

На примере германских социал-фашистов, на примере Д. Рязанова мы видели, куда политически ведет подобного рода «марксизирование» Родбертуса. Оно ведет в лагерь буржуазии, в лагерь её агентуры в рабочем классе — социал-фашизма. Вопрос о влиянии Родбертуса на национал-фашизм еще совершенно не разработан. Известно, что после войны в Германии усиливается течение среди буржуазии «Назад к Бисмарку», что идет идеализация бисмарковщины, певцом которой был и Родбертус. Все это дает основание для пробуждения к нему интереса и среди национал-фашистов, идеями которых весьма родственны родбертусовским. Если еще иметь в виду борьбу с идеями «государственного социализма», фактически являющимися с идеями капиталистическими идеями, борьбу, которая несомненно должна принять острый характер, то борьба с родбертусианством на нынешнем этапе является бесспорно политически-актуальной задачей. Условием решения этой задачи является борьба с каутскианско-плехановской трактовкой этого вопроса, за восстановление марксо-ленинской точки зрения на Родбертуса.

Против извращений ленинской оценки Каутского

И. Разумовский

I

Письмо тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», как и все выступления тов. Сталина, сыграет исключительную роль в теоретическом развитии нашей партии и Коминтерна, во всей нашей практически-политической и партийно-воспитательной работе. Письмо тов. Сталина со всей остротой поставило перед нами задачу воинствующей партийности как необходимого важнейшего условия всей нашей теоретической и практически-политической деятельности. Оно выдвинуло требование борьбы с гнилым либерализмом и неустанной партийной бдительности по отношению ко всем возможным оппортунистическим извращениям ленинизма и в особенности ко всем попыткам протащить в марксистско-ленинскую теорию троцкистскую контрабанду и троцкистскую клевету на нашу партию. Сосредоточив наше внимание на вопросах истории большевизма, т. Сталин подчеркнул все огромное международное значение, которое имел с самого своего возникновения русский большевизм как прямое продолжение и дальнейшее развитие революционного коммунизма Маркса и Энгельса. Тов. Сталин подчеркнул ту исключительную важность для международного рабочего движения, для правильного понимания генеральной линии нашей партии, какую имеет борьба, которую Ленин вел во II интернационале со всеми разновидностями оппортунизма, в том числе с каутскианским центризмом и люксембургизмом.

Тов. Сталин подчеркнул, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.), что «Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской с.-д., вел линию на разрыв, на раскол с оппортунизмом у нас, в российской с.-д. партии, и там, во II интернационале, в частности в германской с.-д.». Тов. Сталин блестяще показал, что русские большевики не могли бы осуществить раскол со своими оппортунистами и центристами-примиренцами задолго до империалистической войны, «не ведя вместе с тем линию на разрыв, линию на раскол с оппортунистами и центристами II интернационала». Потому что «русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции, что коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции»¹⁾.

¹⁾ И. Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма.

Тов. Сталин отчетливо показал, как под флагом «объективной истории» троцкистские контрабандисты вновь протаскивают основное положение троцкизма о якобы имевшем место «идейном перевооружении» Ленина. Здесь троцкисты пытаются нащупать различные пути, по которым идет оклеветание ими ленинизма и протаскивание троцкизма. С одной стороны, мы имеем попытки замазать борьбу Ленина с люксембургизмом, отождествить позиции Розы Люксембург и примыкавших к ней левых с.-д. с большевизмом, а, поскольку воззрения Р. Люксембург в целом ряде пунктов смыкались с троцкизмом, тем самым «доказать», что троцкизм и люксембургизм в довоенный период послужили истоками для послевоенного развития ленинизма.

Второй путь заключается в замазывании и отрицании той борьбы, которую Ленин вел во II интернационале с каутскианским центризмом, в стремлении доказать, что Ленин якобы «недооценивал» опасности централизма во II интернационале. Тем самым подчеркивается, что большевизм в довоенный период был течением, тождественным каутскианству, и что у Ленина поэтому были все основания для того, чтобы идейно «перевооружиться» и притти к Троцкому!

В этих условиях ясность в вопросе о «довоенном» Каутском и об отношении к нему Ленина приобретает особое значение. Малейшее проявление нечеткости, непродуманности и гнилого либерализма в этих вопросах льет в конечном счете воду на мельницу троцкистских контрабандистов.

Между тем приходится констатировать явное неблагополучие в трактовке каутскианства и его эволюции в нашей теоретической литературе. Мы имеем здесь многочисленные образчики гнилого либерализма и преступного головотяпства по вопросу о Каутском, образцы явно оппортунистического извращения ленинизма, антипартийной оценки каутскианства.

Крайне характерно, что «тон» всем этим извращениям задавали совершенно определенные круги. В этом отношении полезно проследить позиции и троцкизма, и правого оппортунизма, и меньшевистствующего идеализма, и рязановщины в оценке Каутского. Всюду оппортунизм в отношении к Каутскому неразрывно связан с непониманием и отрицанием ленинизма как новой и высшей ступени в развитии марксизма, с непониманием того, что коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем коренными вопросами мировой революции.

Как известно, довоенный троцкизм представлял собой особую русскую разновидность международного централизма: Ленин нередко определяет троцкизм как «каутскианство»¹⁾. Организатор августовского блока Троцкий выступает в качестве сотрудника «Neue Zeit» и «Vorwärts» и «осведомителя» Каутского по вопросам партийной борьбы в России, изображая ее с ликвидаторских и «примиренческих» позиций. Во время империалистической войны Троцкий не решился отмежеваться от «единства» с превратившимся в социал-шовиниста Каутским и с меньшевиками-оборонцами. Он считал вообще давно «устарелым» понятие оппортунизма и отважился признать лишь наличие известных POSSИБИЛИСТИЧЕСКИХ, т. е. реформистских и «националистических» наклонностей, свойственных, по его мнению, всей эпохе II интернационала.

Как указывал тогда Ленин, основной недостаток этой характеристики эпохи у Троцкого «состоит в нежелании видеть и признать глубокие внутренние противоречия в современной демократии... Выходит так, как будто современная демократия данной эпохи оставалась единым целым, которое, вообще говоря, проникалось постепеннов-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 105 и др.

щиной, национализировалось, отвыкало от нарушений постепенности и катастроф, мельчало, покрывалось плесенью... На самом деле так не было... Ни одна, буквально ни единая из крупных капиталистических стран Европы в течение этой эпохи не была поощрена борьбой между двумя противоречивыми течениями внутри современной демократии...». И, показав в противоположность Троцкому классовые корни постепенщины и оппортунизма в наличии «мелкобуржуазных попутчиков, в наличии «бюрократии и аристократии рабочего класса», Ленин отмечает, что «корень ряда тактических и организационных ошибок у Троцкого... состоит именно в его боязни или нежелании признать этот факт полной «зрелости» оппортунистического направления...¹⁾).

Таким образом здесь Ленин отмечал у Троцкого стремление — даже после начала империалистической войны! — замазать наличие во II интернационале двух противоположных направлений — течения оппортунистического и революционного течения. Троцкому нужно было скрыть тот факт, что это революционно-марксистское течение было единственно последовательно представлено только русским большевизмом, затушевать борьбу между большевизмом и оппортунизмом во II интернационале и приписать постепенное «перерождение» и «национализм» всему II интернационалу. Уже тогда Ленин доказывал, что большевизм не есть результат слияния многочисленных троцкистских и люксембургских «ручейков», как это пытался изобразить недавно т. Радек; что эта теория ручейков приложима лишь к развитию оппортунизма: «каждое из многочисленных проявлений оппортунизма в течение всей второй (или вчерашней) эпохи во всех европейских странах были ручейками, которые все вместе «сразу» слились теперь в большую, хотя и очень мелкую (а в скобках добавь: мутную и грязную) социал-националистическую реку...»²⁾.

Войдя в коммунистическую партию, Троцкий остался при своих старых взглядах на развитие II интернационала. Так например в своей полемике с Каутским в 1920 г. («Терроризм и коммунизм») Троцкий всячески игнорирует историческую роль Ленина и большевизма, подчеркивая, что все социалистические партии, все рабочее движение эпохи II интернационала, шедшее под знаменем марксизма, потерпело поражение и проявило свое банкротство в 1914 г. Троцкий отмечает здесь, что в прошлом — очевидно в период сотрудничества с Троцким! — Каутский держался правильных взглядов на всеобщую стачку, демократию, революцию. В другой своей работе, относящейся к 1919 году, Троцкий указывает, что Каутский «представлял и обобщал лучшие стороны II интернационала», что «революционный характер доктрины Маркса и Энгельса Каутский отстаивал неутомимо», но и здесь «инициатива отпора ревизионистам принадлежала обычно не ему, а более решительным элементам (Р. Люксембург, Плеханов, Парвус)»³⁾. В то же время Троцкий превращает Каутского в прошлом, — подходя к нему как к «личности», — в основоположника школы австро-марксизма, для которой характерны «пассивность и устойчивость», «отвращение к революционному действию и страх перед ним». Каутский в изображении Троцкого — «неповоротливый... отец и учитель церкви квиетизма», который поэтому «политически целиком мирился с оппортунизмом»⁴⁾.

Таким образом злобный классовый враг и интервент Каутский превращен Троцким в некогда неутомимо отстаивавшего «революционный характер доктрины Маркса и Энгельса», но постепенно «переродившегося» в мирных

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XX, изд. 1-е, стр. 529—530.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1-я, стр. 531.

³⁾ Л. Троцкий, Терроризм и коммунизм, 1920 г., стр. 24, 25, 26, 165, 171.

⁴⁾ Л. Троцкий, Политические силуэты, Собр. соч., т. VII, стр. 45—47.

условиях, безвольного, педантичного, неповоротливого старичка, которого толкали к решительным действиям Р. Люксембург, Парвус и очевидно Троцкий! Каутский, по Троцкому, олицетворял все рабочее движение, весь марксизм эпохи II интернационала, лучшие стороны последнего. Как известно, ту же установку Троцкий развивал и в период своей последующей борьбы с партией. Он доказывал, что партии и вожди II интернационала, в том числе Каутский, будучи «прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса», «переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессионального аппарата...». Отсюда Троцкий делал «вывод» о перерождении и большевистской партии!¹⁾

Недалеко от этих установок Троцкого ушли в своей оценке каутскианства и правый оппортунизм и механицизм в лице тов. Бухарина. Тов. Бухарин исходит из того положения, что ленинизм, рассматриваемый методологически, есть лишь «полный возврат» к марксизму, сформулированному Марксом и Энгельсом. По мнению тов. Бухарина, «наиболее далеко идущие идеологи ревизионистского пошиба вырабатывали практику германских с.-д., разработав соответствующую теорию. Дурная часть с.-д. упиралась еще в своих теоретических формулировках, не будучи в силах, да и не очень пытаясь практически преодолеть эти вредоносные тенденции. Такую позицию занимала группа Каутского...» По словам тов. Бухарина, «мы только не замечали этого внутреннего перерождения и в так называемом «ортодоксальном» крыле...»²⁾.

Таким образом, хотя сам тов. Бухарин тут же отмечает, что и в классических работах Каутского «сейчас нетрудно открыть целый Монблан всевозможных извращений марксизма и оппортунистических формулировок», однако, по тов. Бухарину, оппортунизм Каутского до войны проявлялся лишь в недостаточном практическом сопротивлении его ревизионизму, а не в «теоретических его формулировках»! Лишь в оппортунистической практике протекал процесс незаметного перерождения Каутского. Этого доверенного оппортунизма Каутского, как оказывается, не замечали большевики во главе с Лениным! Напрашивается вывод, что большевизм до войны был теоретически солидарен с Каутским и не вел с ним борьбы...

Общезвестно попечительное отношение, которое проявлял к Каутскому Д. Рязанов, скрывший от партии и от международного рабочего движения ту убийственную характеристику, которую некогда Маркс дал молодому Каутскому и которая была опубликована в нашей печати лишь после оздоровления атмосферы, царившей в Институте Маркса и Энгельса. Неудивительно также, что и вся позиция меньшевистствующего идеализма в отношении Каутского носила столь же оппортунистический, антипартийный характер.

Вот что писал например тов. Деборин о Каутском в 1924 г.: «В свое время ревизионизм встретил достаточно отповедь со стороны ортодоксальных марксистов. В течение довольно продолжительного времени ревизионистскому течению противостояло левое революционное крыло. Однако ревизионизм все более укреплялся, пока он не вытеснил окончательно из соц.-дем. все революционные элементы. В настоящее время вся социал-демократия окрашена в один ревизионистский цвет. Семидесятилетний юбилей Каутского, стоявшего во главе ортодоксального крыла международной социал-демократии, подводит в этом отношении окончательный исторический итог. Этот юбилей знаменует

¹⁾ Л. Троцкий, Новый курс.

²⁾ Н. Бухарин, Ленин как марксист, «Атака», 1914 г., стр. 247, 249.

собой радикальную ликвидацию марксизма, возглавлявшегося тем же Каутским. Такова ирония истории...»¹).

Действительно «ирония истории»! Вчитайтесь внимательно в этот ворох чудовищных извращений истории марксизма, навороченный в нескольких строках тов. Дебориным. Совершенно очевидно, что, по Деборину, революционное крыло, противостоявшее ревизионизму в международном масштабе, возглавлялось не большевиками, но Каутским. Очевидно также, что тов. Деборин считает, что каутскианство давало ревизионизму достойную отповедь. Затем начинается—неизвестно по каким классовым причинам—точь-в-точь, как у Троцкого!—процесс «перерождения», то-бишь «вытеснения всех революционных элементов» (а как же большевизм?). При этом происходит «радикальная ликвидация марксизма, возглавлявшегося тем же Каутским» (какого марксизма? Очевидно «левого революционного»!). В то же время оказывается, что для окончательного подведения «итогов» этой «ликвидации» тов. Деборину нужно было ждать 70-летнего юбилея Каутского в 1924 году!

Несколько большую ясность в позиции меньшевистствующего идеализма вносит тов. Карев. Оказывается, «достойная отповедь» ревизионизму шла не столько от Каутского, занимавшего в отношении философии эклектическую позицию, сколько от Плеханова. «Величайшей заслугой Г. В. Плеханова,— сообщает нам в 1930 г. тов. Карев,— перед рабочим движением всех стран была систематическая, последовательная и блестящая борьба за материализм. Именно она обусловила собой идейное содержание философских споров во II интернационале перед мировой войной...» «Центризм в истории социал-демократии, — информирует нас в другом месте тов. Карев,— проявляется прежде всего в безразличном отношении к вопросам теории марксизма, в примиренческом отношении к ревизионистским ее извращениям... Несомненным идеологом и главой социал-демократического центризма в течение нескольких десятилетий был К. Каутский. Любопытно теперь отметить, что даже в то время, когда К. Каутский был наиболее ортодоксален и выступал, правда, как мы теперь узнаем из его переписки с Плехановым, не без колебаний, против Э. Бернштейна, даже в это время в области философии он занимал совершенно эклектическую позицию». И, приводя известное откровение Каутского в его письме к Плеханову о возможности «совместить» марксизм с неокангианством, тов. Карев горько сетует по поводу «обывательских воззрений» Каутского: «Человек стоит на определенной точке зрения. Понимает, что она составляет основу его мировоззрения. Ему неприятно от нее отказаться, но он не хочет затруднять себя и ее защитой...»²).

Таким образом, согласно тов. Кареву, идейным содержанием борьбы во II интернационале была не борьба Ленина со всеми разновидностями оппортунизма, а борьба Плеханова за материализм. Что же касается Каутского, то центризм его, оказывается, заключался лишь в безразличии к вопросам теории и особенно философии. «Ортодоксальный» Каутский стоял на точке зрения марксистской философии, понимал, что она составляет «основу его мировоззрения», но он «не хотел затруднять себя!». Образ «киселеобразного» Каутского, написанный тов. Каревым, как легко заметит читатель, почти совпадает с тем неповоротливым, безвольным «учителем квиетизма», какого нам рисует Троцкий. Неудивительно, что ревизио-

¹ А. Деборин, Последнее слово ревизионизма, «Философия и марксизм», 1926 г., стр. 79.

² И. Карев, За материалистическую диалектику, 1930 г., стр. 111, 223, 224. Сравни у И. Луппола — о «беззаботности» Каутского по части теории («На два фронта», 1930 г., стр. 7).

нисты в конце концов «вытеснили» этого ортодоксального, но «не хотевшего затруднять себя» «киселеобразного» старичка. Понятно также, что при «неповоротливости» Каутского им удалось окончательно «вытеснить» Каутского лишь к 1924 г., чтобы тут же вместе с ним отпраздновать его юбилей, как это подсчитал тов. Деборин...

С точки зрения тов. Бухарина каутскианство не оказывало практического сопротивления ревизионизму, но «упиралось еще в своих теоретических формулировках». Дальше мы покажем, почему так могли понравиться тов. Бухарину «старые» механистические и агностические «теоретические формулировки» Каутского. Но характерно, что меньшевистствующего идеалиста Карева, как и для контрреволюционера Троцкого, представление о примиренчестве довоенного Каутского к ревизионизму вполне мирится с представлением об ортодоксальности довоенного Каутского. Из этого понимания марксистской ортодоксальности «в пикквикском смысле» вырос, усердно культивировавшийся меньшевистствующим идеализмом взгляд на существование якобы двух Каутских — одного Каутского «довоенного» и ортодоксального, и другого Каутского «послевоенного» и контрреволюционного.

Теперь в свете указаний тов. Сталина становится очевидным, что эта теория «двух Каутских» представляла собой не что иное, как прикрытие форму троцкистской контрабанды, троцкистской клеветы на ленинизм. «Тайну» меньшевистствующего идеализма выболтал троцкист И. Альтер в своей книжке «Демократия против революции».

В этой преисполненной цитатной «учености» книжке, клянясь на каждой странице именем Ленина, Альтер вьется ужом, чтобы «доказать» сразу оба основных положения троцкизма: во-первых, то, что Ленин страдал «известной недооценкой оппортунистической опасности в довоенном Интернационале», что попытки организации Лениным международной левой потерпели «провал», что Ленин «просчитался» с Каутским, что «Роза Люксембург наиболее решительно выступила до войны против Каутского» и что только «война толкнула Ленина на пересмотр довоенного каутскианства»: «в этом смысле перед нами предстает единый Каутский». С другой стороны, Альтер старается доказать, что в эволюции Каутского нужно «было различать довоенную фазу от послевоенной», что «нельзя компрометировать всего прошлого Каутского, что «с 1905 по 1909 год Каутский находится под преобладающим влиянием левых и главным образом Розы Люксембург», а левый радикализм, как и некоторые другие довоенные течения (?? гм, гм! Не троцкизм ли?—И. Р.), можно до известной степени рассматривать как недоразвитый, неполный, обремененный еще рядом серьезных ошибок и с.-д. традиций большевизм или, вернее, как предтечу большевизма... «В этом смысле мы имеем дело с двумя разными Каутскими». Альтер находит подтверждение своих взглядов в книге по истории Западной Европы, изданной Фридляндом и Слущким...¹⁾

Ученый «историк» Альтер «доказывает», таким образом, что 1) Ленин до войны не критиковал Каутского — эта мысль была наиболее отчетливо выражена Мироновым в его книжке о Каутском²⁾ — и что наиболее решительно критиковала Каутского Роза Люксембург, 2) что мы все же должны различать двух Каутских главным образом потому, что в известный период до войны Каутский находился под влиянием Розы Люксембург и — добавим недосказанное Альтером — сотрудничал не только с ней, но и с Троцким! — этими двумя «источками» будущего послевоенного больше-

¹⁾ И. Альтер, Демократия против революции, 1930 г., стр. 40, 41, 42, 64, 216 и др.

²⁾ Миронов, Каутский о революции, Свердловск, 1929 г.

визма, 3) что большевизм получил свое развитие лишь после войны в результате пересмотра Лениным своих довоенных взглядов на каутскианство! Мы сказали, что троцкист Альтер «заодно» выдал «секрет» и меньшевистствующего идеализма: как известно, не только Троцкий, но и Деборин состоял в течение известного периода сотрудником «Neue Zeit» и солидаризировался с целым рядом установок Каутского.

Пресловутая теория двух Каутских получила свое дальнейшее отражение в советских работах, посвященных критике «Материалистического понимания истории» Каутского, в частности в статьях Ф. Месина «Новая ревизия материалистического понимания истории», С. Новикова «Политическое извращение Каутского». Я не могу обойти молчанием именно эти статьи, поскольку они были переведены на немецкий язык и, будучи опубликованы в журналах «Unter dem Banner des Marxismus» и «Die kommunistische Internationale» (1928 г.), получили отклик в международной социал-фашистской литературе.

Ф. Месин в своей всецело проникнутой академически-меньшевистским духом полемике с Каутским говорит «об идейном банкротстве Каутского, о полной теоретической капитуляции его перед тем самым реформизмом, от нападок которого он так упорно и успешно защищал когда-то позиции ортодоксального марксизма»¹⁾. Что касается позиции, занятой тов. Новиковым, то она получила еще более яркое выражение уже в период последней философской дискуссии, в напумевшей статье его об этике. Здесь глубокомысленный тов. Новиков договорился до того, что «каутскианство есть новое качество по сравнению с довоенным Каутским», что «Ленин всегда высоко расценивал марксизм довоенного Каутского»!!²⁾.

Эти утверждения советских авторов о довоенном Каутском постарался использовать «ультра-левый» ренегат Коминтерна, троцкист Карл Корш для того, чтобы «доказать» связь, якобы существовавшую между довоенным марксизмом Каутского и марксизмом Ленина. На том основании, что названные «коммунистические теоретики» выступили в защиту «позитивного, прогрессивного характера марксизма II интернационала», Корш утверждал, что «к радикально-буржуазным политическим воззрениям до- и послевоенного «каутскианства» примыкает ленинский большевизм как в своем довоенном развитии (что бесспорно), так и в позднейшем развитии (и что в настоящее время очень оспаривается обеими сторонами)...». В работах советских критиков Каутского Корш находил «невольное подтверждение близкого родства между ленинистской и каутскианской разновидностями марксистского центра...»³⁾.

Явную троцкистскую клевету Корша на Ленина тов. Карев пытался обратить в пользу меньшевистствующего идеализма, полемизируя с тов. Юдиным в газете Института красной профессуры. Карев «доказывал», что, подвергая сомнениям марксизм довоенного Каутского, мы тем самым якобы следуем за Коршем в его критике и ставим под удар и ленинский большевизм. К стыду своему и автор настоящих строк попался тогда на удочку хитроумных маневров Карева... Между тем очевидно, что тов. Карев стремился при помощи этой путаницы протастить антипартийную установку в вопросе о Каутском. «Ультра-левый» Корш несомненно критикует и каутскианство и ленинизм с «ультра-левых», троцкистско-люксембургских позиций, а потому и стремится отождествить каутскианский центризм и ленинизм. Но никакая

¹⁾ Ф. Месин, Новая ревизия марксизма.

²⁾ С. Новиков, О либер.-меньшев. и маркс.-большев. понимании этики, «ПЗМ», 1930 г., № 5, стр. 184—85.

³⁾ К. Korsch, Die materialistische Geschichtsauffassung, Archiv, v. Grünberg, № 2, S. 256.

критика Каутского с «ультра-левых», люксембургских позиций не может помешать нам проводить нашу партийную оценку довоенного каутскианства с правильных, ленинских позиций. Между тем тов. Карев, якобы «защищая» ленинизм от Корша, в действительности протаскивает троцкистское отождествление большевизма и довоенного каутскианства. В свете указаний тов. Сталина вылазка тов. Карева предстает перед нами как типичное проявление троцкистской контрабанды!..

Ряд грубых ошибок и нечетких формулировок, извращающих наши правильные партийные установки в вопросе о Каутском, был допущен мною и тов. Пашуканисом в выпущенной нами совместно работе «Новейшие открытия Каутского». По словам тов. Пашуканиса, «столько лет и десятилетий Каутский слыл марксистом, писал марксистские работы, комментировал Маркса, сражался за Маркса, и вдруг весь этот марксизм соскочил, как шелуха»¹⁾. Со своей стороны,— хотя я в дальнейшем прихожу к выводу, что воззрения Каутского в его «Материалистическом понимании истории» представляют «теоретическую окрошку из механистического материализма и идеалистического субъективизма»,— я называю его историческую методологию «в основном материалистической», и последующая оговорка о механистичности этого материализма и о позитивистском его понимании Каутским не спасает положения. Я называю Каутского «мелкобуржуазным мыслителем», совершенно не оговорив и не показав, как в его воззрениях получает свое отражение и свое развитие явно буржуазная идеология современного социал-фашизма. Я говорю вообще лишь об оппортунизме и ревизионизме Каутского, но не говорю ни слова о Каутском, как о социал-фашисте и социал-интервенте, прошедшем уже давно стадию одной «толчко» ревизии марксизма. Я придаю в той же книжке слишком преувеличенное значение историческим экскурсам Каутского и его теоретической полемике и т. п.²⁾. Общая моя установка в оценке Каутского — в этой работе — пронизана «объективистским», «академическим» духом и лишена той партийной заостренности и воинствующей непримиримости, какая должна быть руководящим принципом подлинно большевистской критики.

Я должен остановиться также на ряде грубейших ошибок и антипартийных установок, допущенных мною и в других моих работах, по вопросу о Каутском. Прежде всего укажу, что в своем учебнике «Курс теории исторического материализма» (1927), говоря о Каутском и подчеркивая «ценность» его довоенных работ, я совершенно не вскрываю в них оппортунизма Каутского и таким образом фактически остаюсь на позициях теории «двух Каутских».

В одном из своих устных выступлений в начале последней философской дискуссии я старался доказать, что Ленин относился со вниманием и к философским воззрениям довоенного Каутского, и цитировал «Материализм и эмпириокритицизм», где Ленин ссылается на «Этику» Каутского. Ввиду того, что я одновременно не вскрыл философского оппортунизма Каутского, моя ссылка на Ленина в данной связи носила характер явного замазывания каутскианского извращения материализма. Эту ошибку я пытался исправить в своей статье об этике, где стремился дать более правильную оценку каутскианства в довоенный период, как это в свое время было отмечено в рецензии «Большевика». Однако совершенно необходимо подчеркнуть все вопиющие недостатки и ошибки и этой последней статьи. Наряду с самым гнилым либерализмом, допущенным мною в данной статье по отношению

¹⁾ Е. Пашуканис и И. Разумовский, Новейшие открытия К. Каутского, 1929 г., стр. 41.

²⁾ Там же, стр. 8, 13, 14, 23, 37 и др.

к тов. Деборину и его ошибкам, я не выявил в достаточной степени меньшевистски-центристского характера позиций Каутского даже в его лучшие периоды, не вскрыл взаимоотношений между каутскианством и люксембургизмом, явно переоценил историческое значение «Этики» Каутского, и т. д. ¹⁾).

Все эти яркие образчики проявленных мною непродуманности и гнилого либерализма по отношению к Каутскому, все эти в корне ошибочные установки должны быть решительно и безоговорочно осуждены как льющие, в конечном счете, воду на мельницу классового врага, как ведущие к антипартийной фальсификации истории большевизма, как характерный пример того «довольно странного либерализма, проводимого за счет кровных интересов большевизма», о котором говорит в своем письме тов. Сталин.

Буржуазная благотворительность, как известно, проявляет иногда «хорошее отношение... к лошадям», закрывая в то же время глаза на бедствия эксплуатируемых ею пролетарских масс. Архивные изыскания, предпринимаемые с целью проявить максимальный «объективизм» к довоенному Каутскому и его «заслугам», ничего общего не имеют с подлинно-объективным, партийным изучением истории и означают переход на рельсы той же буржуазной идеологии. Каутский далеко не мирный, слабоумный старичок, каким его хотят изобразить меньшевистствующие идеалисты. Каутский — злобный, упорный и активный враг Советского союза, неустанно обливающий грязью наше социалистическое строительство в своих клеветнических пасквилях и статьях, — в своей книге «Большевизм в тупике», открыто выступивший с широкими планами интервенции. Каутский должен быть беспощадно разоблачен перед лицом международного рабочего движения как подлый ренегат, прости-тутирующий марксизм, как откровенный «научный» агент контрреволюционной буржуазии и международного фашизма.

Малейшая ошибка в вопросе о Каутском объективно представляет собой смыкание с каутскианством и с троцкизмом, идеологиями социал-фашизма как главной опоры империалистической буржуазии. Проявляющим «хорошее отношение» к социал-фашисту Каутскому не место в наших партийных рядах!..

II

Для того, чтобы правильно понять отношение Ленина к «довоенному» Каутскому и каутскианству, необходимо предварительно освободиться от ряда предрассудков, навеянных методологией троцкизма или меньшевистского идеализма.

Прежде всего необходимо оставить троцкистское суб'ективистско-идеалистическое перенесение вопроса на личность Каутского, на его «неповоротливость», нежелание «себя затруднять» и т. п. Разумеется это не значит, что известные черты личности Каутского не имеют значения для понимания каутскианства. В этом смысле опубликованная недавно Институтом Маркса и Энгельса характеристика Марксом молодого Каутского как «посредственности с мелочными взглядами», как «самоуверенного всезнайки», извлекающего «мало толку» из своей научной работы и принадлежащего к «племени филистеров», сыграет свою важную роль. Последнее указание Маркса о «филистерстве» Каутского важно и для оценки классовой природы каутскианства. Еще важнее в этом смысле политическая биография Каутского. «Если бы, — писал по этому поводу Ленин, — Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им лиц,

¹⁾ И. Разумовский, О марксистском и эклектическом понимании этики, «ПЗМ» № 5, 1930 г.

он должен был припомнить, не было ли в этой биографии таких черт и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготовляли переход к империализму... Не проявлял ли Каутский (добавим для тех, кто и его ставит—вполне справедливо—рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о мильеранизме, в начале борьбы с бернштейниадой и т. д.»¹⁾

Однако дело не только в личности самого Каутского и не им одним ограничивается понятие каутскианства. Действительно серьезный научный и политический вопрос, по словам Ленина, «состоит в том, как могли виднейшие представители II интернационала изменить социализму? Вопрос этот мы должны ставить, разумеется, не в смысле личной биографии таких-то авторов. Будущие их биографы должны будут разобрать дело и с этой стороны, но социалистическое движение заинтересовано сейчас вовсе не в этом, а в изучении исторического происхождения, условий, значения и силы социал-шовинистского течения... Перенесение дела на «личности» означает на практике простую увертку, уловку софиста»²⁾. Ленин после превращения Каутского с началом войны в социал-шовиниста указал, что мы имеем дело с продолжением той же старой борьбы между революционным марксизмом и оппортунистическим течением, что в процессе этой борьбы «так называемый социал-демократический «центр» с Каутским во главе на деле скатился к оппортунизму».

Социальные корни каутскианства Ленин видел в «зрелости» оппортунизма, вскормленного легальными условиями развития рабочего движения: «Единство с оппортунистами стало сплошным лицемерием... Каутский, наибольший авторитет II интернационала, представляет собой в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм». Каутскианство—не случайность, а социальный продукт противоречий II интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле»³⁾.

В корне ошибочна та распространяемая троцкизмом «схема», согласно которой мы якобы имели в довоенной германской социал-демократии борьбу лишь между открыто оппортунистическим крылом Бернштейна, Фольмара, Давида и др., каутскианским «центром» и лево-радикальным течением Розы Люксембург, при чем последнее течение будто бы представляло революционный марксизм, так что «центр» мог колебаться лишь в пределах данной амплитуды—между откровенным оппортунизмом типа Бернштейна и люксембургизмом. Согласно этой троцкистской схеме выходит, что в лучшие периоды своей деятельности Каутский мог находиться лишь под воздействием люксембургизма как подлинно марксистского течения. Выходит, что только под влиянием Розы Люксембург, Парвуса, а стало быть и Троцкого, центризм становился на марксистские рельсы, что левый радикализм Р. Люксембург и троцкизм представляли революционный марксизм во II интернационале! В действительности в недрах германской с.-д., как и во всем II интернационале, действовал гораздо более глубокий и важный фактор—шла борьба между оппортунизмом и подлинно революционным марксизмом, единственно последовательно представленным большевизмом, и в данном процессе этой борьбы не только центрист Каутский, но и сама левая Роза оказывалась очень часто близкою не к революционно-марксистским, но к оппортунистическим позициям. Отдавая должное революционным заслугам Розы Люксембург, мы должны помнить, что в этой

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIII, изд. 1-е, стр. 162—66.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 165, 163.

³⁾ Там же, стр. 50, 104, 105.

борьбе люксембургянство зачастую представляло собой только более левую разновидность того же центризма: точно так же, как и каутскианство, оно колебалось между оппортунизмом и революционным марксизмом, смыкаясь в ряде случаев с троцкизмом (по аграрному вопросу, по национальному вопросу и т. д.) и занимая в этих вопросах еще более оппортунистические позиции, чем позиция Каутского. В то же время лево-радикальное течение боролось с каутскианским центризмом, выступая против нежелания Каутского видеть процесс революции, против его отношения к буржуазному государству, в защиту массовых действий и т. д.

Ленинизм вел решительную борьбу с оппортунистическими ошибками люксембургянства и боролся за действительный полный раскол левых радикалов с оппортунизмом и центризмом. Поэтому Ленин указывает в «Государстве и революции», что левые радикалы были правы в этой своей критике «центра», что течение центра неправильно называлось марксистским, что оно беспрестанно колебалось между марксизмом и оппортунизмом. Лишь в отдельные моменты Каутский приближался к марксистским позициям. Именно в такие и только в такие периоды Ленин дает о Каутском в той или иной мере положительные отзывы (сравним отзывы Ленина об аграрных работах Каутского, об оценке Каутским движущих сил революции 1905 года).

Самые колебания Каутского в довоенный период, попытки его приблизиться в отдельных случаях к позициям революционного марксизма при общей основной оппортунистической линии каутскианства, как уже указывалось, были обусловлены борьбой противоположных течений во II интернационале, его внутренними противоречиями. Колебания Каутского в сторону марксизма в конечном счете определялись уровнем развития международного революционного рабочего движения, степенью полевения рабочих масс, воздействием той борьбы, которую вел во II интернационале революционный марксизм во главе с русским большевизмом. Русская революция 1905 года была фактором, способствовавшим некоторому «полевению» Каутского после того, как он занимал явно меньшевистские позиции во время раскола на 2-м съезде РСДРП. Поражение русской революции и временный отлив революционной волны превратили Каутского в убежденного «легалиста», в примиренца к оппортунистам, в чиновника партийного и профессионального бюрократического аппарата. Колебания Каутского определяются классовыми корнями каутскианства — колебаниями того слоя мелкобуржуазных попутчиков рабочего движения и верхушки рабочей аристократии и профбюрократии, на которые опирались и оппортунизм в целом и его разновидность — центризм. В этом смысле, как указывает Ленин, каутскианство не было самостоятельным течением, оно было одним из «оттенков» международного оппортунизма.

Эту меньшевистскую, оппортунистическую классовую природу каутскианства мы не должны забывать, говоря о довоенном Каутском. Поэтому в корне неправильна теория «двух Каутских», только поставляющая материал для троцкистской клеветы на большевизм. В корне ошибочно представление меньшевистствующего идеализма, что довоенный Каутский был «ортодоксальным» марксистом, несмотря на свой эклектизм и теоретическое примиренчество. Но неправильно также представление тов. Бухарина о том, что, не оказывая на практике сопротивления ревизионизму, каутскианство «упиралось в старые (очевидно ортодоксально-марксистские? — И. Р.) формулировки». «Словесное признание марксизма», «верность марксизму на словах» (Ленин) вовсе не тождественны действительно полному и глубокому революционно-ортодоксальному признанию и подлинной верности марксизму!

И здесь наряду с внешними воздействиями, вызывавшими колебания довоенного Каутского, необходимо учесть и воздействие внутреннего процесса развития акутскианской методологии. Несмотря на свою «эрудицию», начетчик от марксизма — Каутский никогда не был последовательным марксистом в смысле полного охвата и правильного понимания методологических основ марксизма, его теории классово-борьбы, его учения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

В «Материалистическом понимании истории», подведем своего рода итог многолетним теоретическим работам Каутского и его политической практике, он открыто признает, что излагает «свою собственную точку зрения», что шел в своем теоретическом развитии иным путем, чем шли Маркс и Энгельс. Но дело в том, что во всех прежних писаниях Каутского, в том числе и в его лучших работах, проглядывают те же методологические предпосылки, которые получили свое наиболее полное раскрытие у Каутского «послевоенного».

Остановимся кратко на некоторых характерных чертах каутскианской методологии, подробный анализ которых разумеется не может ограничиться рамками одной данной статьи.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин указывает, что в своей «Этике» Каутский, как и «вся школа Фейербаха, Маркса и Энгельса», критикует Канта «слева», т. е. с позиций материализма. Однако эту мысль Ленина не следует понимать в том смысле, что мы имеем в воззрениях Каутского (в «Этике») вполне последовательный материализм. Так например, по мнению Каутского, «мы в состоянии познавать лишь те взаимоотношения в природе, которые укладываются в нашей познавательной способности в категории пространства и времени. Идеальность пространства и времени обозначает в таком случае, как и вещь в себе, только известный предел нашего познания. Соотношения такого рода, которые не укладываются в форму представлений пространства и времени, если таковые существуют в действительности, чего мы не знаем, недостижимы для нас...»¹⁾ Каутский, таким образом, допускает существование объективных «соотношений», которые не укладываются в категории пространства и времени и потому недостижимы для нашего познания; Каутский превращает таким путем пространство и время в субъективные формы нашего познания, ставит предел познанию объективного мира. Наряду с материалистическими высказываниями Каутский уже в своей «Этике» приходит к кантианскому субъективизму и агностицизму!

Неудивительно, что Каутский с такой неохотой брался за критику Бернштейна, неудивительно, что в своем письме к Плеханову от 1898 г. он выражает мысль о возможности «примирить» марксизм с неокантианством, а несколько позже допускал возможность примирить марксизм с махизмом. Каутскому нелегко было критиковать Бернштейна, поскольку он стоял в основном на тех же методологических и политических позициях международного оппортунизма! Естественно, что, когда, скрепя сердце, Каутский вынужден был начать полемику с Бернштейном, то он тщательно постарался вовсе обойти вопрос о философском материализме и свести весь материализм к «методу» — к материалистическому пониманию истории. «Послевоенный» Каутский вправе сказать, что он остался верен «довоенному» Каутскому!

Неудивительно, что при таком словесном признании материалистического «метода», совсем скверно обстоит у «довоенного» Каутского с диалектикой. В «Анти-Бернштейне» Каутский «опровергал» Бернштейна указав

¹⁾ К. Каутский, Этика и материалистическое понимание истории, 1918 г., стр. 22.

ниями, что в цитируемых рассуждениях Маркса «нет ни малейшего следа диалектики», что «это было вполне логически продумано...»¹⁾. В своей работе «Размножение и развитие в природе и в обществе» Каутский подменяет диалектику теорией равновесия. Пыгаясь здесь «примирить» марксизм с буржуазным мальтузианством, ставящим в зависимость размножение человека от количества производимых средств существования, Каутский развивает здесь последовательную теорию восстановления и нарушения «равновесия сил» в природе, теорию развития общества как приспособления общественного человека к природе. Тот же механистический, натуралистически-биологический подход к общественной жизни приводит Каутский и в своей «Этике», где он дает биологическое понимание социальных инстинктов. Неудивительно, что тов. Бухарина так прельстили старые «теоретические формулировки» Каутского! Неудивительно также, что по всем названным вопросам «послевоенный» Каутский перекликается с Каутским «довоенным».

Не иначе обстоит дело и с теорией классов «довоенного» Каутского. В своей брошюре «Классовые интересы», равно как и в других работах, Каутский развивал буржуазно-потребительскую теорию классов. По мнению Каутского, отдельные классы образует «не только общность источников дохода, но также и вытекающая отсюда общность интересов и общая противоположность их интересам других классов, из которых каждый стремится сократить источник доходов других, чтобы сделать богаче свой собственный... Каждый класс прилагает все свои силы, чтобы получить возможно большую долю для себя. На этом способе распределения продукта и основываются классовые различия, классовые противоречия и классовая борьба»²⁾. «Теория» Каутского ничего общего не имеет с тем определением классов, которое дают Маркс и Ленин: для них способ распределения продукта всецело определен способом производства, — стало быть местом класса в исторически-определенной системе производства, — отношением его к средствам производства и ролью в общественной организации труда. «Теория» же Каутского подрывает самые основы марксистской теории классовой эксплуатации: она приводит Каутского к представлению о том, что один слой капиталистов «эксплуатирует» другую капиталистическую группу и т. п.

В «Материалистическом понимании истории» послевоенный Каутский только углубил теорию «довоенного» Каутского. В «Анти-Бернштейне» Каутский, основываясь на той же теории, ревизует учение Маркса об обнищании рабочего класса.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на ряде ошибок и извращений, допущенных «довоенным» Каутским в его аграрных работах, в работах по истории социализма и истории религии, которые подлежат специальной критике. Цельный ряд знакомых нот услышим мы, лишь только начнем вскрывать предвоенные кутскианские воззрения на социальную революцию. Мы найдем здесь и ограничение пределов исторического действия закона социальной революции, и бесконечные оговорки на тему о том, что под революцией не понимается обязательно революция насильственными средствами, и сведение революционных методов к политической стачке, и подмену понятия «диктатуры пролетариата»... завоеванием государственной власти» и т. д.³⁾. На ряде этих извращений марксизма довоенным Каутским, связанных с вопросом о государстве, остановил наше внимание Ленин в своем превосходном анализе довоенного кутскианского оппортунизма, данном им в «Государстве и революции».

¹⁾ К. Каутский, Критика марксизма (Анти-Бернштейн), 1922 г., стр. 31.

²⁾ К. Каутский, Классовые интересы.

³⁾ К. Каутский, Социальная революция, 1918 г.

Теория революции — пробный камень марксизма, живая душа марксизма. Борьба социал-фашиста Каутского с марксовой теорией революции неразрывно связана с его извращениями материализма, диалектики, теории классовой борьбы, с оппортунизмом в целом всей методологии доктринального Каутского.

Этот глубочайший оппортунизм каутскианской методологии, искусно прикрытый цитатами из Маркса и Энгельса, отражавший также в конечном счете классовую природу каутскианства, должен был играть естественно немалую роль в определении колебаний Каутского и амплитуды этих колебаний.

Альтеры, Мироновы и прочие троцкистские контрабандисты утверждают, что Ленин только после войны начал «пересмотр» каутскианства, что он не выступал против Каутского раньше. Это типичная клевета на Ленина, на большевизм. Полагать, что до войны и революции Ленин не выступал против каутскианства, не вел с ним беспощадной борьбы, не вел линии на раскол с центризмом — значит сознательно игнорировать роль и значение, которые играл большевизм во II интернационале. Это значит пытаться в угоду троцкизму затушевать ту огромную роль, которую сыграли теория и тактика русского большевизма для развития международного рабочего движения. Это значит фальсифицировать историю, показывающую, что именно под знаменем ленинизма, под руководством Ленина, вокруг большевистской партии как определенного ядра могло происходить собирание разрозненных революционных сил международного пролетариата после начала империалистической войны и краха II интернационала!

Конечно подробной разработки этого вопроса мы вправе требовать от наших коммунистических историков. Вся подлинная история большевизма, все имеющиеся уже у нас исторические партийные документы — в полной противоположности с теми выводами, какие из них делают троцкисты, — достаточно говорят о той важной роли, которую сыграл русский большевизм в организации революционных сил во II интернационале, о той большой и сложной борьбе, которую большевизму пришлось вести, в частности и с каутскианством. Что задача этой борьбы с оппортунистической верхушкой, возглавлявшей международное социалистическое бюро, была делом далеко не легким и требовала от Ленина исключительной выдержки и настойчивости в проведении своей точки зрения, лучше всего показывает пример Плеханова. Плеханов сам откровенно рассказал на страницах «Заря» о том, как он попал впросак, вздумав выступить на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 г. против Каутского по вопросу о милитаризме. Сам разделяя наполовину соглашательскую точку зрения Каутского, Плеханов естественно не мог дать ей должного отпора, и предложенная им поправка к резолюции сразу получила реформистское истолкование¹⁾.

Уже «Заря» и «Искра» (1901 г.) полемизировали с Каутским и называли «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском конгрессе, иронизировали над «благодарностью», которую Каутский выражал в одном из своих выступлений Бернштейну.

В 1905 г. Ленин выступает в письме к Бебелю и в специальном ответе Каутскому против оппортунистической позиции Каутского по вопросу об организационных ссорах между большевиками и меньшевиками²⁾. В этом же 1905 году в письме в Международное социалистическое бюро Ленин обвиняет

¹⁾ Г. Плеханов, Собр. соч., т. XII, стр. 115.

²⁾ Ленинский сборник V, стр. 175.

Каутского в «пристрастности», в «предубежденности», в «одностороннем и неверном» освещении вопросов раскола в рядах российской с.-д.»¹⁾.

Общеизвестны статьи Ленина, относящиеся к 1905 г., отмечающие тот лучший период в развитии воззрений Каутского, когда тот несколько приблизился к большевистскому пониманию движущих сил русской революции. Но тут же следует отметить, что в этих статьях Ленин не просто «присоединяется» к Каутскому, а исправляет его ошибки и дает свое большевистское истолкование развития русской революции. И Ленин немедленно, в том же 1905 году, выступает против Каутского, когда последний позволил себе издевательский выпад по отношению к большевистскому лозунгу временного революционного правительства, как только обнаружился переход Каутского на оппортунистические рельсы²⁾. Ленин продолжает эту борьбу с центризмом и на Штутгартском международном конгрессе 1907 г., где он старается организовать силы международной левой с.-д. На заседании Международн. соц. бюро в 1908 г. Ленин отмечает неправильность той части резолюции Каутского по вопросу о приеме во II интернационал английской рабочей партии, в которой Каутский замазывал оппортунизм «рабочей партии», заявляя, что английская рабочая партия якобы ведет самостоятельную классовую политику, независимую от буржуазии. Ленин указывал, что не нужно создавать ни тени поощрения ошибкам английских оппортунистов³⁾. Точно так же на Копенгагенском конгрессе 1910 г. Ленин отмечает неспособность немцев «вести выдержанную принципиальную линию». Ленин отмечает далее (1911 г.) ошибки Каутского и его примиренческое отношение к русскому махизму.

Еще более резкий отпор дал Ленин попытке Каутского вмешаться в споры между большевиками и меньшевиками в 1913 г., когда Каутский открыто стал на сторону ликвидаторов и заявил, что «русская партия умерла».

Как указывал тогда Ленин, Каутский «договорился до чудовищных вещей», «путаница, обнаруженная Каутским, невероятно велика»⁴⁾. В начале 1914 г., задолго до начала войны, Ленин прямо рассматривает в одном ряду Троцкого и Каутского как «примиренцев»⁵⁾.

Мы имеем таким образом целый ряд прямых, следующих одно за другим и неразрывно связанных между собой выступлений Ленина до войны против Каутского, характеризующих весь период довоенного развития и вполне характеризующих общую ленинскую оценку оппортунистической природы каутскианства.

Как указывает тов. Сталин в своем письме, русский большевизм не мог бы вести борьбу с русским центризмом, с троцкизмом, не ведя одновременно линии на раскол со всем международным центризмом во II интернационале. Положительная оценка Лениным в отдельных вопросах теоретических позиций Каутского ничего общего не имеет с «фракционными соображениями», к которым стремятся свести дело троцкисты. Ленин никогда не обманывался насчет основной оппортунистической позиции Каутского и никогда не изменял своей большевистской последовательной линии борьбы с оппортунизмом Каутского. По целому ряду коренных принципиальных вопросов, как только Каутский проявлял в них свой оппортунизм—организационный вопрос, примиренчество к Мильерану и Бернштейну, замазывание оппортунизма английской рабочей партии, отношение к махизму, к ликвидаторам, к лозунгам русской революции и т. п., Ленин неизменно выступал про-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1-я, стр. 207.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 377.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1-я, стр. 129.

⁴⁾ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 288.

⁵⁾ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 353.

тив Каутского, вел линию на раскол с каутскианством. И крайне существенно, что по всем этим кардинальным вопросам международного рабочего движения оценка Лениным позиций международного центризма почти совпадает с оценкой позиций троцкизма по тем же кардинальным вопросам русской революции. В борьбе с оппортунизмом Каутского, как и со всеми прочими разновидностями оппортунизма, в проведении линии на раскол с каутскианским центризмом рос и развивался международный большевизм.

Поэтому явной троцкистской клеветой на Ленина является утверждение, будто Ленин не вел борьбы с каутскианством до войны, будто бы только война натолкнула Ленина на пересмотр каутскианства. Уже первые статьи, направленные против Каутского Лениным после начала войны, легко обнаруживают продолжение все той же принципиальной большевистской линии. Анализ Лениным каутскианства, данный в годы войны и революции («Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и т. д.), только завершает ту борьбу с каутскианством, которая последовательно велась Лениным еще в недрах II интернационала.

«Каутский всех лицемернее, всех отвратительнее, всех вреднее», — писал Ленин в октябре 1914 г.¹⁾ Анализируя извращения Каутского по вопросу о разрушении буржуазной государственной машины, Ленин показал, как «из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас приходится говорить»²⁾. Ленин блестяще показал, как «начетчик» от марксизма Каутский подменяет марксистскую диалектику эклектизмом и софистикой, как он переходит на рельсы буржуазной «демократии» и т. д.

Актуальные задачи борьбы с социал-фашистом Каутским требуют от нас всестороннего освещения довоенного каутскианства как одной из тех разновидностей оппортунизма, в борьбе с которым рос и креп ленинизм. И эту задачу марксистско-ленинская теория выполнит вопреки всем троцкистским клеветникам и «объективным» попечителям «довоенного» Каутского.

¹⁾ Ленинский сборник II, стр. 198.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 187, т. XIII, стр. 346.

Год работы*)

П Юдин

Прошедшая на философском фронте борьба, — теперь это бесспорно для всех, — имеет исключительно важное не только историческое, но также политическое и теоретическое значение. Она поставила все коренные вопросы теории марксизма-ленинизма в том свете, как они должны стоять в эпоху развернутого наступления социализма на капиталистические элементы по всему фронту.

Философская дискуссия явилась тем моментом, когда основные коммунистические теоретические кадры под руководством партии провели большую критическую и самокритическую работу. Эта борьба явилась одной из форм общей борьбы, которую ведет пролетариат, которую ведет коммунистическая партия на всех фронтах нашего социалистического строительства. Выкорчевывание корней капитализма, развернутое социалистическое строительство вызывало и вызывает ожесточенное сопротивление классового врага как внутри страны, так и за ее пределами. Борьба в области идеологии является отражением борьбы в области экономики, в области политики. Она есть проявление этой борьбы. Особого доказательства это положение не требует. Стоит только вспомнить рублинщину, эту прямую агентуру II интернационала, стоит вспомнить вредительство, а вредительство было не только в области экономики и в области планирования, но и в области теоретической.

Поскольку предметом настоящего доклада является подведение итогов работы за год, прошедший после решений ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», необходимо хотя бы кратко остановиться на истории вопроса. Мы рассмотрим его преимущественно с политической стороны, так как в нашей литературе по истории дискуссии она освещалась менее, чем другие вопросы.

Имеется ряд статей, докладов, выясняющих историю теоретических расхождений с меньшевистствующим идеализмом. Теоретическая борьба, как и всякая борьба, имеет свою историю, и только в ходе борьбы, в процессе ее выясняются вопросы, группы вопросов, их характер, глубина и принципиальность разногласий. И в данном случае ряд вопросов развертывался и выяснялся в ходе дискуссии.

Борьба на философском фронте носила ярко выраженный политический характер. Все теоретические вопросы, теоретические споры на всех этапах борьбы непосредственным образом увязывались с основными политическими вопросами, которыми жила и живет наша страна и партия. По

*) Стенограмма доклада в Комкадемии от 12/II 1932 г. на собрании Института красной профессуры философии и Общества воинствующих материалистов-диалектиков (к годовщине беседы т. Сталина с бюро ячейки ИКП философии и естествознания и решения ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма»).

сути дела исходными вопросами в этой дискуссии были вопросы политические. От них отталкивались, переходя затем к непосредственно теоретическим разногласиям.

Начало дискуссии на философском фронте надо отнести в общем к концу 1929 г. В первую очередь здесь нужно отметить выступление т. Сталина на конференции аграрников-марксистов и затем в начале 1930 г ряд указаний ЦК партии о положении и задачах на теоретическом фронте.

В связи с этими указаниями партийный коллектив Института красной профессуры, тогда единого института, проводил широкое и всестороннее обсуждение речи т. Сталина на конференции аграрников-марксистов. В этой речи т. Сталин дал всесторонне развернутый анализ нашей экономической политики, дал известное определение колхозов как социалистического типа хозяйства и подверг жесточайшей критике буржуазные антимарксистские теории в аграрном вопросе. Там же т. Сталин указал, что наша теоретическая работа в ряде областей отстает от задач социалистического строительства.

Коммунисты, работающие в области философии, обсуждая эти вопросы, прямо и непосредственно пришли к выводу, что и в области философии, так же как и в других областях, в частности у экономистов и аграрников, имеется отставание теории от практики социалистического строительства.

Следующий этап в философской дискуссии и поднятие ее на новую, высшую ступень были связаны со статьями т. Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам» и обсуждением тезисов к XVI партийному съезду.

Перед философским фронтом со всей остротой стал вопрос о реализации этих указаний т. Сталина, о ликвидации отставания теоретической работы от задач социалистического строительства.

Небезынтересно отметить, что расстановка сил в борьбе, которая шла по политическим вопросам, как правило соответствовала расстановке сил в борьбе по вопросам теоретическим, в частности философским. В вопросах политических «левацкие» позиции отстаивали: Карев, Стэн, Крылов, Черный, Резник и ряд других. Все эти товарищи в той или другой форме, по тем или иным вопросам отстаивали чуждые партии позиции, и эта же группа людей единой стеной, сплошным фронтом выступала противниками даже разговоров о каком-либо повороте на философском фронте.

Только весной 1930 г. на пленуме ОВМД тов. Подволоцкий выступил с докладом «О задачах на философском фронте». То, что было характерным в целом для положения на философском фронте, возглавляемом тогда Дебриным, а именно — отрыв от актуальных задач социалистического строительства, непонимание партийности теории, непонимание и отрицание ленинского этапа в философии, — все это блестяще сказалось в докладе Подволоцкого.

Далее характерно то, что каждый философский вопрос, который поднимался в дискуссии, сейчас же ставился в политическую плоскость. На первых этапах споров много внимания уделялось Каутскому. Карев, Стэн, Резник и др. выступали с таким утверждением, что надо различать двух Каутских — Каутского прежнего и Каутского современного, теперешнего. Старого Каутского мы не отдадим, — говорили Карев, Стэн, Резник и др. На партийном собрании Карев специально внес предложение о защите довоенного Каутского. В ходе дискуссии поднимается вопрос о Плеханове. Карев снова формулирует, доказывает, что старого Плеханова не отдадим, а вот Плеханова после Февральской революции, позднейшего Плеханова можете критиковать. Вопрос о Каутском и Плеханове, особенно вопрос об отношениях к Каутскому, даже довоенному, в настоящее время есть вопрос

политический. С именем «довоенного» Каутского связано целое ревизионистское направление в марксизме — «центризм», — которое формировал и возглавлял Каутский. Против централизма Ленин и большевики вели непримиримую борьбу на протяжении всей истории большевизма. И ясно, что безоговорочная защита «довоенного» Каутского есть не что иное, как борьба против большевизма в истории революционного движения. Деборинцы сделали ряд «ученых» выступлений по этим вопросам, чтобы доказать, что Каутский до войны был ортодоксальным марксистом. В противоположность деборинцам нами защищалась та позиция, что и довоенный Каутский никогда не был последовательно ортодоксальным марксистом, что «у довоенного» Каутского было много общего с Бернштейном, и Каутский послевоенный вырос из Каутского довоенного совершенно закономерно. Таким образом теоретические и политические вопросы неразрывно переплетались между собой. Ярким примером политического характера теоретических споров является борьба с рубинщиной. Деборинцы, систематически в течение ряда лет пропагандируя со страниц «ПЗМ» рубинщину, и в момент дискуссии продолжали защищать Рубина.

Большие споры в ходе дискуссии были вызваны вопросами, связанными с троцкизмом. Деборинцы не в меру ретиво доказывали, что Троцкий не имеет своей методологии. Это положение впервые выдвинул Стэн, развил и «углубил» его С. Новиков. Прямой смысл этого положения сводился к тому, чтобы доказать ненужность разоблачения теоретических основ троцкизма. Политический эквивалент этого тезиса — призыв к отказу от критики троцкизма. Политический смысл этих утверждений будет еще яснее, если иметь в виду, что они были прямым ответом на обвинения и требования, предъявляемые деборинцам, о необходимости усилить борьбу с троцкизмом по линии философии. На первом этапе споров наиболее остро стоял вопрос о повороте философского фронта к актуальным задачам социалистического строительства. Аргументация деборинцев при этом была крайне своеобразна. На одном из заседаний правления ОВМД Деборин заявил, что в марксизме главное и основное — это диалектика; без диалектики нельзя наметать никаких перспектив, никаких планов, нельзя вести никакой работы. «Ведь мы, — говорил он, — разрабатываем диалектику, а раз мы разрабатываем диалектику — значит тем самым мы защищаем генеральную линию партии». Когда его спросили: а что вы писали по диалектике? — он ответил: «Я писал о диалектике у Фихте, о диалектике у Канта» и это-де тоже непосредственно и есть защита генеральной линии партии.

Таким образом, с одной стороны, деборинцы, разрывая философию и политику, всячески отгораживаясь от ленинской политики и проводя одновременно политику троцкистскую, вместе с тем хотели своей философской антиленинской работой подменить политические вопросы. Стэн и Карев — это наиболее яркие политические фигуры во всем старом философском синклите. Они на всех собраниях выступали и доказывали, что надо строго разделять философские вопросы от вопросов политических. «Мы, — говорил Стэн, — обсуждаем величайшей важности теоретические вопросы и, пожалуйста, нам не подсовывайте вопросы политические».

Критикуя деборинцев за отрыв философии от политики, мы доказывали, что нельзя отождествлять политику и философию, вместе с тем нельзя противопоставлять политику философии. Ленин всегда рассматривал все теоретические вопросы, в том числе и философские, исходя из основных политических задач рабочего класса. Борьба в области философии для Ленина была и политической борьбой. Ленинская политика в основе своей имеет материалистическую диалектику, философия же марксизма служит коренным политическим задачам пролетариата. Надо не противопоставлять философию и политику, а брать их в диалектическом единстве, постоянно помня и по-

следовательно проводя ленинский принцип партийности философии. В политике же пролетариата нужно видеть и уметь находить ее философскую основу — материалистическую диалектику. Маркс говорил, что в философии пролетариат находит мощное оружие, философия же в пролетариате имеет своего верного союзника. Деборинцы грубо извращали этот принцип единства политики и философии. Это есть не что иное, как одна из форм ревизии марксистско-ленинского учения о единстве теории и практики и решающей роли практики в этом единстве.

Таким образом в этой борьбе имелось две линии. Одна линия — линия партии, отстаивавшаяся и защищавшаяся подавляющим большинством коммунистов, работающих на теоретическом фронте. Они самым тесным образом увязывали вопросы философии с вопросами политическими, с актуальными задачами партии. Другая линия — линия деборинцев, стремившихся всячески уйти от политических актуальных вопросов.

Каждый из вопросов, по которым шла борьба, теснейшим образом был связан с самыми насущными задачами социалистического строительства, например вопрос о соотношении теории и практики, о повороте теоретической работы к актуальным задачам социалистического строительства. Центральное место занимали споры о партийности теории, о борьбе за генеральную линию партии на теоретическом фронте, о ленинском этапе в философии.

Бесспорно, это была борьба политическая, борьба, имеющая большое политическое значение и продолжающая непосредственно линию партии на теоретическом фронте. Когда обстановка изменилась и стал очевиден политический и теоретический провал линии деборинцев, они пробовали на ходу перестроиться, делали кое-какие попытки в этом направлении, время от времени пытались маневрировать. Одним из таких маневров был «подарок» XVI съезду партии. К XVI съезду деборинцы выпустили специальный номер журнала «ПЗМ» и роздали его делегатам. С этим подарком получился ужасный конфуз. Там была напечатана статья Деборина, ставившая своей задачей разрешение ряда актуальных вопросов, и одним из актуальных и коренных вопросов, выдвинутых Дебориным в этой статье, был вопрос о спиралевидном характере логики диалектического материализма. Вот вопрос, который Деборин выдвинул перед XVI съездом партии. Затем Деборин в фейербахианском духе ведет рассуждения о коллективизации чувств. Все говорит о коллективизации, о сплошной коллективизации. Почему же и в области теоретической не бороться за коллективизацию? И он выдвигает проблему коллективизации чувств, трактуя ее больше в богдановском духе. Затем в этом номере помещена статья Карева об историческом материализме. В ней Карев проводит кантианскую ревизию основных категорий исторического материализма — все это в подарок XVI съезду. Помещена статья Новикова о троцкизме. Казалось бы, это самая актуальная статья к XVI съезду. Но у нее был «маленький» порок, ибо в своем первом тезисе Новиков доказывал, что троцкизм не имеет методологии. На одном из собраний подобный тезис выдвинул Стэн. И вот Новиков, исходя из добрых намерений поддержать Стэна, с усердием, достойным лучшего применения, доказывает, что никакой теоретической основы троцкизм не имеет, а следовательно — таков прямой вывод — с ним нечего и бороться. Только таков и был политический смысл этого утверждения. В этом же номере деборинцы поместили ряд статей, посвященных тем, кто с ними боролся. Чего стоит коллективная статья, написанная Дебориным, Каревым, Стэном, Лупполом, Гессеном и т. д. Эта коллективная статья, посвящаемая XVI съезду, должна была убедить партию, насколько правы деборинцы, насколько правильную линию они ведут в области философии. В этой статье они доказывали не более не менее, как то, что у Карева, кроме отдельных неточных формулировок, которые он сейчас же находит исправил, ничего ошибочного и неверного не было. Карев, кото-

рый всего лишь за несколько месяцев до XVI с'езда вышел из троцкистско-зиновьевской оппозиции и после этого защищал троцкистско-зиновьевское положение, доказывая, что в СССР имеется один основной класс—пролетариат, который со всеми другими классами (следовательно и крестьянством) находится в состоянии ожесточенной борьбы, Карев, бывший автором декларации, в которой проводился троцкистский тезис о строительстве социализма, — этот Карев в статье, поднесенной XVI с'езду, выставляется самым правоверным ортодоксальным марксистом-ленинцем, который ведет борьбу за генеральную линию партии! Повторяем, — конфуз с подарком XVI с'езду получился огромный.

Много было тогда и привходящих вопросов, подчас не имевших прямого отношения к ходу борьбы. Ленин в одном месте пишет, что чем дальше уходишь во времени от борьбы, тем все дальше отступают на задний план второстепенные и маловажные вопросы и на первое место выступают вопросы принципиальные, большие, теоретические. Так и здесь. Сейчас, после решения ЦК, после беседы с т. Сталиным, после всей проведенной борьбы, мы можем смело отбросить ряд мелких привходящих вопросов, которые тогда быть может имели то или иное значение. Сейчас перед нами стоят главным образом основные, коренные проблемы.

Вся борьба на философском фронте проходила под непосредственным руководством ЦК партии. Нельзя себе так представлять, как некоторые думали и говорили на пленуме ОВМД весной прошлого года: вот группа товарищей, правда молодых, но поставивших по своей инициативе ряд вопросов, проводивших правильную линию и т. д. Верно конечно, что партийный коллектив, в основном состоящий из вновь пришедших к теоретической работе кадров, вел эту практическую работу, эту борьбу. Но она шла под непосредственным руководством ЦК партии. Мобилизуя внимание теоретического фронта на борьбу с рубинщиной, ЦК партии одновременно указал на необходимость борьбы с тенденцией, имеющейся у части философов, выдвинуть некоего заместителя Маркса и Энгельса на философском фронте.

Необходимо особенно резко подчеркнуть исключительную роль в борьбе за диалектический материализм центрального органа нашей партии — «Правды». 7 июня 1930 г., в самый разгар борьбы, когда она сплошь и рядом принимала обостренные формы, когда писались всевозможные декларации, протесты, резолюции и проч., «Правда» поместила статью за подписью Митина, Ральцевича и Юдина, в которой, правда в неполной форме, были уже сформулированы основные вопросы разногласий; как известно, «Правда» тогда дала примечание о том, что она согласна с этой статьей. Затем была напечатана резолюция бюро ячейки ИКП о положении на философском фронте. Была помещена статья г. Митина «За действительную разработку ленинского философского наследства». Все это имело очень большое значение для нашей дальнейшей борьбы с деборинщиной.

«Большевик», также орган ЦК партии, помещая резолюцию бюро ячейки ИКП философии и естествознания (октябрь 1930 г.), дал специальное примечание о том, что он солидаризируется с этой резолюцией целиком. Затем ряд других принципиальных указаний со стороны Центрального комитета партии, в частности Культпропа ЦК, который давал постоянно практические и принципиальные указания.

Самым решающим этапом борьбы на философском фронте был декабрь 1930 г. и январь 1931 г.— беседа т. Сталина с бюро ячейки ИКП Ф. и Е. и решение ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма».

К этому времени мы установили, что деборинцы не по-ленински понимают проблему партийности философии, что они неправильно понимают вопрос о соотношении теории и практики, что они проводят гегельянскую, по существу идеалистическую ревизию основных категорий материалистиче-

ской диалектики. Там, где дебординцы имеют элементы материализма, материализм этот по существу феербахский, плехановский. В политических вопросах они делают ряд грубейших ошибок троцкистского порядка и т. д. Общий вывод был таков, что дебординская группа стоит на позициях формалистического искажения диалектики, что в лице дебординщины мы имеем формалистический, по существу идеалистический уклон. Надо отметить, что большинство коммунистических теоретических кадров Москвы, Ленинграда, Харькова и других районов, основные кадры теоретиков-коммунистов проводили в основном правильную линию в борьбе с дебординщиной.

Беседа с т. Сталиным и решение ЦК о журнале «ПЗМ» явились тем моментом в этой теоретической борьбе, который, с одной стороны, подвел итоги всего предшествующего этапа развития дискуссии и философской работы группы Деборина в целом, а с другой стороны, наметил основные задачи и перспективы дальнейшей работы.

Беседа с т. Сталиным и решение ЦК имеют важнейшее теоретическое и политическое значение. В них было отмечено, что основная линия, которую ведет партийный коллектив, критикующий дебординщину, правильная линия. Однако было указано, что коммунистами, проводившими правильную линию в борьбе с дебординщиной, был сделан ряд ошибок и во всей борьбе имеется ряд существенных недостатков. Тов. Сталин указал на неправильную формулировку, которой квалифицировалась теоретическая позиция Деборина (как формалистический, по существу идеалистический уклон). Эта характеристика (формалистический уклон) была признана академической, «профессорской», не выражающей всех разногласий и сущности той критики, которая была проведена. Взгляды дебординской группы т. Сталиным и решением ЦК ВКП(б) были квалифицированы как взгляды меньшевистствующего идеализма. Это, можно сказать, новое, исключительно содержательное определение сущности дебординщины. Политическая сущность сочетается в ней с глубоким теоретическим содержанием. Именно—не просто идеализм, грубый, открытый, прямой идеализм, а меньшевистствующий идеализм. Тов. Сталин говорил, что дебординцы выступали и будут выступать против открытого идеализма, но по существу они сами остаются на позиции меньшевистствующего идеализма. В этом определении характерно то, что меньшевистствующий идеализм по существу своему есть одна из форм влияния меньшевистской, социал-демократической идеологии на некоторые прослойки теоретических работников Советского союза.

Именно для меньшевиков характерен разрыв теории и практики, слова и дела. Отрыв теории от практики—одна из основных черт II интернационала, возвращающая марксизм в безжизненную догму. Ленин на III съезде комсомола говорил, что отрыв теории от практики—наследие буржуазного общества. На словах меньшевики за марксизм, на деле они—ползучие эмпирики и идеалисты. На протяжении всей своей истории меньшевики неустанно повторяют, что они марксисты, что они исходят от Маркса, по существу же ревизуют и искажают его, проводя не материалистическую, а идеалистическую точку зрения. В характеристике дебординщины как меньшевистствующего идеализма, данной т. Сталиным и решением ЦК партии, содержится глубокий теоретический и политический смысл.

В беседе т. Сталина и в решении ЦК партии дана была исключительно глубокая трактовка вопроса соотношения теории и практики, со всей решительностью был поставлен вопрос, что ни в какой мере не может быть и речи о правильном понимании этого важнейшего и основного в учении марксизма-ленинизма момента без глубокого и всестороннего изучения опыта прошлой борьбы пролетариата и особенно без изучения великого опыта пролетарской революции и победоносного строительства социализма. Только изучая этот опыт, можно говорить о действительно ленинском понимании марксизма не как догмы, а как руководства к действию. До беседы с т. Ста-

линым критика деборинского понимания соотношения теории и практики была недостаточно конкретной. Но особенно характерно, особенно подчеркнуто т. Сталиным и в решении ЦК то, что, исходя из квалификации позиций деборинщины, как меньшевиствующе-идеалистических, именно в этом свете была дана и критика деборинского понимания соотношения теории и практики. Было указано, что в вопросе соотношения теории и практики деборинцы по существу проводят меньшевистствующую линию, линию, характерную для II интернационала, что деборинцы по существу отстаивают традиции и догмы II интернационала. Далее была дана в связи с этим вопросом развернутая постановка понимания теории и практики Марксом, Энгельсом Лениным. Было указано, что Маркс, Энгельс и Ленин в своих работах, имеющих глубочайшее теоретическое значение, исходят из коренных задач рабочего движения. Для выработки правильного, диалектико-материалистического мировоззрения необходимо проделать огромную работу по критике буржуазного и мелкобуржуазного мировоззрения. Необходимо преодолеть враждебные пролетариату теории и учения; основоположники марксизма-ленинизма именно с этого начинали свою работу. В «Капитале» Маркс дает всестороннюю критику тех буржуазных теорий и взглядов в области политической экономии, критику тех буржуазных ученых, идеологов буржуазии, без полного разрома которых невозможно было выработать пролетарскую политическую экономиию. В указаниях Центрального комитета партии дана целая программа по вопросу о характере и направления, по которому должна идти дальнейшая разработка теории материалистической диалектики. Эти указания дальше развивают ленинскую постановку по этому вопросу, данную им в письме в редакцию «ПЗМ» в 1922 г.

Чрезвычайно глубокие, имеющие решающее значение, указания даны были по вопросу о связи работы на теоретическом фронте с актуальными задачами социалистического строительства. Основное внимание было сосредоточено на том, что сейчас надо изучать, как ликвидируются в наших условиях старые, капиталистические закономерности, а главное, как действуют нарождающиеся и нарождающиеся новые закономерности, закономерности социалистические. В вопросах изучения современности ударение сделано было именно в эту сторону.

Исключительные по глубине и по значению указания были даны по вопросу о ленинском этапе. Особенно заострено было внимание на том, что Ленин решительно во всех вопросах марксизма вносит свое новое, продолжает Маркса и Энгельса, потому что новая обстановка, новые закономерности в области общественных отношений эпохи империализма и пролетарской революции, то новое, что дано в области естествознания,—все это Лениным было изучено и проанализировано с точки зрения диалектики Маркса с исключительной глубиной и гениальностью. Именно это и дало возможность Ленину дальше развить марксизм во всех вопросах. В этой связи была поставлена проблема отношения к Плеханову. Нельзя упрощенно решать проблему—Ленин и Плеханов. Нельзя просто объявить Плеханова ревизионистом и отказать от всего, что им было сделано в области марксизма. К Плеханову необходимо подходить исторически, брать его во всей той конкретной обстановке, в которой он выступал с той или иной работой. Именно такой подход дает возможность понять, за что Ленин ценит Плеханова и за что он его критиковал. Если внеисторически подойти к работе Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и сравнить это произведение с той или иной работой Ленина, то конечно от Плеханова останется очень мало. При учете же всех исторических условий можно действительно понять, чем Плеханов был велик и в чем его слабости и ошибки, в чем его ревизионизм. Мы здесь не останавливаемся на критике Плеханова. Это не входит в задачу данной темы.

И наконец в беседе т. Сталина и решении ЦК был поставлен вопрос о борьбе на два фронта в области философии — против механистов как главной опасности на современном этапе, поскольку они являются методологической опорой правого уклона, и против меньшевистствующего идеализма — и о соотношении уклонов в области философии с уклонами в политике.

Здесь имеется ряд переходов, надо уметь видеть те тонкости, те переливы, которые в конечном счете представителей правого уклона приводя к механистической методологии и, наоборот, механистическая методология приводит к правому уклону.

В решении ЦК о «ПЗМ» были поставлены следующие коренные вопросы. Прежде всего было отмечено, что, деборинское руководство игнорировало указания Ленина о разработке материалистической диалектики на основе опыта международного революционного движения, на основе опыта пролетарской революции и социалистического строительства, на основе материалистической переработки Гегеля. Таким образом здесь имел место отрыв теории от практики, уход от актуальных задач социалистического строительства. Материалистическая диалектика Маркса по существу подменялась идеалистической диалектикой Гегеля, ялицо было непонимание ленинского этапа в философии. Тем самым воскрешались по существу догмы II интернационала. Задачи, которые поставил ЦК партии перед философским фронтом, были следующие: защита линии партии в области философии, непримиримая борьба со всякими уклонами от генеральной линии партии, последовательная борьба на два фронта в области философии. В постановлении так и написано: дальнейшая разработка и развитие ленинского этапа в вопросах диалектического материализма, дальнейшая разработка теории материалистической диалектики. Особенно необходимо подчеркнуть это сейчас, потому что механистическая опасность остается главной и в настоящее время под разными лозунгами с новых позиций делаются попытки повести линию на ликвидацию материалистической диалектики, на ликвидацию философии марксизма-ленинизма как философской науки, о которой говорил Ленин.

Дальше в решении ЦК ставится задача разработки проблем исторического материализма в связи с актуальными задачами социалистического строительства и о подготовке новых, партийно выдержанных, теоретических кадров.

Вот те задачи и директивы, которые были даны ЦК партии.

Теперь перейдем к краткой характеристике того, как эти задачи, поставленные перед философским фронтом, проводятся в жизнь.

Прежде всего необходимо остановиться на работе Института красной профессуры философии. Для того, чтобы были яснее те результаты, которые мы сейчас имеем в этой области, необходимо напомнить, что собою представлял этот Институт.

Пожалуй не будет преувеличением сказать, что в работе старого философского отделения, возглавляемого Дебориным, по существу было много схоластического. Учебный план философского отделения был рассчитан на четыре года. Что изучалось на протяжении этих четырех лет? Древняя философия, новая философия — Кант и, как вершина, предел — Гегель. Беда не в том, что изучалась история философии, а в том, что это была не марксистская история философии, а идеалистическая. Конечно, отдельные товарищи были крепко связаны с партией и защищали генеральную линию партии. Но многие из воспитанных Дебориным философских кадров уходили в сторону от партии или по политическим, или по теоретическим вопросам, или же наконец и по тем и по другим. Вот некоторые из актива деборинской школы: Карев, Стэн, Резник, Подволоцкий, Гоникман, Тьямский, Ширвиндт, Тележ-

ников, Сапожников и т. д. Один — меньшевистствующий идеалист, другой — меньшевистствующий идеалист, третий — зиновьевец-троцкист, и т. п.

С реорганизацией Института красной профессуры был создан самостоятельный Институт красной профессуры философии и естествознания. Организация Института шла в разгаре борьбы с деборинцами. Деборин, Карев, Стэн — все, и директор и преподаватели, отказались работать в новом институте. Вокруг перестройки Института также велась жестокая борьба. Деборинцы по-своему понимали эту перестройку. Когда мы стали обсуждать программу по материалистической диалектике, то Деборин, Стэн и другие доказывали, что такая категория, как практика, не должна входить в эту программу. Вместо этого они всемерно настаивали на включении тем по вопросам дологического, первобытного мышления, считая это куда актуальнее и существеннее, нежели категория практики. Возражения Ленина против махистов, — «до какой степени не новы эти усилия выделить практику, как нечто не подлежащее рассмотрению гносеологии, для очистки места агностицизму и идеализму» — целиком подходят к характеристике позиций Деборина и Стэна. Так они понимали перестройку Института красной профессуры.

В настоящее время Институт красной профессуры имеет около 200 человек, из них более 60% рабочих. Институт делится на три основных отделения. Отделение исторического материализма со следующими секторами: сектор империализма и переходного периода, сектор культуры и идеологии, антирелигиозный сектор. Начиная с 1-го курса, изучают историю философии, диалектический и исторический материализм, политическую экономию. Отделение диалектического материализма с секторами: материалистической диалектики, диалектики «Капитала», диалектики техники и естествознания и сектором диалектики стратегии и тактики ВКП(б). Изучение коренных проблем диалектического и исторического материализма ведется не только на историческом материале, но широко привлекается и материал современный, изучается опыт социалистического строительства. Прорабатываются на пример такие вопросы: проблема ликвидации классов, проблема технической реконструкции, диалектика в учении Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. д. Произошла коренная перестройка. Собственно говоря, это совершенно новый институт. Сейчас Институт действительно стал партийным институтом, готовящим партийные, большевистские кадры в области философии. Слушатели Института ведут большую партийную и пропагандистскую работу в московской парторганизации. К примеру: только по письму т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» было сделано на рабочих предприятиях более двух десятков докладов, по решениям XVII партконференции сделано около трех десятков теоретических докладов на рабочих партийных собраниях. Слушатели Института обслуживают теоретическими докладами и ряд местных организаций.

Таким образом директива ЦК в этих вопросах в основном выполняется. Но далеко и далеко, не все еще обстоит хорошо в нашей работе. Требуется значительная работа над тем, чтобы Институт отвечал задачам, поставленным перед ним партией. Еще очень тяжело обстоит вопрос с кадрами. Пришлось почти всех старых философских «богов» из Института освободить, и работу по преимуществу ведут молодые товарищи, новые кадры. Теоретические кадры создаются годами, на это требуется время. Кадры растут на работе, к ответственной и активной работе привлечены широкие слои партийного актива, работающего на теоретическом фронте. Линия является правильной, а это при прочих условиях, которые в стране пролетарской диктатуры налицо, обеспечивает решение проблемы роста широких слоев теоретических кадров в области философии из партийного актива. Есть еще немало недостатков в учебной работе, но мы ведем с ними решительную борьбу.

Произошла очень большая работа по перестройке преподавания диалектического и исторического материализма в вузах, в комвузах и других учебных заведениях. Деборинское наследие дало себя знать и в этой области. Сплошь и рядом диалектику преподавали по Деборину. И то, что наиболее характерно было для деборинцев — отрыв теории от практики, — проводилось и здесь. После разгрома деборинщины произведена коренная переработка программ, преподавание актуализировано и связано с борьбой на два фронта — с меньшевистствующим идеализмом и с механицизмом. Программы политически заострены и актуализированы. Но и здесь еще много недостатков. Опять-таки недостает квалифицированных педагогических кадров. Точно так же нехватает новой учебной литературы.

Особые задания даны были ЦК партии журналу «Под знаменем марксизма». Необходимо отметить, что в целом с литературной продукцией дело обстоит далеко и далеко еще неудовлетворительно. Но сдвиг в этой работе есть уже значительный.

Тов. Сталин говорил, что без того, чтобы не разворошить старого, не переворошить всего, что написано деборинцами, механистами, без критики старого нельзя двигаться вперед.

Можно сказать без преувеличения, — о недостатках в этом деле я скажу позднее, — что в основном указания ЦК в этом отношении (разворошение, критика старого) выполнены: деборинщина и механисты разгромлены, достаточным образом раскритикованы. Нужно отметить, что за последний период времени мы имеем снова известное оживление среди механистов. Некоторые из них очень своеобразно истолковали решение ЦК партии о журнале «ПЗМ». Они (Перов, Варьяш, Тимирязев) говорят: в постановлении ЦК где говорится о том, что механицизм — главная опасность, наши фамилии не названы, поэтому, мол, решение ЦК к нам не относится. Мы не механисты и никогда ими не были. Нельзя сказать, чтобы это был остроумный прием. Однако и этот весьма... странный прием не спасет их от необходимости в конце концов разоружиться и признать ошибочной свою концепцию.

Но в деле выполнения указаний ЦК имеется у нас один серьезный недостаток. До сих пор нет систематических, связанных с исследовательскими работами, литературных трудов по критике механистов и меньшевистствующих идеалистов. Во всех коренных вопросах имеется достаточная ясность. Деборинцы раскритикованы весьма основательно, выявлена механика их ревизионизма, гегельянщина, разрыв теории и практики, непонимание ленинской партийности, фейербахианство и т. д. и т. п. Все эти коренные вопросы сейчас ясны для философского фронта, для основных кадров. Но надо иметь в виду, что здесь требуется дальнейшая большая работа. В борьбе с деборинщиной была поставлена задача разработки ленинского этапа в философии. Эта задача целиком не выполнена. Она не может быть выполнена в течение года, она должна быть рассчитана на ряд лет, на длительное время. В частности недостаток нашей работы заключается здесь в том, что мы еще вплотную не приступили, не повернули научно-исследовательской работы в буквальном смысле этого слова к тем основным положениям, которые были указаны т. Сталиным и в решении ЦК о разработке ленинского этапа в философии. Мы пока не дали новых капитальных работ.

Важнейшей задачей перед нами была поставлена разработка актуальных проблем социалистического строительства. В этом отношении имеется значительный поворот. Если взять хотя бы журнал «ПЗМ», то, несмотря на все имеющиеся в нем недостатки и отдельные ошибки, мы все же имеем целый ряд статей по важнейшим проблемам современности. В ряде статей была дана критика социал-фашизма. Я имею здесь в виду статьи Быховского, Нирина

ской и др. Были статьи о строительстве социализма, была дана критика вредительских теорий, рубинщины и т. д. Бесспорно здесь есть уже поворот к актуальным задачам современности. Но еще не сделали, пожалуй, главного, — не дали еще глубокой теоретической разработки тех основных вопросов, которые выдвигаются перед нами ходом социалистического строительства. Имеется ряд брошюр, сборников, учебников, которые сейчас выходят в сотнях тысяч экземпляров. За этот год особенно большой литературной продукции мы не дали, но тем не менее кое что сделано. «ПЗМ» вышло 8 книжек, с общим количеством до 150 печатных листов. Вышел первым изданием и готовится к маю второе издание учебника по диалектическому материализму для совпартшкол (под редакцией т. Ральевича); в начале мая выходит первая книга учебника по диалектическому и историческому материализму для комвузов (под редакцией тт. Митина и Разумовского), вторая книга выйдет осенью. Подготовлен к печати Гегелевский сборник, выходит вторая книга сборника «За поворот на философском фронте», готовится очень серьезная работа — философский словарь; над этой работой сидит ряд товарищей, основную работу ведет т. Дмитриев.

Правда, в этих учебниках имеется немало ошибок, которые теперь уже исправляются и при содействии широкого коллектива будут устранены. Но появление этих учебников — факт весьма и весьма положительный. Очень характерно, что дебютиры за десяток лет своей работы этой задачи перед собой даже и не ставили. Следует отметить и то, что готовится популярный учебник по диалектическому материализму для комсомольского актива.

К числу наибольших недостатков относится слабая постановка научно-исследовательской работы. За это дело Институт философии сейчас берется. Эта работа требует к себе очень большого внимания и привлечения к ней основных теоретических кадров. Необходимо создать соответствующие условия для этой работы.

Необходимо указать на то, что в своей литературной работе мы сделали ряд грубых ошибок. Мы здесь имеем в виду статьи Альтера, Чернышева, Танхилевич, Маньковского в «ПЗМ».

Что касается работы Общества воинствующих материалистов-диалектиков, то здесь за год проделана значительная работа. Широко развернулась массовая работа по пропаганде диалектического материализма. В качестве примера можно указать, что одними силами Центрального правления ОВМД сделано больше двадцати докладов о решениях XVII партконференции и столько же в связи с гегелевским юбилеем. Такие организации, как ленинградская, украинская, ив.-вознесенская и др., точно так же развернули широкую работу. Самым крупным недостатком в работе ОВМД является плохая связь с местными организациями.

Философская дискуссия оказала влияние и на другие теоретические участки. Особенно оживилась борьба против механицизма и меньшевистствующего идеализма на других теоретических участках после решения ЦК ВКП(б) о «ПЗМ». Наибольшую критическую работу провели на фронте естествознания. Это один из тех участков, который наиболее решительно и последовательно провел борьбу с меньшевистствующим идеализмом в своей области. Теперь естествовники переходят пожалуй к более трудной работе, к конкретной и углубленной критике меньшевистствующего идеализма и механицизма в конкретных областях естествознания. Здесь конечно неизбежны новые расхождения по тем или иным вопросам.

Несколько особый интерес представляет фронт литературоведения. Необходимо отметить, что фронт литературоведения долгое время находился под значительным влиянием, — отдельные его звенья и даже руководящие работники, а иногда и некоторые документы организации, — дебютиры. Надо

сказать, что товарищи из РАПП туго шли на самокритику. Вскоре после решения ЦК партии ОВМД непосредственно занялось критикой ошибок, которые имели место у товарищей из РАПП. Нашими силами были сделаны доклады об итогах философской дискуссии и задачах на литературном фронте в РАПП и в Комакадемии. Кроме того нужно указать ряд других выступлений, которые имели место по самым актуальным политическим и теоретическим вопросам, связанным с литературоведением.

Нами были поставлены в развернутой форме вопросы об отношении к плехановскому литературно-критическому наследству и решительная борьба против не критического отношения к плехановскому наследству товарищей из РАПП; затем со всей резкостью был поставлен вопрос и дана критика деборинского влияния на ряд товарищей из РАПП (Авербах, Либединский, Ермилов и др.), очень решительно и принципиально поставлены вопросы ленинского этапа в литературоведении. Мы совсем не хотим сказать, что только благодаря нам эти вопросы встали перед РАПП. Нет, мы только констатируем бесспорный и общеизвестный факт, что именно по этим вопросам нам пришлось и приходится еще кое с кем драться, так как нашу критику встретили буквально в штыки. Однако значительная часть вопросов, по которым мы критиковали товарищей из РАПП, теперь признается рапповцами (о влиянии Плеханова, о деборинщине и т. д.), но туго, с бездной оговорок и поправочек, спуск идет как правило на тормозах.

В области антирелигиозной работы, что особенно игнорировалось деборинцами, произошла значительная перестройка при нашем непосредственном участии.

Основная боевая задача, которая стоит перед нами, это — устранение и исправление ошибок и недочетов, имевших место в нашей работе. В качестве важнейшей задачи надо поставить развертывание научно-исследовательской работы. Выполнения этой задачи партия от нас бесспорно требует. Если мы в ближайшее время здесь ничего не сделаем, мы не выполним директив партии. Выполнение этой задачи потребует большой работы.

В связи с решениями XVII партконференции, в связи с директивами о второй пятилетке и перед философией, как и перед всем теоретическим фронтом, встает исключительной важности теоретические проблемы. Прежде всего надо поставить задачу углубленной, тщательной разработки проблемы уничтожения классов. Второй важнейший вопрос требует большой теоретической работы. Это — вопрос о государстве, о диктатуре пролетариата, задача ее укрепления в связи с построением социализма во второй пятилетке. В этом вопросе сейчас немало путаницы. Находятся «теоретики», которые говорят, что во второй пятилетке государство отомрет. Конечно ничего общего с ленинизмом эта постановка не имеет. Ленин со всей определенностью и ясностью говорит, что государство отомрет при полном коммунизме, когда осуществится лозунг — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Эти вопросы надо разработать. Возьмем далее борьбу с уравниловкой, проблему равенства. Надо дать теоретическую разработку этих вопросов. Надо дать критику мелкобуржуазных идей уравниловки. Возьмите, как Троцкий и Зиновьев говорили в свое время, что главная проблема, главный вопрос, который сейчас должен занять внимание партии, — это равенство. Зиновьев об этом говорит в своей работе «Философия эпохи». Троцкий во время профсоюзной дискуссии выдвинул лозунг — ударность в работе, равенство в потреблении. Это типичная мелкобуржуазная уравниловка.

Ленин говорит, что социализм есть равенство по отношению к средствам производства, что устраняется возможность перехода средств производства в частную собственность. Но это совсем не то равенство, о котором говорят разные филистеры. Все эти вопросы имеют серьезное и прямое

отношение к нашей работе. К числу крупнейших вопросов, поставленных конференцией, принадлежит вопрос об устранении противоположности между городом и деревней. И наконец надо теперь же приступить к следующей задаче: к изучению диалектики в работах т. Сталина и решениях нашей партии. Исключительную силу с точки зрения разработки материалистической диалектики имеют работы т. Сталина и решения нашей партии. Только партия, в со-
вершенстве владеющая материалистической диалектикой, в состоянии решить такой вопрос, как построение социализма, разрешать такие задачи, как мировая пролетарская революция. На эту сторону дела, на то, что именно в этих решениях заключаются исключительного значения теоретические вопросы, мы до сих пор не обращали достаточного внимания.

В области философии необходима дальнейшая разработка теории материалистической диалектики. Борьба на два фронта — с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом — и с примиренчеством к ним остается условием правильности генеральной линии партии на теоретическом фронте. Некоторые механисты через год после решения ЦК тоже решили отметить эту годовщину. Сарабьянов и Гурев подали заявление, напечатанное в последнем номере «Безбожника». Они признают, что были механистами, но не все еще позиции сдали. Борьбу с ними и критику их в дальнейшем необходимо усилить. Меньшевистствующие идеалисты Деборин, Карев, Подволоцкий через год разразились заявлениями. Все, что через год они могли надумать, — это заявление, что «у меня были ошибки», в то время как в решении ЦК речь идет о неправильной позиции.

Нет никаких сомнений, что наша партия, разбивши на-голову контр-революционный троцкизм, разбивши на-голову правых оппортунистов, разбивши механистов и меньшевистствующих идеалистов, сумеет обеспечить дальнейшее развитие теоретической работы так, чтобы она отвечала тем великим задачам, которые стоят перед пролетариатом. Это обеспечено также тем, что во главе нашей партии стоит выдающийся диалектик, вождь нашей партии т. Сталин.

Критика оценки механистами и меньшевистствующими идеалистами философии Спинозы

В. Вандек и В. Тимоско

I.

Эпоха Спинозы характеризуется возрождением материализма и развитием положительных наук, что было вызвано выступлением на общественную арену молодой революционной тогда буржуазии. В Англии выступил с материалистической философией Бэкон (1561—1626), и Гоббс (1588—1679), во Франции—с материалистическим естествознанием Декарт (1596—1650) и Гассенди (1592—1655), в Голландии—Гендрик де-Руа и Спиноза со своим материалистическим монизмом. XVI—XVII века—это переход от феодализма к капитализму в странах Западной Европы. Все перечисленные философы являются представителями буржуазии, выражают чаяния и интересы буржуазии своей страны соответственно своеобразию политико-экономических условий, в которых проходила борьба этой буржуазии против феодализма, с одной стороны, и против трудящихся масс—с другой. Это своеобразие классовой борьбы и развития производительных сил в названных странах и определяет основные специфические черты—различающие между собой философские учения всех названных философов.

Выступая против феодализма, буржуазия естественно должна была преодолеть и его идеологию, ибо борьба в области идеологии есть одна из форм классовой борьбы. Буржуазия должна была преодолеть схоластику и теологию. В Англии буржуазия начала эту борьбу раньше, чем во Франции, и в лице Бэкона выставила материалистическое учение гораздо более решительно, чем французская буржуазия эпохи Декарта. Однако учение Бэкона «было еще полно теологической непоследовательности» (Маркс). Французская буржуазия была настолько слаба, что вынуждена была пойти на компромисс с феодализмом, и эта двойственность нашла свое идеологическое выражение в дуалистической философии Декарта, которого Маркс называет философией мануфактурного периода.

Голландия в XVII веке была самой передовой буржуазной страной. Маркс пишет: «Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия»¹⁾, «образцом мануфактуры в собственном смысле слова». Буржуазные отношения были здесь наиболее развиты. Голландская буржуазия была самой богатой в Европе. Буржуазная эксплуатация и угнетение трудящихся масс достигли здесь высокой степени развития. «Народные массы Голландии, — указывает Маркс, — уже в 1648 г. более страдали от чрезмерной

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1925, стр. 744.

²⁾ Там же, стр. 359.

труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы»¹⁾. Голландия еще в конце XVI столетия победоносно проделала первую буржуазную революцию в Европе, в результате чего в стране утвердилось господство крупной торговой и торгово-промышленной буржуазии. Вследствие этого Голландия стала идеалом для буржуазии других стран, и в особенности для французской буржуазии. Вот что писал философ французской буржуазии Декарт в письме к Вальзаку в 1631 г.:

«Советую выбрать Вашим убежищем Амстердам и предпочесть его не только всем капуцинским и картезианским монастырям, но и красивейшим местам Франции и Италии... В большом городе, где я живу, кроме меня нет человека, не занятого торговлей, каждый так озабочен наживой, что я мог бы всю жизнь прожить никем не замеченный. Каждый день прогуливаюсь среди толкотни многолюдного населения с такой же свободой и спокойствием, как вы в ваших аллеях... Размыслил ли когда об их действиях,—получаю такое же удовольствие, какое ощущаете вы при виде поселян, обрабатывающих ваши поля: ибо вижу, что труд их служит к украшению моего жилища и к тому, чтобы я ни в чем не нуждался. Вам приятно видеть, как зреют плоды в ваших фруктовых садах и чувствовать себя среди изобилия. Думаете ли вы, что мне менее приятно видеть приходящие корабли, обильно несущие все, что производит Индия, все, что редко в Европе? Какое другое место на земле, где так легко было бы, как здесь, найти все удобства жизни и все редкости? В какой другой стране можно наслаждаться такой полной свободой; где можно спать так спокойно, где была бы всегда готова вооруженная сила, исключительно назначенная для вашего охранения»²⁾.

Вот в какой социально-политической обстановке сложилась философия Спинозы. Общие линии и основное содержание всякой философской системы определяются именно общественным бытием того класса, представителем которого является данный мыслитель. Это же общественное бытие данного класса кладет свой отпечаток и на детали философских систем, определяя направление и характер использования того мыслительного материала, который унаследован данной эпохой от предшествующих эпох. Нужно решительно отбросить идеалистический подход к истории философии, сводящий все дело к чисто логическому развитию одних систем из других. Философия Спинозы является философией европейской буржуазии XVII века, оформленной в специфических условиях общественного бытия голландской буржуазии. Нельзя чисто логически выводить учение Спинозы из учения Декарта, как это делает К. Фишер, или из учения Дж. Бруно, как это делает Зигварт, или из иудаизма, как это делает Гегель. Гегель пишет: «Дуализм, имеющийся в философии Декарта, снял Спиноза как еврей»³⁾. Эту гегелевскую идеалистическую интерпретацию философии Спинозы повторяет Аксельрод, выдавая ее за диалектико-материалистическое объяснение. Если в философии Спинозы мы находим элементы различных предшествующих учений, то их наличие вовсе не доказывает того, что философия Спинозы есть логический вывод из этих учений.

Совершенно неправильно рассматривать философию Спинозы как идеологическое выражение идей и интересов голландской мелкой буржуазии, как это делают меньшевистствующий идеалист Деборин и его ученик Маньковский. И выражением марксизма-ленинизма является утверждение Маньковского: «Спиноза несомненно является выразителем идей и интересов мелкой буржуазии, и именно поэтому среди всех философов-материалистов XVII века

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1925, стр. 747.

²⁾ Любимов, Философия Декарта, 1886 г., стр. 110—111.

³⁾ Гегель, Собр. соч., изд. Глюкнера, т. XIX, стр. 368.

он является наиболее последовательным»⁴⁾. В этом утверждении т. Маньковского имеется по крайней мере три грубейшие ошибки: во-первых, неверно, что последовательный материализм вытекает из природы мелкой буржуазии (достаточно вспомнить хотя бы Руссо, который был представителем мелкой буржуазии, однако отнюдь не являлся последовательным материалистом). Во-вторых, неверно, что Спиноза—философ мелкой буржуазии Голландии. «Вся эпоха Возрождения,—говорит Энгельс,—начиная с половины XV века и в частности вновь пробудившаяся с тех пор философия были плодом развития городов, т. е. буржуазии. Философия только выражала по-своему те мысли, которые соответствовали переходу мелкой и средней буржуазии в крупную». В-третьих, неправильно считать Спинозу наиболее последовательным материалистом XVII века. Спиноза выражал стремления и интересы в частности голландской буржуазии эпохи перехода от торгового капитализма к капитализму торгово-промышленному. Этой буржуазии уже приходилось вести борьбу с так называемой «чернью», или «низшими классами» (пролетариатом, полупролетариатом, батраки, бедняки), которые жестоко эксплуатировались ею и от времени до времени поднимали бунты. Эти «низшие классы» не имели никакой более или менее сложившейся политической организации и никакой определенной программы. Поэтому они легко становились объектом демагогических заигрываний со стороны той части господствующей буржуазии, которая имела своим вождем принца Оранского и вела борьбу против другого крыла буржуазии, которое отстаивало олигархическую республику, возглавлявшуюся де-Виттом. Мы знаем, что, когда оранская партия с помощью народного вооружения победила в 1672 г. партию де-Витта и утвердила господство Вильгельма Оранского, она не внесла никаких улучшений в положение широких народных масс и все фактически осталось по-старому. Личные симпатии Спинозы склонялись к партии де-Витта, которая в меньшей степени была связана с голландскими церковниками, чем партия принца Оранского, и поэтому отличалась более либеральными взглядами. Поэтому Спиноза был глубоко потрясен убийством де-Витта и его брата. Вот что сообщает Лейбниц: «После обеда я провел несколько часов со Спинозой. Он рассказал мне, что в день убийства господ де-Виттов его влекло выйти ночью на улицу и где-нибудь близ места (убийства) прикрепить бумажку с надписью: «О, злейшие из варваров» (Ultimi barbarorum). Однако его домохозяин запер дом, чтобы помешать ему выйти, ибо (в случае исполнения Спинозой этого намерения) он подверг бы себя опасности быть растерзанным».

Спиноза является ярким представителем буржуазии, он защищает частную собственность и высказывается против революции. Охрану частной собственности Спиноза пытается даже обосновать, исходя из «ясного познания самого себя и бога», т. е. природы. Для него частная собственность является вечной и необходимой категорией, вытекающей из самой природы. Вот что он пишет Блейенбергу: «Под справедливым я разумею того, кто постоянно стремится к тому, чтобы всякий обладал тем, что ему принадлежит, какое стремление с необходимостью возникает у добродетельных людей из ясного познания самих себя и бога. А так как вор не имеет такого рода стремления, то он по необходимости лишен познания бога и самого себя, т. е. он лишен того самого главного, что делает нас людьми» (письмо 23). В своем «Теологико-политическом трактате» (гл. 18) он пишет: «Форму всякого правления необходимо сохранять». В той же главе Спиноза осуждает казнь английского короля Карла I и говорит, что эта казнь ни к чему хорошему не привела. А в главе 20-й той же книги он опять говорит о недопустимости насильственного изменения законов: «Можно только советовать верховным властям изменить или отменить тот или другой закон».

⁴⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, стр. 21.

Наивысшим политическим идеалом для Спинозы является буржуазная демократическая республика. В 16-й главе «Теологико-политического трактата» он пишет: «Демократическое государство наиболее естественно и наиболее приближается к свободе, которую природа допускает для каждого». И далее: «Демократическое господство больше всего подходит к естественному состоянию». От «простого народа» Спиноза прежде всего и главным образом требует послушания. По его мнению «простой народ неспособен к пониманию возвышенных предметов» (письмо 19). «Толпа управляется не разумом, но только страстями» («Теологико-политический трактат», стр. 328). «Повиноваться могут безусловно все, а людей, которые приобретают навык к добродетелям только под руководством разума, встречается весьма немного» (там же, стр. 302).

Буржуазная ограниченность, буржуазный индивидуализм достаточно ярко выпирают из этих высказываний Спинозы. В вопросах морали мы видим у Спинозы тот же буржуазный индивидуализм. В письме к Блейенбергу Спиноза пишет (письмо 21): «Что до меня, то я избегаю преступлений потому, что это явно противоречит особенностям моей природы, и потому, что они заставили бы меня отклониться от любви к богу и от познания его» (т. е. от занятий наукой и философией). Или в письме 30 к Ольденбургу: «Я представляю каждому жить по своему нраву, а если кто хочет, пусть даже умирает за свое благо, лишь бы мне было дозволено жить сообразно с истиной».

Таким образом мы видим, что Спиноза является идеологом буржуазии, отражает характерные черты ее мышления и практики. Спиноза даже лично был связан с представителями правящей олигархии Нидерландов. В этом отношении небезынтересно социальное положение его корреспондентов. В дошедшей до нас переписке Спинозы фигурирует 19 корреспондентов. Если отбросить Фабрициуса, с которым у Спинозы была чисто деловая переписка, то остальные 18 корреспондентов распределяются по своему социальному положению следующим образом: 5 купцов (де-Врис, Баллинг, Блейенберг, Вандер-Мер, Иеллес), 5 врачей (Л. Мейер, Бауместер, Остенс, Вельтгюйзен, Шуллер), 5 ученых (Ольденбург, Лейбниц, Гревюс, Чирнгаус, Стенен) и 3 представителя правящей олигархии Нидерландских провинций (Гудде, Боксель и Бург). Спиноза всецело стоит за буржуазную республику, каковою в его время была Голландия. Он высказывает свое восхищение «доблестным» воинством нидерландским во время торговой войны между Нидерландами и Англией. По поводу этой войны Спиноза пишет Бауместеру: «Никто не может понять, почему не распускает паруса наш флот. И действительно, положение дела все еще не представляется достаточно упрочившимся. Боюсь, что наши желают быть слишком мудрыми и осторожными. Впрочем в конце концов само собой обнаружится, что у них на уме и к чему они стремятся. Пусть благоприятствует им бог» (письмо 28).

Спиноза является крупнейшим материалистом и атеистом XVII столетия. Но он не был воинствующим атеистом, даже таким, как французские материалисты XVIII века. Правда, своей материалистической системой он наносил религии основательный удар, но его атеизм не предназначался для широких масс. Это опять-таки определяется тем обстоятельством, что он был идеологом буржуазии, боявшейся выступления масс. Атеизм он рекомендует только для немногочисленных мудрецов, а для «простого народа» он оставляет религию и «священное писание», проповедующее послушание и повиновение (см. «Теологико-политический трактат», глава XIII и конец главы XV).

Иначе смотрит на это дело меньшевистствующий идеализм. Он не только объявляет Спинозу идеологом мелкой буржуазии, но еще умудряется видеть в его философии «пророческое предвосхищение социалистического общества». Так именно изображает Спинозу Деборин. Он пишет: «Мы знаем, что Спиноза является идеологом буржуазии, но еще умудряется видеть в его философии «пророческое предвосхищение социалистического общества». Так именно изображает Спинозу Деборин. Он пишет: «Мы знаем, что Спиноза является идеологом буржуазии, но еще умудряется видеть в его философии «пророческое предвосхищение социалистического общества».

ноза был идеологом демократических элементов класса буржуазии; исходным пунктом для него является индивидуум с его стремлением к самосохранению и личной пользе. Возможно, что Спиноза считал возможным достижение «наивысшего счастья» человека в условиях буржуазного общества. Но нет никакого сомнения, что требование его организовать такие связи и такое общение, которые «могли бы сделать из всех людей одного», гармонически согласовать коллективные силы для счастливой жизни на земле, что это требование выходит за пределы буржуазного общества и пророчески предвосхищает наступление нового социалистического общества (разрядка т. Деборина). Стало быть общественный идеал Спинозы сближает его ныне с самым передовым классом современного общества — с пролетариатом»¹).

Вот что проповедует меньшевистствующий идеалист Деборин: чисто буржуазную концепцию Спинозы, его буржуазные политические идеалы он выдает за социалистическое учение революционного пролетариата. Здесь находит свое завершение попытка меньшевистствующего идеализма изобразить Спинозу диалектическим материалистом.

Механистический, метафизический, сугубо созерцательный характер материализма Спинозы, непоследовательность его атеизма, элементы идеализма, имеющиеся в его философии, его проповедь буржуазной демократии, защита ненарушимости частной собственности, страх перед массами, буржуазный индивидуализм,—все это ничего общего не имеет с диалектическим материализмом. Подведение философии Спинозы под диалектический материализм означает попытку обуржуазить мировоззрение революционного пролетариата.

Выявление коренного отличия философии Спинозы как идеологии буржуазии XVII века от диалектического материализма никоим образом не означает отдачу Спинозы идеалистам и отбрасывание его учения как ненужного хлама. В лице Спинозы мы имеем одного из крупнейших метафизических материалистов с блестящими элементами диалектики, занимающего видное место в истории материализма.

II

Наиболее полное и зрелое произведение Спинозы—«Этика». В нем заключаются окончательные результаты всей умственной деятельности Спинозы. Начальные мысли в его ранних произведениях не идут в разрез с теми, которые изложены в «Этике». «Этика» как главный труд Спинозы является основным источником для выяснения философского учения Спинозы. Существенное значение для понимания Спинозы имеют также его работы: «Принципы философии Декарта», «Краткий трактат», «Трактат об усовершенствовании интеллекта», «Теологико-политический трактат», «Политический трактат» и в особенности «Переписка», где в более живой форме излагаются философские взгляды Спинозы.

В «Этике» Спиноза начинает с понятия субстанции или бога. Спинозу занимает прежде всего вопрос: что есть бог, или как должно мыслиться существо бога?

Теология при обсуждении проблем мироздания исходила из божественной воли творца, сотворившего мир и управляющего им. С этими взглядами «святой» науки философия неизбежно должна была вступить в борьбу. Основоположники новой философии—Бэкон и Декарт—оказались не в силах изгнать из своего мироздания представление о божестве как особой силе.

¹) Деборин, Спинозизм и марксизм, «Летопись марксизма», кн. 3, стр. 9

господствующей над природой. Это было сделано Спинозой, для которого бог превратился в псевдоним природы.

К критике понятия бога Спиноза подходит с различных сторон. Прежде всего Спиноза начинает с критики общераспространенной в его время идеи бога как могущественного существа, имеющего чисто человеческий характер. С этой точки зрения бог как существо, наделенное необычайным и безграничным могуществом, в силах сделать по своему произволу все, что ему угодно: создать из ничего все и все обратить в ничто. Сам же бог представляется существом, стоящим вне мира и управляющим им. Против этого взгляда на бога как на могущественное существо, находящееся вне мира, в каком-то воображаемом пространстве, прежде всего и направляется критика Спинозы.

Таким образом исходным пунктом в вопросе о боге для Спинозы является разрушение антропоморфизма. Особенно зло насмехается Спиноза над теми людьми, которые думают, что бог подобно человеку состоит из тела и души, подвержен страстям и может наслаждаться музыкой в небесных сферах. Но не менее зло насмехается Спиноза также над теми, кто признает бестелесность бога.

Что же представляет собою при внимательном рассмотрении «бог» Спинозы? Отвечая на вопрос одного из своих корреспондентов, Гудде, Спиноза пишет, что «бог — существо, обладающее следующими свойствами: 1) оно вечно, 2) оно просто, т. е. не составлено из частей, 3) оно не может мыслиться нами ограниченным, но лишь бесконечным, 4) оно неделимо, 5) оно выражает чистое совершенство, 6) оно существует в силу собственной причины». Исходя из общей совокупности этих свойств бога, Спиноза утверждает, что «существо, бытие которого принадлежит к его собственной природе, может быть только единое: это и есть именно то существо, которое обладает всеми совершенствами и которое я буду называть богом» (подчеркнуто нами.—В. и Т.).

Вопрос о том, что понимает Спиноза под богом как существом в высшей степени совершенным и абсолютно бесконечным, очень занимал его друзей. Ольденбург неоднократно в письмах к Спинозе ставил вопрос о том, можно ли из данного Спинозой определения бога доказать бытие такого существа. На этот вопрос Спиноза отвечает, что «из определения какой-нибудь вещи отнюдь не следует бытие этой вещи: это относится только к определению и понятию какого-нибудь атрибута, т. е. вещи, через себя и в себе познаваемой»¹⁾.

Еще более ярко выступает обезличенное понимание бога Спинозой в его ответе на письмо Гуго Бокселю. Последний обвинял Спинозу в отрицании им в боге проявления жизни. Спиноза на это дает такой ответ: «Вы говорите, что если я отрицаю в боге все проявления жизни, ни слуха, внимания, хотения и т. п., вы не понимаете, каким я представляю бога. Это заставляет меня подозревать, что по вашему мнению нет большего совершенства, как то, которое может быть выражено этими атрибутами. Впрочем, я этому не удивляюсь, ибо думаю, что если бы треугольник имел дар слова, то и он сказал бы, что бог есть не что иное, как в высшей степени совершенный треугольник, а круг—что природа бога в высшей степени круга, и таким образом всякий предмет приписывал бы богу свои собственные атрибуты и уподоблял бы самого себя богу, при чем все остальное казалось бы ему безобразным».

Это высказывание Спинозы совпадает с утверждением элота Ксенафона, который говорил: «Если бы быки и львы имели руки, чтобы подобно людям создавать произведения искусств, то они также стали бы изображать

¹⁾ Спиноза, Переписка.

богов и придавали бы им формы тел по своему подобию». Ленин по этому поводу замечает: «боги по образу человека»¹⁾.

«Бог» Спинозы не может принимать никаких решений, и его могущество действует согласно вечной и непреложной необходимости. «Все, что только существует в мире,—говорит Спиноза,—существует в боге, и без бога ничто не может ни существовать, ни быть мыслимым» («Этика», теорема 16). «Бог,—говорит Спиноза,— есть производящая причина (*causa efficiens*) всех вещей, какие только могут быть представлены бесконечным разумом» (кораллории к теореме 16). Но если бог — производящая причина вещей, то из этого нельзя сделать того вывода, что бог Спинозы трансцендентен, находится вне мира, творит по свободной воле и ставит себе те или другие цели. Как раз наоборот: все это решительно отрицается Спинозой. Отсюда следует, что мир не может быть иным, кроме того, каков он есть, или, как говорит Спиноза, «вещи не могли быть произведены богом никаким другим образом и ни в каком другом порядке, чем они произведены» (теорема 33).

Из приведенного выше мы видим, что бог Спинозы не может ни существовать, ни обнаруживать себя вне материи, вне природы. Короче говоря, бог Спинозы есть не что иное, как всеобъемлющая природа в ее материальной вещественности. «Бог» Спинозы есть природа, субстанция с атрибутами протяжения и мышления. Спиноза так и пишет в начале 4-й части своей «Этики»: «...это вечное и бесконечное бытие (*ens*), которое мы называем богом или природой»...

Весьма характерным является само изложение Спинозой учения о боге или субстанции. В первых теоремах «Этики» Спиноза говорит о субстанции, а дальше просто начинает называть субстанцию богом. Так например в доказательстве первом теоремы 11, говоря о свойствах бога, Спиноза подтверждает теорему 11 теоремой 7, где говорится только о субстанции.

Таким образом, сводя бога к бесконечной субстанции, приравнивая бога к природе, не ставя бога вне природы, выше природы, Спиноза не только обезличил бога, но и совершенно упразднил его. Под словом бог у Спинозы скрывается природа как причина самой себя — *causa sui*; природа есть в одно и то же время и источник всех вещей (*natura naturans*) и совокупность всех этих вещей (*natura naturata*).

Атеизм Спинозы не укрылся от его современников. В письме к Спинозе Ольденбург прямо пишет, что «многие полагают, будто вы не делаете никакого различия между этими (бог и природа) понятиями». В особенности хорошо поняли это теологи, ополчившиеся на Спинозу. Так например Ламберт-Ван-Вельтгюйзен, автор сочинения «*Tractatus moralis de naturali pudore et dignitate hominis*» (1676 г.), направленного против Спинозы, в письме к Якову Остенсу, на просьбу последнего высказать свое мнение о «Теологико-политическом трактате», прямо указывает на безбожие Спинозы и говорит: «Вряд ли из числа всех деистов найдется какой-либо другой, столь злонамеренный и в то же время столь умный и изворотливый защитник богопротивных вещей, как автор указанного рассуждения... Я полагаю, что я не очень отклонюсь от истины и не проявлю никакой несправедливости по отношению к автору, если заявлю, что прикрытыми и прикрашенными аргументами он проповедует чистый атеизм» (письмо 42). Для Вельтгюйзена вполне ясно, что бог Спинозы есть не что иное, как природа.

Для Пьера Бейля спинозовское понятие бога было просто смешным. Бейль насмехается над определением бога, данным Спинозой, и ему непонятно учение Спинозы, что мир и есть бог. Если, говорит Бейль, принять определение

¹⁾ Ленинский сборник XII, стр. 183.

Спинозы, то выходит, что «грязь, которую мы месим ногами, является частью бога». «Спиноза, — писал Фейербах в «Основоположениях философии будущего», — попал в самую цель своим парадоксальным определением бога, как протяженной, т. е. материальной, сущности. Для своего по крайней мере времени он нашел истинно философское выражение материалистической тенденции нового времени, он узаконил, санкционировал ее: сам бог является материалистом»¹⁾.

III

Истина спинозизма в атеизме и материализме — в стремлении об'яснить мир из него самого. Совершенно естественно, что для идеалистов органически неприемлем материализм Спинозы, и они всячески стараются обезвредить его учение, истолковывая философию Спинозы в идеалистическом смысле. Одни (Виндельбанд, С. Франк, Коген и др.) интерпретируют Спинозу как мистика. Виндельбанд обрабатывает Спинозу под Платона, Коген находит, что Спиноза — схоластик, исходящий из онтологического доказательства бога; другие (Кассирер, Челпанов) изображают Спинозу дуалистом; третьи пытаются кантианизировать Спинозу; четвертые делают Спинозу чистой воды пантеистом (Ланге, Куно-Фишер, Лопатин и др.).

Имеются ли данные для обоснования дуализма Спинозы? Для этого толкования имеются некоторые поводы, если подходить к учению Спинозы с чисто формальной стороны. Например в письме к Ольденбургу, на его запрос, есть ли различие между богом и природой, Спиноза дает ответ, который допускает возможность причислить его к дуалистам. Он пишет: «О боге и природе я придерживаюсь мнения, весьма отличного от того мнения, которое обыкновенно защищается новейшими христианами. Ибо я считаю бога имманентною (как говорят) причиною всех вещей, а не трансцендентною. Вместе с Павлом и быть может вместе со всеми древними философами, хотя и иным образом, я утверждаю, что все находится в боге и в боге движется... Однако, если некоторые полагают, что «Теологико-политический трактат» основывается на той мысли, что бог и природа (под которой они понимают некоторую массу или телесную материю) суть одно и то же, то они совершенно ошибаются» (письмо 73, разрядка наша. — В. и Т.). Однако из этого отдельного замечания нельзя сделать заключения, будто Спиноза — дуалист, признающий два начала: «природу» и «бога». Ибо Спиноза протестует здесь против отождествления природы и бога только на том основании, что под природой его критики понимали только «некоторую массу или телесную материю», т. е. только голое протяжение (согласно господствовавшей в то время декартовской терминологии, которую употреблял и сам Спиноза, под материей понималось голое протяжение). Спиноза не мог согласиться с отождествлением своего «бога», т. е. природы, с протяжением потому, что он в качестве гилозоиста признавал мышление вечным атрибутом природы.

Спиноза — материалист и атеист. Он низложил бога теологов, отличного от вселенной, создавшего мир из небытия одной лишь силой своей свободной воли.

Атеистом считали Спинозу его современники, за атеизм запрещались его произведения, атеистом он слыл и в течение почти всего XVIII века. Вот что писал о спинозовском «боге» в 1767 г. Вольтер: «Факт тот, что Спиноза совсем не признает никакого бога и употребляет это священное слово только для того, чтобы не слишком отпугнуть людей» (*Œuvres complètes de Voltaire, 1784. То же 47, стр. 410.*)

¹⁾ Фейербах, Собр. соч., т. I, ГИЗ, 1923, стр. 94

В том же духе пишет Лейбниц: «Если субстанция, или, что то же, бог, есть природа и субстанция всех вещей», то это—«пагубное учение, которое пустил недавно в ход или возобновил один остроумный, но нечестный писатель»¹⁾.

Интересно отметить, что Спиноза как материалист питает особую симпатию к древним материалистам—Эпикуру, Демокриту, Лукрецию и т. д. и считает идеалистическое учение Сократа, Платона и Аристотеля непостижимо за то, что эти авторы сочиняют «духов и привидений» и готовы верить всяким бабьим сказкам.

В буржуазной русской идеалистической философской литературе с мнением Вольтера до известной степени совпадает взгляд Введенского, написавшего специальную статью «Об атеизме в философии Спинозы».

Введенский с сокрушением видит в Спинозе атеиста, который уничтожил понятие бога и сохранил его только как термин. В этой своей статье Введенский устанавливает следующие признаки бога: превосходство бога над человеком, наличие воли и разума, полагание цели у бога, и говорит, что если отказаться от этих признаков бога, то «понятие бога перестает отличаться от материи или какой-нибудь огромной силы природы. Игнорировать, уничтожить эти существенные признаки и в то же время употреблять слово бог, значит играть словами». Введенский считает, что Спиноза был не вправе употреблять слово бог, ибо у него исчезло то содержание, которое обозначает это слово, и философия Спинозы могла бы смело обойтись без слова бог. «Если у той сущности, — пишет Введенский, — которую Спиноза называет богом, нет ни воли, ни деятельности по целям, то что же это за бог? Не значит ли это, что понятие бога у него исчезло, а сохранилось только слово, или название, или термин — бог, слово, которое действительно фигурирует чуть не на каждой строчке»²⁾.

Действительно, что это за бог, если он, по учению Спинозы, является протяженным? Именно потому Спиноза вступает в самое резкое противоречие со всеми прежними и последующими идеалистами и теологами. «Спинозу потому и третировали, по выражению Лессинга, «как дохлую собаку», бого-слова всех стран, что в его философии не оставалось места для существа, которое могло бы установить «гармонию»... «Употребляемое Спинозой слово «бог», — говорит Плеханов, — не примирило, да и не могло примирить с ним богословов, потому что под этим словом он понимал природу. Он так и говорит: «бог или природа» (deus sive natura). Разумеется, терминологически это было бы неправильно, но это уже вопрос другой, нас здесь не касающийся»³⁾.

Однако, правильно причисляя Спинозу к атеистам, тот же Введенский считает, что Спиноза все же был религиозно настроенным человеком. Он говорит, что душа Спинозы «всегда полна стремлений к богу, к богопознанию, к богопочитанию». О пантеизме, религиозности Спинозы на разные манеры толкуют буржуазные историки философии. Большинство их (Виндельбанд, Ланге, Куно-Фишер, Лопатин, а также А. Богданов и др.) считает Спинозу последовательным пантеистом, у которого божество слито с природой. Виндельбанд говорит о Спинозе как «об упоенном богом человеке, как об Иоанне Предтече, праведнике в пустыне», как «глубоко верующем человеке с религиозным сердцем». «Богом он жил и мыслил о боге». Ланге утверждает, что в deus sive natura Спинозы «бог не исчезает за материей. Он существует и живет как внутренняя сторона того самого великого целого, которое представляется нашим чувствам в образе природы».

¹⁾ Лейбниц, Избранные философские сочинения, М., 1908 г., стр. 154.

²⁾ «Вопросы философии и психологии» за 1897 г., кн. 37-я, стр. 157.

³⁾ Плеханов, Собр. соч., т. XVII, стр. 123—124.

IV

В историю философии Спиноза вопреки идеалистическим историкам должен войти как материалист, ибо, несмотря на теологическую оболочку, его философия материалистична. Наша обязанность состоит в восстановлении в правах материалистов как древности, так и нового времени, превращенных буржуазными историками философии в идеалистов.

Ленинский конспект лекций Гегеля по истории философии дает блестящий образец применения материалистической диалектики в подходе к истории философии, образец непримиримой борьбы с идеалистическими извращениями истории философии. Отношение идеалистов к материалистам и идеалистам в истории философии характеризуется Лениным следующим образом: «Подробно размазывает Гегель «натурфилософию» Платона, архивздорную мистику идей... и т. п. мистический вздор. Это прехарактерно! Мистик—идеалист—спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жует мистику-идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите — ничего!! О Платоне тьма размазни мистической»¹⁾.

В нашей литературе большое внимание было уделено Спинозе в связи с его 200-летним юбилеем, а также в связи со статьями Л. Аксельрод (Ортодокс). Отношение к Спинозе в нашей литературе двойственное: со стороны механистов мы имеем явную недооценку материалистической философии Спинозы, низведение ее до уровня материалистических мотивов, превращение Спинозы чуть ли не в средневекового схоласта; со стороны же меньшевистствующих идеалистов, исходящих в оценке Спинозы из Плеханова, мы имеем явную переоценку материализма Спинозы и превращение его чуть ли не в диалектического материалиста.

Прежде чем говорить о механистах и меньшевистствующих идеалистах, остановимся кратко на оценке Спинозы как пантеиста со стороны Фейербаха и т. Луначарского.

В «Основах философии будущего» Фейербах пишет: «Если мы примем то положение, что вне бога нет ни вещей, ни мира, то тем самым для нас нет уже и никакого бога вне мира, мы имеем уже не идеальное только, не воображаемое, но действительное существо, мы имеем, одним словом, спинозизм или пантеизм»²⁾.

Нам кажется, что Фейербах неправ, когда пытается подвести философию Спинозы под пантеизм. Ибо пантеизм представляет собою один из видов идеализма. С одной стороны, Фейербах, лично склонный к «религии любви», считал, что «философия Спинозы была религией; сам он—цельной натурой»³⁾; с другой стороны, Фейербах справедливо недоволен Спинозой потому, что он не порвал окончательно с теологией и требует положения не «бог или природа» (*deus sive natura*), а «или бог или природа» (*aut deus aut natura*).

Мы вообще не можем целиком полагаться на отзывы Фейербаха о Спинозе и удовлетворяться ими. Несмотря на ценные критические замечания, имеющиеся по этому вопросу у Фейербаха, он не мог, будучи недialeктическим, созерцательным материалистом, дать правильную, исчерпывающую оценку Спинозы. Плеханов, стоявший сам на уровне фейербаховской критики Спинозы, не сумел занять правильную позицию по отношению к оценкам Фейербаха.

Спиноза был не пантеист и вообще не идеалист, а материалист. Однако его материализм страдал существенными недостатками. Это — материализм

¹⁾ Ленинский сборник XII, стр. 233.

²⁾ Фейербах, Собр. соч., т. I, стр. 12.

³⁾ Там же, стр. 94.

метафизический, механистический, сугубо созерцательный и гилозоистический (т. е. он признает сознание не продуктом одной лишь высокоорганизованной материи, а вечным и универсальным атрибутом субстанции), и кроме того в философии Спинозы, как мы увидим в дальнейшем, имеются элементы идеализма. Все это в соединении с теологическим термином «бог», употребленным Спинозой как синоним природы, придает его учению некоторый религиозный налет. Но это не дает все же основания считать его философией пантеизмом, т. е. особым видом идеализма.

Тов. Луначарский в книге «От Спинозы до Маркса» видит в философии Спинозы «религиозное настроение пантеизма, этого великого мироощущения, которому действительно предстоит быть может, своеобразные возрождения»¹⁾ (разрядка наша. — В. и Т.).

По Луначарскому, природа Спинозы «вся насквозь оказывается священной». Главную прелесть философии Спинозы Луначарский видит в религиозном настроении Спинозы. «Вся прелесть, — говорит Луначарский, — вся эмоциональная сила спинозизма заключается в этом мироощущении, в глубокой радостной отдаче себя мировому океану. Поднявшись усилием разума до созерцания целого, человек забывает разорванное и частное. Замирают звуки земли: рев, хохот и стоны, шум битв, страстные мольбы, отчаянный протест; на высотах пантеизма все это превратилось в один величественный аккорд, в один широкий вздох неизмеримой всеблаженной груди»²⁾. Очищая спинозизм от материализма, возводя его в универсальную религию, Луначарский следует Лессингу, Гердеру и Гете, которые, пытаясь возродить философию Спинозы, придали ей религиозный характер.

В непростительном принижении материалистической философии Спинозы Луначарский доходит до того, что видит родство философии Спинозы с каббалой, считая Спинозу мистиком, богостроителем. «С невозмутимым челом, с трезвыми глазами, в сухой математической форме этот человек создал бога, столь головокружительно огромного, столь превосходящего природу, — с которой он и тождественен в то же время, — что человек перед этой бездной бездн, перед этим потоком сияния, на волнах которого, как щепочки, качаются пространство, время, теряет сомочувствие, поглощается, рассеивается. Какое страдание, личное или общественное, не омоется бесследно в бане духовной этого опьянения бесконечностью»³⁾.

Тов. Луначарский вместо того, чтобы отвести Спинозе историческое место в развитии материалистической мысли, «преклоняется перед святыней его».

Л. Аксельрод (Ортодокс) в своей интерпретации философии Спинозы в ряде статей («Спиноза и материализм», «Надоело», «Беспросветная путаница или диалектика наизнанку») предприняла попытку освободить философию Спинозы от материализма путем сведения ее к дуализму.

Аксельрод считает абсурдной материалистическую интерпретацию спинозовской субстанции. «Какой абсурд, — пишет Аксельрод, — утверждать, что субстанция Спинозы есть материя! Признать ее материей, значит структурировать такое странное существо: субстанция есть материя, один ее атрибут — материя, другой атрибут — мышление; а сверх того у этой субстанции, по Спинозе, предполагается еще бесконечное число прочих бесконечных атрибутов»⁴⁾.

¹⁾ Луначарский, От Спинозы до Маркса, «Нов. Москва», 1925, стр. 13.

²⁾ Там же, стр. 18.

³⁾ Там же, стр. 20.

⁴⁾ Аксельрод (Ортодокс), В защиту диалектического материализма, ГИЗ, 1928 г., стр. 48.

Стремясь найти абсурд в трактовке спинозовской субстанции как материи, Аксельрод приходит сама к абсурду, с одной стороны, утверждая, что субстанция Спинозы есть обожествленная закономерность, отделенная от вселенной, а с другой стороны, говоря о материалистическом характере философии Спинозы.

В философии Декарта бог, как известно, являлся самостоятельной метафизической сущностью, которая создала мир, дала ему первый толчок и установила связь между материальными и духовными субстанциями. Аксельродовская трактовка субстанции Спинозы, по существу дела, превращает ее в такую же теологическую сущность, какою являлся бог Декарта.

Правда, Аксельрод не дошла до того, чтобы признать в «боге» Спинозы индивидуум, личность, подобно богу разных религий. «Нет, от бога теологии, — говорит Аксельрод, — нет в учении Спинозы ни следа. Это фантастическое создание разрушено в самом основании»¹⁾.

Устранив возможность истолковывать учение Спинозы с точки зрения антропоморфизма, Аксельрод выдвигает свой тезис понимания спинозовского «бога». По мнению Аксельрод, Спиноза, отвергнув христианского бога, перенес религиозное чувство преклонения и благоговения на мировую закономерность. «Закон абсолютной необходимости, т. е. строжайшая закономерность, проникающая собою все явления, есть в системе Спинозы высший верховный закон, управляющий всей вселенной. Вот этот верховный абсолютный закон и есть «субстанция», или, что одно и то же, бог Спинозы»²⁾.

От Аксельрод мы узнаем, что у Спинозы, во-первых, «нет никакого бога вне вселенной»³⁾; во-вторых, что бог «остается каким-то отдельным от природы существом, лежащим в ее основе»⁴⁾; и в-третьих, что Спиноза отделяет закономерность вселенной от самой вселенной.

Спиноза перенес, говорит Аксельрод, «религиозное чувство преклонения на мировой порядок. Следствием этого религиозного преклонения явилась изоляция и отрыв мировой порядка, т. е. закономерности вселенной, от самой вселенной. Религиозное чувство гипостезировало самостоятельную сущность, закономерность, которая по существу не может быть оторвана от вселенной. Религиозное чувство создало таким образом из антирелигиозного начала отвлеченное существо, окрашенное религией»⁵⁾.

Таким образом, по Аксельрод, субстанция Спинозы, это — верховный закон, оторванная от вселенной закономерность, гипостезированная в самостоятельную сущность, неумолимый порядок, властвующий во вселенной. Это и есть истинный бог Спинозы.

Выходящая материалистическое содержание спинозовской субстанции, превращая ее в оторванную от мира божественную закономерность, Аксельрод уверяет нас, что Спиноза обожествляет не только «мировой порядок», но и самое материю. Аксельрод пишет: «Определяя материю как атрибут бога, Спиноза тем самым придал ей божественный характер. Это ясно, как солнечный день»⁶⁾.

Если все это так, то как быть со спинозовским утверждением, что субстанция есть *causa sui*, т. е. причина самой себя, с утверждением Фейербаха и Плеханова, что субстанция Спинозы есть природа, с утверждением Энгельса

¹⁾ Аксельрод, В защиту диалектического материализма, ГИЗ, 1928, стр. 28.

²⁾ Там же., стр. 24.

³⁾ Там же., стр. 29.

⁴⁾ Там же., стр. 22.

⁵⁾ Там же., стр. 29.

⁶⁾ Там же., стр. 23.

(спинозовское: субстанция есть *causa sui*, выражает прекрасно взаимодействие?)¹⁾.

Как ни странно, по схеме Аксельрод выходит, что верховный закон «отвлеченное существо» подвержено закону взаимодействия.

Аксельрод никак не может свести концы с концами. Обожествляя субстанцию Спинозы, отрывая ее от мира, она тем не менее считает, что заслуга Спинозы «состоит в том, что он исходный пункт, как таковой, субстанции, рассматривал как *causa sui*», говоря словами Энгельса: «мир должен быть объяснен из самого себя»²⁾.

Аксельродовская интерпретация субстанции Спинозы почти ничем не отличается от идеалистической, поскольку она сводит учение Спинозы к дуализму. Совершенно очевидно, что точка зрения, из которой исходит Аксельрод, будто субстанция не материя, а нечто отличное, оторванное от природы, — гипостезированная и «обожественная закономерность», превращает философию Спинозы в дуалистическое учение.

Вслед за Аксельрод т. Варьяш также рассматривает субстанцию Спинозы как «мировую всеобъемлющую закономерность в объективном смысле»³⁾.

Аксельрод и Варьяш в вопросе о субстанции как о закономерности всецело разделяют точку зрения идеалистов Г. Геффдинга и А. Богданова. Геффдинг утверждает, что субстанция Спинозы есть «начало закономерности всего существующего»⁴⁾. То же самое говорит и Богданов: «По существу бог или природа у Спинозы есть та всеобщая необходимость, которая скрыта за всеми явлениями, которая все их порождает и связывает, или, другими словами, их причинность»⁵⁾.

Превращая Спинозу в идеалиста и дуалиста, Аксельрод потратила много времени на обоснование идеалистической легенды о глубокой религиозности Спинозы. По Аксельрод, «Религиозным чувством обвеяны все произведения Спинозы, несмотря на строго рационалистический и геометрический метод аргументации. Видно, что культ Иеговы, в котором воспитался Спиноза, прочно овладел трогательно поэтической душой великого мыслителя. Центральная мысль иудаизма, что цель жизни и высшее благо есть служение и любовь к богу, не оставила философа-атеиста»⁶⁾.

В освещении Аксельрод Спиноза перед нами выступает не как атеист, а как поэтически настроенная натура с религиозной идеологией иудейства.

Общая характеристика учения Спинозы, данная Аксельрод, не вяжется с мнением Плеханова, на которого она ссылается. Плеханов, как мы увидим в дальнейшем, безоговорочно признавал Спинозу материалистом и даже переоценивал его материализм.

V

В философии нового времени в числе новых идей особенно выделяется проблема бесконечности, которая оплодотворила научную мысль. Николай Коперник, ярый противник геоцентрической системы Аристотеля и Птоломея, положил начало новому представлению о мире гелиоцентрическом, поставив солнце в центр мировой (солнечной) системы, утвердив положение, что солнце вращается вокруг земли, а наоборот, земля вокруг солнца

¹⁾ Ф. Энгельс, Диалектика природы, ГИЗ, 1930, стр. 17.

²⁾ Аксельрод, В защиту диалектического материализма, стр. 104.

³⁾ Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1-я, стр. 143.

⁴⁾ Геффдинг, Учебник новой философии, ГИЗ, стр. 65.

⁵⁾ Богданов, Философия живого опыта, изд. «Книга», 1925, стр. 65.

⁶⁾ Аксельрод (Ортодокс), В защиту диалектического материализма, ГИЗ, 1927, стр. 17.

Гелиоцентрическая система Коперника была воспринята Д. Бруно, однако на более высокой основе. Последний устранил существенные недостатки системы Коперника, придерживавшегося мнения о существовании планет мира, верившего в существование твердых сфер, к которым прикреплены планеты. Если для Коперника границей мира является сфера неподвижных звезд, то Д. Бруно, выдвинувший учение о множестве миров, доказывает бесконечность, бесконечность мира, бесконечность пространства.

Мысль о бесконечности миров встретила ярое противодействие со стороны теологов. Особую ненависть теологи проявляют по отношению к Д. Бруно и Б. Спинозе, которые решительно провозглашают принцип бесконечности.

Спинозовское учение о бесконечности природы не оставляет для бога ни места, ни дел в ней. Проблемы соотношения субстанций и модусов, свободы и необходимости, вечности и длительности в философии Спинозы являются теснейшим образом связанными с проблемой бесконечности.

Уже одним тем, что Спиноза выставляет субстанцию причиной самой себя (*causa sui*) как самостоятельной бесконечной сущности, Спиноза наносит серьезный удар теологии, изгоняя всякие внемировые причины, что является величайшим диалектическим моментом. Энгельс, рассматривая естествознание XVIII века с его идеей о целесообразности, пишет: «Нужно считать огромным достоинством и честью тогдашней философии, что она не поддалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего».

Выставляя принципы *causa sui*, Спиноза бьет по теологам и идеалистам-метафизикам, не допускающим *causa sui*. Например Шопенгауэр пишет: «Своей стороны вижу в *causa sui* только *contradictio in adiecto*»¹⁾. Для Шопенгауэра *causa sui* напоминает того смельчака, который желает вытащить из болота себя за свои собственные волосы. Хотя Спиноза является механистом, однако своим принципом *causa sui* он бьет по таким механистам-материалистам, которые, так же как идеалисты-метафизики, не будучи в состоянии понять актуальную бесконечность природы, выставляют в качестве первоначальной причины движения инертной мертвой материи первоначальный толчок.

Спиноза не дуалист, а материалист, признающий материальную субстанцию, реальную природу, материю. Под субстанцией Спиноза понимает «сущность чего заключает в себе существование, иными словами то, чья природа может быть помыслена не иначе, как существующей»²⁾. Субстанция есть имманентная причина всех вещей, она первична, сознание—только ее атрибут. «Вне ума,—пишет Спиноза,—нет ничего кроме субстанций и их модусов»³⁾.

Субстанция Спинозы не есть оторванная от мира закономерность, «сверховый абсолютный закон», как утверждает Аксельрод. Если бы это было так, то Спинозу необходимо было бы причислить к дуалистам. Природа, материя и закономерность не оторваны друг от друга, а выражают единство природы. Бог—субстанция Спинозы—действует по законам собственной природы, не нуждаясь ни в каком потустороннем вмешательстве, «сверховом законе» вселенной.

¹⁾ «Противоречие в определенном слове», например в таких выражениях, «круглый квадрат», «деревянное железо». В данном случае, по мнению метафизика Шопенгауэра, противоречиво говорить о причине самого себя, ибо всякая причина, с его точки зрения, есть причина чего-нибудь другого, а не себя.

²⁾ Спиноза, Этика, стр. 1.

³⁾ Там же, стр. 4.

Обратимся теперь к самому слову—бог. Употребляемое Спинозой в рядном количестве слово бог кое-кому вскружило голову и сбивало с толку не одного исследователя философии Спинозы, в особенности тех, кто не желает видеть в Спинозе материалиста. Мы видели, что бог Спинозы есть не что иное как субстанция, на которую Спиноза наклеивает ярлычок — «бог».

В системе философии Спинозы не остается места богу. Дидро говорит об «Этике» как о произведении, в котором Спиноза «погружает читателя в пучину атеизма».

Фейербах утверждает, что Спиноза придает однозначный смысл словам «природа» и «бог»¹⁾. По Марксу, спинозовская субстанция есть «метафизически переодетая природа в ее оторванности от человека»²⁾. Плеханов в этом вопросе всецело присоединяется к Фейербаху. «Спинозизм, — пишет Плеханов, — обычно истолковывается теперь в идеалистическом смысле. Но Фейербах смотрел на учение Спинозы совсем иными глазами. На вопрос, не же самым поставленный, «чем оказывается при внимательном рассмотрении то, что Спиноза логически или метафизически называет субстанцией, а теологически—богом?», он отвечает: «не чем иным, как природою»³⁾ (рядка наша.—В. и Т.).

Словесно солидаризуясь с Плехановым, Аксельрод повторяет ходячую и тривиальную критику Спинозы, что субстанция Спинозы не природа, а верховный закон вселенной.

Для правильного понимания учения Спинозы необходимо считаться с теми условиями, в которых жил Спиноза. Господствующее место занимаемая теология, и поэтому вражда теологов против тех, кто был не согласен с водами теологии, не позволяла открыто выявлять свои идеи. Вражда теологов против Спинозы заставляла его смягчать выражения и облекать в теологический костюм свои атеистические воззрения. Итак, одной из причин, заставивших Спинозу нарядить свое учение в теологический костюм, являлась боязнь подвергнуться преследованию со стороны всемогущей в то время церкви. Еще не изгладились в памяти участи Бруно, Кампанеллы, Галилея. Необходимо было развить свои взгляды с большой осторожностью. «Подозрительность ко всему новому, — говорит Спиноза, — свойство нашего века». И боясь преследований, он просил своих друзей быть «чрезвычайно осторожными». Только посвященным он показывал свои работы, не торопясь с их изданием...

Что опасность была, видно из того факта, что когда вышел безымянный «Теологико-политический трактат», то он вызвал взрыв негодования со стороны теологов, которые добились запрещения этой книги. Нападки на Спинозу помешали ему издать подготовленную для печати «Этику», которая была издана лишь после смерти Спинозы.

Но не только эти причины побудили Спинозу нарядить свою философию в теологическую оболочку. Было бы неправильным рассматривать вопрос с точки зрения боязни Спинозы перед властью всемогущей церкви. Не забывать, что Спиноза был представителем нового класса—буржуазии, и в своих произведениях проявлял значительную смелость мысли, что видно хотя бы из «Теологико-политического трактата». Сам по себе факт разрыв Спинозы с еврейством показывает, что Спиноза был не из робких людей.

Следовательно не в боязни необходимо искать причин, заставлявших Спинозу облечь свое учение в теологический костюм. Нам кажется, что за употребление словом бог вместо субстанции было до некоторой степени сознательным, чтобы быть понятным современниками. Спиноза пользовался

¹⁾ Фейербах, Собр. соч., ГИЗ, т. III, стр. 98.

²⁾ Die metaphysisch-travestierte Natur in der Trennung vom Menschen. Сб. XII, 68—70.

³⁾ Плеханов, Собр. соч., т. XVIII, стр. 167.

терминологией своей эпохи, но влил новое содержание в старые слова. Одним из таких слов было слово «бог», без которого в ту эпоху не обходился ни один мыслитель. Над XVII столетием тяготело еще тяжелое наследие средних веков. В средние века и в начале нового времени «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму» (Энгельс). В известной форме это применимо и к терминологии Спинозовской философии. Слово «бог» у Спинозы было лишь словесным выражением для нового содержания. Что это так, видно из того, что сам Спиноза часто сбивается на слово «бог», представляя вместо него субстанцию или природу, т. е. то новое содержание, которое вложил Спиноза в обычное слово «бог».

Но рядом с этими объяснениями особое значение имеет рассмотрение теологических привесков, действительных, а не выдуманных недостатков философии Спинозы. В своем учении о субстанции Спиноза нанес могущественный удар господству теологического мировоззрения, но на его собственном учении лежит еще печать средневековой философии и по содержанию и по форме—по терминологии. Не соглашаясь с теми, кто под термином «бог» понимает не псевдоним природы, а отличное от природы существо или гипостазированный верховный закон, не следует однако забывать, что эта терминология являлась отражением непоследовательности материализма Спинозы. Плеханов неправ, полагая, что «теологический привесок» философии Спинозы заключается только в одном употреблении им слова «бог». Теологический привесок есть нечто большее, чем просто терминология. Дело не только в том, что природу Спиноза величает богом, а в том, что он еще не избавился от старых метафизических представлений. В философии Спинозы кроме термина «бог» имеется еще ряд теологических моментов. Укажем хотя бы на его учение о бесконечном множестве атрибутов и на его понятие бесконечного интеллекта. В письме 32 Спиноза говорит, что «человеческая душа есть часть некоторого бесконечного интеллекта».

VI

Спиноза как представитель буржуазии является идеологическим застрельщиком разрушения идеологических устоев феодального общества. Средневековая схоластика и религия составляли одно целое. Идеализм опирался на религиозный взгляд на природу, сводя действительный мир к сверхестественному. Новый класс—буржуазия,—стремясь к овладению производительными силами, должен был возвеличить природу, поскольку развитие материальных производительных сил требовало развития познания природы, овладения ею, установления над нею господства человека.

Спиноза как представитель нарождающейся буржуазии поднимает значение природы в интересах развития производительных сил буржуазного общества. Реабилитация природы через преодоление средневекового мировоззрения является характерной чертой не только философии Спинозы, но и всей новой философии.

По Фейербаху, «спинозовская философия есть теологический материализм»¹⁾.

Характеризуя так философию Спинозы, Фейербах бесспорно впадает в преувеличение, ибо, во-первых, неприемлема характеристика материализма как теологического; во-вторых, отсюда должен неминуемо вытекать вывод о «двойственной истине» в философии Спинозы.

Оставаясь верным определению Маркса, данному им в «Святом семействе», философии Спинозы как метафизической, следует показать, в чем заключается метафизичность системы Спинозы.

¹⁾ Фейербах, Собр. соч., т. I, стр. 106.

Прежде всего необходимо указать, что Спиноза не преодолел в полном объеме схоластической средневековой философии. Ряд понятий, присущих средневековой философии, просачивается в философию Спинозы в качестве чуждых для материализма моментов. Устранив бога, Спиноза не освободился от известного обожествления природы. «Я все же не знаю, — пишет Спиноза, — почему бы материя была недостойна божественной природы»¹⁾. Оставаясь верным этому положению, Спиноза наделяет природу частью тех предикатов, которые относились в средневековой схоластике, к богу. Такие предикаты бога, как вечность, бесконечность, всеединство, неограниченность, неделимость, самопричина, всеовершенство, реальность, перенесены Спинозой на природу. Наоборот Спиноза списал со счета средневековой схоластики такие предикаты, которые, несмотря на обожествление им природы, не могли относиться к ней, но присущи по учению теологов богу, а именно: бог—творец мира, обладающий волей, разумом и целеустремленностью. «В учении Спинозы, — пишет Плеханов, — был однако тот недостаток, что природа приняла в нем вид отвлеченного, метафизического существа. Действия природы излагаются, как действия бога»²⁾.

Но не только в этом метафизичность философии Спинозы. Субстанция Спинозы является природой, но, как указывает Маркс, «метафизически переодетой (travestierete) природой».

Субстанция Спинозы дана в спекулятивной форме. Спиноза почти нигде не ссылается на эмпирическую действительность и все содержание своего учения выводит чисто логически, умозрительно и отвлеченно.

Отсюда ни в коем случае не следует, как утверждает Варьяш, что субстанция Спинозы оказывается «подновленным древнееврейским понятием бога»³⁾.

Фейербах, определяя философию Спинозы как «теологический материализм», подчеркивая свое несогласие со Спинозой, в то же время указывает на положительную сторону учения Спинозы о субстанции как природе.

Фейербах пишет: «Я разумею вообще под природой... подобно Спинозе не существо, живущее и действующее, будучи наделенным волей и разумом, как сверхестественный бог, но только существо, действующее сообразно необходимости своей природы; однако оно для меня не бог, как для Спинозы, т. е. не одновременно сверхестественное, сверхчувственное, отвлеченное, тайное существо, но существо многообразное, человеку доступное, действительное, всеми чувствами воспринимаемое»⁴⁾.

В вопросе о движении Спиноза не дошел до понимания движения как атрибута материи, признавая движение только как бесконечный модус первого рода. Однако в этом вопросе Спиноза сделал шаг вперед в сравнении с Декартом, для которого движение было только простым модусом. Громаднейший недостаток учения Спинозы о движении был восполнен Толландом, а затем и французскими материалистами, признавшими основным и необходимым свойством материи наряду с протяженностью и движение.

Дальше субстанция Спинозы находится вне времени и последнее относится только к *natura naturata*, конечным вещам, а не к самой субстанции. «В самом деле, — пишет Спиноза, — такое существование, так же как сущность вещи, представляется вечной истиной и вследствие этого не может быть объяснено как продолжение или время, хотя и продолжение может быть представляемо не имеющим ни начала, ни конца»⁵⁾.

¹⁾ Спиноза, Этика, стр. 25.

²⁾ Плеханов, Собр. соч., т. XVIII, стр. 167.

³⁾ Варьяш, История новой философии, т. 1, ч. 1-я, стр. 188.

⁴⁾ Фейербах, Собр. соч., т. XIII, ГИЗ, стр. 99.

⁵⁾ Спиноза, Этика, стр. 2-3.

Поскольку время неотнормировано к субстанции, Спиноза сбивается на субъективность времени. Однако, утверждая объективность времени в мире модусов, Спиноза и здесь делает шаг вперед в сравнении с Декартом, для которого время есть лишь модус мышления.

Поскольку субстанция Спинозы дана в спекулятивной форме, без разграничения во времени, как нечто неизменное и не имеющее истории, философия Спинозы является метафизическим учением о природе, метафизическим в обоих смыслах этого слова. В первом смысле слова Спиноза является метафизиком, потому что его субстанция представляет собою абстрактную сущность, «абстрактную материю без материи» (Фейербах), «метафизически периферийную природу» (Маркс), и за эту метафизичность спинозовского учения в природе Маркс ставит Спинозу рядом с метафизиками XVII столетия — Декартом, Мальбраншем и Лейбницем.

«Французское просвещение, а в особенности французский материализм XVIII столетия, — пишет Маркс, — представляет собою не только борьбу против существующих политических учреждений, религии, теологии, но также открытую, ясно выраженную борьбу против метафизики XVII столетия и против всякой вообще метафизики, против метафизики Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница»¹⁾.

Во втором смысле слова Спиноза является метафизиком потому, что философия его в основном антидиалектична, несмотря на то, что у него имеются бесспорно блестящие элементы диалектики, на что указывает Энгельс, говоря, «что философия нового времени, хотя и в ней диалектика имела более блестящих представителей (например Декарт и Спиноза), все более и более утверждалась (благодаря английскому влиянию) в так называемом метафизическом образе мышления»²⁾. Диалектическими моментами у Спинозы являются его учение о *causa sui*, отрицание внешних по отношению к миру причин, намечающийся переход от бесконечного к конечному. Диалектические моменты имеются также в учении Спинозы о душе, как идеи человеческого тела. Спиноза кое-где стихийно выходит за пределы формальной логики, устанавливая принцип всеобщей связи и единства вещей, но будучи представителем механистического, метафизического метода мышления, он никогда не «порвал с формально логическим методом познания», как это утверждает меньшевистствующий идеалист Тымьянский.

Вследствие метафизического характера своего мышления Спиноза не в силах был разрешить один из центральных вопросов своей философии — вопрос об отношении между бесконечным и конечным, между субстанцией и модусами. Когда Чирнгаус обратился к Спинозе с просьбой показать, как из атрибута протяжения может быть выведено конкретное разнообразие вещей, то Спиноза принужден был признать свою несостоятельность в этом вопросе. «Я до сих пор, — пишет он Чирнгаусу, — не имел возможности привести в надлежащий порядок то, что имеет отношение к этому вопросу» (письмо 83).

В системе Спинозы нет диалектического единства бесконечного и конечного. Однако нельзя согласиться с утверждением Куно-Фишера, что «между субстанцией и модусом есть пропасть, неравенство, дающее начало новому дуализму»³⁾, ибо в философии Спинозы нет абсолютной пропасти, разрыва между бесконечным и конечным, поскольку он все же с помощью

¹⁾ Маркс-Энгельс. Собр. соч., т. III, стр. 153.

²⁾ Энгельс, Анти-Люринг, ГИЗ, 1928, стр. 14.

³⁾ Куно-Фишер, Спиноза, стр. 579—580.

атрибутов соединяет модусы с субстанцией. «Субстанция, — пишет Спиноза, — по самой своей природе предшествует своим акциденциям, ибо без нее последние не могут ни существовать, ни быть познаваемы»¹⁾. Поскольку модусы для Спинозы являются только модификацией субстанции, Спиноза становится на диалектическую точку зрения. Но несмотря на наличие элементов диалектики, проблема единства бесконечного и конечного переходит от субстанции к модусам Спинозой не разрешена, и у него получается некоторый отрыв субстанции от конечных вещей. В «Науке логики» Гегель пишет: «У Парменида, как и у Спинозы, не может быть перехода от бытия или абсолютной субстанции к отрицательному, конечному». Выписывая эти слова Гегеля, Ленин замечает, что у самого Гегеля этот переход достигается путем введения понятия «становления» (Werden), как единства или нераздельности «бытия» и «ничто». У метафизика Спинозы отсутствовала категория становления. У Гегеля эта категория дана в идеалистическом, т. е. извращенном виде. Ленин по поводу этого места намечает такое разрешение проблемы: «Абсолютное и относительное, конечное и бесконечное — части, ступени одного и того же мира»²⁾.

Маньковский относится к этому вопросу иначе: утверждая, что «Спиноза органически связывает бесконечное с конечным... сумел диалектически увязать понятия конечного и бесконечного»³⁾.

Маньковский переоценивает Спинозу. Мы видели, что Спиноза не сумел дать диалектического разрешения этой проблемы.

Элементы отрыва субстанции от модусов придают спинозовской субстанции некоторый теологический привкус, делают ее отвлеченной метафизической сущностью, находящейся вне времени, застывшей и неподвижной. Это и дает право поставить Спинозу в ряд таких метафизиков, как Декарт, Мальбранш, Лейбниц. Однако между ними и Спинозой имеется существенная, принципиальная противоположность. Декарт, Мальбранш, Лейбниц — метафизики-идеалисты, признающие бога, Спиноза — метафизический материалист и атеист, хотя и не вполне последовательный.

Механисты и меньшевистствующие идеалисты, извращая исторического Спинозу, превращают его теорию познания в подлинно материалистическо-сенсуалистическую.

Аксельрод, превращая Спинозу в дуалиста в области онтологии, категорически утверждает, что в философии Спинозы «строго материалистической является... теория познания там, где Спиноза исходит из принципа механизма»⁴⁾. Маньковский старается возвести Спинозу в материалистического сенсуалиста, утверждая, что «в вопросе происхождения нашего знания Спиноза стоит на материалистической точке зрения. Все знание является результатом воздействия природы на наши внешние чувства»⁵⁾. Чучмарев в своей книге «Материализм Спинозы» вслед за меньшевистствующими идеалистами, переоценивая материализм Спинозы, не указывая нигде на интуитивное познание у Спинозы, говорит о «материалистической теории познания Спинозы, провозглашавшей единство теории и практики, и согласно которой опыт и чувства были признаны единственными источниками научного знания»⁶⁾.

Не вызывает никакого сомнения, что рационалистическая теория познания Спинозы не исключала чувственного познания. Спиноза считает, что условием восприятия внешних предметов является воздействие этих предметов

¹⁾ Спиноза, Переписка, письмо 4, 1661 г.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 62.

³⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, ГИЗ, 1930, стр. 91, 93.

⁴⁾ Аксельрод, В защиту диалектического материализма, ГИЗ, 1928 г., стр. 30.

⁵⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, ГИЗ, 1930, стр. 152.

⁶⁾ Чучмарев, Материализм Спинозы, 1927 г., стр. 132.

на человеческое тело. Однако, по Спинозе, посредством чувств возможно познать только случайные признаки вещи, которые отнюдь недостаточны для истинного познания. Этот род познания не абсолютно ложен, но он не отвечает требованиям истинного, адекватного познания, поэтому он занимает подчиненное место в теории познания Спинозы.

Считая познание через чувственное восприятие недостаточным способом познания и не исключая его, Спиноза делает упор на то, что это не подлинное познание, поскольку оно не дает абсолютного, полного познания истины, познания сущности.

Прав Спиноза, когда он не хочет остановиться на познании отдельных фактов, на восприятии отдельных вещей (модусов), доступных чувственному познанию.

Спиноза утверждает, что чувственным познанием не исчерпывается все познание вещей. Необходимо пойти в познании дальше, проникнуть в сущность, найти взаимную связь их. Здесь на помощь должна прийти деятельность разума. Однако, выдвигая разум в качестве орудия познания, Спиноза придал ему роль самодовлеющего инструмента познания, оторванного от чувственного познания.

Абсолютизовав рациональное познание, Спиноза как метафизик не смог найти перехода от познания конечного к познанию бесконечного, от ощущения к мышлению, от единичного к всеобщему, ибо всеобщее, сущность, по Спинозе не воспринимается через органы чувств, а доступно одной бесчувственной интуиции как исключительно достоверному виду познания.

Установив последовательный перечень видов познания: чувственное познание, разумное и интуитивное, Спиноза разорвал связь и единство между чувством и разумом. Поскольку у Спинозы нет диалектической связи между чувственным познанием и понятием, он не сумел дать движения познания от отдельной вещи к понятию субстанции, бесконечности и т. д.

При познании бесконечного диалектический материализм, не отрываясь от чувственного познания, идет от познания конечного к бесконечному.

Энгельс показывает путь познания бесконечного через конечное, как сферы нашего чувственного восприятия. «Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство! Точно время есть не что иное, чем сумма часов, а пространство не что иное, чем сумма кубических метров»¹⁾.

Основные недостатки теории познания Спинозы заключаются в рационалистическом учении о познании, в выпячивании «чистого интеллекта», в отрыве разума от чувственного опыта, в низведении этого последнего на степень смутного «воображения», в созерцательном, рациональном критерии истины, во введении мистической сверхчувственной интуиции. В целом теория познания Спинозы—рационалистическая.

VII

Учение Спинозы об атрибутах подтверждает материалистическую интерпретацию философии Спинозы. Субстанция у Спинозы—это единство противоположных качеств. Атрибуты являются этими противоположными качествами, которые и выражают сущность субстанции.

Гегель в своей интерпретации учения Спинозы об атрибутах подделывает последнего под Канта, считая, что атрибуты у Спинозы не выражают объективного бытия субстанции, а привносятся интеллектом. Действительно имеются места в сочинениях Спинозы, которыми можно воспользоваться как поводом к такой трактовке вопроса об атрибутах. В части первой «Этики» в четвертом определении сказано: «Под атрибутом я

¹⁾ Архив Маркса-Энгельса. кн. 2-я, стр. 151.

разумею то, что интеллект представляет в субстанции, как составляющее ее сущность»¹⁾.

Такого же рода высказывание имеет место и в переписке Спинозы. Оно гласит: «Под атрибутом я разумею то же самое (что и под субстанцией.— В. и Т.), с тем только различием, что атрибутом это называется по отношению к интеллекту, приписывающему субстанции такую именно определенную природу»²⁾.

Однако сделать из этого вывод, что у Спинозы атрибуты — априорные формы сознания, будет неправильно. В своем учении об атрибутах Спиноза везде подчеркивает, что атрибуты выражают сущность субстанции, являются конкретизацией содержания понятия субстанции.

Если Гегель подделывает Спинозу под Канта, то наши механисты в своей трактовке учения Спинозы о субстанции и атрибутах сводят его учение к идеализму. Они рассматривают субстанцию Спинозы как неопределенное бытие, абстрактное единство. Между тем сам Спиноза неоднократно подчеркивает, что имеется два познаваемых атрибута — протяжение и мышление, которые выражают сущность субстанции. «Надо заметить, — пишет Спиноза, — что вообще в нас ничего нет такого, что бы мы не имели возможности познать. Поэтому если мы открываем в себе только действия мыслящей вещи и действия протяжения, то мы можем с уверенностью сказать, что в нас ничего больше нет»³⁾.

Существенный недостаток в учении Спинозы представляет его утверждение о «бесконечно многих атрибутах, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность»⁴⁾. Это утверждение Спинозы ничего общего не имеет с положением диалектического материализма об исторически развивающейся материи. Не допуская ограничительных определений природы, Спиноза приписывает субстанции-природе бесконечное количество атрибутов, из которых познаваемы только два — протяжение и мышление. Этим он сбивается на средневековую схоластическую философию, для которой в определении бога не допускалось никаких ограничительных определений. Учение о бесчисленных атрибутах является теологическим привеском, известным мистическим налетом в системе Спинозы.

Плеханов, правильно устанавливая, что «бог» в системе Спинозы не что иное, как теологический привесок, не поставил вопроса о том, что таким же теологическим привеском является и учение Спинозы о бесконечных атрибутах. Механисты и меньшевистствующие идеалисты стараются объяснить смысл спинозовских бесконечных атрибутов. Маньковский например считает, что бесчисленные атрибуты означают, что материя в своем развитии проявляет все новые и новые качества:

«Многие считают, — пишет Маньковский, — крупным недостатком Спинозы то, что, говоря о бесконечном количестве атрибутов субстанции, он называет только два из них. Но кто их может назвать?»

Ведь история природы не закончена. То, что считают недостатком Спинозы, на самом деле является его достоинством. Не допуская акта творения, Спиноза должен был предусмотреть возможность появления в процессе развития природы новых качеств, или, по его терминологии, новых сущностей»⁵⁾.

Другие представители меньшевистствующего идеализма просто обходили молчанием вопрос о бесконечных атрибутах у Спинозы.

¹⁾ Спиноза, Этика, стр. 2.

²⁾ Спиноза, Письмо 9.

³⁾ Спиноза, Краткий трактат, стр. 158.

⁴⁾ Спиноза, Этика, стр. 2.

⁵⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, ГИЗ, 1930, стр. 97.

Своим толкованием бесчисленных атрибутов в философии Спинозы Маньковский хочет превратить метафизического материалиста Спинозу в материалиста диалектического и бесцеремонно подсовывает ему принцип развития природы. Между тем в действительности Спиноза усиленно подчеркивает, что все атрибуты от вечности составляют сущность субстанции, вневременны и неизменны. Приписывая Спинозе то, чего у него нет, подделывая его под диалектического материалиста, Маньковский и другие меньшевистствующие идеалисты извращают историю философии и одновременно с этим извращают диалектический материализм.

Такое же извращение, но с другого конца, мы имеем и у механистов. Механист Варьяш, рассматривая вопрос о бесконечном интеллекте у Спинозы, толкует его не как теологический привесок, а находит, что он является третьим атрибутом субстанции, атрибутом «самосознания»¹⁾. Если бесконечный интеллект явился бы у Спинозы третьим атрибутом, атрибутом самосознания, то это должно было бы обрадовать идеалиста Гегеля, ибо, как известно, Гегель критикует Спинозу именно за то, что в его системе не нашло места самосознание.

Истолковывая спинозовский «бесконечный интеллект», как самосознание, Варьяш превращает Спинозу в идеалиста.

Заслуга Спинозы заключается в том, что он в основном преодолел дуализм Декарта. Низложив мыслящую субстанцию Декарта до положения атрибута, Спиноза объявил мышление вечным свойством материи. Заслуга Спинозы заключается в том, что он, преодолев мыслящую субстанцию Декарта, не встал на точку зрения вульгарного материализма, непосредственно сводящего психическое к физическому, и подчеркнул качественное своеобразие мышления как особого свойства материи. Однако, поскольку субстанция Спинозы одновременно телесная и духовная, то стало быть и вся природа наделяется всеобщей одушевленностью. Это гилозоическое мировоззрение представляет один из существенных недостатков учения Спинозы, проистекающий из механической методологии Спинозы, так как он рассматривает все качественные изменения как увеличение или уменьшение уже существующего предположенного качества.

Меньшевистствующие идеалисты в своем стремлении подкрасить Спинозу под диалектического материалиста пытаются показать, что учение Спинозы об атрибутивности мышления не расходится со взглядами французских материалистов, Плеханова, Энгельса и Ленина. Что касается взглядов французских материалистов, то известно, что они в большей или меньшей мере признавали теорию всеобщей одушевленности материи и в этом вопросе солидаризуются со Спинозой. «Спиноза, Ламеттри, Дидро,—пишет Плеханов,—думали, что материя всегда обладает сознанием, хотя только при известной ее организации сознание достигает сколько-нибудь значительной степени интенсивности»²⁾.

Что касается Плеханова, то он, излагая взгляды французских материалистов и Спинозы по вопросу об атрибутивности мышления, сам сбивается на точку зрения всеобщей одушевленности материи, рассматривая переход от неорганизованной материи лишь как количественное изменение. Наоборот, Энгельс, Ленин нигде не говорят, как это утверждали Дидро и Плеханов, будто камень «мыслит», а строго придерживались того взгляда, что ощущение, мысль, сознание не представляют собою вечного атрибута материи, а возникают на определенной ступени биологического развития как высший продукт особым образом организованной материи. Достаточно здесь напомнить два указания Ленина на этот счет из «Материализма и эмпири-

¹⁾ Варьяш, История новой философии, т. I, стр. 176.

²⁾ Энгельс, Л. Фейербах, Предисловие Плеханова, стр. 9.

критицизма»: «Органическая материя,—говорит Ленин,—есть явление поздне-нейшее, плод продолжительного развития. Значит не было ощущающей материи, — не было никаких «комплексов ощущений», никакого Я, будто бы «неразрывно» связанного со средой, по учению Авенариуса. Материя есть первичное—мысль, сознание, ощущение—продукт очень высокого развития»¹⁾. «Ни один сколько-нибудь образованный и сколько-нибудь здоровый человек не сомневается в том, что земля существовала тогда, когда на ней не могло быть никакой жизни, никакого ощущения»²⁾.

Что сознание является свойством особо организованной материи в этом смысле как особый атрибут существенное, неотъемлемое свойство материи,— это положение не может быть предметом разногласий. Только тогда, когда мы имеем психическое как особое свойство высокоорганизованной материи, возможно употреблять выражение — мышление как атрибут. В неорганической же природе потенциально заложена способность возникновения на определенной ступени развития нового качества — мышления. «В природе материи, — пишет Энгельс, — заключено то, что она приходит к развитию мыслящих существ, и поэтому такое развитие совершается необходимым образом всегда, когда имеются налицо соответствующие условия, поэтому не необходимо повсюду и всегда»³⁾.

Маньковский напр. для установления единства взглядов между Спинозой, с одной стороны, Энгельсом—Лениным, — с другой, находит, что и Спиноза «тоже считает, что жизнь и мысль проявляются не всюду и всегда, но лишь при известных условиях организованной материи»⁴⁾. Если бы это было так, то вопрос возможно было бы считать исчерпанным. Однако исторический подход требует рассмотрения отдельных философских систем не через желаемое, а такими, каковы они в действительности. Маньковский в своем усердии подвести философию Спинозы под диалектический материализм ставит вопрос о всеобщей одушевленности в учении Спинозы и, хуже того, старается показать, что положение Ленина: «в фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать существование способности сходной с ощущением»⁵⁾— дано уже Спинозой. «Спиноза,— пишет Маньковский,— понимает атрибутивность мышления в смысле возможности появления при соответствующих условиях и человеческого разума»⁶⁾.

Маньковский не одинок в такой трактовке учения Спинозы о мышлении. Он имеет достойных предшественников в лице Деборина и Карева, старающихся смазать всеобщую одушевленность природы в учении Спинозы и приписать точку зрения Спинозы на мышление как вечный атрибут материи Энгельсу и Ленину. Развивая взгляды Энгельса, что «в природе материи заключено то, что она проходит к развитию мыслящих существ», Деборин заявляет: «Точка зрения Энгельса в основном совпадает с точкой зрения Спинозы»⁷⁾. Или Деборин пишет, что Плеханов и Энгельс «утверждают, что «мысль и протяжение не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции», присоединяясь в этом вопросе целиком к Спинозе»⁸⁾ (разрядка наша. — В. и Т.).

Нетрудно заметить, что в вышеприведенной цитате из Энгельса мы имеем диалектическую постановку вопроса. Энгельс рассматривает мышление как продукт высокоорганизованной материи, возникающий в силу зако-

¹⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, ГИЗ, 1920, стр. 68.

²⁾ Там же, стр. 71.

³⁾ Архив Маркса-Энгельса, кн. 2, стр. 81.

⁴⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, стр. 113.

⁵⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 37.

⁶⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, стр. 86.

⁷⁾ Деборин, Очерки по истории материализма XVII—XVIII вв., стр. 79.

⁸⁾ Деборин, Ревизионизм под маской ортодоксии, «ПЗМ», № 9, 1927 г.

нов, присущих материи. Энгельс отрицает взгляд о вечности атрибута мышления, ибо это целиком приводит к панпсихизму, к вынужденному признанию, что неорганические вещества обладают восприятием или сознанием, что камень «мыслит».

Энгельс, а вслед за ним и Ленин, развивают ту мысль, что в неорганической материи происходит лишь подготовка психического. Как нам известно, ни Энгельс, ни Ленин нигде не проповедывали гилозоизм. Наоборот, Спиноза воскрешает гилозоизм ионийской школы древних материалистов. Спиноза в своем признании мышления как вечного и неизменного атрибута субстанции неминуемо пришел к всеобщей одушевленности природы. Исходить же из допущения, что вся материя одушевлена, значит предполагать, что все вещи (камень, вода, земля и т. д.) обладают способностью ощущения, мышления.

Извращая исторического Спинозу в вопросе о всеобщей одушевленности, меньшевистствующие идеалисты не допускают и мысли об элементах психофизического параллелизма в философии Спинозы, забывая о том, что признание мышления вечным и неизменным атрибутом субстанции способно привести к точке зрения психофизического параллелизма. По мнению Маньковского «Никакого психофизического параллелизма в теории Спинозы нет»¹⁾. В то же самое время Маньковский приводит теорему Спинозы: «Ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему другому»²⁾. Кроме приведенной теоремы Маньковский указывает еще на ряд подобных рассуждений у Спинозы.

Мы отнюдь не склонны признавать вместе с Аксельрод, что «... в онтологическом, а также неизбежно и в гносеологическом смысле учение Спинозы в основных предпосылках являет собою неподвижный и безысходный параллелизм»³⁾ (разрядка наша. — В. и Т.).

Говоря о безысходном параллелизме в философии Спинозы, Аксельрод повторяет Петцольда, Челпанова и др., которые превращают учение Спинозы в психофизический параллелизм, утверждая, что у Спинозы физические и психические процессы совершенно независимы друг от друга. Отвергая утверждения о равноправии и взаимной независимости атрибутов протяжения и мышления, «неподвижный и безвыходный параллелизм», мы однако не можем согласиться и с меньшевистствующими идеалистами, которые не желают вскрыть непоследовательность спинозизма в этом вопросе. Разбирая проблему души и тела в философии Спинозы, мы находим элементы психофизического параллелизма, имеющиеся у него, несмотря на то, что он материалистически разрешает проблему отношения бытия к мышлению. Не кто иной как сам Спиноза утверждает, что «порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей»⁴⁾, или «никто однако не будет в состоянии адекватно и отчетливо понять единство (тела и души. — В. и Т.), если наперед не приобретет адекватного познания о нашем теле»⁵⁾. Из положения Спинозы, что «порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей», видно, что для Спинозы реально существующие протяженные вещи познаются нами и что здесь суть выражения реально существующих вещей.

Декарт наряду с протяженной субстанцией признавал еще независимую от протяженности самостоятельную духовную субстанцию. Спиноза, не соглашаясь с Декартом, устанавливает понятие единой субстанции с атрибутами протяжения и мышления. По Спинозе, материя и дух или тело и душа не две

¹⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, стр. 157.

²⁾ Спиноза, Этика, стр. 145.

³⁾ Аксельрод, В защиту диалектического материализма, стр. 29.

⁴⁾ Спиноза, Этика, стр. 70.

⁵⁾ Там же, стр. 81.

различные субстанции, не две различные сущности, а одна и та же сущность, рассматриваемая с различных сторон, или два свойства одной и той же сущности.

Установив понятие о душе как об одном из атрибутов субстанции, Спиноза очистил философию от анимизма. Душа, по Спинозе, не обитает и не действует в теле отдельно. На вопрос Гуго Боксея, может ли тело существовать без души, так и душа без тела,—Спиноза отвечает, что этот вопрос считает абсурдным. Он пишет (письмо 54): «Скажите, пожалуйста, не будет ли в такой же мере правдоподобно заключение о существовании памяти, слуха, зрения и т. п. без тела — на том основании, что есть тела, не имеющие памяти, слуха, или заключение о существовании шара без круга на основании того, что существует круг без шара?».

Считая, что мышление есть свойство материального существа, что душа есть идея тела, Спиноза был далек от того, чтобы свести мышление к протяженности.

В ответ на вопрос Ольденбурга о том, что такое мысль: «телесное ли движение или некоторый духовный процесс, совершенно противоположный процессу телесному», Спиноза отвечает следующим образом: «Вы говорите быть может мышление есть телесный процесс. Допустим, хотя я этого не признаю. Но одного вы не станете отрицать: что протяжение, как таковое, не есть мышление» (письмо 4).

По Спинозе душа есть совокупность психических явлений, связанных с телом. Для правильного понимания психических явлений Спиноза считает необходимым изучать телесную организацию.

Согласно учению Спинозы бытие и мышление составляют не тождество, а единство. Протяжение и мышление суть только свойства субстанции Аксельрод, превращая учение Спинозы о теле и душе в «безысходный параллелизм», сама противоречит себе, когда делает скачок к тому, что параллелизм у Спинозы «постоянно испаряется по мере того, как развертывается необходимая зависимость души от тела. Тело оказывается на первом месте, душа на втором, при чем душа целиком обуславливается телом»¹⁾.

Быховский, намереваясь дать критику Плеханова и Деборина в этом вопросе, идет по стопам Аксельрод. В своей брошюре «Был ли Спиноза материалистом?» (Минск, 1928) Быховский пишет: «Спиноза был монистом, но был ли его монизм материалистическим, остается пока невыясненным» (стр. 10). «Выясняя» этот вопрос, он приходит к тому заключению, что субстанция Спинозы не есть материя. «Понятие субстанции в учении Спинозы имеет смысл совершенно иной, чем понятие материи» (стр. 14). «Нет, субстанция не есть материя» (стр. 17). Но кто же такой Спиноза, если он не материалист? Для нас совершенно ясно, что если Спиноза не материалист, то он идеалист, ибо, как многократно разъясняли Маркс, Энгельс и Ленин, существуют только два основных лагеря в философии — материализм и идеализм. Но т. Быховский с этим не согласен. Он отвечает, что возможна такая философия (притом, по его уверению, монистическая), которая не является ни материализмом, ни идеализмом. Он пишет: «Уйдя от дуалистического миропонимания, дошел ли он (т. е. Спиноза.—В. и Т.) до материалистического монизма или застрял в пути на монизме параллелистическом, где дуализм устраняется отрицанием субстанциональности как духа, так и материи (разрядка т. Быховского), а монизм достигается введением имманентного обоим атрибутам связующего их и доминирующего в них принципа — не духовного и не материального» (стр. 11. Разрядка наша.—В. и Т.).

¹⁾ Аксельрод, В защиту диалектического материализма, стр. 30.

Это положение т. Быховского так же ложно, как то третье решение основного вопроса философии, которое выдвигали махисты всяких оттенков, которых разоблачает Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Далее т. Быховский пишет: «Тем идейным наследием, которое ассимилировал последующий материализм и донес до нашего времени, мы считаем... монизм, точка зрения единства природы, уничтожение разрыва между богом и миром» (Быховский, «Был ли Спиноза материалистом», стр. 6).

Спасибо т. Быховскому за то, что он в наследие последующему материализму «до нашего времени», т. е. диалектическому материализму, берет у Спинозы монизм как «уничтожение разрыва между богом и миром».

В дальнейшем т. Быховский, так же как и Аксельрод, сводит спинозовскую субстанцию к «вселенной закономерности» (стр. 20).

VIII.

Весьма важную роль в философии Спинозы занимают проблемы необходимости и случайности, необходимости и свободы, причинности и закономерности. Спиноза отрицает объективную случайность: для него все совершается с неизбежной необходимостью. Спиноза детерминист, но детерминист фаталистический. Он признает только механическую причинность, которая является для него единственным и универсальным типом связи. Отрывая случайность от необходимости и метафизически противопоставляя их друг другу, он не видит диалектического взаимоотношения между ними. В этом вопросе наши механисты целиком стоят на позиции Спинозы. Спиноза считает, что все вещи определяются к своему существованию и действию внешними причинами. Тот же закон механической причинности с такой же железной необходимостью действует и в человеческой истории и определяет все поступки отдельных людей. Вся природа есть цепь неизбежных причин и следствий, которой все вещи и все люди должны бесспорно покоряться. «В природе вещей нет ничего случайного, но все определяется к тому или другому определенному роду существования и действия из необходимости божественной природы» (теорема 29 первой части «Этики»). Случайное, по Спинозе, это то, причины чего нам неизвестны. Спиноза пишет (письмо 34): «Для каждой существующей вещи необходимо должна быть какая-нибудь положительная причина, по которой эта вещь существует. Причина эта либо содержится в природе и определении самой вещи (это имеет место только в отношении к субстанции или природе в целом.— В. и Т.), либо находится вне данной вещи» (это имеет место в отношении всех модусов, т. е. всех конечных вещей.— В. и Т.). В письме 58 Спиноза пишет: «Каждая отдельная вещь необходимо детерминируется какой-нибудь внешней причиной к существованию и действию тем или иным определенным образом».

Спиноза—ярый противник учения о свободе воли. Свобода воли, по Спинозе, есть только призрак, созданный человеческим невежеством, незнанием причин собственных поступков. «Люди считают себя свободными, так как свои желания и свое стремление они сознают, а о причинах, располагающих их к этому стремлению и желанию, даже и во сне не грезят, ибо не знают их» (прибавление к 1-й части «Этики»). «Воля есть только рассудочное понятие (*ens rationis*) и не может быть признана причиной того или другого хотения. Отдельные же хотения, так как они нуждаются для своего существования в определенной причине, не могут быть названы свободными, но необходимо являются такими, какими их детерминируют породившие их причины» (письмо 2).

Отрицая свободу воли, Спиноза считает, что истинная свобода состоит в «свободной необходимости», в следовании законам своей собственной природы. Спиноза пишет (письмо 58): «Я называю свободной такую вещь, которая существует и действует из одной только необходимости своей природы;

принужденным же я называю то, что чем-нибудь другим детерминируется к существованию и к действию тем или другим определенным образом».

Вместе со свободой воли Спиноза с такой же решительностью отвергает и всякого рода телеологические воззрения на природу. Он подвергает жесткой критике тот весьма распространенный «предрассудок» (как он выражается), который заставляет людей предполагать, что «все естественные вещи действуют так же, как они сами, ради какой-либо цели», что «сам бог все направляет к какой-либо определенной цели», что «бог все сотворил для человека, человек же—для того, чтобы он чтил его» (прибавление к 1-й части «Этики»). Великое значение в истории человеческой мысли имеет то обстоятельство, что Спиноза своим детерминистическим учением разрушил антропоцентрическое мировоззрение и включил человека в общую закономерность всей природы, разгромив традиционные представления, ставившие человека над природой, рассматривавшие его вне законов природы и отрывавшие его от природы. Но Спиноза был механистом и фаталистом. Он видел только один тип связи — механическую причинность, отрицая объективный характер случайности. Согласно его учению в природе господствует лишь простая, однотипная необходимость. Это — точка зрения абстрактного, механического детерминизма. Критикуя эту точку зрения на необходимость и случайность, Энгельс указывает, что «с необходимостью такого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки почти безразлично, назовем ли мы это вместе с Августином и Кальвином извечным решением Божиим, или вместе с турками Кисметем, или же необходимостью» (Архив М. и Э., II, 192). Поэтому хотя фаталистическое учение Спинозы об естественной необходимости всех вещей и наносит удар представлению о вне мира находящемся боге, но окончательно уничтожить теологию оно не в состоянии. Вместе с тем, хотя Спиноза и учит о «свободной необходимости», однако это не есть диалектическое разрешение проблемы свободы и необходимости, так как «свободную необходимость» Спиноза приписывает только природе в целом, что же касается человека, то его свобода ограничивается по Спинозе только созерцанием вечной необходимости и не простирается на «критически-практическую деятельность» (выражение Маркса), которая вообще выпадает из поля зрения Спинозы в соответствии с сугубо-созерцательным характером его философии.

IX.

Для правильного понимания учения Спинозы и его исторического значения необходимо преодолеть точку зрения современного механистического материализма и меньшевистствующего идеализма. Со стороны механистов мы имеем явно недооценочное отношение к философии Спинозы, превращение последнего в мистика-идеалиста. Наоборот, меньшевистствующие идеалисты явно переоценивают философию Спинозы. Они не только очищают материализм от теологической оболочки, но делают Спинозу последовательным материалистом. По Маньковскому, Спиноза один «из самых последовательных материалистов своей и не только своей эпохи»¹⁾.

В своей последней статье «К вопросу о философских истоках меньшевистствующего идеализма» (ПЗМ № 6, 1931 г.). Маньковский пытается изложить свои взгляды, высказанные в книжке «Спиноза и материализм», которую он теперь мягко называет «ошибочной работой». Однако это исправление ему плохо удается. У него получается полнейшая путаница по вопросу о том, был ли Спиноза материалистом. С одной стороны, он заявляет, что Спиноза — материалист и что спинозовская субстанция есть материя. Он выступает против Аксельрод, утверждающей, что «спинозовская материя не

¹⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, стр. 55.

есть материя», но, что тем не менее Спиноза — материалист. Маньковский пишет: «Ясно, что в таком случае (т. е. если субстанция Спинозы не есть материя.—В. и Т.) Спиноза не является материалистом ни в какой степени» (стр. 51). Но четырьмя страницами выше у Маньковского говорится совершенно другое. Он пишет: «Если, как полагает Плеханов, преимуществом субстанции является то, что она есть суб'ект—об'ект, то эта субстанция не может быть определена как материя» (стр. 47). Относительно Плеханова Маньковский на стр. 44 заметил, что он «с большой точностью излагает действительное содержание спинозизма». Выходит, стало быть, что по Маньковскому спинозовская субстанция не есть материя, т. е. Маньковский оказывается солидарным с Аксельрод, которую он на стр. 51—52 критикует.

В той же статье Маньковский утверждает, что «Спиноза не отвечает на коренной вопрос философии о том, что чему предшествует: дух природе или природа духу» (стр. 45). Спрашивается: что же Спиноза был: дуалист, или агностик, или «путаник, колеблющийся между материализмом и идеализмом» (как выражается Ленин по адресу так называемых «позитивистов»)? Но ведь сам тов. Маньковский несколькими строками выше говорит, что Спиноза не был ни дуалистом, ни агностиком. Беда Маньковского в том, что он не уяснил себе ленинского определения материи, которое гласит: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»¹⁾. Спинозовская субстанция несомненно есть «объективная реальность», существующая независимо от наших ощущений. Правда, Спиноза не был сенсуалистом и полагал, что субстанция постигается одним только «чистым» интеллектом. В этом недостаток, в этом непоследовательность его материализма, но это еще не дает основания говорить, будто Спиноза не отвечает на коренной вопрос философии, «обходит» его. Рационалистической точки зрения придерживались и некоторые другие материалисты, напр. Демокрит. Однако мы знаем, что по поводу гегелевского третирования Демокрита Ленин с возмущением замечает: «Невыносим идеалисту дух материализма»²⁾. Ленину и в голову не приходило подвергать сомнению материализм Демокрита.

Другой недостаток спинозовского материализма заключается в том, что Спиноза, будучи гилозоистическим материалистом, считал мышление вечным атрибутом природы. Однако и этот недостаток не дает права утверждать, будто, по Спинозе, природа не является первичным. Гилозоистами были многие из домарксовских материалистов. Ставить под сомнение их материализм это значит делать серьезную уступку буржуазной истории философии.

Маньковский пытается подкрепить свою путаницу ссылкой на Маркса. Однако он при этом прямо извращает Маркса. Маркс замечает в «Святом семействе» (а не в «Немецкой идеологии», как уверяет Маньковский), что «спинозовская субстанция есть метафизически переодетая (travestirte) природа в ее оторванности от человека» (цитировано у Ленина, Лен. сб. XII, стр. 69). Маньковский же превращает это положение в тезис: «Спиноза метафизически перевернул материализм» (стр. 47). Мы знаем, что Маркс «перевернул» (umstülpen) идеалистическую диалектику Гегеля, поставив ее на ноги. По Маньковскому получается, что Спиноза «перевернул материализм», то-есть, надо полагать, превратил его в его противоположность — в идеализм. Между тем в приведенной выше формулировке Маркса говорится только о том, что спинозовская субстанция выступает в метафи-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 105.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 206.

зическом костюме (немецкое слово *travestiren* происходит от латинского глагола — *travestire* и означает «переодевать, костюмировать») и в оторванности от действительного человека. И это конечно совершенно правильно, но это весьма далеко от той путаницы, которую нам преподносит меньшевствующий идеалист Маньковский, переходящий на позиции механистов. И так, если год тому назад Маньковский делал из Спинозы чуть ли не диалектического материалиста, то теперь он впадает в другую крайность и по сути дела отрицает материализм Спинозы, плетясь в хвосте буржуазной истории философии XIX—XX вв.

Выше мы уже указали на недооценку философии Спинозы со стороны Аксельрод и Варьяша.

По линии недооценки Спинозы идет и работа тов. Быховского.

Переоценка философии Спинозы меньшевствующими идеалистами исходит из неправильных утверждений Плеханова.

«Диалектический материализм Маркса и Энгельса, — пишет Маньковский, — есть, по выражению Плеханова, «разновидность спинозизма» или «неоспинозизм»¹⁾.

Возьмем Карева. В статье «Спиноза и материализм» у Карева во всей наготе открывается методология меньшевствующего идеализма. Вместо действительного вскрытия исторического образа Спинозы — ограниченности и недостатков его философии, Карев подкрасил Спинозу под диалектического материалиста. Увлечение Спинозой привело Карева к категорическому утверждению, что «материализм Маркса есть не что иное, как освобожденный от теологической оболочки и прошедший школу Гегеля новейший спинозизм»²⁾ (разрядка наша.—В. и Т.).

Просмотр юбилейных статей т. Деборина: «Бенедикт Спиноза», «Мировоззрение Спинозы» и «Спиноза и марксизм», приводит к тому несомненному выводу, что тов. Деборин подкрасивал Спинозу под диалектического материалиста. Ошибка тов. Деборина заключается уже в том, что при рассмотрении философии Спинозы он стремится показать исключительно сильные стороны в учении Спинозы, «не вдаваясь в оценку этих положительных с точки зрения наших современных взглядов; еще менее я считал нужным подвергнуть критике неприемлемые для нас моменты в учении Спинозы»³⁾ — заявляет Деборин.

Без сомнения, что такой односторонний подход отразился на трактовке исторического образа Спинозы.

Еще более «странным» оказывается следующее заявление т. Деборина: «Нам кажется, что мы должны, — говорит Деборин, — независимо от личных убеждений философа интерпретировать его учение именно в материалистическом смысле»⁴⁾.

Отсюда с необходимостью вытекает попытка смазать существенные недостатки и ограниченности спинозовского материализма и непоследовательность спинозовского атеизма. Как бы высоко мы ни расценивали материализм Спинозы для его эпохи и его влияние на общий ход дальнейшей философской мысли, однако необходимо обратить внимание и на качественное различие между спинозизмом и французским материализмом и тем более диалектическим материализмом.

Характерной особенностью рассуждений тов. Деборина является рассмотрение диалектического материализма как результата простого количественного видоизменения предшествующего материализма. «Материализм нового времени, — пишет тов. Деборин, — является в значительной степени

¹⁾ Маньковский, Спиноза и материализм, стр. 205.

²⁾ Карев, За материалистическую диалектику, 1929 г., стр. 274.

³⁾ Деборин, Очерки по истории материализма XVII—XVIII вв., Гиз, 1928

стр. 84.

⁴⁾ Там же, стр. 45.

альнейшим развитием и видоизменением спиноизма»¹⁾. Еще более ярко выступает эта количественная точка зрения при определении диалектического материализма как простого синтеза предшествующей философии. «Марксизм, — пишет тов. Деборин, — представляет собою синтез материалистически переработанной гегелевской диалектики и материализма Фейербаха. Но материализм Фейербаха, как и весь материализм нового времени, является видоизмененным спиноизмом. Стало быть спиноизм составляет необходимый «момент» и в марксистском мировоззрении. Но марксизм ни в коем случае не может быть отождествляем со спиноизмом. Когда Плеханов говорит о том, что марксизм является «родом спиноизма», то он... имеет в виду исключительно проблему взаимоотношения между бытием и мышлением»²⁾ (разрядка тов. Деборина).

Мы отнюдь не собираемся оспаривать то очевидное положение, что спиноизм оказал влияние на дальнейшее развитие материализма. Согласно с тем, что «марксизм ни в коем случае не может быть отождествляем со спиноизмом». Но всего этого мало. Мы требуем и должны достигнуть не только констатирования того очевидного факта, что диалектический материализм связан с предшествующей философской мыслью, мы должны показать, что диалектический материализм является высшей, качественно новой ступенью.

Источник ошибочных установок тов. Деборина и его учеников заключается в последовательном проведении и разработке неоднократных, явно преувеличенных замечаний Плеханова о философии Спинозы. Деборин прямо ссылается на Плеханова, «который в достаточной полноте выяснил вопрос о родстве марксизма со спиноизмом»³⁾. А это родство, как известно по Плеханову, состоит в том, что «спиноизм Маркса—Энгельса и был новейшим материализмом»⁴⁾. Приведя указанную цитату из Плеханова, Деборин только сам утверждает, что «стало быть Спиноза близок нашему времени, близок марксизму. Марксизм является «родом спиноизма» в части своего общефилософского мировоззрения и по своим общенаучным тенденциям»⁵⁾.

Не менее скромны и тов. Луппол. «Маркс и Энгельс, отправляясь от спиноизма Фейербаха и ассимилировав действительный момент, воссоздали новый «неоспиноизм», который, если угодно, можно назвать неоспиноизмом XX века. Решение основной онтологической проблемы в смысле синтеза бытия и мышления в единой материальной субстанции дается и здесь в духе спиноизма. Ничего другого и не содержит выражение Плеханова, что марксизм есть род спиноизма»⁶⁾.

С точки зрения меньшевистствующего идеализма написаны статьи Г. Вайнштейна «Спиноза и материализм» («Под знаменем марксизма» за 1926 г., № 3) и К. Скурера «Спиноза и диалектический материализм» («Вестник коммунистической академии» за 1927 г., № 20). Скурер пишет, что след за Плехановым можно сказать: «марксизм есть род спиноизма» (стр. 54).

В отдельных рецензиях и выступлениях тов. Дмитриева по вопросу философии Спинозы имелись попытки преодоления оценки философии Спинозы меньшевистскими идеалистами. Однако его статья «Философия Спинозы и диалектический материализм» («Под знаменем марксизма» за 1926 г., № 9—10), направленная против механистов, не преодолевает установок меньшевистствующих идеалистов.

¹⁾ Деборин, Очерки по истории материализма XVII—XVIII вв., стр. 54.

²⁾ Там же.

³⁾ Деборин, Спиноза и марксизм, «Летопись марксизма», кн. 3-я, стр. 3.

⁴⁾ Плеханов, Собр. соч., т. XVIII, стр. 189.

⁵⁾ Деборин, Спиноза и марксизм, «Летопись марксизма», кн. 3-я, стр. 7.

⁶⁾ Луппол, О синице, которая не заглянула моря, «ПЗМ», № 11, 1926 г., стр. 229.

Не преодолена тов. Дмитриевым и плехановская оценка марксизма, как рода спинозизма, поскольку тов. Дмитриев пишет: «И наконец, Г. В. Плеханов неоднократно подчеркивал, что французский материализм XVIII ст. и философия Фейербаха и даже материализм Маркса и Энгельса есть не что иное, как род спинозизма» (стр. 41).

Наиболее ранние статьи о философии Спинозы, как результат семинарских докладов 1-го курса Института философии красной профессуры, опубликованы в историко-философском сборнике Института красной профессуры (1925 г.).

Помещенные в этом сборнике статьи о философии Спинозы недостаточно критически подходят к отдельным сторонам учения Спинозы. Отдельные авторы, как напр. т. Кибовский, соглашаются с плехановским утверждением, что «стало быть спинозизм Маркса—Энгельса и был новейшим материализмом».

Прав Плеханов, когда он указывает, что Спиноза—материалист, несмотря на теологическую оболочку, в которую наряжено его учение. «Освободить спинозизм от его теологической привески, значит обнаружить его истинное материалистическое содержание»¹⁾.

Несмотря на теологический костюм, Спиноза выступает как материалист. Субстанция Спинозы есть не что иное, как природа.

Если субстанция Спинозы не природа, то нельзя говорить о материализме Спинозы, а значит и о преодолении им субстанционального дуализма Декарта. Различие между Декартом и Спинозой состоит в том, что Декарт разорвал мир на две самостоятельные, независимые друг от друга субстанции—протяженную и мыслящую, об'единенные богом, а в учении Спинозы мир приобретает единство. Маркс, Энгельс видели в субстанции Спинозы природу, отмечая наряду с этим, что субстанция Спинозы метафизична, оторвана от человека, пассивна, «флегматическая вещь».

Спиноза потому и является материалистом, что берет в качестве первичного начала природу как об'ективное бытие. Однако непоследовательность его материализма заключается в том, что сознание рассматривается им как вечное свойство природы, а не как продукт высокоорганизованной материи. Материализм Спинозы заключается также в том, что он, рассматривая отношение человеческого мышления к состоянию тела, он в конечном счете исходит от состояния тела. Спиноза — материалист-атеист.

Это хорошо было понятно теологам разных мастей и стран. Лишь немногие из них, стремясь сделать из философии Спинозы безвредную икону, стояли за то, что учение Спинозы не противоречит «святому» писанию. Огромное же большинство теологов причисляли Спинозу без всяких оговорок прямо к от'явленным атеистам и материалистам.

Спиноза—детерминист-фаталист. Однако при причислении Спинозы к материалистам явится недостаточной ссылка на его учение о механической причинности, как это утверждает Аксельрод. Она говорит, что Спиноза—материалист «благодаря последовательному критическому отрицанию сверхъестественной целесообразности и не менее последовательному обоснованию механической закономерности»²⁾.

Для Аксельрод Спиноза—материалист потому, что она считает основной разграничительной линией между материализмом и идеализмом не вопрос об отношении бытия к сознанию, а механическую причинность. То же самое утверждает и т. Варьяш. «Отличие между материализмом и идеализмом, — пишет Варьяш, — в понимании причинности является самым радикальным, — какое только можно мыслить»³⁾.

¹⁾ Плеханов, Основные вопросы марксизма, 1925 г., стр. 35.

²⁾ Аксельрод, В защиту диалектического материализма, стр. 30.

³⁾ Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1-я, стр. 13.

Аксельрод и Варьяш в вопросе о разделении философских систем на два лагеря по принципу причинности ревизуют марксистско-ленинское понимание этого вопроса. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» пишет, что «уже в средневековой схоластике, игравшей большую роль, вопрос о том, как отнесется мышление к бытию, что чему предшествует: дух природе или природа духу,—этот вопрос, на зло церкви, принял более резкий вид вопроса о том, создан ли мир богом, или он существует от века. Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые следовательно так или иначе признавали сотворение мира,—а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает еще более нелепый и запутанный вид, чем у правоверных христиан,—составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма. Ничего другого и не заключает в себе выражение: идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смысле»¹⁾.

В полном согласии с Энгельсом Ленин указывает, что основная линия материализма идет «от бытия к мышлению, от материи к ощущению и обратно в идеализме»²⁾.

Беря в основу деление философов на два лагеря по основной линии—кто от чего исходит: от бытия или мышления,—Ленин придает важное значение в этом разделении и по линии причинности. «Вопрос о причинности имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего «изма»³⁾, и далее Ленин показывает в своем разборе этой проблемы, как она увязана с основной проблемой философии—отношением бытия к мышлению. «Признать необходимость природы,—пишет Ленин,—из нее выводить необходимость мышления есть материализм. Выводить необходимость, причинность, закономерность и пр. из мышления есть идеализм»⁴⁾.

Спиноза—метафизик, механист, гилозоист, в теории познания рационалист, его учение одето в теологическую оболочку.

Если освободить философию Спинозы от ее теологического привеска, то перед нами выступит учение, явно обнаруживающее свою материалистическую сущность. Материализм Спинозы и его непоследовательность вскрыты Марксом и Энгельсом. Плеханов же, признавая Спинозу материалистом, не открывая непоследовательности в учении Спинозы, явно переоценивает материализм Спинозы и вместе с тем приходит к неправильной оценке самого материализма, утверждая, что «спинозизм Маркса и Энгельса и был новейшим материализмом»⁵⁾ или «современный материализм есть более или менее соизвоющий спинозизм»⁶⁾.

По Плеханову выходит, что материализм Маркса—Энгельса оказывается простым повторением философии Спинозы, представляя лишь более развитое учение, нежели материализм Спинозы, а также Фейербаха. Плеханов, а вслед за ним и Деборин и его ученики, возвеличивая Спинозу, нередко утверждают, что диалектический материализм есть исключительное дело Маркса—Энгельса.

Другое дело говорить, что диалектический материализм как новая, высшая ступень обнаруживает свою генетическую связь с прежним материализмом, в частности с материалистической философией XVIII века, которая в свою очередь создавалась под известным влиянием спинозизма.

¹⁾ Энгельс, «Людвиг Фейербах», Гиз, 1931, стр. *45.

²⁾ Ленин, Собр. соч., Материализм и эмпириокритицизм, т. X, изд. 1931 г., стр. 117.

³⁾ Там же, стр. 124.

⁴⁾ Там же, стр. 135.

⁵⁾ Плеханов, Собр. соч., т. XVIII, стр. 189.

⁶⁾ Плеханов, О так называемом кризисе в школе Маркса, «Летопись марксизма», кн. 4-я, стр. 24—25.

РАБОТА СЕМИНАРОВ ФИЛОСОФСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

А. А. ТАКСЕР

(Очерк жизни и деятельности)

Восьмого марта текущего года умер стойкий большевик, активный боец за генеральную линию партии, молодой, быстро росший научный работник на философском фронте — секретарь парторганизации ИКП философии и член президиума ОВМД А. А. Таксер.

А. А. Таксер родился в 1897 г., в Сибири, в с. Бельском, Иркутской губернии.

Отец А. Таксера в течение последних 30 лет жизни состоял управляющим кустарного кожевенного завода. Оставшись круглым сиротой после смерти своего отца, он добился небольшого специального образования без помощи школы постоянной и упорной работой над собой. Мать А. Таксера — из крестьян той же местности, простая деревенская женщина.

Жизнь провинциального завода глухой сибирской деревни, каторжный труд, голод и пьянство рабочих, варварски эксплуатируемых представителем Колупаевых и Разуваевых кулаком-фабрикантом Родионовым, зверски пользовавшимся полной беззащитностью рабочих, совершенно неорганизованных для протеста, не могли бесследно пройти для юношеской поры Александра Александровича Таксера.

Но завод Родионова далекой сибирской провинции знал не только будни каторжного труда на кулака-фабриканта, не только черную ночь невежества и пьяного угара, но и праздничные дни революционной борьбы, которые вместе с тем были праздниками и для семьи Александра Александровича и для его близких знакомых, выделявшихся из своего круга, — действительных революционеров, гонимых царским правительством.

«1905 год, — пишет в автобиографии А. А., — застал меня 8-летним мальчиком, но впечатление, произведенное им на меня, помню до сих пор. Помню восторженное настроение семьи и окружающих, собрания, происходившие на заводе и у нас на квартире, а затем обыски, аресты, скрывание старшего брата и отъезд его в 1908 году за границу от преследования полиции».

Именно поэтому Таксер очень молодым втягивается в революционное движение.

17-ти лет А. А. уже штудирует «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса, «Аграрный вопрос», «Экономическое учение» и «Эрфуртскую программу» К. Каутского, а также другую серьезную социально-экономическую литературу, оставленную братом после его отъезда за границу.

В 1914 году умер отец А. А., и 17-летнему юноше пришлось взять на свои плечи материальные заботы о семье, оставшейся без всяких средств к жизни. Но еще более тяжелый удар ждал Таксера от нелепого случая — простого падения, в результате которого после двухлетних скитаний по врачам пришлось ампутировать ногу.

Ни огромные материальные заботы, ни потеря ноги не могли сломить революционной целеустремленности А. А. Уже в 1915 году он связывается

с социал-демократическими кружками среди учащихся, принимает живейшее участие в их работе, распространяет листовки, производит сборы, ведет идейно-теоретическую полемику с эсерами, причисляя себя к социал-демократии.

В 1917 году в марте он вступает в иркутскую организацию РСДРП — в Иркутске в то время она еще была об'единенной, — проводя интенсивнейшую пропагандистскую работу в войсках иркутского гарнизона.

После июльского выступления в Ленинграде острота классово-борьбы приводит в Иркутске к окончательному разрыву большевиков с меньшевиками. А. А. в качестве большевика целиком уходит в борьбу с соглашателями, организует вместе с другими большевиками революционную учащуюся молодежь против меньшевистско-эсерского сибирского центра молодежи. Эта борьба приводит к слиянию кружков учащейся молодежи и к образованию иркутской ячейки революционной молодежи, явившейся чем-то вроде прообраза нашего комсомола.

Эта организация под руководством партии сыграла значительную роль в разложении рядов буржуазных организаций молодежи, в борьбе со старой школой и в культурном строительстве советской власти в Иркутской губернии. А. А. был членом правления этого союза, одним из редакторов его печатных материалов и представителем от него в коллегии по народному образованию вплоть до прихода в Иркутск чехов.

В июле 1918 года Иркутск захватывается чехами. С этого периода начинается новая тяжелая полоса в жизни А. А., отягощенного болезнью ноги, и дело заставлявшей его ложиться в постель.

Покинув Иркутск, он на полулегальном положении приезжает в Томск и поступает в Томский университет.

После неудачных попыток связаться с томской организацией, Таксер в начале 1919 года возвращается на родину, так как теперь настроение крестьянства резко изменилось в сторону советской власти, и в силу этого опасность немедленной выдачи его уже миновала. Здесь он ведет усиленную работу среди крестьян и завязывает одновременно связь с черемховской организацией. За несколько дней до переворота он уже в Иркутске принимает посильное участие в подготовке его.

После переворота и вплоть до 1922 года Таксер работает в Политотделе народно-революционной армии в качестве секретаря поарма, начитпропа, инначпоарма и начальника политотдела армии.

В 1922 году по решению партийных органов Таксер переходит на гражданскую работу в приморской организации, где в течение года состоит ответственным секретарем городского райкома ВКП(б), а затем зав. АППО обкома.

В 1925 году он по постановлению ЦК партии покидает Сибирь и переезжает на работу в Крым, предполагая поправить там свое пошатнувшееся здоровье. За время работы в Крыму (1925—1928 гг.) Таксер бесценно содействовал зав. АППО обкома, членом бюро обкома и членом КрымЦИК.

Условия работы в крымской организации в тот период были особенно тяжелыми.

В момент приезда было опубликовано решение ЦК о работе крымской организации. В результате этого решения был обновлен почти весь руководящий состав крымской организации.

Вместе с т. Петропавловским т. Таксер проводит огромную работу по искоренению последствий оппортунизма, ведя в качестве главного пропагандиста партии в крымской организации исключительно напряженную борьбу с троцкизмом, имевшим в Крыму довольно значительные гнезда. На этом А. А. стоит в центре борьбы с так называемой «ибрагимовщи-

ней», одним из первых почувствовав в Ибрагимове контрреволюционного прохвоста, уголовно-буржуазного агента в рядах партии.

Троцкизм и «ибрагимовщина», групповщина среди части работников крымской организации,—все это причудливо переплеталось в один клубок антипартийности и контрреволюции.

Нужно было острое чутье большевика, чтобы в этом «сцепленном» правильно проводить генеральную линию партии, отличать сознательных контрреволюционеров от искренно ошибавшихся.

Таксер принадлежал здесь, как и везде, к той части большевиков, которые ни разу не поколебались и не отступали от партийного пути. Осуществляя от имени организации руководство коммунистическим союзом молодых, Таксер с огромной энергией работает над проблемой выдвижения молодых кадров, главным образом из татарской рабочей и батрацкой молодежи, справедливо считая, что ключ решения проблемы строительства культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию» лежит именно здесь, так как имевшиеся в то время кадры в значительной степени были выходцами из буржуазной интеллигенции, составлявшей базу для различных антипартийных шатаний и прямого предательства интересов революции. Не мало ответственных работников Крыма, выдвинувшихся за последнее время, хорошо знают А. А., столь много поработавшего для их подготовки.

Много сил и времени отдает А. А. борьбе с крымской реакционной фессурой за построение советской школы.

Ни на минуту не прерывая теоретической работы, А. А. чувствует острую необходимость специально поучиться и собирается в 1928 году поступить на курсы марксизма. Но перебравшись в Москву, он не сумел сразу провести в жизнь этот замысел, и был направлен на работу в культурпроп ЦК, где занимал должность ответственного инструктора и вел выборную работу в ячейке ЦК.

В 1930 году он получает наконец удовлетворение своему желанию—поступает в ИКП философии.

В Институт Таксер пришел уже с крайне слабым здоровьем, но до последних дней он сохранил ясность и свежесть мысли, непреклонную волю большевика и изумительную работоспособность. Когда хорошо известная ему болезнь (камни почек) не приковывала его к постели, каждый день можно было встретить этого человека на лестнице и в коридорах ин-та, а если нет тут, то в райкоме или ЦК. Мягкий по характеру, но жесткий в требованиях по отношению к себе и другим в том, что касается дела, он силой примера и авторитета умел руководить организацией, настоять и провести в жизнь намеченные решения, схватить в деле то, что является сейчас главным. Чуждый портунизму,—таков Таксер как коммунист и как товарищ.

Явившись в ин-т в качестве слушателя 1-го курса, Таксер сразу стал в центре борьбы с меньшевистствующим идеализмом. С момента поступления в ИКП и до смерти он, как бы закалившись в этом боевом крещении, не только не снизил, а все повышал энергию в борьбе за действительный поворот, за ленинскую философию, будя инициативу борьбы на других участках теоретического фронта, углубляя шаг за шагом достижения на философском фронте.

В качестве ответственного секретаря ячейки он показал всю силу и мощь своей не известно где скрытой энергии. Под его руководством происходит в парторганизации ИКП философии обостренная борьба за консолидацию сил в результате дискуссии, закрепляются ее итоги организацией нового института. Исключительно обостренная борьба за чистоту марксистско-ленинской теории в связи с письмом т. Сталина подняла партийную волеизъявительность организации на острейшую высоту. Почувыв родную стихию борьбы

А. А. целиком слился с движением, являясь ярким воплощением того типа революционеров, которые находят в партийной работе свою профессию, свое основное призвание.

В качестве ответственного секретаря ячейки ИКП и члена президиума ОВМД он оказывал огромное влияние на деятельность обновленного ОВМД. Можно утверждать, что ни одно важнейшее мероприятие и выступление в ОВМД после дискуссии не проходили без его активно-руководящего участия. Как и всегда, эта борьба часто сопровождалась личными нападками. Но А. А. всегда проходил мимо личного, как случайного, наносного из арсенала пережитков прежнего, несущественного.

Никакие силы не могли заставить Таксера сойти с пути принципиальной борьбы, поколебать его революционную целеустремленность. Вот почему партийный обыватель не терпел Таксера.

Парторганизация ИКП пред'являет к своему секретарю не только требования высокой партийности, большевистской закалки, но и требование определенного научно-теоретического уровня. Как на производстве от хорошего партийного руководителя требуется знание процессов производства, так и в условиях научного творчества авторитет секретаря ячейки ИКП неразрывно покоится на сочетании этих существенных сторон большевистского руководства. И Таксер, несмотря на крайне болезненное состояние и огромную ношу партийно-руководящей работы, всегда шел в первых рядах коллектива научных работников института, был одним из выдающихся в теоретическом отношении слушателей. Сделанный им первый доклад об общественно-экономической формации сразу поставил его в такое положение в семинаре, что уже все последующие выступления Таксера ожидались и заслушивались с большим интересом.

Партийные научные интересы Таксера сосредотачивались главным образом на выяснении сущности ленинского этапа в философии и роли Плеханова в истории марксистской мысли. Острым взором большевика он правильно сватил боевое звено в разработке ленинского этапа—последовательную критику философских ошибок Плеханова, крупнейшей фигуры II интернационала, в борьбе с меньшевизмом которого рос и развивался ленинизм.

В своей теоретической и политической работе он неуклонно шел по пути марксизма-ленинизма, ведя ожесточенную борьбу с малейшими отклонениями от теории и тактики ленинизма, разоблачая лжемарксистское существо мертвящих догм II интернационала, сковывающих революционное движение масс в интересах буржуазии. Благодаря его стараниям было извлечено много еще неопубликованных материалов о Плеханове, на обработку которых в последнее время он отдавал часы своей производственной практики.

При разбивке на специальные семинары Таксер пошел на сектор стратегии и тактики партии—и это отнюдь не случайно. Этот шаг характеризует основную и постоянную целеустремленность Таксера—партийно актуализировать теорию, превратить ее в подлинное руководство для действия. Кто не помнит его иногда даже несколько раздражающее беспокойство за организацию, укомплектование и программное оформление этого сектора, как политически наиболее актуального? Но уходя на этот сектор, он одновременно работал и в семинарии истории философии, сознавая необходимость подойти исторически к величайшему завоеванию научной мысли—мировоззрению Маркса—Ленина. Во время изучения истории философии Таксер решительно выступил против формального подхода к историко-философскому материалу по линии филиации идей, деления философов по методу как основному критерию развития философской мысли. Глубоко работая над научным материалом, Таксер и в своих партийных докладах и выступлениях поднимал огромное количество вопросов большевистской теории, бичуя все антимарксистские «новинки». Стоит только вспомнить последний отчет партбюро, где

им были вскрыты ошибки журнала «ЗКО», выпусков по диамату для научных работников, грубейшее извращение Ленина в философском отделе Малой Советской энциклопедии и др. По его инициативе и при его активном участии написан ряд статей по философским и литературным вопросам, появившихся за последнее время в «Правде», «На теоретическом фронте» и «ПЗМ».

Огромную роль сыграл Таксер в деле вовлечения новых сил в литературно-научную работу, сил молодых, неопытных, постоянно проверяя их на деле, поправляя их ошибки, жестко настаивая на их большевистском исправлении. В результате своей блестящей деятельности в ИКП он два раза переизбирался ответственным секретарем организации и на последних конференциях был избран членом райкома и членом Московской городской контрольной комиссии.

Таксер умер в 35-летнем возрасте. Незадолго до смерти, уже физически слабый в результате хронической болезни, т. Таксер с удивительной энергией и настойчивостью вел партийную теоретическую, политическую и организационную работу. Размах и энергия, с которыми вел т. Таксер эту работу, были необычайны для физически ослабевшего организма. Но мы знаем, что это—«чудеса» большевистского воспитания, революционной устремленности, воли к победе коммунизма.

Сохраним память о сгоревшем на работе товарище как пример большевистской борьбы за дело рабочего класса.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ:

Липендин, Митин, Николаев, Плясунов, Ральцевич, Юдин, Усиевич

Проблема общественно-экономической формации*)

А. Таксер

ЧАСТЬ 1

Глава I. Значение понятия общественно-экономической формации в истмате

Материалистическое понимание истории, являющееся последовательным распространением материалистической диалектики на область общественных явлений, дающее «руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы»¹⁾, на всем протяжении своего существования встречается в штыки со стороны всех буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, до теоретиков социал-демократии включительно (Каутский, Кунов и их «левые» друзья Бауэр и К^о), пытающихся «изничтожить» эту теорию, представить ее не научной, тенденциозной и узко политической. Льют воду на мельницу буржуазной науки, искажая и ревизуя учение Маркса—Энгельса—Ленина о материалистическом понимании истории, и такие «теоретики», как Бухарин и его школка, пытавшиеся «дать некоторые другие формулировки того же самого, ... уточнить и развить положения теории исторического материализма»²⁾, а на деле приходившие в лоно меньшевизма и смыкавшиеся в ряде теоретических проблем и политических выводов из них с Каутским, Куновым и всей прочей социал-фашистской братией.

Исторический материализм, осью, центральным звеном, сутью которого является теория классовой борьбы, распространенная до признания диктатуры пролетариата, является абсолютно неприемлемым для буржуазных и мелкобуржуазных социологов, ибо он внушает им ужас, подобно тому ужасу, который внушает «в своей рациональной форме диалектика Гегеля, ... так как в положительное понимание существующего она включает в то же время и понимание его отрицания, его неизбежной гибели, что она рассматривает каждую существующую форму в процессе движения, следовательно с ее переходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и оказывается по своему существу критической и революционной» (Маркс, «Капитал», т. I).

Применение материалистической диалектики к области общественных явлений, т. е., во-первых, признание, «что способ производства материальной жизни обуславливает собою процесс социальной, политической и духов-

*) Работа т. Таксера написана во время его пребывания на I-м курсе ИКП философии в 1930/31 учебном году. Подготовлена к печати и проредактирована т. Ральцевичем.

¹⁾ Ленин, том XX, ч. 1-я, стр. 478.

²⁾ Бухарин, Сб. «Атака», стр. 115.

ной жизни вообще» (Маркс) и, во-вторых, «исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке» (Ленин, т. XX, ч. 1-я, стр. 470), явилось для всех исторических наук революционизирующим началом, подняло их на высоту действительных наук.

Эти два основных положения теории исторического материализма, вскрывающие реальную основу всех общественных явлений позволяют нам выделить в общем ходе исторического развития отдельные «социальные организмы», как говорил Ленин, отдельные общественно-экономические формации. Марксизм именно тем и отличается от всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных «социологий», что он выдвинул понятие «общественно-экономической формации» и этим самым впервые дал объективный критерий, с помощью которого мы имеем возможность выделить отдельные исторические эпохи, отдельные «социальные организмы» и представить исторический процесс как «естественно-исторический процесс». Учение об общественно-экономической формации — важнейшее звено исторического материализма, отражающее объективный ход исторического развития, делающее социологию наукой. Оно позволяет разоблачить и разрушить субъективистскую социологию, для которой нет никаких закономерностей, кроме воли личности; абстрактно-формалистическую социологию, которая не видит специфических закономерностей каждого периода, не видит развития явления и приходит к установлению вечности и неизменности существующего капиталистического строя; новейшую фаталистическую «социологию» механистов (бухаринскую социологию), а также и троцкистскую разновидность мелкобуржуазной социологии. Все они объединены одним общим принципом: отрицанием важнейшей категории марксизма-ленинизма в изучении общественных явлений, — общественно-экономической формации, т. е. отрицанием определенных закономерностей для каждого данного этапа исторического процесса, отрицанием диалектического развития самих этих закономерностей.

Марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации для буржуазных и мелкобуржуазных идеологов всех толков и оттенков совершенно неприемлема, потому что она есть фундамент учения Маркса — Ленина о социальной революции. Непонимание значения формаций и закономерности смены их есть лишь оборотная сторона отрицания неизбежности социальных революций. Отрицание этой категории людьми, считающими себя марксистами, неизбежно приводит их к оппортунизму. Верно и хорошо было сказано на дискуссии историков, что буржуазные социологи, боясь революции, выбрасывают диалектику, а ревизионисты всех толков выбрасывают революцию, не понимая диалектики, чем и обуславливается их стык на всех участках конкретных общественных наук.

Только опираясь на учение об общественно-экономической формации, мы сможем осознать и изучить закономерности переходного периода, наметить пути дальнейшего развития его в социализм, пути уничтожения и замены капиталистических законов социалистическими, осознать и наметить пути развития революционного движения в отдельных капиталистических странах, определить этапы, переживаемые колониальными и полуколониальными странами, и пути их к социализму. Только опираясь на учение об общественно-экономической формации, мы можем выработать действительно революционную тактику и стратегию классовой борьбы за социализм, избегая «левацкого», сектантского авантюризма и правооппортунистического хвостизма.

Общественно-экономическая формация, как реально существующая в каждую данную историческую эпоху система социально-экономических отно-

нений с соответствующей системой политических и идеологических надстроек, должна быть отправным пунктом марксистского анализа законов общественного развития.

Глава II. Проблема общественно-экономической формации у современных ревизионистов

Отрицание понятия общественно-экономической формации объединяет всех идеологов и теоретиков классово враждебных нам сил, начиная с явно буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, в том числе и теоретиков социал-фашизма, которым это отрицание служит для защиты капиталистического строя и обоснования невозможности социальной революции, проходя через целостные ревизионистские теории Богданова — Бухарина и кончая меньшевистско-идеалистическими извращениями марксизма-ленинизма современной школой Деборина (Карев, Стэн и др.). Буржуазные социологи пытаются вытеснить марксистское учение об общественно-экономической формации, «охватывающее исторически и экономически многосложную противоречивую действительность, находящуюся в процессе развития». Они пытаются противопоставить этому учению свою теорию «идеальных типов», схем, лишенных от всяких противоречий, оторванных от действительности (которые, по собственному признанию Н. Вебера, «не есть изображение действительного»), или теорию полного отрицания всякой закономерности и им подобные. На русской почве основными проводниками этих теорий были Струве и Петрушевский, которые тоже подкапывались под это учение, возражая и протестуя против материалистического рассмотрения исторического процесса как естественно-исторического процесса, называя это «методологическим натурализмом». Они не могли найти диалектического разрешения между объективным ходом вещей и возможностью активного воздействия на ход исторического процесса.

По этому же пути идет и «эволюция» Зомбарта, который когда-то в свое время дал периодизацию исторического процесса, основанную на производственном принципе, сейчас же фактически отказывается от нее, вводя допущение в виде «хозяйственного духа», отказывается признать какую-либо закономерность в развитии общественных явлений, тоже приходя к веберовской точке зрения. Полнейшее отрицание какой-либо исторической закономерности, законов развития и функционирования формации выражает и Риккерт.

Мы это приводим для того, чтобы показать, что Каутские и Куновы, Богдановы и Бухарин, Карев и его «коллеги» по деборинской группе одни фактически уже окончательно скатились, другие стремительно катятся на рельсы буржуазной идеологии в вопросах истмата.

Переходим к разбору у них этой проблемы.

а) Социал-фашистское понимание проблемы общественно-экономической формации.

Каутский и Кунов, окончательно рассчитавшиеся с остатками своей «социалистической» совести, отказавшись от теории исторического материализма, целиком перешли на позиции буржуазной социологии. Оба они во всех последних работах выражают общую тенденцию буржуазной социологии отстоять незыблемость капиталистического строя и доказать невозможность и неправомочность социалистической революции. Вследствие этого все удары направлены на два основных пункта марксизма: на учение о закономерном-диалектическом ходе общественного развития и на учение об общественно-экономической формации. Для этой цели они не стесняются исказить и пересматривать ряд своих прежних высказываний и положений, исходя из

одного принципа: подкрепить и защитить капиталистический строй. Ведь только такую цель могут иметь куновские «доводы» отрицания эпохи первобытного коммунизма. Для того, чтобы увековечить категорию индивидуальной собственности, он представляет первобытное общество как смесь индивидуальных и коммунистических элементов, из которых «труд, как правило, создает индивидуальную собственность», по выражению одного из русских последователей их, П. Преображенского. Определение Куновым класса и общества выражает совершенно определенную тенденцию: как можно абстрактнее разговаривать о производственных отношениях. Кунов меньше всего интересуется разъяснением вопроса об исторической ограниченности всякой производственной системы, наиболее четко выраженной Марксом в его понятии общественно-экономической формации. Кунов, как правило, говорит об общественном производстве вообще, а не о «производстве на определенной ступени общественного развития». И все это потому, что ему нужно подорвать учение марксизма о закономерности смен общественно-экономических формаций. Общество вообще у Кунова застывает на капиталистической формации. Он мобилизует всю «аргументацию», чтобы доказать невозможность существования каких бы то ни было исторически ограниченных закономерностей исторического процесса, чтобы установить правомерность вечных категорий (собственности, государства, нации и т. д.) и убедить, что к социализму можно притти не спеша, без всяких переворотов. Конечно он не заявляет этого открыто—тогда бы задачи и цель социал-фашистов были раскрыты. Убеждение в вечности и неизбежности капитализма Кунов протаскивает под скромной вывеской споров с Марксом о темпах капиталистического развития, заявляя: «неоспоримо, что капиталистическое развитие происходит медленнее, чем это принимали Маркс и Энгельс». Он не выступает открыто против теории развития Маркса. Он признает, что «экономическое развитие действительно в общем и целом, хотя и не всегда в частностях, идет по начертанному им (Марксом. — А. Т.) пути». Но признав, что в общем тенденции развития капитализма, указанные Марксом, верны, он старается рядом ухищрений свести их на-нет. Он считает, что своим замечанием о темпах, а особенно о контртенденциях, которые выступают против тенденций, указанных Марксом, он этого достигает. Он говорит, что тенденции отрицания, которая является одним из основных пунктов теории Маркса, противостоит контртенденция в виде организованности рабочего класса, которая и побеждает эту тенденцию. Эти две «поправочки» уже так «изменили» основную тенденцию капитализма, указанную Марксом, что дают возможность Кунову подойти к его основной цели — опровергнуть марксово понимание закономерности исторического процесса. Под видом борьбы с абсолютными, неограниченными законами (что абсолютно противоречит марксизму и выдуманно Куновым) он делает попытку совершенно устранить эти законы путем отмены их на основе контртенденций, которых-де «Маркс во многих случаях недооценивал». Но марксизм, признавая изменение тенденций капиталистического развития в конкретной данной обстановке, никогда не считал однако, что видоизменения основных законов капитализма приводили к отмене их в пределах этой же капиталистической формации.

Разделавшись с закономерностями капиталистического развития, Кунов далее пытается под «марксистским» флагом выбросить учение о революции. Делает он это путем сведения единства эволюции и революции к одной эволюции. Он говорит: «Согласно теории развития Маркса политические и социальные «революции» также относятся к эволюции. И они являются «эволюционными актами», но только ускоренными, форсированными актами, торопливым движением вперед в ускоренном темпе... Однако же такие временные бури, создаваемые движением вперед не изменяют ни причин, ни условий общественного

развития, ни его направления и основного характера» (подчеркнуто мною. — А. Т.).

Задача выполнена. Общей тенденции капиталистического развития, ведущей капитализм к уничтожению, противостоят контртенденции, которые настолько изменяют основную тенденцию его, что ни о какой закономерности гибели капитализма не может быть и речи. Капиталистические категории вследствие этих контртенденций приобретают вечный абсолютный характер. Фальсификация истории первобытного общества должна подтверждать вечность индивидуальной собственности, следовательно ни о каких общественно-экономических формациях и развитии их не может быть и речи. Вечность капиталистических категорий доказывает ненужность революции, дело вполне обходится с одной эволюцией, с постепенным разворачиванием одних и тех же капиталистических качеств, и кроме того, какой же смысл в революции, если она «не изменяет ни причин, ни условий общественного развития, ни его направления и основного характера». На место объективной закономерности исторического процесса, включающей в себя и деятельность человеческого общества, предполагающей обязательно активное участие классов в историческом процессе развития, мы видим, как путем отрицания этой объективной закономерности Кунов, а за ним и Бухарин (о чем будет сказано ниже) приходят к фаталистическому вечному существованию капитализма и его неизбежных и вечных законов. Субъективистское отрицание необходимости и закономерности ведет к фаталистической, предопределенной неизбежности. Наиболее резко этот переход субъективизма в фатализм виден у более чистых и последовательных механистов типа Бухарина и его школы, а также у троцкистской разновидности субъективной социологии.

Кунов делает вид, что он выступает против струвистских взглядов в социологии, затушевывая этим то обстоятельство, что он сам перешел на позиции Струве в основных, главнейших вопросах, и его окончательный вывод о невозможности и ненужности революции является перефразой не очень умной иронии Струве, что социальная революция есть социальное чудо, которое «приводит в исполнение переход количества в качество, благодаря внутренне присущей ей творческой силе».

б) Проблема общественно-экономической формации в концепции Богданова.

Фактическим продолжением буржуазных социологических теорий является и теория общественного развития Богданова и наших современных механистов. Направляя основной удар на теорию диалектического хода развития исторического процесса и на понятие общественно-экономической формации, они скатываются к учению об обществе «вообще», к отрицанию классового характера производственных отношений и к их натурализации, к теории равновесия, к признанию лишь непрерывного количественного роста без перерыва непрерывности, без скачков и революций, к отрицанию специфических качественных закономерностей отдельных исторических эпох, отдельных «социальных организмов». По мнению Богданова, Маркс не располагает возможностью объяснить возникновение нового качества и объяснить переход к нему, переход к новой общественной формации со специфическими для нее закономерностями. Общая механистическая методология Богданова, базирующаяся на принципе сводимости, на количественной непрерывности, на отрицании объективного значения категории качества и на тождественности «элементов психического и физического опыта», полностью выбрасывающая диалектику и материализм, не позволяет ему, так же как и Струве, диалектически разрешить вопрос о закономерности исторического процесса и роли субъективного фактора в нем. По Богданову, не понимающему диалектического единства общего и особенного, объяснить переход — это значит просто

растворить его в эволюционном ряду. Непонимание значения и отрицание общественно-экономических формаций как определенных этапов в общем ходе исторического процесса у Богданова полностью выявлены в его периодизации истории и тех принципах, которые им положены в основу ее.

В основу периодизации Богданов положил не способ производства, не «совокупность производственных отношений» на данной исторической ступени развития, как этого требует марксизм. Он подразделяет процесс экономического развития на периоды, характеризующиеся различным строением общественных организаций¹⁾, которое (строение) у него определяется различной организаторской ролью определенных общественных элементов. Суть богдановщины заключается в отрицании закономерного развития общественно-исторического процесса, в механическом подходе к этому процессу, в рассмотрении процесса вообще и общества вообще, как простой «совокупности людей, объединенных хозяйственной, или что то же, трудовой связью» — и только, в непонимании классовой стороны этой «трудовой связи», придающей обществу определенную форму движения в каждый данный исторический период.

Как способ производства выпал у него из основных принципов периодизации исторического процесса, так же (вполне закономерно вследствие этого) выпала у него и классовая борьба. На основе этого у него классовое феодальное общество и доклассовое общество первобытного коммунизма попадают в одну рубрику. Момент классового деления общества как следствие определенного способа производства не играет никакой роли в «социологии» Богданова. Типы строения общественных организаций он берет из бюхнеровской схемы и устанавливает три основных типа: первобытное натуральное хозяйство, меновое хозяйство и объединенное натуральное хозяйство (коллективизм). При чем в первом периоде он различает три эпохи: первобытный родовой коммунизм, авторитарную родовую общину и феодализм. На какой способ производства, отличный от первой эпохи, опирается патриархально-родовая община, ни нам, ни Богданову не известно, так как все существенное отличие ее от первобытного родового коммунизма заключается только в том, что «функция организаторская обособилась внутри общины в виде власти старейшего и опытнейшего»²⁾. И феодализм, который, несмотря на свой классовый характер, несмотря на действительно новый способ производства, по Богданову отличается от первых двух эпох опять только тем, что «специализация... захватывает также организаторскую функцию, что создается более или менее сложная и дифференцированная система власти — подчинения»³⁾.

Организаторская роль у Богданова — это основной классообразующий момент и основной принцип деления исторического процесса на периоды. Принцип — чисто субъективный и в конечном счете идеалистический, не позволяющий установить закономерности общественного исторического процесса для каждого периода, не позволяющий в общем выделить особенное и определить специфичность этого особенного и законы его развития. Переход от одной формации в другую путем революционной ломки производственных от-

¹⁾ Богданов и Степьянов. Курс политэкономии, т. I, стр. 18

²⁾ Там же, стр. 18.

³⁾ Там же, стр. 18. На основе такого же принципа Богданова подразделяет период менового хозяйства на эпохи: рабскую, ремесленно-городскую, крепостническую, торгового капитализма, мануфактурную, первоначального накопления, промышленного и наконец финансового капитализма. Поучительно отметить, что при такой детальной разбивке общественно-исторического процесса по совершенно случайным, не основным признакам он все же империализм не выделяет как особый этап в развитии капитализма, а считает его со всеми теоретиками II интернационала только «политикой финансового капитала» («Краткий курс экономической науки», стр. 242).

ношений и возвышающейся на них политической и идеологической надстройки у него нет. Развитие «организаторской функции» идет эволюционным путем. Трудовые связи не являются классовыми связями, а «общественные отношения производства и распределения изменяются постепенно, последовательно, мало-по-малу. Быстрых переходов не бывает, резких границ между предыдущим и последующим не наблюдается»¹⁾. Организаторская функция у него покрывает все: и производственные, и выражающие их классовые отношения. Вместо эксплуатации феодалом крестьянина у него утверждается, что организатор-феодал «поддерживал крестьян и помогал им»²⁾; взимание ренты он связывает с «полезными» функциями, которые выполняет феодал, ибо «величина ренты при собственно феодальных отношениях стоит в непосредственной связи с теми полезными функциями, которые выполняются феодалом»³⁾.

Теория равновесия, являющаяся душой «организационного процесса» Богданова, заменившая ему материалистическую диалектику, приводит его в философии к выводу, что «никакой самопроизвольности нет места», т. е. что никакого самодвижения нет, а в социологии соответственно — к исключительному «внешнему противоречию». «Вести от нее (от системы хозяйства, в частности крепостнической. — А. Т.) вперед способны только двигатели, извне действующие на нее»⁴⁾, и еще «в обществах натурально-хозяйственных... родовых, феодальных и т. п. эти силы имеют в основе... внешнее противоречие» (разрядка Богданова)⁵⁾. Этот принцип развития общества на основе «внешнего противоречия», вначале установленный Богдановым как бы только для периода натурального хозяйства, затем распространяется им и на период менового хозяйства, ибо и в нем конкуренция по мере развития капитализма уничтожается и переносится на мировую арену, т. е. из внутреннего противоречия становится внешним. «Мы видели, что этой пружиной («движущей промышленность вперед») является необузданная конкуренция, царящая повсюду, где капитализм не вступил еще в свою новейшую стадию»⁶⁾. А где вступил, там значит ее уже нет? Да, ответ таков: «Конкуренция уничтожается внутри капиталистических стран, она остается... вполне реальным фактом на мировом рынке»⁷⁾. Надо полагать, что и там она остается только до момента дальнейшего развития капитализма. Таким образом мы видим вполне определенную теорию уничтожения анархии производства в капиталистическом обществе, теорию организованного капитализма, позволяющую «постепенно, последовательно, мало-помалу», ибо «быстрых переходов не бывает», как учит нас Богданов, вращать в социализм»⁸⁾.

¹⁾ Богданов и Степанов, Курс политэкономии, т. I, стр. 8.

²⁾ Богданов, Начальный курс политэкономии, стр. 49.

³⁾ Богданов и Степанов, Курс политэкономии, т. I, стр. 125.

⁴⁾ Богданов Нач курс эконом. науки, стр. 77.

⁵⁾ Там же, стр. 261.

⁶⁾ Там же, стр. 246—247.

⁷⁾ Там же, стр. 247.

⁸⁾ Не можем удержаться, чтобы не отметить источник «последних научных изобретений» т. Бухарина. Ведь его теория об организованном капитализме не только по существу, но и буквально списана с «Начального курса экономическ. науки» Богданова. Для сравнения припомним две формулировки т. Бухарина. «Его капиталистического хозяйства. — А. Т.) анархическая природа переполазает на основные линии международнохозяйственных отношений. Проблемы рынка, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации (теория «организованной безхозяйственности»). И вторая: «Что означает государственный капитализм с точки зрения конкуренции? Он означает замещение конкуренции внутри капиталистической страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами» («Некоторые проблемы современн. капитализма»). Цитировано по сборнику Комкакадемии «Организованный капитализм».

в) Проблема формации в «социологии» Бухарина. Тов. Бухарин, постоянно кокетничавший с Богдановым, является фактическим учеником и продолжателем как общефилософских, так и вытекающих из них социологических взглядов его. На тесное родство философской концепции Бухарина (как «вождя» механистической ревизии марксистско-ленинской диалектики) с богдановщиной (как махистской разновидностью субъективного идеализма) неустанно указывал Ленин: «Автор (Бухарин.— А. Т.) ставит его (диалектический материализм) рядом (т. е. на втором месте) с Begriffsscholastic Богданова. Но рядом ставить нельзя: или или» ¹⁾. Бухарин же все время пытался «соединить» их, пока не перешел целиком на сторону «схоластики à la Богданов». Эту же мысль подтверждает другое замечание Ленина: «Для автора (Бухарина), испорченного эклектизмом Богданова, диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения» ²⁾. «Слепо подражая богдановским «терминам», на деле вовсе не «терминам», а философским ошибкам» ³⁾, т. Бухарин от ревизии марксизма в философии пришел к оппортунизму в политике, повторяя и тут опять своего учителя Богданова, начав с «левого» оппортунизма и кончив правым оппортунизмом.

Философские ошибки т. Бухарина, составляющие оформленную систему взглядов, базируются на метафизической, формальной логике, на полном разрыве с диалектикой и на богдановской «организационной науке». Эта метафизическо-механистическая методология, применяемая им последовательно и в области общественных явлений, отражается и на его практическом подходе к анализу общественных явлений. На это постоянно указывал Ленин в своих выступлениях против Бухарина по вопросу о Бресте, профсоюзах, в заметках на его «Экономику переходного периода» и в следующей его характеристике: «его (Бухарина) теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» (подчеркнуто мною.—А. Т.).

Вот это «нечто схоластическое» в Бухарине и то, что он «никогда не понимал вполне диалектики» подтверждается всей механистической философской концепцией т. Бухарина, особенно резко выпирающей наружу в его «социологии». Метафизический, схоластический подход Бухарина к явлениям общественной жизни выражается в создании «социологии» как «науки» об обществе вообще, в создании законов переходного периода вообще, в создании закона общественно-трудовых затрат для всех экономических формаций вообще и т. д. Его «социология» (являющаяся по собственному определению т. Бухарина «наиболее общей социальной наукой, которая изучает не отдельные формы общества, а общество вообще»), исходным пунктом берущая взаимоотношение «системы» и «среды», с утверждением примата среды, и базирующаяся на теории равновесия, — неизбежно приводит к натурализации производственных отношений в классовом обществе, к игнорированию историчности процесса, к механистической трактовке понятий государства, общества и класса как чисто количественных комбинаций, выражающих технические процессы, а не классовые отношения, к полному выбрасыванию понятия общественно-экономической формации.

Поставив своей задачей «уточнить и развить положения теории исторического материализма», «продвинуть дальше разработ-

¹⁾ Лен. сборник XI, стр. 361.

²⁾ Там же, стр. 387.

³⁾ Там же, стр. 401.

ку его проблем» (разрядка Бухарина ¹), Бухарин за «продвижение дальше» счел реставрацию и развитие теории равновесия Богданова. Ленинскому продвижению дальше теории истмата он предпочел богдановское, при чем всех критикующих его за такого рода фокусы, в том числе и Ленина, он с высокомерием отнес к «породе (людей), запоминающих одни слова» и не разобравшись, что он (Бухарин), идя по линии «наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса», изложил теорию их только «другими словами». (Такого рода перлы мы видим на первых двух страницах его беглых заметок «К постановке проблем теории истмата» в сборнике «Атака»).

Бухарин пишет: «Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение, — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д. — вот что реально соответствует гегелевской триединой формуле» ²). Не поняв диалектики и сведя ее целиком к гегелевской триаде и только (и здесь применив старый-престарый способ гг. Дюрингов, Михайловских и др.), он выбросил диалектику совсем. Расчистив таким образом путь, он приступает к возведению теории общества «вообще», вечных законов социологии. И вот мы имеем первый вечный, абсолютный и притом чисто-натуралистический закон, что «соотношение между средой и системой есть величина, определяющая в конечном счете, движение любой системы» ³). Найдя этот натуралистический (а по Бухарину это есть вполне «материальный») закон движения «любой системы», он приступает дальше к «материализации» общественных отношений. Видите ли, у Маркса и у Ленина, поскольку они оба признают момент самодвижения, вносится элемент «телеологического привкуса» и некоторый психологический налет. Вытравливая этот «психологизм», он дает свое новое определение производственных отношений: «Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины» и времени ⁴). У т. Бухарина производственные отношения должны быть материальны в смысле того, что они «овеществлены», «опредмечены», а у Маркса производственные отношения как общественные и классовые отношения материальны в том смысле, что они — действительно объективно, вне сознания людей существующие отношения, создающиеся в процессе производства и изменяющиеся в связи с развитием производительных сил. Они материальны, так как они есть форма существования, форма развития и движения материальных производительных сил. Для метафизика-механиста, разрывающего форму и содержание, не признающего их единства, конечно нужно еще особо «материализовать» производственные отношения. Вследствие этого механист-метафизик сводит их к натуралистическому отношению (ведь только это для него материально), сводит их к простой технической расстановке людей во времени и пространстве, т. е. начисто очищает их от всего «психологического», чем ему кажется их общественный характер.

¹) Бухарин, Сб. «Атака», стр. 115.

²) Бухарин, Сб. «Атака», стр. 117. Для определения степени «новизны» сказанного т. Бухариным приводим довольно уже старое положение Богданова: «Мы с начала определили диалектику так: организационный процесс, идущий путем борьбы противоположных тенденций, и еще: «вот вам и вся триада: от равновесия, через нарушающую его борьбу двух сил, к новому равновесию». Плагиагт несомненный! Но только Богданов, на заданный самому себе вопрос «совпадает ли это с пониманием Маркса?» честно заявляет: «Очевидно, не совсем: там дело идет о развитии, а не об организационном процессе», Бухарин же только тем и отличается от Богданова, что трусливо не указывает первоисточника.

³) Там же, стр. 119.

⁴) Там же, стр. 121.

Основной методологический грех механистов (г. Бухарина как вожака их, т. Дубровского и некоторых других, так применяющих эту общую методологию к общественным явлениям), не позволяющий им понять важное значение общественно-экономической формации и ее реальное объективное существование, заключается именно в неправильном, техническом толковании производственных отношений как «расстановки людей в производстве», притом людей, «рассматриваемых как «живые машины». Это общо всем механистам. При чём одних, как Бухарина, это приводит к полному упразднению общественно-экономической формации, к «социологизированию», к стиранию всяких качественных граней между закономерностями различных общественных организмов, к отрицанию процесса развития их. Других, как т. Дубровского, это приводит к утверждению, что каждая перемена в «расстановке людей» ведет к образованию новой формации. Он растворяет формацию в отдельных переходах, расчленяет ее по примеру Богданова и тем самым фактически тоже упраздняет понятие общественно-экономической формации, ибо лишает себя возможности познать закономерности ее на основе изучения всего комплекса характеризующих ее черт, определяемых в основном способом производства.

Тот и другой вывод из механистической концепции одинаково ведет к отрицанию революции (скачка) при переходе от одной формации к другой. Изменения в технической расстановке людей на производстве происходят и без социальной революции. Это во-первых. И во-вторых, если крепостничество есть особая формация в отличие от феодализма (как у Дубровского), империализм («финансовый капитализм») — тоже особая формация по сравнению с капитализмом, а переход от капитализма к империализму не сопровождается конечно социальной революцией, то значит может быть переход без скачка от одной формации к другой; отсюда — правильный логический вывод, что значит возможен переход без скачка и от капитализма к социализму. Тов. Бухарин не видит качественных изменений при новых формациях и скачка к новой формации, не видит исторического хода развития самой формации, не видит изменения социальных отношений при изменении и развитии формации. Ленин называл это «образцами буржуазной пошлости», той пошлости, разносчики которой выдают категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации... за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей и «непосредственно» половые связи»¹⁾.

Непосредственно из этих положений Бухарина вытекает и его понимание переходного периода от капитализма к социализму. Его теория переходного периода является завершением всех его «социологических» исканий и результатом всей его работы по «уточнению и развитию» истмата. Но в то же время она является ближайшим исходным пунктом всей правооппортунистической платформы его и его группы, перекидывающей мост к Каутским и Куновым, которые в свою очередь уже перекинули мост к Струве, Зомбарту и другим буржуазным идеологам. Тов. Бухарин сначала ставит вопрос о «якобы мистической сущности производительных сил у Маркса, которые должны, неизвестно почему и неизвестно отчего, во что бы то ни стало развиваться»²⁾. Для т. Бухарина это действительно должно быть непонятно и казаться «мистическим», так же как и «самодержавие» — пахнуть телеологием. Поскольку он свел развитие производительных сил только к механическому взаимодействию с природой при примате последней, и установил закон, в силу которого оба эти элемента стремятся к установлению равновесия, выбросил совершенно из производственных отношений их общественный и следовательно (в классовом обществе) классовый характер, постольку

¹⁾ Ленин, т. I, изд. 2-е, стр. 731.

²⁾ Бухарин, Сб. «Атака», стр. 125.

он отрезал себе путь для понимания причин развития производительных сил. Он не согласен с основным положением марксистской теории, что борьба между производительными силами и производственными отношениями как формой развития их, конкретно выражающейся в борьбе классов, является причиной развития производительных сил в классовом обществе. После этого т. Бухарин переходит к «социологической характеристике» (как выражается он) переходных периодов и периодов упадка. Приведем эту характеристику: «Социологическая характеристика этих периодов (переходных и периодов упадка. — А. Т.) как периодов отступления производительных сил под влиянием надстроек с постоянной лимитацией этого влияния предыдущим состоянием производительных сил; другими словами, характеристика основной закономерности их как растянутого во времени процесса обратного влияния надстроек (в случае переходного периода до момента установления нового общественного равновесия) дана со всей определенностью и уложена в общетеоретические рамки»¹⁾. Здесь заключена вся соль бухаринской концепции. Переходный период, а это ведь и есть революционный скачок от одной формации к другой, несет с собой только упадок производительных сил и больше ничего (ведь, по Бухарину, когда прекращается это «развитие со знаком минус» и устанавливается новое общественное равновесие, то переходный период тем самым уже заканчивается). Совершенно ясно вытекает отсюда, что переходный период не заключает в себе «ни причин, ни основного характера нового направления». А чем это отличается от куновского понимания революции как «временной бури», которая «не изменяет ни причин, ни условий общественного развития, ни его направления и основного характера»? У т. Бухарина революция как движение назад, как период упадка производительных сил, сменяется затем эволюцией, «действительным вращением в социализм».

Но это не все выводы, которые неизбежно делает т. Бухарин из своей теории переходного периода. Переходный период у него охватывает только первый акт революции — акт разрушения старого, который, правда, связан всегда с некоторыми «издержками революции». Но ведь переходный период значительно шире. Он включает в себя формирование новых закономерностей на основе нового способа производства и переделки им всех общественных отношений старой формации, он включает в себя окончательное уничтожение капиталистических категорий, в том числе и классов, он включает в себя построение социализма. У Бухарина это все выпадает из переходного периода, ибо, по его мнению, раз только начался рост производительных сил, то переходный период, т. е. революционный слом старого и создание нового, закончился, устанавливается новое общественное равновесие, и развитие идет эволюционным путем, путем «вращения в социализм». Спротивление капиталистических классов, стихийное возвращение капитализма мелкотоварным хозяйством (Ленин), классовая борьба — все прекратилось, когда наступил восстановительный период, который, по Бухарину, уже не входит в переходный период. Раз начался рост производительных сил, то революция кончилась, кончился переходный период, установилось равновесие и новая закономерность, которая автоматически втягивает капиталистические элементы (и кулака и даже концессионера) в социалистическое хозяйство. Отсюда понятен у него по существу вечный характер энпа и даже одной из его первых стадий — торговой смычки, ибо ведь развития в переходный период не может быть, оно нарушает установившееся равновесие. Переход в новую фазу переходного периода (что Бухарин был вынужден после трехлетней борьбы с партией

¹⁾ Бухарин, Сб. «Атака», стр. 126.

фактически признать) является для него новой своеобразной революцией «антикулацкой революцией», а не дальнейшим развитием переходного периода на основе победы и роста социалистических элементов в народном хозяйстве, сопровождаемых обостренной классовой борьбой.

В общем вся «социология» правого уклона, построенная т. Бухариным, вытекает из его общей механистической методологии, а практика правого оппортунизма как кулацкой идеологии, объективно поддерживающей вредителей из буржуазно-промышленных кругов, непосредственно вытекает из его теории переходного периода. Метафизические схемы, абстрактные рассуждения об историческом процессе вообще марксизмом-ленинизмом решительно отвергаются. Ленин говорил: «мы боремся с действительно существующим классовым врагом, действующим в действительно существующей общественно-экономической формации, и поэтому должны изучать эту конкретную действительность и на основе ее изучения должны выводить стратегию и тактику классовой борьбы». Это неустанно повторял во всех своих работах Маркс, это неустанно проводил Ленин с первых же шагов своей революционной деятельности, этим пропитана вся теоретическая и практическая работа т. Сталина, это проводила и сейчас проводит наша партия.

«Марксизм видит свой критерий в формулировке и в теоретическом объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов» (Ленин, т. I, стр. 271). «Марксизм ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией» (там же, стр. 208). Надеюсь, достаточно и этих доказательств, ибо это бесспорно и очевидно для всякого, кто не сошел с пути марксизма-ленинизма в бесплодные абстрактно-схематические пустыни.

Материалистическое понимание истории, — единственно научная теория и метод анализа общественных явлений, вскрытия закономерностей развития каждой общественно-экономической формации, изучения соотношения и расстановки классовых сил, являющийся в руках Маркса, Ленина и Сталина, в руках коммунистической партии острейшим оружием в практической революционной работе по переделке мира, — в руках Бухарина превращается в тошную, абстрактно-схематическую «науку», которая не может быть руководством к действию в революционной борьбе. Метафизический метод приводит к созданию догмы, не имеющей значения в практической революционной борьбе.

Понятие общественно-экономической формации в истинате обосновывает диалектическое единство теории и практики. И поскольку «основную задачу тактики пролетариата Маркс определяет в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания» (Ленин), постольку всякое отступление от этого метода, а тем более выбрасывание одного из существеннейших положений марксизма-ленинизма — учения об общественно-экономической формации, приводит Бухарина и его группу к оппортунистической практике и тактике. Как все общеметодологические ошибки нашли свое отражение в «социологии» Бухарина, так и вся ревизионистская сущность «социологии» нашла свое отражение в меньшевистско-оппортунистической политике правого уклона.

В философии, на рельсах механистического материализма, Бухарин скатывается к субъективизму и в то же время в вопросах «социологии» недооценивает субъективный фактор, приходит к «чистому» объективизму. Не противоречит ли это друг другу? Ни в какой степени. «Чистый» эмпиризм механистов в теории познания при всякой попытке внести

систематизацию в явления природы приводит их к субъективизму. Их «объективизм» в социологии, якобы объективно изображающий неотвратимые законы развития общества, технологизирующий производительные силы общества и вследствие этого не учитывающий одного из решающих факторов этого развития: революционный класс и классовую борьбу,— также представляет собою не что иное, как разновидность субъективизма. Еще Плеханов писал: «фатализм вообще нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом. Фатализм сплошь и рядом объявляет неотвратимыми законами истории свое собственное настроение». Бухарин и его группа не составляют исключения из этого правила. Их «объективизм»—фатализм—также идет «рука об руку с самым крайним субъективизмом», и у них «законом истории объявляется собственное настроение», а отсюда вытекают и «затухающие кривые», и «узкие места», и «непосильные темпы» и т. д.

г) Ошибки Плеханова и извращения марксизма-ленинизма в вопросе о формации деборинской группой. Остановимся еще на изложении интересующей нас проблемы у Плеханова.

Не отрицая заслуг Плеханова в развитии и распространении материалистическо-диалектических взглядов в России, большой проделанной им работы по борьбе с идеализмом как исконным и постоянным врагом материализма и отдельными ревизионистскими течениями внутри марксизма, мы должны критически подойти к целому ряду его положений и концепций «Непонимание сути диалектики», отступление от основного марксистского положения, о связи теории с практикой, его «фейербахианизм» приводили Плеханова к софистике, к ряду механистических положений (особенно в области истмата) и к идеалистическим ошибкам (иероглифизм, вопрос о государстве).

Неслучайно механистическая, струвистско-объективистская литературная концепция Переверзева почти целиком опирается на ошибочные положения Плеханова и выросла из некритического отношения к его трактовке основных проблем истмата. Неслучайно, что в ряде пунктов механисты находили поддержку у Плеханова. Неслучайно, что и Деборин и его группа принимали полностью и целиком «всего» Плеханова-теоретика, без критического отсеивания его ложных и ошибочных положений, с тем, чтобы отрицать фактически роль Ленина в разработке и продвижении диалектики на новую ступень, формалистически и идеалистически извращать диалектику, прикрывать и поддерживать механистические ошибки в литературе и идеалистические ошибки в политэкономии и естествознании.

Разбор ошибок Плеханова ускорит нам расчистку путей для дальнейшей работы, поможет вскрыть корни и механистических и идеалистических концепций у современных «наших» советских ревизионистов и в то же время даст нам возможность критически пользоваться трудами Плеханова в нашей работе.

Мы в данной связи берем только один вопрос—относительно «основных законов социальной эволюции» Плеханова и в связи с этим проблему общественно-экономической формации. Плеханов попадает в мертвый заколдованный круг, ибо у него «основные законы социальной эволюции» (термин, употребляемый им) определяются развитием производительных сил; причиной же развития последних он считает географическую среду («свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил»¹⁾), при чем она (географическая среда) определяет не только общий ход развития производительных сил, а следовательно и общий ход общественно-исторического процесса, но и все особенности его, все различия в

¹⁾ Плеханов, т. XVIII, стр. 205.

«исторических судьбах народов» («Соединенное влияние географической среды и международных отношений объясняет нам огромное различие, обнаруживаемое в исторических судьбах народов, несмотря на то, что основные законы социальной эволюции повсюду одни и те же»¹). Правда, в ряде мест он пытается ослабить это положение, но фактически у него все же весь процесс общественно-исторического развития в конечном счете как в своих общих чертах, так и в особенностях и различиях определяется географической средой.

Из этого чисто механистического положения непосредственно и вырывается у Плеханова струвистский объективизм и даже фатализм в толковании процессов общественно-исторического развития, игнорирование и недоучет субъективного фактора в историческом развитии, а отсюда уже и меньшевистское непонимание характера революции 1905 года и Октябрьской революции. Отсюда вырастают у него и антимарксистская трактовка роли государства и идеалистический уклон в теории исторического процесса развития России. Отсюда же вырастает и окончательный переход его, после некоторых колебаний, на меньшевистские, а затем социал-патриотические позиции, как дальнейшее развитие меньшевизма.

Развитие производительных сил для Плеханова — это как-то заранее данный, вечный и всеобщий закон. И неправильно дав ответ на причины развития производительных сил, он лишил себя возможности вскрыть классовый характер противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Плеханов не развивает и не разрабатывает проблемы общественно-экономической формации, вернее она у него даже выпадает, что является вполне последовательным с его точки зрения. Зачем нужно выделять общественно-экономические формации, если «основной закон социальной эволюции повсюду один и тот же» и сводится к натуралистическому закону влияния географической среды? Упор на неизбежность той или иной формы хозяйства, без анализа причин возникновения ее, без анализа особенных закономерностей каждой формации в конце концов приводит его к общественной «телеологии», хотя и помещаемой им в кавычки.

Прямо в Плеханова попадает упрек Ленина, когда он опровергает вульгарно-материалистические взгляды, препятствовавшие борьбе с народническими: «Рассуждения на тему, что марксизм связывается... с верой... в абстрактные, не требующие проверки фактами, догмы и схемы, в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней»²). Рассуждения же Плеханова о неизбежности исторического процесса без анализа причин его страдают именно этой верой в абстрактные формы и схемы, что придает им характер фаталистичности и предопределенности в каждый данный момент. Феодализм ведет к капитализму не потому, что таков путь «основного закона социальной эволюции — одного и того же повсюду», а потому; что развитие феодальных производственных отношений вызывает тенденцию к отделению средств производства от непосредственного производителя, что и приводит в дальнейшем к капитализму; а развитие капиталистических производственных отношений ведет к обобществлению труда и концентрации средств производства, на основе чего только и может развиваться сам капитализм, но вместе с тем это подготовляет и его уничтожение и создание новых, социалистических производственных отношений. Через все случайности и преграды законы развития формации возьмут свое, и если существует капитализм, то он может существовать и развиваться, только вызывая при этом одновременно и своего могильщика — пролетариат, вызывая процесс обобществления труда и кон-

¹) Плеханов, т. VIII, стр. 185.

²) Ленин, т. I, стр. 271.

центрации средств производства, а это неизбежно приведет к социализму. Но это — не «всеобщие законы социальной эволюции, повсюду одни и те же», а следовательно и всегда одни и те же, это — специфические законы каждой общественно-экономической формации, имеющие ряд общих положений для нескольких формаций, но конкретизируемых в особенном, конкретном законе данной формации, что и представляет собою диалектическое сочетание и единство общего и особенного. Не повсюду и всегда одни и те же, как у Плеханова, а исторически возникающие на основе прежних закономерностей и исторически развивающиеся до замены их новыми закономерностями, создающимися в процессе классовой борьбы и революции и выражающими собою новые производственные отношения, возникшие на новом уровне развития производительных сил, на новом соотношении классовых сил. Но это не значит, как у Плеханова, что если бы не было Максимилиана Робеспьера, то все равно весь ход французской революции не изменился бы ни на йоту. Конечно революция была бы и была бы борьба между Горой и Жирондой, ибо это обуславливалось политическими и экономическими причинами и определенной расстановкой и соотношением классовых сил. Но могло бы не быть многого из того, что связано с ролью Робеспьера в революции. Октябрьская революция — неизбежное следствие развития капитализма. Но, несмотря на свою закономерность и необходимость, вытекающую из законов развития капиталистической формации, стопроцентной гарантии победы мы заранее, т. е. до вступления в решающий бой, не давали и не могли дать, ибо исход революции мог быть решен только в процессе самого боя, в результате ожесточенной классовой борьбы. И например в Италии, в Германии в 1920—1921 гг., несмотря на наличие всех объективных предпосылок пролетарской революции, вследствие недостаточной подготовленности и сплоченности компартии в тот период, победа не была одержана.

В общественно-историческом процессе нет никакого фатализма, а у Плеханова он проскальзывает.

Теперь перейдем к рассмотрению проблемы общественно-экономической формации в работах представителей дебординской группы. Как мало занималась эта группа философами вопросами истмата, всем известно. Еще меньше она занималась разработкой конкретных отдельных положений истмата и методологией конкретных общественных наук. Таким образом в этой части наша задача сводится к разбору причин игнорирования ими теории истмата и невозможности применения ими важнейшей категории истмата — общественно-экономической формации — в силу тех идеалистических и формалистических искажений диалектики, которые их поставили на антимарксистский путь. Плехановские позиции этой школы, дальше которых они не смогли пойти, обуславливают собою и механистические и идеалистические ошибки дебординцев в разборе конкретных вопросов общественных дисциплин. Такая эклектичная позиция в методологии позволяла некоторым из них на практике сочетать троцкизм с его в основном идеалистическими, субъективистско-волюнтаристическими основами, с правым уклоном, базирующимся в основном на механистической концепции. Пренебрежение вопросами истмата этой группы является не случайностью. Оно обусловлено непониманием ими партийности философии и вследствие того разрывом теории и практики. Оно обусловлено политическим несогласием с генеральной линией партии, что находило свое отражение в работах Карева в выступлениях Стэна. Разрыв теории с практикой, неизбежно влекущий за собой уход в отвлеченные догмы и схемы, и вызвал извращения ленинской линии: в философии — антимарксистские позиции меньшеви-

ствующего идеализма, в политике—антипартийные полутроцкистские и правооппортунистические позиции.

Исторический материализм, не строящий «желательных» и «абстрактных» схем, а берущий фактические этапы исторического развития, отдельные «социальные организмы», со свойственными им законами зарождения и функционирования, требует всегда конкретного анализа. Он исходит из действительности, какой бы эта действительность ни была; он изучает законы ее развития и отсюда выводит свою стратегию и тактику. Этим самым теоретическая работа не отрывается от практической, или, как говорит Ленин, они «сливаются вместе», ибо мы не имеем каких-либо «иных» (кроме действительных) путей развития страны» (Ленин), и поэтому нам не нужно ждать с началом практической работы, «когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные» пути» (Ленин). Наша задача, по Ленину, «сводится к тому, чтобы быть идейным руководителем пролетариата в его действительной борьбе, против действительных настоящих врагов, стоящих на действительном пути данного общественно-экономического развития»¹⁾.

Основной порок во взглядах деборинской группы в данном случае заключается именно в непонимании этого основного положения ленинизма, гениально проводимого и сейчас нашей партией под руководством т. Сталина. Только это предохраняет от обращения революционного учения Маркса—Ленина в догму и от «объективизма», беспартийного по форме, буржуазного, антикоммунистического, антипартийного по существу. Ибо, как говорит Ленин, во-первых, «не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится—соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития»²⁾, и во-вторых, «марксизм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³⁾.

Вот одна из теоретических причин того, что деборинская группа «не долубливалась» Ленина, и, не заметив того нового, что дал он, они обратили марксизм—ленинизм в догму, они встали на антимарксистский, антипартийный путь. Вот причина их пренебрежения к вопросам истмата, конкретного изучения закономерностей общественно-экономических формаций, конкретного изучения становления социалистических закономерностей в переходный период.

Отдельные же попытки их подойти к вопросам истмата (Карев «Истмат как наука», Луппол «Ленин и философия»), а также и книга т. Разумовского «Теория истор. мат-ма» целиком отражают⁴⁾ их неленинскую постановку вопросов истмата, целиком отражают разрыв теории и практики, философии и политики, обусловленный разрывом и непониманием единства и общности и особенного. Это в конце концов приводит их к «социологизированию» вообще, к выводу, что истмат есть наука о методе общественного развития в целом (Луппол), и т. д. При таком подходе совершенно ясно, что проблеме общественно-экономической формации места не остается. И когда они подходят к исследованию конкретной действительности, то их абстрактный идеалистический метод берет перевес, и от живой, многосложной конкретной эпохи остается одна схема, следовательно дается неверное, извращенное представление. Это мы имеем у Карева с его схемой одного основного класса в переходный период, это мы имеем у Стэна и других. Несмотря на акту-

¹⁾ Ленин, т. I, стр. 192.

²⁾ Там же, стр. 276.

³⁾ Ленин, т. I, стр. 276.

⁴⁾ У Разумовского в несколько меньшей степени, чем у остальных.

ность и важность этой проблемы, несмотря на то, что ее подняли и заострили историки и экономисты, деборинцы все же продолжали «саботаж», видимому считая разработку конкретных вопросов в философии «ползу-щим эмпиризмом».

ЧАСТЬ 2

Глава III. Об исторической закономерности

Дискуссия историков и экономистов поставила проблему общественно-экономической формации с особенной остротой. Но основной вопрос не был разрешен, ибо они подошли к поставленной проблеме узко эмпирически, вращались исключительно около вопроса о феодализме и крепостничестве, не ставив перед собой разрешения общеметодологических вопросов, с критерием которых нужно было бы подойти к конкретному историческому материалу. «Саботаж» философов, не принявших участия в этой дискуссии и не разработавших самостоятельно этих вопросов, не позволил поднять дискуссию историков на более высокую ступень и на основе общих указаний Маркса и Ленина, на основе того анализа, который они нам оставили, на основе материалов нашего переходного периода разрешить эти общеметодологические вопросы. Этого дискуссия нам не дала, и разрешение проблемы фактически не продвинуто вперед. Но с необычайной силой заострена эта проблема, отражающая потребности нашей практической революционной работы.

Задачу данной темы я вижу не в том, чтобы дать точную и полную характеристику каждой общественно-экономической формации в общем процессе исторического развития (это дело конкретной истории и политэкономии), а в том, чтобы дать основные методологические принципы различения формаций, вытекающие из основных положений материалистической диалектики в ее применении к анализу общественного развития; показать, как материалистические взгляды марксизма, и в частности вопрос об общественно-экономической формации, увязываются с его общей методологией, с общей философской концепцией.

* * *

«Задача науки,—писал Маркс,—заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхность движение свести к действительному внутреннему движению» («Капитал», т. III). Следовательно задача марксистского анализа общественно-исторических явлений сводится к тому, чтобы на основе конкретного материала показать, как развивается данная формация, как она зарождается, переходит из одной в другую, как самое это развитие формации является результатом борьбы внутренних противоречий. Именно в этом смысле Маркс одобрил рецензию Кауфмана на «Капитал», в которой тот отмечал, что для Маркса «важно найти закон явления» и что при этом для него важен «не только закон, управляющий этими явлениями, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время,—для него еще важнее сверх того закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношения к другому».

Если же перевести формулировку Маркса о задачах науки на политический язык (а мы только так и можем подходить к общественным наукам, следуя заветам основоположников марксизма), то «прямая задача науки, по Марксу, это—дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход условия развития»¹⁾.

¹⁾ Ленин, т. I, стр. 218.

Часто приходится слышать абсолютно неверное мнение, что Маркс и Ленин, поставив проблему общественно-экономической формации, не дали полного ее определения. Маркс и Ленин дали нам общие методологические указания для определения в общем ходе исторического развития отдельных общественно-экономических формаций, дали нам развернутый классический анализ ряда формаций, в особенности капиталистической. Нашей задачей является на основе применения ими принятия общественно-экономической формации к различным эпохам—развернуть эту категорию, проанализировать особенности переходов от одной формации к другой, процесс создания закономерностей новой формации. Вся революционная—и теоретическая и практическая—работа Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, всей нашей партии на всем протяжении ее существования и сейчас, является лучшим образцом применения этого учения, которое пронизывает собою каждое решение, каждый тактический шаг, что выражается в конкретном учете всей совокупности условий, характеризующих данный период. Тактика «звена», «переходного периода в переходном периоде», план проведения сплошной коллективизации по различным районам СССР,—ведь это все практическое применение основного методологического требования марксистско-ленинской диалектики—конкретного учета конкретной ситуации в более узких исторических рамках. Понятие же общественно-экономической формации есть выражение этого положения в более широком историческом разрезе, охватывающем целую эпоху, большой исторический период, например в дифференцированном подходе программы Коминтерна к различным странам.

Диалектический материализм требует изучения действительного, объективно-существующего, и понятие общественно-экономической формации приводит нас действительно к познанию не пустых абстракций и наших пожеланий, а реального общества и реальных общественных отношений, внутренних причин их развития.

Диалектический материализм изучает каждое явление в процессе его развития, идущего путем борьбы противоречий, изучает явления в их связи и опосредовании, в то же время наряду с единством и непрерывностью устанавливает различие и прерывность, создающие новое качество, новые закономерности, устанавливает единство общего и особенного,—и выделение в истмате понятия формации именно и отражает это требование диалектики.

Диалектический материализм базируется на единстве теории и практики, и понятие общественно-экономической формации облегчает установление этого непосредственного стыка теории и практики в общественной жизни. Материалистическая диалектика «оказывается по своему существу критической и революционной», ставящей своей задачей не только объяснение, но и переделку мира,—и применение понятия формации в истмате дает нам возможность вести борьбу за действительную переделку мира.

Введение понятия общественно-экономической формации, которая является конкретным отражением действительного хода исторического процесса, подвело впервые к научному изучению общественных явлений. Ленин говорил, что «начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс, — значит начинать с конца», значит сочинять «a priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными» (т. I, стр. 64).

И вот мы подходим к основному вопросу: с чего же начинать изучение общественных явлений, что собою представляет общественно-исторический закон и что такое формация? Поставив перед собой вопрос: «в чем собственно состоит понятие общественно-экономической формации и каким образом развитие такой формации можно и должно считать естественно-историческим процессом?», Ленин переходит к изложению хода выделения Марксом этого понятия, тем самым давая ответы на поставленные вопросы. Он показывает,

что эту «основную идею» (идею естественно-исторического закона развития общественно-экономической формации) Маркс выработал «посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений—«отношений производственных» как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»¹⁾. Это выделение из общего комплекса общественной жизни экономической области, из громадного многообразия общественных связей и отношений—«основных, первоначальных, определяющих» производственных отношений, дает возможность заметить повторяемость и закономерность в общественно-историческом процессе, и дает «возможность применять к этим отношениям... общенаучный критерий повторяемости»²⁾.

Почему выделение экономической области и отношений производства из всех других областей и отношений является вполне закономерным, единственно-правильным и необходимым для всякого, кто задается целью изучить действительный процесс развития, а не свои мечтания и пожелания? Потому что «люди должны позаботиться о пище, питье, жилище и одежде, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»—говорит Энгельс. А вследствие этого «производство непосредственных материальных условий существования и заодно с этим ступень экономического развития того или другого народа или того или другого исторического периода в данный момент образуют ту основу, из которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления людей и из которой следует исходить в объяснении всех этих явлений»³⁾.

Найдя эту основу, дающую единственно научный объективный критерий в подходе к истории человечества, Маркс определил, что «общественные отношения производителей, общественные условия производства, изменяются... с изменением и развитием материальных средств производства, т. е. производительных сил. Условия производства в их совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, — обществом с определенным, отличительным характером» (разрядка Маркса⁴⁾). Эти общественные отношения «на определенной исторической ступени развития», «с определенным отличительным характером», в конечном счете и в основном определены тем особым характером и способом, каким осуществляется соединение рабочих и средств производства, при данном уровне развития производительных сил, а в классовом же периоде истории это еще значит—и той формой, «в которой... прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя и из рабочего»⁵⁾.

Каждая такая система производственных отношений, или, как говорит Маркс, «такие своеобразные совокупности отношений производства», возникающие из определенного характера и способа соединения непосредственных производителей и средств производства, по Марксу и Ленину, «различают отдельные экономические эпохи социальной структуры», являются «особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»⁶⁾.

¹⁾ Ленин, т. I, стр. 59.

²⁾ Там же, стр. 61.

³⁾ Энгельс, из речи над могилой Карла Маркса.

⁴⁾ Маркс, Наемный труд и капитал.

⁵⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 188.

⁶⁾ Ленин, т. I, стр. 296.

Сведение изучения общественных явлений к изучению основы их—«материальных производственных отношений» (Ленин), т. е. сведение видимого, выступающего на поверхность, движения к действительному внутреннему движению, только и дало «возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания общественных явлений к строго-научному анализу их, выделяющему скажем, для примера, то, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, «что» общо всем им»¹⁾. В этом смысле, и только в этом, Маркс, Энгельс и Ленин говорят об «экономическом законе движения общества», называя его «Naturgesetz»—«законом природы», смотря «на развитие общественно-экономической формации как на естественно-исторический процесс». Закономерный ход общественно-экономического процесса, на каждой данной исторической ступени подчиняющегося особым, специфическим законам, обуславливается развитием производительных сил и противоречиями между производительными силами и производственными отношениями, находящими свое конкретное выражение в классовой борьбе. Совокупность данных производственных отношений, соответствующих определенному уровню производительных сил, создает особый закон развития производительных сил и общественных отношений, действительных только для данного этапа, при чем на различных ступенях развития данной формы производства эти экономические законы сами видоизменяются, но в общем и целом весь данный период все же протекает под знаком их господства (Энгельс, «Происхождение семьи и т. д.», стр. 116). Эти определенные законы возникновения, функционирования и упадка общественно-экономической формации, различные для каждой формации, в своем движении путем борьбы противоположностей, развивающихся в самой данной формации, в определенный момент приводят к взрыву и замене ее новой формацией с новыми закономерностями. «Ошибка буржуазных историков, — говорит Ленин, — заключалась не только в том, что они смотрели на историю как на историю личностей... а в том, что они движение рассматривают с точки зрения настоящей минуты, они ее (историю.—А. Т.) видели не в динамическом виде, они рассматривали ее в неподвижном состоянии, между тем как эту историю необходимо рассматривать в движении... не в пошлом понимании эволюционности, медленного изменения, а диалектически»²⁾.

Эти черты придают общественно-историческому процессу на каждой ступени характер естественно-исторического процесса, законам его—характер законов природы. Но вместе с тем полнейшей изменой материалистической диалектике будет наряду с единством и сходством между естественным и историческим законами не видеть и громадного различия их, особой специфичности их, и сводить историю культуры к естественным наукам. Это еще проглядывает в некоторых положениях т. Покровского («нет никакого разумного основания отрицать, что история культуры есть одна из естественных наук»), т. Невского (в его докладе на конференции историков) и целиком проводится во всех работах механистов—историков, социологов, экономистов. Непонимание этого различия наряду с общностью приводит механистов к фатализму, к отрицанию роли субъективного фактора, к отрицанию необходимости классовой борьбы и ко всем другим положениям меньшевиков и либералов. Закономерность исторического процесса, которую устанавливает марксизм, и разоблачение им взглядов «на общество как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или все равно, по воле общества и правительства), возникающий

¹⁾ Ленин, т. I, стр. 61.

²⁾ Там же, стр. 62.

и изменяющийся случайно»¹⁾, ничего общего не имеет со взглядами Струве, Плеханова, Бухарина и других, примыкающих к ним в этом вопросе, говорящих «о неизбежности исторического процесса» в силу «общих законов социальной эволюции повсюду одних и те же». См. также у Троцкого: «Партия руководит пролетариатом, а не историческим процессом» (из статей о литературе). Об этом мы уже говорили выше, разбирая плехановскую концепцию.

Владимир Ильич пишет, что «ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России «должен быть» капитализм, «потому что» он был на Западе и т. д. Ни один из марксистов никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь большего, чем объяснение такой-то общественно-экономической формации»²⁾. Марксист не может так аргументировать потому, что он, во-первых, «исследуя действительные общественные отношения и их действительное развитие...», — говорит Ленин, — «исследует именно продукт деятельности живых личностей»³⁾, а во-вторых, для него является обязательным «свести все дело к выяснению того, что есть и почему есть именно так, а не иначе»⁴⁾.

Таким образом общественно-исторический процесс — вполне закономерный процесс с присущими ему на каждой данной ступени развития особыми законами этого развития, определяемыми борьбой противоречий в каждой данной формации, что находит свое выражение в определенных формах классовой борьбы, — но с другой стороны, исторический процесс и законы его на данной стадии (формации) сами обуславливаются этой антагонистической борьбой классов. Вот это обстоятельство, диалектическое взаимодействие формы и содержания противоречий между производительными силами и производственными отношениями, как содержанием и классовой борьбой, как формой проявления их, ни в коем случае не должно быть упущено. При понимании этого характера исторических законов, с одной стороны определяющих собою процесс развития и классовую борьбу, а с другой стороны одновременно же определяемых классовой борьбой данного периода, «детерминизм не только не предполагает фатализма, а напротив, именно дает почву для разумного действия»⁵⁾.

Когда Струве писал о Михайловском, что «по его взглядам не существует непреодолимых исторических тенденций, которые как таковые должны служить, с одной стороны, исходным пунктом, с другой — обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп», то Ленин об этих рассуждениях сказал, что «это — язык об'ективиста, а не марксиста (материалиста)», ибо, продолжает он дальше: «он (материалист. — А. Т.) не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость»⁶⁾.

Как нет в действительности пустых абстракций материи и движения как «таковых», так нет и общественно-исторического процесса развития и законов его как «таковых», а есть конкретные формации, их развитие и переходы одной в другую, которые и представляют собой общественно-исторический процесс, подчиняющийся на каждой ступени развития особым закономерностям, определяемым не волей человека, а производственными отношениями, выражающими собою определенный уровень производительных сил, что и придает этим закономерностям и всему процессу характер «естествен-

¹⁾ Ленин, т. I, стр. 63.

²⁾ Ленин, т. I, стр. 104.

³⁾ Там же, стр. 282.

⁴⁾ Там же, стр. 305.

⁵⁾ Там же, стр. 282.

⁶⁾ Там же, стр. 276.

но-исторического процесса». А это и представляет собою диалектическое единство общего и особенного (конкретного). Общее само по себе, как отдельное существо, не существует, оно существует только выраженное в единичном, особенном, а это последнее всегда включает в себя и общее. Все ошибки буржуазных и мелкобуржуазных социологов, так же как и все ошибки «наших» советских ревизионистов (от Бухарина и до деборинских учеников—Карева и др.—включительно), проистекают именно из непонимания и разрыва этого диалектического единства общего и особенного. Если отбросить из особенного общее, оторвать особенное от общего, то исчезает всякая закономерность, общество будет представляться механической смесью агрегатов, изменяющейся по воле личности, начальства, правительства (Ленин). Если же оторвать общее от особенного, то мы приходим к пустому «социологизированию», к признанию предопределенности, к отрицанию всяких общественно-экономических формаций и их развития и т. д. Только диалектическое единство общего и особенного, применение этого положения диалектики на всех ступенях исследования, спасает нас от той и другой ошибки, спасает нас от идеализма в социологии, признающего реальное существование за общим понятием; спасает нас от плоского эмпиризма и позитивизма, теряющих всякую связь, всякое единство и отрицающих этим всякое развитие. К чему приводит у т. Бухарина этот разрыв, мы уже указывали. Из этого непонимания у Карева, Оранского и др. вытекает непонимание характера истмата. Для них общее является реально существующим вне единичного, вне конкретного, само по себе, в отрыве от него. Отсюда понятия и задачи, которые они ставят перед теорией истмата: давать предпосылки (Карев), вырабатывать общие принципы для другой «практической социологии» (Оранский). Разрывая общее и особенное, отрывая общие законы формации (как обобщения, полученные путем отвлечения от случайного, единичного) от их конкретного проявления в данной конкретной действительности, представляющей собою единство этого общего и особенного, они и не могут разрешить этот вопрос. Они эклектически соединяют идеалистическое и в то же время механистическое положение о реальном существовании общих понятий. «общих» закономерностей с субъективистско-позитивистическим положением, что нет ничего общего в отдельных общественных закономерностях, все специфично, т. е. становятся на риккертIANскую позицию.

Глава IV. Формация и уклад

Способ производства,—т. е. совокупность производственных отношений, определяемых «характером и способом соединения рабочего и средств производства» при данном уровне производительных сил, с соответствующими этим производственным отношениям надстройками,— является основным разграничительным признаком между формациями во все периоды истории человеческого общества (между доклассовой формацией — первобытным коммунизмом—и формациями классового периода, между последними и бесклассовой социалистической формацией). Но это разграничение проведено по наиболее общему и массовидному признаку, и его необходимо развернуть, конкретизировать для формаций классового периода. Каждая формация классового периода об'единена с другой общим признаком, позволяющим включать их все в единый классовый период. Они все об'единены общим признаком, который отсутствует в формациях до и после этого периода,—признаком эксплоатации, являющимся следствием частной собственности на средства производства, которая в свою очередь есть необходимое следствие разделения труда. Этот признак, об'единяющий все формации классового периода, создает и ряд других общих им всем признаков, являющихся следствием наличия эксплуатации: антагонистические классы, государства и фетишистская идеология. Но не только это отличает формации классового периода от формаций других пе-

риодов—их отличает также и способ вызревания, а следовательно и характер переходных периодов от одной формации к другой внутри классового периода и от капиталистической к социалистической, бесклассовой формации (мы на этом остановимся ниже).

Беря способ производства, совокупность производственных отношений в основу при определении каждой формации, мы этим самым берем решающий признак, который определяет всю данную общественную формацию, но исчерпывающей картины он нам еще не дает. Способ производства составляет реальный базис формации, но чтобы представить ее в полном виде, нужно этот экономический «скелет» облечь плотью и кровью. Для этого нужно проанализировать специфическую форму эксплуатации, присущую данному способу производства, выражающую его собой, которая даст нам возможность изучить основные классы и форму государства данной формации, идеологию ее и обратное влияние их на базис. Это—во-первых, а во-вторых,—поскольку данный способ производства не существует изолированно от других, еще продолжающих существовать, хотя и в измененном виде, то мы должны учесть влияние на эти закономерности со стороны этих побочных способов и в связи с этим—также изменения в расстановке классовых сил и отражение этого на экономической и политической жизни страны. Только во всей этой совокупности, которая представляет собою не механическую смесь и сожительство, а диалектическое единство и борьбу, мы будем изучать действительную жизнь, как она есть, реально существующую формацию, а не голую абстракцию и схему.

Таким образом перед нами встает необходимость при изучении формации классового периода проследить специфическую для каждой формации форму эксплуатации и обусловленные ею основные классы, форму государства, принимающую различный вид при сохранении единого содержания, и идеологию каждой формации, с одной стороны, а с другой—изменение закономерностей формации вследствие влияния на них со стороны остатков прежних производственных отношений, классов прежних формаций и т. д.

И Маркс и Ленин именно так подходили к изучению каждой формации: вскрыв скелет ее, они дальше облекали его всем богатством данных, конкретных общественных отношений. Ленин в полемике с народниками именно указывает на эти три момента, которые необходимо брать при изучении формации. Он пишет: «крепостное право изображается (народники. — А. Т.) не как определенная форма хозяйственной организации, порождающей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и т. п. порядки» (подчеркнуто мною. — А. Т.)¹⁾.

К рассмотрению этих моментов мы и приступим. Различие производственных отношений классовых формаций (рабской, феодальной и капиталистической), возникающих на определенном уровне развития производительных сил, конкретно выражается в специфической для каждой из них форме эксплуатации труда (входящей, в самую характеристику этих производственных отношений²⁾).

¹⁾ Ленин, т. I.

²⁾ Других формаций в классовом периоде мы не различаем, ибо им не соответствует никакой специфический способ производства. И открытие т. Дубровского в отношении крепостнической формации, а некоторых других историков в отношении торгово-капиталистической формации есть не больше не меньше, как отступление от марксизма, кладущего в основу формации не случайные признаки, а основной, определяющий признак—способ производства. Ни у Маркса, ни у Ленина, который особенно глубоко и детально изучал крепостничество в России, мы не видим разграничения феодализма и крепостничества, как двух различных формаций. Крепостничество является последним этапом в феодализме (фазой разложения его), в котором начинают сказываться особенно резко противоречия, заложенные в феодальном способе производства, и этим подготавливаются уже условия

Маркс говорит: «Та специфическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения... Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественно-производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя»¹). Точно так же и Владимир Ильич подходит к различению классовых формаций. Отличие феодализма (крепостничества) от капитализма он находит в том, что «способы получения прибавочного продукта при барщинном и капиталистическом хозяйстве диаметрально противоположны друг другу», или в другом месте: (реформа 1861 г.) «состояла только в замене одной формы другой, в замене феодально-прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью»²).

И для каждой из этих трех классовых формаций мы имеем специфическую форму эксплуатации, вырастающую из соответствующего ей способа производства.

При рабском строе (формации)—форма непосредственной эксплуатации самой личности раба, или, как говорит Энгельс, обращение самого раба в орудие труда.

При феодальной формации — форма присвоения прибавочного продукта в его натуральном виде на основе помещичьей собственности на землю, личной зависимости и внеэкономического принуждения, при сохранении собственности производителя на остальные средства производства.

При капиталистической формации — форма присвоения прибавочного труда под видом «свободной» продажи рабочей силы, при полном лишении ее средств производства.

На основе эксплуатации каждая формация характеризуется наличием определенных основных антагонистических классов (рабовладельцев—раб, феодал—крестьянин, капиталист—пролетарий) и формой этого классового господства в виде государства. И раб, и крестьянин, и пролетарий—эксплуатируемые классы, но поскольку каждый из них подвергается особой форме эксплуатации, свойственной различным формациям, мы видим различие между ними, заключающееся в различном отношении к средствам производства. Раб сам принадлежит к средствам производства, он — полная собственность своего господина. «Крепостной владеет собственностью и пользуется средствами производства» (Энгельс), но он находится в непосредственном подчинении своему господину, он полусвободен. Пролетарий «свободен в двояком смысле» (Маркс): он свободен от принадлежности его к средствам производства, но также свободен и от принадлежности ему средств производства. Маркс в «Наемном труде и капитале» пишет: «Рабочая сила не всегда была товаром, и труд не всегда был наемным трудом, т. е. свободным трудом. Раб не продавал своей рабочей силы... Раба продавали рабовладельцу раз навсегда вместе с его рабочей силой... Раб сам был товаром. Но его рабочая сила не была его товаром. Крепостной продает только часть

для перехода к капиталистической формации. Что касается торгово-капиталистической формации, то на этот счет мы имеем совершенно определенное и точное указание Маркса, не требующее разъяснения. Несколько сложнее вопрос относительно «азиатского» способа производства. Но беря всю концепцию Маркса и Энгельса в целом, мы можем увидеть, что «азиатский» способ производства они считали одной из вариаций феодальной формации при сохранении роли общины. Контрреволюционная троцкистская концепция китайской революции, «восточный вариант» перманентной революции Троцкого, опирается на признание «азиатского» способа производства особой формацией.

¹) Маркс, Капитал, т. III, гл. «Генезис капиталистической ренты».

²) Ленин, т. I, стр. 300.

своей рабочей силы. Не он получает вознаграждение от землевладельца, а землевладелец получает от него подать. Крепостной является принадлежностью земли и отдает продукты этой земли владельцу ее. Свободный же рабочий продает себя и притом по частям». Этим основным классовым типам эксплуатируемых соответствуют основные классовые типы эксплуататоров. Но снова подчеркиваем, что нельзя забывать того положения, что при изучении формаций мы имеем дело не с абстракцией, а с действительной жизнью, которая представляет собою сложное взаимодействие, с остатками прежних способов производства и с соответствующими им классами, которые сохраняются в качестве промежуточных переходных классов, и даже того, что «в каждом из этих классов существует еще особое подразделение» (Маркс и Энгельс, «Комм. манифест»). Таким образом при изучении формации мы берем не только основные классы, антагонизм которых является решающим, основным и определяющим, но и остальные классы, сохраняющиеся еще при данной формации, оказывающие влияние на соотношения классовых сил и ход борьбы, и создающие тот сложный переплет классовых сил, который и должен браться во всей своей совокупности. Но анализ этого классового переплетения производится с учетом основного, решающего антагонизма для данной формации.

«Политические, юридические и т. п. порядки», как говорит Владимир Ильич, тоже должны быть изучены и проанализированы нами для каждой формации, изучены в процессе своего развития, который они претерпевают в пределах одной и той же формации.

Теперь мы уже можем подойти к определению формации и уклада. В исторической дискуссии этот вопрос был одним из центральных, но мы считаем, что он получил неправильное разрешение. Вполне верно возражая т. Дубровскому, который самым беззаботным образом, в самых различных видах понимает это соотношение (то устанавливает тождество, то резко противопоставляет их, то формацию сводит только к господствующему укладу), наши историки сами встали на неправильный путь (т. Минц и др.), отождествивши эти два понятия. Конечно, если вырывать из ленинского текста отдельные цитаты (как они это делают), не интересуясь взглядом Ленина в целом на этот вопрос, то можно якобы притти к точке зрения тождества между формацией и укладом. Но если взять в целом всю ленинскую концепцию исторического процесса и взгляды его на общественно-экономическую формацию и не желать ревизовать их, то это не выйдет. Ведь сразу же этот вывод входит в непримиримое противоречие с положением Ленина о пяти укладах в нашем переходном периоде. Некоторые же товарищи превзошли все открытия т. Дубровского. Они «установили» у нас и государственно-капиталистическую формацию и мелкотоварную формацию и т. д. Это чепуха! Ленин—величайший диалектик—решительно боролся с попытками метафизически отрывать отдельные фазы развития формации друг от друга. Постановка же у этих товарищей ничего общего не имеет с диалектикой Ленина. Формация и уклад—это не тождество (как утверждает Минц и большинство историков с ним), и формация—это не просто господствующий уклад (как утверждает Дубровский; ибо это, кстати сказать, в конце концов ведет тоже к установлению тождества между ними).

Здесь значительно сложнее взаимоотношение, и механическим слиянием уклада с формацией проблема не разрешается; снятие вопроса—ведь не есть его разрешение, а историки именно так и поступили.

Постараемся теперь дать определение этих обоих понятий в виде резюме из всего предшествующего материала, не забывая «условного и относи-

тельного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии»¹⁾.

Формация классового периода — определенный этап на пути исторического развития общества — представляет собой совокупность производственных отношений, выражающих определенный уровень производительных сил, с порожденной на этой основе определенной, специфической формой эксплуатации, с определенными антагонистическими классами и формой государства, с определенными политическими, юридическими и прочими порядками. Но так как в чистом виде ни один способ производства не существует, в конкретном обществе он всегда переплетается, борется с остатками других способов производства (прежних формаций), существующих наряду с ним, то при определении формации мы не можем игнорировать того влияния, которое они производят на закономерности, вызываемые основным, ведущим способом производства. В этом смысле нужно понимать указание Маркса, что «в каждом обществе производственные отношения образуют одно целое» («Ницета философии»). Эта совокупность производственных отношений возникает и функционирует по определенным законам, свойственным только данному обществу на определенной ступени исторического развития. Эти законы формации, передавая по своему образу и подобию все общественные отношения, все в большей мере воспроизводят и противоречия, которые они выражают. Влияя и переделывая все общественные отношения, они в то же время испытывают на себе влияние и с их стороны. Конкретная формация — это живой, постоянно развивающийся «социальный организм», и понятие формации должно охватить собою весь процесс развития от ее возникновения до ее уничтожения, т. е. охватить все изменения в производственных отношениях определяющих основные закономерности. Необходимо рассматривать эти закономерности тоже в процессе их развития, происходящего вследствие борьбы противоречий между производительными силами и производственными отношениями на данном этапе, и также те изменения, которые происходят в соотношении между данным, основным способом производства и остатками от прежних формаций, продолжающими еще существовать. Развитие формации ведет к воспроизводству противоречий на все расширяющейся основе, что и приводит наконец к взрыву всей системы, к скачку, к революции, к новому качеству, к новым закономерностям, т. е. к новой формации.

Капиталистическая формация, — это не абстрактный капитализм, это конкретная действительность, переплетающаяся с остатками прошлого, создающая материальные предпосылки и революционную силу для будущего, но в то же время во всех своих частях связанная определенными основными законами капитализма. Пока действуют эти основные законы (хотя и изменяющиеся в процессе развития формации вследствие причин, указанных нами выше), пока они являются определяющими развитие — формация остается как «одно целое», не как застывшая система, а как все время развивающаяся и вследствие этого обостряющая заложенные в ней противоречия, в конце концов и приводящие к ее уничтожению. Поэтому капиталистическая формация имела ряд этапов в своем развитии: простая кооперация, мануфактура, машинный период и последняя фаза — империализм. Формация одна, ибо основные законы капитализма сохраняют свою силу. Но наряду с этим единством мы должны видеть и различие на каждом этапе развития формации, ибо эти основные законы капиталистической формации проявляются в несколько особом, измененной форме на каждой ступени развития капитализма.

И здесь мы подходим к укладу. Уклад — это историческая ступень в развитии определенного способа производства, взятого отдельно, а не в совокупности и взаимодействии с другими укладами, объединенными в единство

¹⁾ Ленин, т. XIX, стр. 192.

закономерностями формации, определяемыми основным способом производства. В переходные периоды, когда нет окончательно установившейся закономерности, когда формация находится в становлении, когда развивающийся новый способ производства еще не переделал всех общественных отношений по образу и подобию своему, Ленин говорит не о формации как «одном целом», а об укладах: «...из одного уклада общественной жизни развивается вследствие роста производительных сил другой — более высокий, из крепостничества например вырастает капитализм»¹⁾. В переходный период от капитализма к социализму Ленин указывает на наличие пяти укладов. В этот период законы капиталистической формации сломаны образованием нового, социалистического уклада, соотношения входящих в капиталистическую формацию остатков прежних формаций сломались, производственные отношения больше не «образуют одно целое» (Маркс), они освободились от связывающих их в единство законов капитализма. Установившихся закономерностей нет, идет ожесточенная борьба между двумя антагонистическими укладами, пока социалистический уклад окончательно не уничтожит капиталистический, одновременно с этим переделывая другие уклады, преобразуя все общественные отношения. Установившихся закономерностей еще нет, ибо старые закономерности капитализма, подчинявшие себе все общественные отношения и переделывавшие на капиталистический лад докапиталистические производственные отношения, сломаны. Социалистический способ производства, выражающие его новые производственные отношения, не имея еще абсолютного преобладания во всей экономике и адекватного для себя материального базиса в сельском хозяйстве, не могут сразу переделать и подчинить себе все общественные отношения. Социалистический способ производства является ведущим, ибо он подготовлен развитием противоречий капиталистического способа производства, он отражает пути дальнейшего развития общества, но на первых стадиях переходного периода он, будучи ведущим самым высшим и передовым, вместе с тем не является преобладающим, и «в мелкобуржуазной стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия». С развитием социалистического способа производства, идущего путем уничтожения капиталистического уклада и переделки докапиталистических укладов, получающих возможность некапиталистического пути развития, идет процесс формирования закономерностей на основе нового способа производства, идет процесс создания «одного целого» из социалистических производственных отношений.

Вот то различие между формацией и укладом, которое я считаю необходимым проводить. Формация — это «совокупность», «одно целое» производственных отношений общества на данной ступени развития, определяемое основным способом производства, подчиняющим себе все общественные отношения и переделывающим их по образу и подобию своему, но одновременно с этим и испытывающим влияние со стороны остатков прежних формаций. Уклад же — это историческая ступень в развитии какого-либо способа производства, взятого не в единстве с другими укладами, не связанного в единство законами формации. В классовых формациях, которые представляют собой сложное переплетение различных укладов благодаря возможности приспособления некоторых укладов старой формации, хотя и в измененном виде, к закономерностям новой формации (об этом ниже), формация и уклад не тождественны.

В социалистической же формации это различие уничтожается, ибо социалистическая формация (не в период ее становления, конечно, каким является переходный период) не может включать в себя остатки прежних клас-

¹⁾ Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, изд. 1-е, стр. 203.

совых формаций как диаметрально противоположных. Там будет только один способ производства, и поэтому формация и уклад для развернутой фазы социалистической формации, когда все общественные отношения уже переделаны им, являются тождественными понятиями.

Проследившая путь исследования формации и путь выведения этого понятия у Маркса и Ленина, мы получим подтверждение правильности нашего определения.

Сначала у них «происходит сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил» ¹⁾ того этапа (перехода от феодализма к капитализму), который мы исследуем. Затем дается анализ этих производственных отношений, «анализ законов функционирования этой формации и развития ее» ²⁾, беря основные, существенные признаки формации, какими например для капитализма, по определению Маркса и Ленина, является: «товарное производство как о б щ а я форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организациях, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта является о б щ е й, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма — принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека» ³⁾.

На основе этого анализа путем выделения основных существенных признаков капитализма «Маркс дал возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические... классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда, и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации» ⁴⁾.

После выведения этих «чистых» законов данной экономической формации, после получения экономического скелета общества, «Маркс этим скелетом не удовлетворился... «объясняя» строение и развитие данной общественной формации «исключительно» производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекая скелет плотью и кровью» ⁵⁾.

Этим делается переход от абстрактной формации, от развития законов этой формации в чистом виде, к конкретной обстановке, к анализу того, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой, и... то, «что» общо всем им ⁶⁾. И книга Маркса «Капитал», говорит Ленин, «показала читателям всю капиталистическую общественную формацию, как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями» ⁷⁾. Вот путь исследования у Маркса, показанный нам Лениным.

Таким же путем шел и сам Ленин при анализе общественно-экономического развития России. Он свел сложность общественных отношений России к основным производственным отношениям, установил, что буржуазные, капиталистические

¹⁾ Ленин, т. I, стр. 61.

²⁾ Там же, стр. 62.

³⁾ Там же, стр. 306.

⁴⁾ Там же, стр. 62.

⁵⁾ Там же, стр. 62.

⁶⁾ Там же, стр. 61.

⁷⁾ Там же, стр. 62.

талистические отношения и старые крепостнические отношения под влиянием самого хода развития их и уже создавшихся капиталистических отношений тоже перерождаются в капиталистические отношения. На основе анализа производственных отношений дав скелет, он переходит к конкретному анализу состояния России конца XIX века, видя то, что общо для всех стран, и отмечая то, что одну страну отличает от другой, и из анализа конкретной действительности и соотношения различных укладов, из взаимодействия их друг на друга, из анализа соотношения классов, на основе конкретной совокупности производственных отношений, из анализа надстроек он вскрывает законы развития соответственно всем этим особенностям.

На основе изучения развития конкретной формации дается возможность вывести законы данной формации в отвлечении от случайных особенностей данной страны. Эти законы развития формации, вскрывающие причины «действительного внутреннего движения» (Маркс) составляют собою теорию развития и в то же время позволяют научно подходить к анализу других, не исследованных еще эпох (т. е. являются и методом), задачей которого (анализа) является вскрыть законы движения изучаемой формации, проследить специфичность проявления законов формации в данной конкретной обстановке, чтобы дать «истинный лозунг борьбы» (Ленин).

Этим дается также определение истмата не как разорванного на отдельные части, не как «вначале» — метод, «в результате» — теория, не как «одной стороны» и т. д., а как одновременно на каждом шагу являющегося теорией развития и методом анализа общественных явлений и руководством действия в практической революционной борьбе. Это единство теории истмата опять-таки возможно понять и проводить на практике, только выведя понятие общественно-экономической формации, только поняв единство общего и особенного, только последовательно применив все положения диалектического материализма к общественной жизни. У Ленина с исчерпывающей ясностью это показано во всех его работах и концентрированно сформулировано следующим образом: «не ограничиваясь характеристикой современного строя, оценкой и осуждением его, он (Маркс.—А. Т.) дал научное объяснение ему, сведя этот современный строй, различный в разных европейских и неевропейских государствах, к общей основе—к капиталистической общественной формации (подчеркнуто нами.—А. Т.), законы функционирования и развития которой он подверг объективному анализу (он показал «необходимость» эксплуатации при этом строе)... тем же «объективным» анализом капиталистического строя доказывал он «необходимость» его превращения в социалистический»¹⁾. И «если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется на остальные общественные формации, хотя и не подвергшиеся специфическому фактическому изучению и детальному анализу»²⁾.

Глава V. Созревание новой формации и переходный период

а) В отношении классовых формаций

Новая формация, новый характер закономерностей, новое «единство производственных отношений» в обществе на определенном этапе, возникает путем перерыва постепенного развития прежней формации, путем революционной ломки и смены прежних производственных отношений и возвышаю-

¹⁾ Ленин, т. I, стр. 75—76.

²⁾ Там же, стр. 66.

щихся на них политических, юридических и др. порядков. На основе противоречий, развивающихся внутри прежней формации, противоречий, воспроизводящихся с развитием формации на все расширяющейся основе, складывается новый способ производства, который вначале опирается еще в известной мере на старые общественные отношения. Он зарождается в недрах старой формации и не производит сразу революции во всех общественных отношениях, не перестраивает их сразу по образу и подобию своему. Капитализм в мануфактурный период своего развития был только надстройкой, как говорит Маркс, над мелким производством и ремеслом. «В течение мануфактурного периода ремесленный способ продолжает служить основанием производства», или в другом месте: «мануфактура лишь по частям овладевает национальным производством и опирается всегда на городское ремесло и сельскую домашне-подсобную промышленность» («Капитал», т. I). Но противоречия в феодальном способе производства уже зашли настолько далеко, что дальнейшее развитие их все больше и больше вызывает необходимость заделки их новыми отношениями. Идет бурный процесс подготовки предпосылок для нового способа производства, вызванный тем, что законы феодальной формации уже не охватывают развивающихся производительных сил, скопывают их и переживают период своего загнивания. Идет период так называемого первоначального накопления, который представляет собою «исторический процесс отделения производителя от средств производства», «когда значительная масса людей насильственно отрывалась от средств своего существования и выкидывалась на рынок труда в виде свободных, как птицы, пролетариев («Капитал», т. I).

Так называемое первоначальное накопление «образует предысторию капитализма и соответствующего ему способа производства» (Маркс). Этот период не только подготовлен развитием противоречий феодальной формации, но и начинается в рамках этой формации и ведет к образованию нового способа производства, первое время вмещающегося еще в феодальное общество. Но все ускоряющийся процесс отделения производителя от средств производства и идущий на этой основе процесс развития капиталистической кооперации и мануфактуры подрывают все больше и больше основу феодального способа производства, но не взрывают старой формации до тех пор, пока новый способ производства не получит более или менее адекватного для себя материального базиса. Подведение машинного базиса под новые развивающиеся производственные отношения сразу резко меняет дело. Капитализм имеет теперь возможность твердо опереться на него и начать уже решительную борьбу за подчинение всех общественных отношений своим закономерностям, за их переделку. Подготовлявшиеся постепенно предпосылки для нового способа производства внутри старой формации на основе старых отношений сейчас разрывают эту постепенность и имеют возможность реализоваться и стать закономерностями, подчиняющими себе все области общественной жизни. «Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹⁾. Реализуется этот скачок в виде революции, охватывающей собой и экономическую, и политическую, и социальную области.

Эта переделка новым способом производства всех общественных отношений, опирающихся уже на соответствующий ему материальный базис, вызывает самое ожесточенное сопротивление со стороны господствующего класса старой формации. Вследствие того, что новые капиталистические отношения складываются еще в недрах старой формации и до определенного предела развиваются внутри их (а это возможно потому, что они обе яв-

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 708.

ляются классовыми формациями и меняют только форму эксплуатации), буржуазная революция приходится не на начало зарождения капиталистических отношений, а на момент, когда они приступают к переделке всех общественных отношений прежней формации. В период перехода нет еще окончательно сложившихся закономерностей. Старые закономерности феодальной формации уже не отражают действительного хода вещей, не имеют решающего значения, а новые капиталистические закономерности тоже еще не приобрели всеобщего характера, не подчинили еще себе всех областей общественной жизни и не переделали всех общественных отношений. Период перехода есть борьба двух основных способов производства на данном этапе их развития, двух основных типов производственных отношений, двух основных укладов. Когда кончается в основном вопрос «кто кого» в отношении капитализма и феодализма, то капиталистические закономерности начинают быстро развиваться, подчинять себе все общественные отношения. И развитие капитализма, расширение его базы, все в расширяющемся масштабе воспроизводит и его собственные основные противоречия. Уничтожить или смягчить эти противоречия он не может, ибо тогда не будет условий для развития самой формации, а развитие формации все увеличивает эти противоречия и расширяет подготовку предпосылок для уничтожения самого капитализма.

При чем нужно еще отметить один важный момент—момент возможного приспособления к новым капиталистическим закономерностям отношений прежней феодальной формации, опять-таки потому, что обе эти формации как формации классового периода имеют ряд общих черт: эксплуатацию, антагонистические классы и государство как орган угнетения эксплуатируемых классов. Поэтому мы в капиталистической формации, какие бы «вариации и градации» она ни приобретала в различных странах, обязательно видим остатки прежних формаций, различные уклады, видим классы феодальных формаций, приспособившиеся к новым закономерностям, принявшие новый вид и характер, благодаря чему и создается тот сложный, многообразный переплет экономических и политических отношений, переплет классовых сил, который включает в себя конкретная формация.

б) В отношении социалистической формации.

Мы уже указывали выше, что характер периода перехода от одной классовой формации к другой отличается от характера переходного периода от классовой к бесклассовой формации. Тут наряду с общим мы имеем различие, обусловленное характером новой, бесклассовой формации, приходящей на смену классовой (капиталистической) формации. Это вытекает из различия, указанного нами, между признаками, которыми характеризуется самое понятие классовой и бесклассовой формации. Наряду с общим признаком, свойственным всем формациям, мы имеем коренное различие, сводящееся к тому, что классовые формации определяются еще формой эксплуатации, определенными антагонистическими классами и государством, как формой угнетения эксплуатируемых классов, фетишистической идеологией,— тогда как бесклассовая формация этих признаков не имеет. Также и переход от формации к формации имеет и общие черты: скачкообразность перехода с перерывом непрерывности, подготовкой предпосылок для нового способа производства еще в недрах старой формации, конкретное выражение противоречий в виде борьбы классов,—и в то же время имеет резко отличные черты. Это отличие переходного периода от капитализма к социализму заключается в том, что, во-первых, идет процесс уничтожения эксплуатации труда, в то время как раньше изменялись лишь формы эксплуатации; во-вторых, новые производственные отношения возникают не в старой формации, как это было раньше, а получают возможность реализоваться только после

революции, при установлении диктатуры пролетариата; в-третьих, революция, скачок там происходит не при самом зарождении формации, а после некоторого расширения нового способа производства, которое он имеет возможность сделать в рамках старой формации; здесь не только революция начинается собою новый способ производства, а в недрах капиталистической формации создавались только предпосылки для совершения революции и перехода к новым производственным отношениям (создавался и организовывался рабочий класс как основной фактор революции, шло обобществление труда в производстве, концентрация капитала и т. д.); и в-четвертых, там было возможно приспособление прежних производственных отношений (как эксплуататорских) к новым, тоже эксплуататорским производственным отношениям, возможно длительное совмещение старых и новых черт («эта именно форма хозяйства, совмещающая старые и новые черты, и воцарилась в России после реформы»¹⁾ (здесь же это на длительное время невозможно, ибо новый способ производства диаметрально противоположен старому, и идет борьба до полного уничтожения капиталистического уклада и переделка всех остатков докапиталистических товарных отношений, являющихся почвой для роста капиталистических отношений («это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств—коммунистического и капиталистического»²⁾).

Поэтому аналогия периода перехода от капитализма к социализму с переходным периодом от феодализма к капитализму должна всегда ограничиваться только тем общим, что между ними есть, и не идти дальше. Нужно видеть своеобразие в характере переходного периода от капитализма к социализму, и законов, одинаковых для всех переходных периодов, не существует. Ясно конечно, что и этот переходный период будет получать в каждой стране свой особый, отличный характер, но основные, характерные черты будут сохранены, ибо они определяются сущностью предшествующей капиталистической формации и характером новой, социалистической формации, к которой мы переходим.

Как последний этап феодализма был эпохой, когда шел усиленный процесс разложения законов феодальной формации и создания элементов капиталистического способа производства, так и последняя фаза капитализма — фаза загнивания его — есть в то же время период усиленного вращения предпосылок для социалистического способа производства. В период империализма капиталистический способ приходит к собственному своему отрицанию, развившиеся производительные силы не вмещаются в рамки капиталистических отношений, и наступает период империалистических войн и пролетарской революции. Предательством, полной изменой делу пролетариата являются всякого рода разговоры и попытки «научных» доказательств, что капитализм вступает в новую фазу «организованного капитализма», в фазу «ультраимпериализма». В работах Ленина и Сталина мы имеем классический анализ последнего этапа капитализма вообще, в работах т. Сталина — анализ стадии временной, относительной его стабилизации и затем перерастания ее во всеобщий экономический и аграрный кризис, перерастающий в кризис политический. Подробный разбор этого не входит в мою задачу. Я хочу только подчеркнуть, что империализм как последний этап капитализма, этап его загнивания, есть в то же время этап, когда уже созревают в недрах капитализма все предпосылки для социалистического способа производства во всем мире.

Но значит ли это, что капиталистический способ производства, капиталистическая формация сама собою будет заменена новым способом про-

¹⁾ Ленин, т. I.

²⁾ Ленин, т. XVII, стр. 397.

изводства, социалистической формацией? Только Каутские и Куновы, Макдональды и их «левые» друзья из «левой» социал-демократии, — Бауэры и Адлеры могут говорить об этом — для «масс», — конечно сами не веря в это. Законы истории автоматически не действуют, они реализуются в ожесточенной классовой борьбе. Мы уже указывали раньше, что социалистический способ производства не может возникнуть в рамках капиталистической формации. Он впервые реализуется только в процессе пролетарской революции. Социалистический уклад, опирающийся на национализированную промышленность, не сожигает мирно, а вступает в борьбу с капиталистическим укладом («пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем»¹⁾), и применяет все меры для переделки докапиталистических укладов, поскольку они, с одной стороны, являются почвой, взращивающей капитализм, а с другой стороны, после победы пролетарской революции они получают возможность некапиталистического пути развития, вследствие чего эти уклады и не являются антагонистическими по отношению к социалистическому укладу, вследствие чего и основные массы крестьянства не противостоят пролетариату как антогонисты, а являются союзниками его. Этого не понимают ни троцкисты, ни правые.

На социалистический уклад, родившийся в результате осуществления диктатуры пролетариата, возлагается громадная задача — окончательно уничтожить остатки капиталистического уклада и его корни и переделать все общественные отношения, подвести под социалистический способ производства адекватный ему материальный базис и в промышленности (где он до некоторой степени был уже подготовлен в капиталистический период) и в сельском хозяйстве (где его нужно совершенно заново создавать). В первый период своего существования социалистические предприятия опираются на огромное мелкое производство, которое сохраняется в качестве экономической базы социалистической промышленности. Социалистическое строительство приходится «базировать... на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства» (Сталин).

И задачами первых этапов переходного периода являлось в основном закрепить и расширить социалистический способ производства в промышленности и создать условия для ликвидации несоциалистической основы социалистического строительства на путях нэпа. Пролетарская диктатура под руководством партии во главе с т. Сталиным разрешила эти задачи. Политика индустриализации страны, развитие тяжелой промышленности и особенно машиностроения, развитие на основе этого сельхозмашиностроения, электрификации, — все это создало те необходимые условия, которые позволили затем перейти к подведению соответствующей базы под социалистический способ производства и в деревне, к выкорчевыванию всех корней капитализма путем ликвидации кулачества как класса и перевода мелкотоварного хозяйства на социалистический путь проведением сплошной коллективизации. Нэп как социалистический путь построения социализма включает в себя все эти задачи и дает возможность их разрешить, ибо «нэп, — как определяет т. Сталин, — есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики».

¹⁾ Ленин, т. XVII, стр. 397.

Только этим путем окончательно создается соответствующая база для социалистического способа производства; он подчиняет себе все общественные отношения и становится единственным способом производства. Только тогда кончается нэп, когда кончается переходный период и мы вступаем уже в развернутую, победившую в масштабе всей страны социалистическую формацию. «Эта самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей» (Ленин, т. XV). Выполнение «этой самой трудной задачи» идет на основе того, что пролетариат в своей борьбе с капиталистическими элементами опирается на массы бедняцкого крестьянства, завоевывая на свою сторону середняка в качестве союзника, поскольку он как труженик является врагом капитализма.

Построение для переходного периода схем одноклассового (Карев) и двухклассового общества (Бухарин) есть ревизия основных положений ленинизма. Схема одноклассового общества является полным воспроизведением контрреволюционно - троцкистской концепции о неизбежном столкновении между пролетариатом и основными массами крестьянства, с отрицанием возможности некапиталистического пути развития сельского хозяйства и отсталых колониальных стран в период диктатуры пролетариата, с отрицанием возможности построения социализма в одной стране. Схема двухклассового общества—это мелкобуржуазная маниловщина, надежда на «самотек» и «автоматическое» вращение в социализм, не видящая задач борьбы с капиталистическим укладом и классом, стоящим за ним, не видящая двойственной природы середняка, не видящая задач переделки мелкоотоварного хозяйства. В период борьбы с троцкистами, с правой оппозицией и с троцкистскими рецидивами в виде «левых» загибов этот вопрос был самым глубоким образом проработан, с использованием всего богатейшего материала, который мы имеем у Ленина и Сталина.

Эта историческая миссия нэпа неизбежно должна привести и к изживанию его самого как метода и формы построения фундамента социализма. Современный период нэпа и есть последний его этап, когда осуществляются не только «посредствующие» меры для подготовки условий и предпосылок к непосредственному переходу к социализму от мелкого производства, но совершается и самый переход от мелкого производства в земледелии к социализму путем сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса; когда уничтожается окончательно разнородность основ социалистического строительства; когда абсолютное преобладание социалистического способа производства из области промышленности переходит в область сельского хозяйства. Современный этап переходного периода и есть поэтому уже вступление в период социализма. Вопрос «кто кого» как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве уже решен и решен раз навсегда, как сказал т. Сталин. Раз «социалистический сектор занял абсолютно преобладающую роль в народном хозяйстве», то это является доказательством того, что «наша страна... вступила в период развернутого социалистического наступления, в период социализма»¹⁾. Окончательное же выполнение задачи по уничтожению разнородности основ социалистического строительства есть в то же время завершение построения фундамента социализма. Период вступления в социализм есть в то же время период наиболее сильного сопротивления нам со стороны всех капиталистических сил как внутренних, так и внешних, и потому это есть период обостренной классовой борьбы, ибо с окончательной ликвидацией остатков русского капитализма и корней, питающих его, в известной мере предreshается и судьба мирового капитализма. Вступление в социализм и продолжение ожесточенной

¹⁾ Из резолюции пленума ЦК ВКП(б) (декабрь 1930 г.).

классовой борьбы, вступление в социализм и задачи еще большего укрепления органов диктатуры пролетариата — для метафизика и оппортуниста несоединимые вещи. Все помнят, как издевался Бухарин над правильным прогнозом и предвидением т. Сталина о неизбежном обострении классовой борьбы, об усилении сопротивления капиталистических элементов, об усилении военной опасности со стороны империализма. Для марксиста-ленинца, для диалектика это является вполне понятным, естественным, заранее предвиденным.

Некоторые считают, что нэп в истории переходного периода является лишь предисторией к непосредственному социалистическому строительству. Это абсолютно неверно. Раз переходный период есть период строительства социализма, то следовательно он — этап построения социалистической формации. На первых этапах переходного периода социалистический уклад не являлся еще преобладающим, шла ожесточенная борьба, но он являлся ведущим, он отражал основную прогрессивную тенденцию исторического развития данного периода, под его влиянием претерпевали изменения все капиталистические категории, в большинстве случаев сохраняя только свою старую форму, наполненную уже новым содержанием, он побеждает все уклады, что было видно уже на предыдущих этапах и особенно в современный этап. Если переходный период не считать периодом становления социалистической формации, то нужно отрицать возможность построения социализма (как это делают троцкисты), или нужно отрывать современный этап переходного периода от всего переходного периода. Я уже не говорю о такого рода «затруднении», которое перед ними встанет в виде того, что новая, социалистическая формация — социализм — выскочит готовенькой из пустоты, каковой для них является переходный период.

Кроме того этим отрицается социалистический характер нашей промышленности, которая все время была социалистической (или тогда прав Троцкий, который это отрицал открыто с 1923 года), социалистический характер совхозов и колхозов, потому что ведь социалистическая формация не может вырастать вне социалистических производственных отношений.

Кроме того, как иначе могут развиваться, переходить на более высокую ступень социалистические производственные отношения, что находит свое выражение в новом отношении к труду, в соцсоревновании, ударничестве, охватывающим все шире и шире не только рабочий класс, но и колхозников?

Ответа ясного, четкого, партийного на все эти вопросы товарищи не смогут дать. Вольно или невольно — такой трактовкой переходного периода они встают на путь оппортунизма.

Характер переходного периода, как периода возникновения социалистической формации, как этапа построения социализма, отрицается контрреволюционным троцкизмом, считающим нэп только отступлением, отрицающим социалистический характер нашей революции и считающим, что нужна еще одна революция — как переход к новой, социалистической формации. Не понимается этот переходный период и правыми, — этой агентурой кулачества в наших рядах, с одной стороны, не видящими исторического развития социалистической формации. Делают также крупнейшие ошибки «левые» загибички по вопросу о переходном периоде. Только на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, только на основе борьбы на два фронта мы можем правильно разрешить все эти важнейшие теоретические и политические вопросы.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на журнал «РАПП» №№ 1, 2, 3 и «Пролетарская литература» № 4 за 1931 г.

1.

Значительные успехи пролетарского литературного движения за последние годы представляют собою одно из выражений величайших достижений рабочего класса, завершившего под руководством ленинской партии построение фундамента социалистической экономики. Опираясь на достигнутые успехи, партия наметила полное уничтожение классов и построение социалистического общества во втором пятилетии. Пролетарское литературное движение своими корнями связано с социалистическим строительством. Этим объясняется особая идейная насыщенность пролетарского литературного движения. Одной из значительных причин успехов пролетарской литературы является ее непримиримая борьба на два фронта — против правого и «левого» оппортунизма — в области пролетарского литературоведения.

В пролетарском литературном движении имеется еще немало недостатков и прорывов. К числу этих недостатков относятся: отставание пролетлитературы от темпов и задач социалистического строительства, некритическое отношение к плехановскому наследству, наличие деборинского влияния и влияния механистов, неполное преодоление воронщины и наличие замкнутости, и т. д.

Можно с полной уверенностью сказать, что настало время и созрели условия для поднятия на новую ступень разработки коренных проблем теории советской литературы и борьбы со всеми видами ревизионизма в пролетарском литературоведении.

Первые четыре номера журнала показывают, что в нем имеется немало путаницы и извращений.

Журнал начал выходить через несколько месяцев после философской дискуссии, в которой была решительно разворожена как идеалистическая линия меньшевистствующего идеализма, так и механицизм как главная опасность в философии на данном этапе. А так как механицизм и деборинщина имели некоторые корни среди руководящих кадров литературного движения, то мы вправе ждать от журнала развернутой критики всех их основных положений. Однако из десятка статей, посвященных вопросам борьбы с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом, несомненно заслуживающими внимания являются только статьи гг. Ральцевича и Коваленко в № 3. Что же касается статей ряда других авторов, то в них допущен ряд принципиально неверных трактовок вопросов марксистско-ленинской философии и пролетарской литературы. Особую путаницу допускает в этих вопросах Гельфанд, бывший одним из активнейших переверзианцев.

Вскрытие корней переверзианства показало, что его основной теоретической базой является механицизм, что корни переверзианства лежат отчасти также и в русском махизме — богдановщине, а также в философских ошибках Плеханова.

Вопреки этому общеизвестному факту Гельфанд утверждает, что «усовершенствованное» при помощи Гегеля переверзианство — детище общей линии меньшевистствующего идеализма, характеризующей работу так называемой «деборинской школы» («РАПП» № 1, стр. 74). Таким образом Гельфанд утверждает, что в основе переверзианства лежит не механицизм, а меньшевистствующий идеализм.

Известно далее, что главной опасностью в философии на данном этапе является механицизм. Вопреки этому Гельфанд утверждает, что «наиболее опасен в настоящих условиях» меньшевистствующий идеализм.

«В отношении гегелизированной, далеко еще не разоблаченной, а потому и более опасной в настоящих условиях формы, — пишет Гельфанд, — нам еще предстоит наступательное движение широким фронтом с целью идейной ликвидации меньшевистствующего идеализма в литературной науке» («РАПП» № 1, стр. 75). Следовательно Гельфанд не понимает подлинных корней перевернутого механицизма и того, что главной опасностью на данном этапе в философии является механицизм.

Не свободна от отдельных принципиально неверных установок в общем ценная статья Л. Михайлова.

Тов. Михайлов утверждает, что «проблема качества является центральным пунктом споров механистов и диалектиков» («РАПП» № 2, стр. 77).

Несомненно, что вопрос о качестве был одним из важнейших пунктов дискуссии, однако центральным пунктом борьбы с механистами является борьба против отрицания механистами философии диалектического материализма, против замены материалистической диалектики теорией равновесия.

Нечеткие формулировки содержит в себе также и передовая № 4 журнала. Она дает следующую, принципиально неверную, формулировку дебординщины:

«А между тем, если мы у дебординцев наблюдаем тенденцию предпочесть теорию революционной практике, то у некоторых писателей наблюдается обратное стремление — отделить практику от теории, отвести теории некоторое второстепенное место вместо органического единства практики и теории» («РАПП» № 4, стр. 8).

Этой своей установкой передовая журнала извращает решение ЦК о «ПЗМ» от 25 января 1931 г. В решении ЦК указывается, что «возглавлявшая журнал «Под знаменем марксизма» группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм Интернационала — разрыв между теорией и практикой». Следовательно передовая «РАПП» подменяет указание ЦК о том, что дебординщина отрывает теорию от практики, утверждением, что дебординцы имеют тенденцию предпочесть теорию революционной практике».

Показанные нами факты говорят о том, что журнал, правильно борясь за партийную линию, еще не развернул в полной мере конкретной борьбы на два фронта, допустив в этой борьбе ряд ошибок.

Влияние дебординщины в работе РАПП находит особое выражение в вопросе об отношении пролетарского литературоведения к плехановскому наследству. То, что до последнего времени в РАПП гулял лозунг «за плехановскую ортодоксию», показывает, что там имелось и еще видимо имеется очень глубокое непонимание необходимости самого критического подхода к плехановскому наследству, непонимание того, что без усвоения ленинского этапа в литературоведении как высшего этапа нельзя установить правильного отношения к плехановскому наследству.

Надо сказать, что журнал с задачей критической переработки плехановского наследства далеко еще не справился и в самой постановке проблемы о соотношении Плеханова и Ленина допустил грубейшую политическую ошибку, поместив политически вредную статью Добрынина «За ленинскую переоценку наследства Плеханова».

О Плеханове в журнале помещено три статьи. Две из них трактуют об отношении Плеханова к Горькому и об эстетике. В общем в них дается правильная критика ошибок Плеханова.

Поэтому мы остановимся только на статье Добрынина, помещенной в № 3 «РАПП». В ней Добрынин утверждает, что Ленин вплоть до 1908 г. из фракционных воображений не вел борьбы против реакционной философии, что Ленин «отрывал»

философию от политики, что до 1908 г. большевики не имели твердого партийного мнения о философии, что Ленин только с 1908 г. начал борьбу и против системы философских ошибок Плеханова. «Чем же однако объяснить, — пишет Добрынин, — тот факт, что Ленин проводит «отрыв» философии от политики, от фракционной борьбы? Объясняется конечно это тактическими соображениями. Прежде всего тем, что в этот период еще не было выработано твердое партийное мнение. Словом, по Добрынину, Ленин и партия большевиков до 1908 г. не имели своей философской линии.

«Когда же это партийное мнение было выработано, — продолжает он, — тогда произошел разрыв между большевиками-ревизионистами и Лениным. С другой стороны, углубляясь в философию и разрабатывая теоретические проблемы марксизма, Ленин перешел непосредственно к критике Плеханова» («РАПП» № 3 стр. 50, 51).

Поместив эту злостную меньшевистскую клевету на Ленина, редакция «РАПП» проявила в данном случае гнилой либерализм по отношению к меньшевистской контрабанде.

Возводя клевету на Ленина, Добрынин одновременно смазывает роль Плеханова как меньшевика, превращая его в какого-то беспартийного объективиста.

«Ленин, — пишет Добрынин, — всегда стоял на партийной точке зрения, а Плеханов всегда, хотел он этого или не хотел, неизбежно скатывался к оппортунизму, ибо вместо принципа партийности у него выступает объективность и беспринципность» (стр. 49).

Добрынин, признавая у Плеханова наличие объективизма и беспринципности, вместе с тем умалчивает о том, что Ленин (большевики) систематически вскрывал мелкобуржуазную меньшевистскую природу этого объективизма и беспринципности.

Известно также, что только Ленин поднял изучение всех проблем марксизма в эпоху империализма на новую, высшую ступень и что только Ленин преодолел ошибки Плеханова в вопросах искусства и литературоведения и поднял эти проблемы на высшую ступень. Вопреки этому Добрынин утверждает, что ошибки Плеханова были вскрыты Луначарским и Фриче. Добрынин изображает дело так, что вопросами искусства и литературоведения Ленин не занимался.

«Ошибки Плеханова в области искусства и литературы, — пишет Добрынин, — получили уже в нашей критике свою оценку. Мы имеем в виду статьи главным образом А. В. Луначарского и В. М. Фриче» (стр. 56).

Следовательно Луначарский, который еще далеко не полностью освободился от своих махистских ошибок (см. его предисловие к книге В. Волькенштейна, изданной в 1931 г., «Опыт современной эстетики»), и Фриче, который отрицал ленинское учение об империализме как последнем этапе капитализма, изображают Добрыниным как авторы ортодоксальной марксистской критики.

Возможность появления такого клеветнического документа нужно искать не только в гнилом либерализме редакции, но и в том, что лозунг «за плехановскую ортодоксию» на литературоведческом фронте еще в полной мере не преодолен, что собственно и констатировал последний пленум РАПП, в резолюции которого сказано: «Особое внимание уделить (критическому совещанию. — Л. и С.) вскрытию всех ошибок, имевших место как в работах основных работников РАПП и сводившихся прежде всего к известным деборинским влияниям, во многом к не-критическому отношению к плехановскому наследству...».

Выявляя коренные пороки Плеханова, Ленин неоднократно подчеркивал основную слабость Плеханова в философии, заключающуюся в том, что Плеханов не понимал ядра диалектики — закона единства и борьбы противоположностей, сводя диалектику к сумме примеров.

Вопреки этому т. Ермилов утверждает, что «у Плеханова мы встречаем иной раз с непониманием существа материалистической диалектики...» («РАПП» № 1, стр. 7).

Выходит, что у Плеханова только в отдельных случаях имелось непонимание диалектики. Ясно, что формулировка Ермилова ни в коей мере не способствует критической переработке плехановского наследства.

Все четыре номера журнала показывают, что журнал далеко еще не развернул работы по овладению ленинским этапом в литературоведении, не развернул критической переработки плехановского наследства на основе учения Ленина. Критика Плеханова должна вестись с единственно правильных — ленинских — позиций.

Переходя к вопросу о борьбе за ленинскую теорию литературоведения, необходимо подчеркнуть, что эта проблема не заняла основного места в теоретическом органе РАПП.

Корни ложных лозунгов, гулявших и гуляющих еще в рядах пролетарской литературы, а именно: «за плехановскую ортодоксию», за «одемянивание пролетарской литературы» и т. д., — заложены в непонимании ленинского этапа в литературоведении. Ложные лозунги в области литературоведения недостаточно разоблачены благодаря совершенно неудовлетворительной связи литературного движения с философским фронтом, где под руководством ЦК партии и были разоблачены коренные пороки механицизма, меньшевистствующего идеализма, заключавшиеся в частности в отрицании ленинского этапа в философии и в некритическом отношении к плехановскому философскому наследству.

Освещение ленинского этапа является самым слабым местом журнала. Это можно проследить на нескольких работах. В № 1 «РАПП» помещена оппортунистическая статья Тимофеева, который, говоря о классовой борьбе в литературе, совершенно обходит ленинский этап в литературоведении. Тимофеев обходит и оппортунистически скрывает указание т. Сталина о необходимости преодолеть отставание теории от практики.

Развивая свою оппортунистическую линию, Тимофеев пишет: «Организовать значение для рабочего класса таких произведений, как «Декольче» или «Трансаль», понятно исключено. Наоборот, «Бруски» или «Ледолом» будут в свою очередь действовать на сознание, скажем, кулачества, раскрывать перед ним его ограниченность, бесплодность его сопротивления».

Эта вылазка кулацкого защитника не получила должного отпора со стороны журнала. Та критика, которая была дана этой статье в № 2 «РАПП», недостаточно вскрыла оппортунистические установки Тимофеева.

Отдельные грубые ошибки, имеющиеся в журнале, сигнализируют необходимость для журнала взять более высокие темпы в разработке ленинского этапа в литературоведении. То, что работы Ленина о Толстом, Горьком, о культуре переходного периода еще надлежащим образом не разработаны, показывает слабую разработку журналом коренных проблем ленинского этапа.

Нельзя не отметить как серьезный недостаток в работе журнала весьма слабую самокритику.

Статья Добрынина, ложные установки Либединского, идущие по линии меньшевистствующего идеализма, смазывание главной опасности в философии Гельфанда, в корне неверная характеристика им переворозвещины все еще не получили в журнале развернутой оценки.

Факты теоретической путаницы в журнале и появление отдельных контрреволюционных материалов показывают слабую партийную бдительность, недостаточную теоретическую углубленность в разборе вопросов.

II

Перейдем теперь к вопросу о том, как журнал применяет материалистическую диалектику на практике при разработке и постановке определенных литературных проблем.

Прежде всего надлежит отметить, что журнал совершенно правильно выдвигает на первое место и считает основным моментом в творчестве писателя его

мировоззрение, решительно отмежевываясь таким образом от лефовско-литфронтовских принципов, утверждающих примат тематики в творчестве и рассматривающих мировоззрение писателя, как что-то складывающееся независимо от писателя, как что-то такое, что следует механически взять в готовом виде. Журнал справедливо квалифицирует подобные принципы как чрезвычайно вредные, способствующие не преодолению, а углублению отставания литературы от социалистического строительства. Дело конечно не в том, чтобы отрицать или принижать значение тематики для перестройки советской литературы. Ничего подобного допустить нельзя. Но выбор темы, имеющий важное значение, зависит именно от мировоззрения писателя. В выборе темы, в ее трактовке выражаются идеологические и политические установки писателя, понимание им эпохи. Никакая подлинная перестройка невозможна для пролетарской литературы, тем более для литературы попутнической, без перехода от мещанской тематики, от семейных и любовных трагедий (независимо от того, на каком фоне они разыгрываются), от ковыряния в психологических переживаниях изолированного самоутраченного интеллигента к тем проблемам, которые составляют основное содержание современного этапа социалистического строительства. Речь стало быть идет о том, что считать и что являться сейчас главным звеном в перестройке. Единственно верный ответ гласит: мировоззрение писателя. Особенно подчеркивается это для попутнического и союзнического отрядов в литературе. При этом условии обеспечивается и надлежащий поворот в тематике и, главное, обеспечивается его необходимая эффективность. Иное решение вопроса дает ложную ориентацию всей литературе и критике и ведет к неправильным оценкам действительных успехов, выдавая за победу то, что в лучшем случае является полупобедой пролетарской литературы, а иногда даже и формой вылазки против пролетарской идеологии. Жизнь дает этому самые яркие примеры. Известна например целая группа писателей-попутчиков (преимущественно правых), которые с точки зрения изменения тематики совершили как будто крупнейший шаг вперед. Они поехали в колхозы и на фабрики. В их книжках замелькали фигуры ударников, рабочие собрания, цифры экономических достижений и т. п. Однако все это только внешность. По существу же под этой внешностью эта группа попутчиков проповедует оголтело буржуазные теории. Социалистическое строительство изображено в работах этих попутчиков так, как оно представляется напуганному и озлобленному обывателю. Обзор нескольких подобных произведений был в свое время напечатан в «Правде». Эти факты пожалуй лучше всего опровергают кушнеровские «теории» преодоления отставания.

Журнал, как видим, правильно разрешает проблему, ставя в центре внимания мировоззрение, подчеркивая прежде всего задачу овладения методом диалектического материализма. Точно так же вполне верно определяет журнал роль и место художественной литературы в социалистическом строительстве, решительно выступая здесь и против воронско-горбовских теорий аполитичности искусства и против мнимо-левого литфронтовского ликвидаторства. Однако переходя к дальнейшей расшифровке и детализации этих общих положений и применению их к отдельным частным проблемам литературы, следует отметить, что, во-первых, журнал допускает ряд довольно значительных ошибок, а во-вторых, что применение материалистической диалектики в критике и теории литературы очень часто носит абстрактно-схоластический, школьный, формальный характер. В статьях вносятся одна на другую диалектические категории. Но они не одеваются плоть и кровь, не становятся методом исследования, а лишь украшают стиль авторов, создавая псевдо-научный вид и пугая недостаточно осведомленного читателя.

Тов. Либединский в № 1 журнала напечатал статью с критикой своих ошибок и в первую голову теории непосредственных впечатлений. Критика эта не может быть признана достаточной, ибо, во-первых, в статье дается не совсем верная характеристика теории непосредственных впечатлений, а во-вторых, т. Либединский

то из этой теории сохраняет и защищает по сей день. Либединский характеризует свою теорию лишь как «схематическую» и путанную. Это — неполная, небрежная, неправильная характеристика. В ней нет ни слова о том, что теория непосредственных впечатлений — теория идеалистическая, смыкающаяся прямо и непосредственно с идеями Воронского. Либединский почему-то до сих пор противопоставляет непосредственные впечатления о мире обывательским представлениям о нем. Он рассчитывает по всей видимости на очень наивных читателей, потому что действительно нужно быть очень наивным, чтобы не видеть, что «непосредственные впечатления» противопоставляются вовсе не обывательским представлениям, а впечатлениям опосредствованным, т. е. научному познанию и практической деятельности. Человек воспринимает мир опосредствованно, сознательно действуя на него и испытывая его воздействия. Это восприятие Либединский почему-то называет обывательскими представлениями о мире. Искусство, по его мнению, обладает способностью непосредственного восприятия мира; для восприятия Либединскому представляется наиболее богатым, наиболее полным, наиболее истинным. Этим своим убеждениям он не оставил вполне и по настоящее время, обнаруживая их в рассуждениях о том, что для действия, для практики нужно все богатство сферы чувственного, что для действия достаточно рассужденного, опосредствованного познания в отличие от искусства, которое немислимо без всего богатства сферы чувственного. Такое противопоставление искусства действию есть остаток теорий Воронского. Либединский утверждает, что руководящая роль в образовании суждения принадлежит годности, надобности и тому подобному. Это — неверная характеристика суждений, идущая опять-таки по линии противопоставления суждений действия суждениям искусства. Для действия, для практики решающую роль играет годность, надобность и т. д. Куда уж ему до всеобщих суждений, а вот искусство — оно куда более разносторонне и богато. Претензии Либединским образование суждений свойственно прагматизму, а не диалектическому материализму.

Вообще относительно признания своих ошибок руководящая группа «РАПП» является более, чем скупой. В журнале например ставится вопрос о влиянии меньшинствующего идеализма в теории литературы и критики. Журнал определенно указывает за то, что такое влияние имело место. Как на примеры такого влияния журнал указывает на Беспалова, Зонина, Гельфанда и т. д. Но ни одним словом не упоминает Авербаха, Кирсона, Афиногенова, Либединского, Ермилова, ошибки которых по этой линии и, мягко выражаясь, некритическое усвоение диалектической школы общеизвестны. Их должен был признать и т. Авербах в своем докладе на последнем пленуме РАПП, хотя со свойственной ему «последовательностью» выразил это в терминологии, несколько «своеобразной»: во-первых, мол, ошибок не было, во-вторых, если и были, то очень маленькие, в-третьих, если и большие, то у других есть больше, и в-четвертых, ошибок опять-таки не было, наоборот, мы стихийно стояли на ленинских позициях, только выражались кантовскими терминами.

Выше мы указали, что журнал в основном правильно ставит вопрос о значении диалектического метода для литературы. Но и здесь еще имеется немало ошибок. Прежде всего о диалектическом методе до сих пор говорится слишком общо, слишком неопределенно, хотя давно уже пора достигнуть здесь известной ясности, ибо дискуссия о творческом методе ведется по меньшей мере два года. Кроме того и общие определения диалектического метода даются журналом только раз в наиболее ответственных, специально посвященных этому статьях неопределенно. В статье Дрягина «О творческом методе Толстого» дается например такое определение: «Метод диалектического материализма возник не из того, что пролетариат просто «выражал себя» в сфере познания, а на основе всего предшествующего развития, сложившись из нескольких частей, взятых из разных источников (частью и реакционных, как например теория борьбы классов)». Значателен и тот момент, что означают слова «пролетариат просто выражал себя в сфере познания», нам

неизвестно. Вряд ли известно это и самому автору. Они по всей видимости приведены, чтобы показать ученость. Но что означает все определенное в целом — это в достаточной мере понятно. Выходит, по Дрягину, что диалектический материализм возник не как «совокупность революционного опыта и революционных мыслей всех стран» (Ленин), а составлен из нескольких частей, заимствованных из различных источников, среди которых есть даже реакционные. Объяснить подробнее, что это за источники и как это марксизм заимствовал у реакционеров теорию борьбы классов, автор не желает. Это — эклектически-струвинское, а не ленинское определение диалектического метода.

С точки зрения этого своего определения автору конечно нельзя отказывать в последовательности. Отыскивая части, из которых составляется диалектический метод, Дрягин разрисовывает почти под марксиста не только Гегеля, но и Толстого. Оказывается, именно у Толстого и лучше всего у Толстого можно и нужно учиться диалектическому методу художественного творчества. Толстой прежде всего изображается, как сознательный диалектик. Для этого используется сравнение сцен из «Войны и мира» с заметками Ленина «К вопросу о диалектике». Например Ленин говорит о раздвоении единого. У Толстого в каждом человеке — два человека, которые борются между собой, — значит Толстой понимал закон единства противоположностей, и т. д. в этом духе. Но этого мало. Толстой оказывается не просто представителем диалектики, но даже представителем материалистической диалектики. «Чистый идеалист, проповедник прямой повницы, какую он может дать диалектику, кроме идеалистической?» — ставит автор вопрос и отвечает: «Но такое рассуждение в корне неверно». Это замечательно. В корне неверным объявляется положение, само собой разумеющееся для каждого материалиста, что у философа-идеалиста может быть диалектика только идеалистическая. Это не исключает конечно возможности наличия в идеалистической диалектике ряда глубоких и ценных для материализма положений, не исключает возможности переработки ее на материалистической основе. Так именно полагал Маркс, заявляя, что его метод не только в корне отличен, но и противоположен гегелевскому. Но если рассуждать, как рассуждает Дрягин, то вообще никакой переработки идеалистической диалектики не требуется. Он разрывает метод и мировоззрение, а поэтому для гегелевской диалектики не находит иных определений, кроме заимствований из книги Вайнштейна, из книги, в которой, по признанию самого автора, дана концепция меньшевистствующего идеализма. Определение получается конечно преинтереснейшее: «Логика Гегеля представляет в движении ее категорий данное на идеалистической основе прорывание идеализма и утверждение материализма»¹⁾. Особых комментариев не требуется. «Данное на идеалистической основе утверждение материализма» говорит само за себя.

Если даже у Гегеля дело обстоит таким образом, то почему же не приписывать материализма Толстому? И автор размалевывает под материализм то, что называется «язычество» Толстого, его «бунт плоти» и т. д., умалчивая о том, как сам Толстой разрешил эти вопросы. Автор совершенно обошел вопрос о фатализме Толстого, вопрос, который нельзя обходить при разборе Толстого. Толстой вполне прав против субъективистов, когда например в «Войне и мире» полагает, что не в личности Наполеона были причины войны, что Наполеон — сама игрушка в руках каких-то высших законов. Но дальше Толстой отрицает, что «история делается людьми», он вообще отрицает революционную действительность. Его лозунг — «не мешать событиям». Этот лозунг очень отчетливо выражен в литературном образе Кутузова. Отсюда — созерцательность Толстого, его «непр...

¹⁾ Вообще в журнале нужно отметить подозрительную небрежность в отношении ссылок на литературные произведения. В ряде статей авторы ссылаются для подтверждения своих положений, как на непререкаемый авторитет, на произведения Асмуса, Вайнштейна и др., которые, как известно, представляют кантинскую (Асмус) или меньшевистско-идеалистическую (Вайнштейн и др.) ревизию марксистской философии.

«Ивление злу», его проповедь самоусовершенствования и т. д. Кроме того необычайная путаница дается в статье и по вопросу о социальных корнях произведений Толстого. Вначале оказывается, что его социальный базис составляли дворянство и крестьянство. Толстой был тогда гораздо революционнее. Потом дворянство выпадает, остается крестьянство, и Толстой становится реакционнее. «Метафизические и идеалистические нотки (ни более ни менее! — Л. и С.) у Толстого особенно усиливаются к концу его литературной деятельности».

Таким образом автор дал совершенно ложное представление о диалектическом методе и допустил путаницу в основных философских вопросах. А отсюда вытекает совершенно неверная оценка Толстого и его роли для нашей литературы.

Неосознанная самим Толстым диалектика в его произведениях конечно есть. Толстой в них отражены более или менее глубоко те или иные стороны объективной действительности. Но искать эту диалектику следует совсем не там, где ее ищет автор статьи, не в том, что у Толстого в одном человеке два человека. Иббидинский например поверил этому и написал «Рождение героя», где принцип «в одном человеке — два человека» проведен очень последовательно. В результате получилась не диалектика, а смешная и вредная игра в диалектику.

Редакция журнала в своем примечании к вышеназванной статье оценивает ее, мягко выражаясь, весьма примиренчески. Она пишет: «Статья Дрягина представляет интерес, как первый опыт более развернутой характеристики творческого метода Толстого. Вместе с тем необходимо указать на недостатки и слабые стороны статьи». Этими недостатками оказывается формально-логический анализ, обход классового содержания творчества Толстого и неправильное сближение, различие художественных приемов Толстого с отдельными местами из Ленина. Все разобранные выше ложные определения диалектики и обрисовка общей роли Толстого обходятся редакцией совершенно. Редакция, приглашая высказаться по поводу статьи Дрягина, очевидно считает ее подходящей основой для обсуждения вопроса. В трех последующих номерах журнала об этой статье нет ни слова.

Неверное определение диалектического метода дается точно так же и в статье Виноградова (№ 3 журнала). После правильных в основном рассуждений о подходе к творчеству и т. д. автор пишет: «Таковы основные принципы художественного метода и метода диалектического материализма в частности» (стр. 126).

Диалектический метод оказывается частностью какого-то общего художественного метода. Этот тезис представляет собою геркулесовы столбы нелепости.

Образцом указанного нами выше школьнического квази-ученого подхода к делу, пустой возни с категориями является, во-первых, ряд рассуждений в статье Михайловой (№ 1) «О творчестве рабочих-ударников», и во-вторых, вся целиком статья Иезуитова «Конец красоты» в № 4 журнала. Из первой статьи мы вынуждены привести довольно длинную цитату, чтобы показать, как школьническая диалектика и перебирание диалектических четок вместо анализа конкретной жизни оказываются не только пустой и бессодержательной трескотней, но иногда и приводят к весьма вредным выводам. Вот общая оценка творчества ударников: «Писатели-ударники видят противоречия, существующие на заводе между старым и новым, между рабочим и классовым врагом, пробравшимся на производство, понимают (но не показывают) борьбу завода за пятилетку как борьбу социалистического хозяйства с капиталистическими элементами. Однако видеть противоречия и борьбу — это еще недостаточно (здесь автор начинает умствовать. — Л. и С.). Надо диалектически объяснить их, т. е. надо показать необходимость связи противоположностей в их единстве. Нужно показать «раздвоение единого». Писатели-ударники отчетливо видят противоположность борющихся сил. Они видят ведущую, побеждающую сторону в противоречии и мобилизуют активность масс именно в направлении ее поддержки. В этом сказывается их действительный классовый субъективизм (нехороший термин. — Л. и С.), партийность. Но они не умеют показать единство противоположностей, основу их необходимой связи. Таким образом вместо борьбы противоречивых частей

единого у них нередко получается борьба внешне-направленных сил, т. е. скат к механистической концепции. Отсюда и невозможность познания всех процессов мира в их самодвижении, в их спонтанном развитии» (стр. 121—122).

Прежде всего спрашивается, почему о творчестве рабочих-ударников нужно писать языком, совершенно непонятным ни одному ударнику? К чему эта попытка «сразить» ученостью? К чему приписывать ударникам «механистическую концепцию» вместо того, чтобы просто и ясно сказать об их слабостях, о неумении достаточно хорошо обобщать наблюдаемый ими материал, о часто встречающемся упрощенчестве, о недостаточной еще литературной квалификации, вместо того, чтобы показать по возможности примером, как это следует преодолевать? Но это — еще полбеды. «Сверхученость» автора ведет его гораздо дальше. Оказывается, недостаточно видеть противоположность интересов рабочих и их классовых врагов, автор требует, чтобы ударники отыскивали еще и единство этих интересов, «основу их необходимой связи» — в противном случае он угрожает «механистической концепцией». А что если какой-нибудь ударник поверит критику и действительно начнет искать единство между рабочим классом и вредителями, СССР и капиталистическим миром?.. В лучшем случае творчество такого ударника постигнет судьба «Рождения героя», основной порок коего в том и состоит, что автор прочел о диалектике в книжечке, не дал себе труда разобраться, что к чему, и построил по схеме «диалектический» образ. Но это — в лучшем случае. В худшем — такое «методологическое руководство» может завести и гораздо дальше. В каких это книгах прочитал «ученый критик», что все и всяческие противоположности нужно соединять в единство и что такое единство обязательно следует отыскивать даже между пролетариатом СССР и его классовыми врагами? Почему «ученый критик» не обратил внимания на то, что тысячи раз подчеркивалось Лениным, а именно, что обязанность диалектического материализма — прежде всего изучать реальную жизнь, т. е. реальную борьбу противоположностей, а не сочинять схемы и в них эту реальную жизнь вгонять. Это важнейшее положение диалектического материализма, красной нитью проходящее через все работы Ленина, превосходно выражено Энгельсом в письме к Паулю Эрнсту: «Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты». Неужели автор ученой статьи не понял или не запомнил ничего из всей полемики Ленина со II интернационалом и русскими меньшевиками, которые всегда отличались бурею, схематизмом, догматизмом, приводившими их к прямой измене марксизму и предательству пролетариата?

Вторая из названных нами выше статей (помещенная в порядке обсуждения) вся целиком является классическим примером «диалектических фантазматических» и пустой игры категориями. Основной порок статьи тот же самый. Автор хочет доказать, что пришло время выбросить из эстетики категорию «красоты», применяя для этого «диалектические» трюки вроде того, что так как все категории согласно диалектике возникают и уничтожаются, то и категория «красоты» должна уничтожиться. Попутно автор «разносит» буржуазное искусство. Оно объявляется не партийным, не тенденциозным, не отражающим жизнь, а лишь красивой игришкой и т. д. Автор не замечает, что попадает в плен буржуазных теоретиков искусства, выдавая их высказывания об искусстве за то, чем оно действительно является. Рабочий класс, оказывается, вырубил олеандровые фонтаны и построил на их месте фабрики, а буржуазную культуру сдал в музей, и т. д. и т. п. Диалектика в руках Иезуитова превращается в свою противоположность. Он хочет оказать ей услугу, но забывает старое меткое изречение: «Хотя услуга нам при нужде дорога, но за нее не всяк умеет взяться».

Подобного рода бесплодная софистика и пустое жонглирование категориями не ограничиваются двумя указанными статьями. То же самое, к сожалению, встречается и в других статьях журнала. Нужно со всей силой подчеркнуть, что

современные задачи пролетарского литературного движения требуют прежде всего конкретного подхода к делу, внимательного и серьезного изучения действительности. Было бы очень печально, если бы подобные методы «применения» материалистической диалектики укоренились сколько-нибудь серьезно в нашей литературе. Нельзя не связывать этого обстоятельства с вопросом о конкретной критике. Без конкретной критики, без серьезного разбора определенных литературных произведений нельзя себе представить ни преодоления отставания, ни повышения идейной насыщенности нашей литературы, ни переделки попутчиков. Одно голое и чистое методологизирование очень легко может выродиться в схоластику. А между тем конкретная критика — одно из слабейших мест журнала. В четырех об'емистых книгах центрального органа РАПП не насчитается и четырех статей, разбирающих современные литературные произведения (статья об идее «Тихого Дона», статья о творчестве одного рабочего писателя и почти все), да и те ограничиваются очень общим поверхностным разбором. Потребности же в этом колоссальные. Не говоря уже о трилогии Горького, совершенно не подвергались серьезному критическому разбору последние произведения Панферова, Фадеева, Шолохова, многие очень интересные произведения попутчиков и т. д. Полагать же, что можно обеспечить поворот в творчестве писателей и рост нашей литературы без конкретной критики, является вреднейшей утопией.

Г. ЛЕБЕДЕВ
К. СТЕПАНОВ

О массовой работе ОВМД

I

Подводя итоги массовой работы ВОВМД за последние 6 месяцев необходимо остановиться на работе, которая была развернута, во-первых, в связи с проведением месячника годовщины смерти Гегеля, во-вторых — в связи с обсуждением письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и реализацией задач, вытекающих из этого письма для философского участка теоретического фронта. Наконец необходимо осветить работу, которая развернута и развертывается в связи с всемирно-историческими решениями XVII партконференции.

Проведение сотой годовщины смерти Гегеля представляло не академическую проблему, ибо в условиях невиданного обострения классовой борьбы во всех ее формах, когда вопрос об отношении к гегелевскому наследству является одним из звеньев классовой борьбы пролетариата, этот вопрос, как и вся теоретическая борьба, имел и не может не иметь глубокого классового характера.

В противовес лозунгам фашизма и социал-фашизма, под которыми проводились на Западе гегелевские дни, Общество воинствующих материалистов-диалектиков противопоставило свои лозунги — лозунги борьбы за материалистическую переработку наследства Гегеля, за действительно материалистическую диалектику, за разработку и популяризацию материалистической диалектики на основе указаний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, за проникновение материалистической диалектики во все области знания, за осуществление поворота в теоретической работе к боевым проблемам социалистического строительства и пролетарской революции.

В гегелевские дни ОВМД широко развернуло массовую пропаганду и популяризацию диалектического материализма среди широких масс трудящихся. В Москве в Доме союзов состоялись гегелевские вечера 20/XI и 13/XII 1931 г.

На этом вечере с приветствием от ЦК ВКП(б) выступил тов. Стецкий и от компартии Германии т. Витфогель. С большим интересом были заслушаны доклады: тов. Митина — Гегель и теория материалистической диалектики, т. Горюхов — Гегель и исторический материализм, т. Пашуканиса — Гегель, учение о государстве и фашизм, т. Кольмана — Гегель и естествознание, т. Ральцевича — Гегель как идеолог буржуазии, т. Юдина — Борьба на два фронта в философии и гегелевская диалектика.

Помимо этих докладов и докладов, проведенных самостоятельно почти всеми кафедрами диалектического материализма в вузах и в подшефных предприятиях, активом ЦП ВОВМД на основе тезисов ОВМД, преимущественно членами ОВМД ИКП философии было проведено еще свыше 20 докладов в наиболее крупных вузах, научно-исследовательских институтах и на предприятиях гор. Москвы.

Товарищи из ЦП ОВМД в связи с месячником Гегеля выезжали в Минск, Харьков и Иваново-Вознесенск.

Что касается периферии, то необходимо отметить, что почти во всех крупнейших краевых, областных центрах и нац. республиках (Ленинград, Харьков, Минск, Баку, Ростов и др.) были сделаны доклады о Гегеле на партактиве, среди учащихся вузов, аспирантуры и т. д., а также помещены статьи в местной прессе и журналах.

Например в Восточной Сибири (Иркутске) помимо помещения статьи о Гегеле в «Восточно-сибирской правде» состоялись доклады во всех вузах и на партактиве.

Правление ОБМД Республики немцев Поволжья поместило в местном партжурнале «Parteilieben» статью т. Вышинского «Über die Widersprüche der Methode und des Systemis in der Philosophie Hegels» и провело ряд массовых докладов на партактиве среди студенчества и научных работников гор. Энгельса.

Однако приходится констатировать, что в ряде статей по случаю столетия со дня смерти Гегеля как в центральной, так и в местной прессе имело место протаскивание взглядов меньшевистствующего идеализма и не обошлось и без вульгаризации в оценке гегелевской философии.

В «Правде», в обзоре статей, посвященных столетней годовщине со дня смерти Гегеля, тт. Юдин и Константинов приводили ряд фактов такого извращения и подвергли резкой критике эти искажения.

В качестве примера такого рода извращений можно указать и на статью т. Маркевича в «Правде Востока» — «Классовая борьба и гегелевская философия», где им обойдена и затушевана классовая борьба и борьба на два фронта вокруг Гегеля, но зато проводится отождествление идеалистической диалектики Гегеля с материалистической диалектикой. Как образец грубого вульгаризаторского подхода к философии Гегеля можно указать и на статью некоего Ручинского в «Узбекистанской правде» под заглавием «Философ бури», где им подчеркивается, что «Одна из важнейших групп идеологов склонявшейся к закату буржуазии проводит в Берлине гегелианский конгресс. Идеологи пролетариата чтят память великого философа в Советском союзе. Учение Гегеля и история развития и распространения его... лучшая иллюстрация могучего диалектического метода, творцом которого стал Гегель» и дальше — «Прочтите перипетии Маркса и Энгельса, просмотрите их работы... все полно Гегелем»... «Гегель великий мыслитель, творец революционного метода сокрушительного, беспощадного, сверлящего пустоту мишурных истин, пронзающего завесы истории»...

Комментарии тут излишни, ибо более яркого образца вульгаризации и политической безграмотности, пожалуй, не сыщешь. Правление ОБМД Средней Азии должно было дать отпор и реагировать на эти грубейшие факты извращения марксистско-ленинской философии.

При проведении этого юбилея в Белоруссии был допущен ряд серьезных ошибок. Но следует отметить, что правление ОБМД Белоруссии по-большевистски занялось самокритикой, отметив в резолюции «О результатах проведения юбилея 100-летия смерти Гегеля», что:

1) гегелевский вечер не был проведен под знаком большевистской борьбы за ленинский этап в философии, борьбы за пропаганду марксистско-ленинской точки зрения;

2) в докладе т. Выдра «Гегелевское наследство и ленинский этап в философии» не был по существу освещен ленинский этап в развитии диалектического материализма;

3) критика Гегеля шла в основном по линии меньшевистствующего идеализма и не было дано последовательно материалистической критики гегелевской логики, не вскрыты сущность и классовые корни гегельянства;

4) в докладе т. Арутюнянца ленинский этап в философии не был также освещен.

Каковы итоги? В связи с проведением годовщины столетия со дня смерти Гегеля мы имеем значительный сдвиг в сторону массовой пропаганды и популяризации марксистско-ленинской философии среди значительных кадров партийно-комсомольского актива, среди учащейся молодежи и кадров научных работников.

Значительно повысился интерес со стороны широких масс трудящихся к проблемам марксистско-ленинской философии, усилилось стремление со стороны

кадров научных работников, учащейся молодежи и партактива к овладению теорией материалистической диалектики, к внедрению марксистско-ленинской философии в конкретных областях науки и практики.

В основном массовая работа по пропаганде и популяризации диалектического материализма в гегелевские дни проводилась с партийных позиций на основе борьбы против механицизма и меньшевистствующе-идеалистической ревизии диалектического материализма. Однако необходимо отметить целый ряд фактов протаскивания чуждых, антиленинских взглядов как в печати, так и в докладах, что говорит об отсутствии большевистской бдительности со стороны отдельных организаций ОВМД и редакций газет и отсутствии контроля со стороны некоторых местных правлений ОВМД (Белоруссия) в отношении докладчиков.

II

Письмо т. Сталина на философском участке теоретического фронта подняло партийную воинственность на еще более высокую ступень как в борьбе с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом, так и в деле решительного разоблачения классово-враждебной троцкистской контрабанды и гнилого либерализма по отношению к нему, в деле большевистского исправления ошибок в собственных рядах.

Как в центре, так и на местах основные философские кадры, входящие в ОВМД, активно участвовали в обсуждении письма т. Сталина под руководством парторганизации. В Москве основные философские кадры активно участвовали в проработке письма т. Сталина на парткружках и общем собрании ячейки ВКП(б) Философского института красной профессуры. После тщательного обсуждения доклада т. Митина «О политических итогах обсуждения письма т. Сталина в парткружках» была принята развернутая резолюция, дающая оценку положения на философском участке теоретического фронта и намечающая конкретные практические задачи, вытекающие из письма т. Сталина для философского фронта. Резолюция эта разослана на места. В частности собрание отметило имеющиеся достижения в работе журнала «ПЗМ», ставшего при новой редакции подлинно большевистским органом, ведущим правильную политическую линию, и одновременно с этим подвергло решительной большевистской самокритике отдельные ошибки, допущенные в его работе и требующие немедленного исправления.

В связи с письмом т. Сталина проделана значительная работа по проверке работы кафедр диамата в комвузах и вузах, по пересмотру программ и заданий, по проверке выпущенной философской литературной продукции, по пересмотру планов научно-исследовательской работы с выдвиганием актуальных проблем социалистического строительства.

Активом ЦП ВОВМД в связи с письмом т. Сталина сделан ряд докладов в Москве и послан ряд товарищей с докладами и поручениями на периферию (Воронеж, Самара и др.).

Президиум ВОВМД отметил запаздывание с дальнейшей углубленной теоретической разработкой философских проблем, вытекающих из письма т. Сталина, и проявленную медлительность в постановке доклада «Письмо тов. Сталина и ленинский этап в философии». Только недавно в связи с годовщиной беседы бюро ячейки ИКПФ и Е. с т. Сталиным и решением ЦК о журнале «ПЗМ» правление ОВМД организовало вечер в Комакадемии с участием актива ОВМД гор. Москвы, где выступили с докладами т. Адоратский, т. Юдин—«О годовщине беседы т. Сталина с бюро ячейки ВКП(б) ИКПФ и Е.», и т. Митин—«Письмо т. Сталина и вопросы ленинского этапа в философии».

Что конкретно проделано местными организациями ОВМД в связи с проработкой письма т. Сталина?

Если взять Украинское отделение ОВМД, то необходимо отметить, что товарищи, работающие там на философском участке теоретического фронта,

в связи с письмом т. Сталина проделали большую работу по разворожению выпущенной за последние годы на Украине философской литературной продукции. Тов. Уральцев в своей информации на заседании президиума ВОВМД указывал на то положение, что теоретический журнал «Прапор марксизма-ленинизма» не стал еще пока полностью на службу партии и нередко занимался протаскиванием чуждых, антиленинских взглядов. В указанном журнале появился ряд антипартийных статей. Напр., статья т. Бона «О социал-фашизме», в которой он хотел ознакомить читателя с оружием врага—фашиста Гитлера, но сам скатился до апологетики фашизма, поравняв вождя фашизма Гитлера с Лениным. Кроме статьи Бона помещены антипартийные статьи тт. Демчука, Яворского, Глухенко — «О теории диалектики» и «О Плеханове», Очинского — «Проблемы культуры» и т. д.

Тов. Демчук один из активистов группы Деборина на Украине, не признававший во время дискуссии своих ошибок, выступил после дискуссии со статьей «Неогегельянство как оружие социал-фашизма», включив эту антипартийную статью в свою книгу, в которой протаскиваются меньшевистско-идеалистического и троцкистского порядка взгляды. Этой ревизии был дан отпор. Достаточно отметить, что и после дискуссии на Украине печатались статьи и выходили книги механистов и меньшевистствующих идеалистов и только после письма т. Сталина эти статьи подверглись решительной критике.

Украинским ОВМД просмотрено всего 27 названий различных работ—Марка Блудова, Бона («Франц. материалисты»), Деборина, Спокойного, Семковского, Юренца и др.

В украинское правление ОВМД поступило заявление от т. Бона с признанием своих ошибок, заявление т. Юренца, в котором он вскрывает свой гнилой либерализм, заявление Семковского, в котором он вскрывает свою систему антимарксистских, антиленинских взглядов. Несомненно, что все это—результат правильной борьбы философского коллектива на Украине, результат правильного проведения тех установок, какие дал в своем письме т. Сталин под руководством и при поддержке парторганизации, особенно Харьковского партийного комитета и ЦК КП(б)У.

Президиум ЦП ВОВМД, заслушав информацию представителя ОВМД Украины, отметил, что в связи с письмом т. Сталина наметился сдвиг в работе, в деле активизации борьбы на два фронта и что проведенная ОВМД Украины борьба на два фронта в связи с некоторым оживлением деятельности механистов и меньшевистствующих идеалистов была в основном правильной и велась на основе генеральной линии партии и письма т. Сталина.

Президиум ЦП ВОВМД наметил для Укр. отд. ОВМД ряд конкретных мероприятий по линии: развертывания массовой работы, усиления работы бригад на заводах Харькова, выпуска популярных брошюр для широкого актива по марксистско-ленинской философии, по дальнейшей критике извращения марксистско-ленинской философии, по участию в перестройке работы журнала «Прапор марксизма-ленинизма», по связи и систематической информации «ПЗМ» о работе на философском участке теоретического фронта Украины и т. д.

На заседании президиума ВОВМД была заслушана информация т. Ганжинского о работе ОВМД Зап.-сиб. края и намечен ряд практических мероприятий в отношении развертывания работы Зап.-сиб. краевого отделения ОВМД. Зап.-сиб. отд. ОВМД работает в условиях быстро индустриализирующейся Западной Сибири. Имеется огромный рост научных кадров. Сейчас уже по Зап. Сибири имеется 27 вузов и 43 научно-исследоват. института, около 1.200 научных работников. Среди научных кадров, лиц, окончивших ИКП, всего 3—4 человека. Имеется большое наследие рамзиновщины и кондратьевщины в среде научных работников. В таких условиях понятно, что вопрос о марксистско-ленинском воспитании научных кадров стоит остро. Зап.-сиб. ОВМД находится в стадии развития. Особенное внимание ОВМД уделяет развертыванию пропагандистской работы в самой тесной связи с планом партпросвещения культпропа крайкома. В работе по «теоретическим

зарядкам» ОВМД принимает самое активное участие. Интерес к проблемам марксистско-ленинской философии на периферии огромный. Зап.-сиб. ОВМД обслужило докладами Томск, Кузнецкстрой, Барнаул, Омск и др. С проработкой письма т. Сталина Зап.-сиб. ОВМД запоздало. Проведена проверка программ и заданий по всем кафедрам диамата. По инициативе Зап.-сиб. ОВМД культпроп постановил начать смотр работы научно-исследовательских институтов. Президиум ВОВМД признал правильным, что основное внимание Зап.-сиб. отд. ОВМД сосредоточено на массовой пропаганде марксистско-ленинской философии и наметило ряд конкретных мероприятий по дальнейшему развертыванию работы ОВМД. В целях установления систематического участия в работе «ПЗМ» президиум ВОВМД предложил выделить постоянных корреспондентов и одобрил решение Зап.-сиб. ОВМД о созыве весной 1932 г. пленума и осенью — конференции ОВМД, постановив принять активное участие как на пленуме, так и на конференции.

В связи с письмом т. Сталина ОВМД Белоруссии под руководством ЦК КП(б)Б на философском участке теоретического фронта Белоруссии проделало значительную работу по разоблачению и критике механицизма и меньшевиствующе-идеалистической ревизии марксистско-ленинской философии. Критика философской продукции т. Вольфсона показала, что работы т. Вольфсона представляют собой в ряде вопросов теоретическое выражение меньшевизма, в частности меньшевизма Плеханова. Такие его работы, как «Диалектический материализм», «Плеханов», в основном являются механистическими, смыкаясь по ряду вопросов с меньшевиствующим идеализмом. Великодержавно-уклонистский характер его последней работы «Идеология и методология нац. демократизма» тесно связан с антиленинскими установками в его предыдущих философских работах.

Общее собрание членов ОВМД в принятой резолюции констатирует, что т. Вольфсон еще до сего времени по существу не разоружился, не вскрыл политической сущности своих философских работ, обходя свои антиленинские установки в национальном вопросе. Точно так же и т. Выдра еще до сего времени окончательно не расправился с теоретическим грузом меньшевиствующего идеализма.

Антиленинские великодержавно-уклонистские установки в его работе по нац. вопросу — «Белорусский национал-демократизм в краеведческом движении БССР» — теснейшим образом связаны с его теоретическими ошибками.

Общее собрание членов ОВМДБ отметило признание и критику т. Выдрой своих ошибок и потребовало от него решительной борьбы на два фронта в нац. вопросе и в области философии и исправления на деле своих политических и теоретических ошибок. Правление ОВМДБ, в основном проводя правильную линию, допустило политическую ошибку, обойдя молчанием издание Институтом философии книги «Наука на службе нац.-демовской контрреволюции», которая содержит грубейшие искажения партии и нац. вопросе. Собрание членов ОВМДБ отметило слабую работу ОВМДБ в смысле положительной разработки и массовой пропаганды марксистско-ленинской теории и поставило перед ОВМДБ задачу разработки и пропаганды ленинского этапа в философии на основе ленинского наследия. работ т. Сталина и партийных документов на протяжении всей истории борьбы большевистской партии за социалистическую революцию и строительство социализма, задачу изучения закономерностей соц. строительства и классовой борьбы, положительную разработку нац. политики партии, нац. культурного строительства народов СССР, проводя активную борьбу на два фронта в нац. вопросе, и т. д.

Восточно-сибирское отделение ОВМД в связи с письмом т. Сталина организовало ряд докладов на предприятиях и в вузах. Проведена большая работа по пересмотру программ и заданий по диамату. Организованы рецензентские бригады по рецензированию выпущенных учебников по диамату.

ОВМД Республики немцев Поволжья в связи с письмом т. Сталина поставило ряд докладов на партийно-комсомольском активе, на собраниях студенчества и научных работников на темы: «Письмо т. Сталина и задачи партии на теоретическом фронте», «Марксистско-ленинское учение о перерастании буржуазно-демократиче-

ской революции в социалистическую», «Сталин и ленинский этап в философии» и др. Обслужено массовыми докладами свыше 1.300 человек. В местной печати были помещены статьи и заметки в связи с письмом т. Сталина. ОВМД принимало активное участие во вскрытии ряда фактов троцкистской контрабанды и гнилого либерализма по отношению к ней. Троцкистский контрабандист Шмидт исключен из рядов партии.

Таковы некоторые итоги проделанной работы в ряде организаций ОВМД в связи с проработкой письма т. Сталина.

III

В целях дальнейшей реализации решения всесоюзного совещания ОВМД по линии массовой работы, «которая являлась одним из наиболее слабых звеньев в работе ОВМД при старом деборинском руководстве, отличавшемся цеховой замкнутостью, отрывом от масс и оппортунистической недооценкой массовой работы», и в целях осуществления дальнейшего поворота в работе ОВМД к актуальным задачам социалистического строительства в связи с решениями XVII партконференции, президиум ОВМД утвердил календарный план массовой работы (на февраль—июль), включающий постановку силами актива ЦП ВОММД 21 доклада в крупнейших краев., областн. центрах СССР и 27 докладов на предприятиях, высших учебных заведениях Москвы.

При чем необходимо отметить, что все темы докладов органически связаны с планом научно-исследовательской работы ИКПФ и вытекают из решений XVII партконференции. Намечен следующий перечень тем для массовых докладов:

1. Письмо т. Сталина и ленинский этап в развитии диамата.
2. Учение марксизма-ленинизма о классах и задачи ликвидации классов во второй пятилетке.
3. Учение марксизма-ленинизма о социализме и задачи построения социализма во второй пятилетке.
4. Вторая пятилетка о построении социализма и задачи укрепления пролетарской диктатуры.
5. Строительство социализма и задачи социалистического перевоспитания масс.
6. Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней во второй пятилетке.
7. Вторая пятилетка и задачи культурной революции.
8. Боевые задачи науки и техники во второй пятилетке.

Популяризация и разработка вопросов, поставленных второй пятилеткой, должны стать основным содержанием теоретической и массовой работы всех организаций ОВМД на местах, эти вопросы должны найти всестороннее освещение в докладах, в печати и т. д. Вся теоретическая и массовая работа должна быть поставлена на службу выполнения задач четвертого, последнего, завершающего года пятилетки и проникнута борьбой за ленинскую партийность в теории, подчинена активной борьбе за генеральную ленинскую линию партии.

IV

Президиум ВОММД поставил, как одну из важнейших политических задач, перед всеми организациями ОВМД оказание конкретной практической помощи многомиллионному ленинскому комсомолу в марксистско-ленинском воспитании кадров союзного актива. Большое политическое значение придал президиум ОВМД письму ЦК ВЛКСМ о связи и теоретической помощи в деле марксистско-ленинского воспитания кадров союзного актива. На заседании президиума ОВМД с участием представителя ЦК ВЛКСМ и редакции «Комсомольской правды» был намечен ряд практических мероприятий по линии постановки силами квалифицированных

работников ЦП ВОВМД и краев, обл. правлен. ОВМД ряда теоретических докладов на активе комсомола как в центре, так и на местах в связи с решениями XVII партконференции. В целях наиболее тесной связи и для систематической практической помощи в постановке теоретической учебы комсомола необходимо прикрепить теоретически подготовленных большевиков, работников краев., обл. отделений ОВМД через культпропы краев., обл. парт. комитетов к краев., обл. комитетам ВЛКСМ.

Обеспечить своевременный выпуск комсомольского учебника по диамату, подготовляемого бригадой ИКПФ, и обеспечить систематическое освещение в союзной печати и журналах актуальных проблем марксистско-ленинской философии. Прикрепить товарищей для участия в теоретической консультации по линии «Комсомольской правды» и к «Теоретическому бюллетеню» и т. д.

Вопрос конкретной помощи в марксистско-ленинском воспитании кадров союзного актива должен быть поставлен всеми организациями ОВМД в центре внимания как боевая политическая задача.

Последнее всесоюзное совещание ОВМД отметило, что группа Деборина ни в коей мере не выполнила и органически не могла выполнять завещания Ленина, данного в его статье «О значении воинствующего материализма», особенно в той его части, где говорится о необходимости непримиримой борьбы с поповщиной и мракобесием в науке и о разрывании пропаганды воинствующего атеизма. Президиум ОВМД в целях устранения существовавшего при деборинском руководстве отрыва теоретической философской работы от антирелигиозной практики и налаживания самой тесной совместной работы ОВМД и СВБ прикрепил к ЦП СВБ и Моск. комит. СВБ бригады товарищей для постоянной работы. Одна из главных и основных задач ОВМД в области антирелигиозной пропаганды несомненно состоит в теоретической помощи СВБ и участии в подготовке квалифицированных кадров антирелигиозников. Президиум ВОВМД для помощи в проведении курсов-семинаров для актива Московской области и городских районных советов СВБ выделило для чтения лекций 10 квалифицированных товарищей. Антирелигиозный сектор ОВМД также обслуживает своими силами работу семинаров по повышению квалификации работников ЦП СВБ.

Постоянно работает вечерний двухгодичный антирелигиозный университет, организованный ЦП СВБ и обслуживаемый в основном силами ИКПФ. В помощь ЦП СВБ для пересмотра и составления программ для антирелигиозных кружков и школ выделен ряд товарищей.

Вот краткие конкретные помощь со стороны ВОВМД в антирелигиозной работе СВБ.

О. ШТЕЙН.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Письмо в редакцию „Под Знаменем Марксизма“

Письмо т. Сталина мобилизует партию и в частности идеологический фронт ее на усиление партийной бдительности к классово-враждебным теориям, непримиримости и воинствующей партийности в борьбе против классового врага. Поднимаемая исторические задачи теоретического фронта партии на принципиальную высоту, т. Сталин разоблачил маневры контрреволюционного троцкизма, контрбандным путем протаскивающего в нашу литературу антибольшевистские, контрреволюционные идеи. Тов. Сталин мобилизовал партию на борьбу с гнилым либерализмом, имеющимся у отдельных членов в отношении троцкизма, этого передового отряда контрреволюционной буржуазии.

Письмо т. Сталина поднимает на принципиальную высоту не только вопросы изучения истории большевизма, но и других участков теоретического фронта. Задача, поставленная т. Сталиным, должна мобилизовать работников теоретического фронта и в области философии, должна мобилизовать на борьбу за партийную линию философию.

Партийная линия философии—это непримиримая, развернутая борьба на два фронта против механицизма как главной опасности на данном этапе и против меньшевистствующего идеализма и примиренчества к ним. И теперь, когда после подведения итогов философской дискуссии прошел год, я должен признать, что и печати мною совершенно не достаточно была подвергнута большевистской критике и самокритике система взглядов меньшевистствующего идеализма. В то же время должен признать, что это не было случайностью. Это видно из факта моего участия в редактировании философской части словаря т. Ищенко: «Краткий философский словарь», в котором в целом ряде терминов допущены ошибки порядка меньшевистствующего идеализма.

Эта политическая ошибка, допущенная мною при редактировании философской части «Словаря», связана с тем, что, несмотря на ряд попыток дать в печати развернутую критику главнейших положений меньшевистствующего идеализма (статья «Рязановщина и меньшевизм» в феврале 1931 г., статья «К истории философских разногласий» в апреле 1931 г.), мною не были преодолены установки меньшевистствующего идеализма, что сказалось особенно в последней статье.

В этой связи считаю необходимым не только в своей повседневной работе, но и в особом выступлении в печати дать критику допущенных в моих печатных работах ошибок, которые мною до сих пор не были подвергнуты жестокой партийной критике.

В постановлении ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» говорится, что журнал «Под знаменем марксизма» исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма. Будучи активным сотрудником журнала «ПЗМ», я в течение ряда лет игнорировал ленинский этап как новую ступень в развитии философии марксизма. Не говоря уже о том, что в целом ряде статей о математической логике в связи с логическими основами теории множеств—о Канторе, Ресселе, Гильберте и др.—у меня совершенно не развернут ленинский этап в вопросах естествознания («ПЗМ» №№ 3 и 7, 1925 г.), непонимание ленинского этапа в развитии марксистской философии выражалось и в оценке Плеханова как ортодоксального марксиста,—я неверно, односторонне пытался опереться на известное замечание Ленина, сделанное им в период дискуссии о профсоюзах, о философских работах Плеханова (см. мою статью в «ПЗМ» № 10—11 за 1927 г., стр. 64). Более того, когда в 1922—23 гг. некоторые товарищи, исходя из ошибочных и критикуемых

мною позиций отрицания философии (Минин, Рожицын, Миллер), выступали с критикой философских взглядов Плеханова, то я, анализируя эту борьбу в философии, делал тот вывод, что дело якобы тогда шло «о пересмотре ортодоксальных традиций революционного русского марксизма под видом борьбы против Плеханова как философа», что свой «обвинительный акт» названные товарищи направляли против Плеханова только по форме, а по существу—против ортодоксального понимания философии марксизма («ПЗМ» № 10—11, 1927 г., стр. 66—67). Эта формула—«п л е х а н о в с к о е», т. е. установившееся в марксизме отношение к философии» (см. «На философском фронте после Октября», стр. 35) — была не менее типична для меньшевистствующего идеализма. Отсюда столь же характерное для всех меньшевистствующих идеалистов «амнистирование» Плеханова. Я например утверждал (см. цит. соч., стр. 194), что критические замечания Ленина о Плеханове «не преуменьшают роли Плеханова в истории марксистской философии» (!), что «до сих пор» якобы «основной задачей» являлась популяризация диалектики, иллюстраций, ознакомление с отдельными законами диалектики» (там же, стр. 195). И это все приводилось в оправдание Плеханова в 1927 году, в то время как еще в 1924 году т. Сталин дал развернутый и исчерпывающий ответ на вопрос о большевизме в философии. Тов. Сталин писал, что «не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи».

Плехановские установки отразились и в моем понимании соотношения формальной логики и диалектики, при чем эклектицизм и агностицизм Плеханова, его неумение применять и конкретизировать закон единства противоположностей, как основной закон диалектики, сказались в трактовке и этой проблемы. Я доказывал (в «Вестнике Коммунистической академии», 1927 г., кн. 24, стр. 220) «объективную необходимость» категорий формальной логики, как «моментов некоторой общей диалектической методологии», и я стремился показать «внутреннюю органическую связь между категориями формальной логики и категориями диалектической логики». Такое понимание соотношения между формальной логикой и диалектикой общего с ленинизмом в философии не имеет, так как по существу представляет собой замаскированное ограничение роли материалистической диалектики, замаскированную попытку взять под сомнение безусловность и монолитность материалистической диалектики, открыть лазейку формальной логике политического и теоретического оппортунизма.

С непониманием ленинского этапа в развитии философии марксизма связано и то, что, «отрывая философию от политики, не проводя во всей своей работе партийности философии и естествознания, возглавлявшая журнал «Под знаменем марксизма» группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II интернационала—разрыв между теорией и практикой, скатываясь на позиции меньшевистствующего идеализма» (из резолюции ЦК ВКП(б) о журнале «ПЗМ»).

Разрыв философии и политики, теории и практики оказывался в моих работах воскрешением худших традиций «марксизма» II интернационала, формой социал-демократического эмигрирования от советской действительности, извращением ленинского принципа партийности философии. В этом отношении характерным для моих работ и была общая, абстрактная постановка вопроса о классовых корнях «вообще» враждебных нам теорий, непонимание того, что классовый характер нашей философии в наиболее четкой форме выражается в ленинском принципе партийности философии, ибо лучшее в рабочем классе наиболее сознательная действенная часть класса—это его авангард, коммунистическая партия. В книжке «На

философском фронте после Октября» мною «ставится вопрос о социально-экономических причинах борьбы в идеологии» (стр. 43), далее вскрывается «общественное содержание» враждебных марксизму-ленинизму теорий (стр. 70), ставится вопрос о «социальной базе» и т. п. и пр., чем выхолащиваются классовые корни враждебных теорий. В тех же случаях, когда мною ставился вопрос о классовой борьбе в философии, то анализ ее был оторван от конкретной практики социалистической стройки. Это отразилось и в одной из последних статей («ПЗМ» № 5, 1930 г.) о буржуазных течениях в философии в Советском союзе, где правильно вскрываются классовые корни контрреволюционного идеализма, но осталась совершенно не вскрытой связь идеалистической философии с вредительством (рубинщина, бахаровщина, коидратьевщина).

В органической связи с разрывом философии и политики находится столь же типичное для меньшевистствующего идеализма положение, что философия представляет собою по преимуществу общую методологию. Это ведет к разрыву метода и мировоззрения, диалектики и материализма, диалектики и теории познания диалектики, диалектического и исторического материализма.

Меньшевистствующий идеализм методологизировал все проблемы философии, подменяя «методологическими понятиями» и «категориями» объективные реальности, сводя философию к методу и забывая, что метод вытекает из решения основного вопроса философии о взаимоотношении бытия и мышления. Именно с этим связано и то неправильное положение моей книжки «На философском фронте после Октября», что спор с механистами был якобы по преимуществу спором о методологии, якобы спор шел о правомерности методологии вообще (стр. 119). В этом выражалась вся непоследовательность моей борьбы с механистическим ревизионизмом, неспособность разоблачить до конца ревизионизм механистов. С этим наконец связана и вся моя концепция качества, из которого выветрилась и объективная реальность, материальный корень, материальное содержание, исторически развивающееся в борьбе противоречий, и осталась одна лишь «философская или методологическая категория качества» (там же, стр. 169), или абстракция «структуры, закономерности, формы» (там же, стр. 175). Эта же ошибочная концепция идеалистическая, антиисторическая концепция качества ярко выражена в моих примечаниях к «Анти-Дюрингу» (1928). Вот почему для меньшевистствующего идеализма линия борьбы в философии шла не между идеализмом и материализмом, а в плоскости методологии и логики, вот почему он стремился проводить линию борьбы между метафизикой и диалектикой, а не между идеализмом и материализмом, стремясь всегда и всюду подчинять вопрос о двух линиях в философии вопросу о методе. Это особенно ярко отразилось в моих статьях о математической логике и диалектике (в особенности в «ПЗМ» № 2—3, 1925 г.), где критика буржуазных течений в математической логике заостряется на их методологическом характере, а не на их идеалистической сущности.

Спор между идеалистами и материалистами в физике Ленин формулирует так: научные понятия—«копии с объективной реальности, с движущейся материи» или только «методология», «чистый символ». И Ленин показывает, почему против «методологического толкования основных понятий физики ни один образованный представитель современного фидеизма возражать не станет».

Ленин говорит, что «если время и пространство только понятия, то человечество, их создавшее, вправе выходить за их пределы, и буржуазные профессора вправе получать жалованье от реакционных правительств за отстаивание законности этого выхода»... (Ленин, т. X, изд. 1-е, стр. 145).

Совершенно ясно, что одностороннее методологизирование, узко методологическое понимание диалектики не мирится с единством диалектики и теории познания. На почве методологизирования основных проблем материалистической диалектики проводится разрыв диалектики и теории познания, что получило яркое выражение уже в моих хрестоматиях по Ленину («Теория и практика диалектического материализма», 1924 и 1926 гг.), где ленинский материал по диалектике

предпоносится читателю отдельно от материала по теории познания, точно диалектика не есть теория познания. На этой же почве проводится разрыв между диалектикой и материализмом. Последнее в меньшевистствующем идеализме было искусственно замаскировано целой концепцией, так сказать, «исторического процесса» нашего философского развития за 10 лет революции. Я писал по этому поводу: «Несколько десятков лет назад мы боролись, главным образом, за материалистическое мировоззрение против идеализма. В связи с этим на первый план выдвигались тогда вопросы теории познания. В переживаемую нами эпоху первое место в нашей теоретической работе принадлежит проблемам методологии» («На философском фронте после Октября»). Это положение высказывалось мною в ряде статей. «Именно в данный момент особо важное значение приобретает вопрос о диалектике»,—говорил я в докладе «Очередные проблемы материалистической диалектики», в Комакадемии («Вестн. Ком. академии», кн. 20, 1927 г., стр. 315).

В период борьбы с ликвидаторством Ленин писал, что «при богатстве и разнообразии идейного содержания марксизма нет ничего удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма» (т. XI, ч. 2-я, изд. 1-й, стр. 125). Ленин имеет в виду политические идеи марксизма, экономическое учение и философию марксизма. «В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции—марксистская политика, после революции—марксистская философия». Давая мысли Ленина в корне неверное толкование, я в указанной книжке писал, что «на первый план на первое пятилетие революции были выдвинуты проблемы марксизма, теории познания, вопросы борьбы с идеализмом» (стр. 10, 30 и сл.), а в период второго пятилетия—«проблемы диалектики и линия идейной борьбы внутри марксизма пролегла через узловые проблемы материалистической диалектики» (стр. 1). На деле вопросы борьбы с идеализмом всегда и безусловно «выдвинуты на первый план» точно так же, как защита диалектического, а не механического, вульгарного и т. д. материализма, всегда и безусловно также стоит на первом плане. Выходит, что Ленин говорит о выдвигании на первый план одной из трех составных частей марксизма—экономического учения, политического или философского. В истории марксистско-ленинской философии, в истории бешеных боев с идеализмом, которые вел Ленин, не было случая, чтобы, разоблачая идеализм, Ленин не заострял борьбы против опощения материализма, не заострял борьбы за диалектику. Критикуя субъективистов в социологии, он выдвигает в то же время диалектическое содержание, диалектическую сущность материализма Маркса—Энгельса. Ленин вел борьбу с идеализмом за диалектику как теорию познания современного последовательного материализма.

В попытках меньшевистствующего идеализма дать свою периодизацию, свою историю марксистской философии опять-таки сквозила недооценка защиты материализма на данном этапе, маскировка идеалистического разрыва материализма и диалектики.

Развернутая в моей статье «О нашем философском развитии за 10 лет революции» («ПЗМ» № 10—12, 1927 г.) «философия истории» борьбы на философском фронте после Октября, так же, как и у других представителей леборинской школы, объективно служила целям замазывания опасности идеалистического извращения марксистско-ленинской философии и в основе своей имела правооппортунистическую слепоту перед классовыми врагами в теории. Наконец такая периодизация позволяла так или иначе оправдывать ошибки Плеханова.

Я должен указать и историко-философские корни этой ошибки. Они лежат в неокантианских элементах меньшевистствующего идеализма. Путем методологизирования философии марксизма меньшевистствующий идеализм защищал в сущности основной тезис кантианства, отрывающий познание от действительности. Отсюда непонимание и ошибок Плеханова в теории иероглифов. Да и как можно было

понять эту ошибку и разоблачить Плеханова как ревизиониста, если Плеханов рассматривался как «классик марксизма»?

Указывая, что «вопрос о диалектике, вопрос о ее защите и разработке ставился неоднократно на всем протяжении истории русского марксизма», я писал следующее: «Разве неизвестны великолепные рассуждения на этот счет Плеханова? Формулировки Плеханова таковы, что они давно перешли собранными в «конспекты», «хрестоматии» и «учебники» («На философском фронте после Октября», стр. 116). И далее я отвергаю всякую попытку «противопоставления (!) Плеханова Ленину, потому что для наших отрицателей философии,—писал я,—Плеханов был наиболее непремлемой фигурой, так как изложение и разработка марксистской философии была делом именно Плеханова» (стр. 137).

Благодаря этой ошибке, вытекающей из непонимания ленинского этапа, как таковой, высшей ступени в развитии диалектического материализма, замазывались неокантианские элементы у самого Плеханова. Между тем нетрудно раскрыть неокантианские корни теории иероглифов. Марксизм-ленинизм учит о том, что в наших ощущениях и понятиях отражается действительность, существующая независимо от сознания. Плеханов утверждает, что наши понятия—не отображения реальных вещей, а их условные знаки, символы, иероглифы. Но это, как мы знаем, отвергал и Кант, считая вещи в себе непознаваемыми, отрывая ощущения от мира, мысль от ощущения, познание от мира. Ленин писал: «Если ощущения не являются образами вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого» сходства с вещами, то подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, а знаки, или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам». «Каждый знает примеры таких знаков или символов», и в другом месте: «Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма».

С тех пор, как Бернштейн выступил с кантианской ревизией, неокантианская философия всегда служила с.д. орудием защиты капиталистической системы.

Международный идеолог интервентов Каутский еще в 1898 г. в письме к Плеханову писал: «Я полагаю, что экономическую и историческую точки зрения Маркса и Энгельса в случае нужды можно соединить с неокантианством, как можно соединить дарвинизм с материализмом Бюхнера, как можно соединить монизм Шелера с кантианством Ланге».

С тех пор появился ряд «солидных» работ по философии, написанных социалистами,—работы Отто Бауэра, Макса Адлера, включая последнюю книгу об историческом материализме, двухтомная книга Каутского о том же, книга Кунова, книга З. Марка, Гендрика де-Мана и др. Во всех этих «ученых» трудах социализма как главной социальной опоры капитализма отражается законченное возрождение с.д. идеологии в буржуазную, в защиту религии, в защиту капитализма со всеми видами духовного крепостничества. Неокантианская философия являлась одной из главнейших форм этого идейного сращения с.д. с буржуазией.

И в наших условиях победоносного строительства социализма, в условиях полного бешеного сопротивления, какое оказывают капиталистические элементы разбитому фронту социалистического наступления, неокантианские идеи также являются одно из первых мест в идейном арсенале классовых врагов пролетариата. Контрреволюционная экономическая теория меньшевика Рубина в своей философской основе—неокантианская; методология вредителя Базарова пропитана неокантианским идеализмом, и т. д.

Суть моей ошибки и заключается в том, что я не разглядел контрреволюционной сущности идеалистического разрыва метода и мировоззрения, диалектики материализма, диалектики и теории познания.

Но методологизирование в вопросах философии прямо вело и к гегельянскому извращению марксо-ленинской философии. При всем глубоком влиянии неокантианства на систему взглядов меньшевистствующего идеализма основной чертой

последнего является канонизирование философии Гегеля. Отношение меньшевистствующего идеализма к философии Гегеля является примером непонимания и неумения применять большевистский принцип борьбы на два фронта. Именно здесь надо было развернуть борьбу как против некритического, по существу реставрирующего, отношения к диалектике Гегеля, так и против механистического отрицания всякого значения Гегеля в историческом подготавливании диалектического материализма. Не проводя этой борьбы на два фронта, я не мог провести до конца подлинного разоблачения позиций механицизма в этом вопросе. Когда механицизм (Аксельрод, Сарабьянов, Тимирязев и др.) и махизм (Семковский и др.) выступили под «лозунгами» борьбы с «гегельянством» против материалистической диалектики марксизма-ленинизма, то я, отвечая им в своей статье, а затем и в книжке «На философском фронте» (стр. 97—98), не только не вскрыл опасности идеалистического извращения марксизма-ленинизма на почве некритического восприятия диалектики Гегеля, но утверждениями—вроде «никто и не думал утверждать, что место марксистской диалектики должна занять диалектика Гегеля» (цит. соч., стр. 108)—отрицал наличие такой опасности. Ибо, чем же иным, как не гегельянизацией философии марксизма надо назвать следующее мое положение: «метод есть самопознание теории, а теория есть самопознание метода» («На философском фронте» после Октября», стр. 188). Или в другом месте: «Синтез, достигнутый на данной ступени движения познания, снова становится источником дальнейшего анализа. Так анализ толкает к синтезу, метод расширяется в систему, форма переходит в содержание, общее в единичное» («Ленин и проблема логики в марксизме», «ПЗМ» № 4, 1929 г.). Здесь гегельянское извращение диалектики Маркса и Энгельса уже выражено в типичном для меньшевистствующего идеализма положении о «системе» диалектики, о том, что «метод расширяется в систему».

Отсюда абстрактно-логический подход к критике современных буржуазных течений в философии, «имманентное» логическое выведение их из предшествующих идеалистических систем, односторонний «интерес» к тем же проблемам методологии являются особенно характерными для ряда моих статей в «Печ. и рев.», 1922—1923 гг., где после показа «противоречий», «путаницы», «нелепой схоластической мистики» современного идеализма говорится даже о его «логическом конце», его «крахе», «самоупражнении» («идеализм зашел в тупик» и т. д.), что политически является глубоко вредным, в сущности правооппортунистическим тезисом. На этом принципе «имманентной», чисто логической критики буржуазной философии построена и статья: «Проблема логики в современной философии» («Вестник Социалистической академии», кн. 4, 1923 г.). Таким образом объективно критика буржуазных идеалистических философских течений мною не только не велась с марксистско-ленинских позиций, но я сам попадал в плен этим течениям. В частности идеалистическое извращение методологии диалектического материализма надо видеть в том, что я логически, «в силу внутренней «логики развития», вывожу теорию Мейнонга как «преодоление» теории Гуссерля или теорию математической логики как «развитие» Мейнонга и т. п. и пр. Еще ярче гегельянское извращение марксистско-ленинской методологии проявилось в моих «рассуждениях» об «абстрактности вообще», как простейшей и основной категории логики капиталистического хозяйства, как о теоретическом выражении стихийности, анархии, «товарности» мышления при капиталистической системе («Вестник Социалист. академии», кн. 4, 1923 г., стр. 225), и хотя в дальнейшем эта ошибка была исправлена в ряде статей анализа классовых корней идеалистической философии, но она теперь должна быть отмечена, так как связь этой ошибки с меньшевистствующим идеализмом очевидна для всякого, кто заглядывал в книгу т. А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма».

Гегельянский источник меньшевистствующего идеализма особенно ярко сказывается и в моих ошибках в области теории отражения именно в проблеме конкретного понятия. В то время, как механистическая ревизия (Аксельрод, Сарабьянов,

Варьяш) отрицает, что общие понятия отражают нечто объективное, существующее независимо от сознания, меньшевистствующий идеализм считает, что общие понятия суть непосредственное выражение того общего, что имеется в самих вещах, т. е. общее понятие отождествляется с самой вещью. Я утверждал, что «учение диалектического материализма о конкретном понятии включает утверждение о его реальности»: то «общее», что выражается данным понятием, есть не только отвлеченное «понятие», нечто только «логическое», но и нечто живое, существующее в действительности» (стр. 177). «Разве Гегель не прав, когда он говорит, что общность всем есть только внешняя форма общего»,—писал я (стр. 198). «Общее не менее реально, чем единичное и особенное» («Памяти Дидгева», «ПЗМ» № 1, 1928, стр. 18). «Общее, абстрактное не есть только в голове существующее, как бы менее реальное, чем конкретное, чувственно воспринимаемое и обособляемое» (там же, стр. 19). Учение Гегеля о «понятии, которое развертывает развитие логического понятия от единичного через частное ко всеобщему», я называю «положительным» (стр. 139) и пытаюсь истолковать его так, точно Энгельс придерживался этого учения в «Диалектике природы» в известном месте о классификации суждений.

Приведенные выше выдержки в корне противоречат ленинскому учению о диалектике отражения в сознании всего многообразия общих отдельных свойств в их конкретном единстве. «Естествознание показывает нам (и опять-таки это надо доказать на любом простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее...» и т. д. (Лен. сб. XII, стр. 325). «Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частица или сторона или сущность отдельного...» (там же, стр. 325). Ленинское учение об единстве общего и частного подменялось учением о «реальности» одного «общего». Необходимо критиковать механистическое сведение общего в вещах к субъективному, только в голове существующему, чему-то логическому, но глубоко было неверно то, что «конкретное понятие» мною бралось вне ленинской теории отражения,—именно, общее рассматривалось оторванно, отдельно от частного. Эту ошибку я исправил в примечаниях к первому тому «Сочинений» Дидгева (ИМЭЛ, 1931).

Гегельянизирование отразилось я в трактовке коренной проблемы диалектики Маркса и Энгельса—проблемы противоречия и единства противоположностей.

На отождествлении действительного, объективного мира и мысли покоится у Гегеля все построение логики. По Гегелю, движение понятий порождает действительность. И переход от абстрактного к конкретному имеет в результате новую ступень в развитии самой действительности. Поэтому отдельные категории логики необходимы в системе Гегеля, как «демиурга» действительности. Поэтому и противоречие у Гегеля не дано с самого начала в развитии. Противоречие само выступает, как продукт «развития» от тождества через различие к противоположности. Внешнее различие, внутреннее различие или противоположность и наконец противоречие как единство противоположностей—таковы три ступени «диалектического» развития, приводящего в «результате» к «противоречию».

Эту теорию в одной статье («Вестник Ком. академ.», кн. 24, 1927 г.), я назвал «прочным достижением в марксизме». На деле это «прочное достижение в марксизме» ничего общего с марксизмом не имеет. В статье «Гегель и классовая борьба философии» («Известия», 14/XI 1931 г.) я, исправляя эту ошибку, указал на глубокую связь этой меньшевистствующей-идеалистической теории «противоречия» с социальным социал-фашистским гегельянством, но и тут я допустил ошибку, не указав, что в прошлом я был одним из авторов этой теории.

Идеалистический характер гегелевской диалектики противоречия заключается в том, что не понятия отображают реальный ход вещей, а реальный ход вещей, реальные противоречия подчиняются движению понятий.

Диалектический материализм учит о развитии как борьбе противоположностей. В природе нет развития без внутренних противоречий. Противоречие неразрывно связано с самим процессом развития. «Развитие есть «борьба противоположностей»,—говорит Ленин. Развитие—это единство противоположностей, «разделение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними». Только при таком понимании развития главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения на двигательную силу движения его источник, его мотив; только эта концепция дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к «уничтожению старого и возникновению нового».

Анализируя предмет, я действительно должен расчленять сложное многообразие его свойств на простейшие элементы и, воспроизведя его в мышлении, я должен различать тождество, внешнюю разницу, внутреннее различие, противоположность, но это следует понимать именно, как воспроизведение в мышлении действительности, но не как ход, не как закон развития самой действительности. С точки зрения Гегеля наоборот процесс познания и есть процесс порождения действительности, и меньшевистствующий идеализм в вопросе о противоречии подменял исторический подход логическим, проводя, строго говоря, точку зрения объективного идеализма Гегеля.

Тот же идеализм проявился и в меньшевистствующем понимании «историзма». Особенно кичились историзмом и проблемой применения историзма к диалектике. Что же получалось на деле от этого пресловутого историзма?

Проблема исторического и логического рассматривалась мною исключительно, как «логическая» проблема, методологическая проблема («ПЗМ» № 4, 1929 г.), т. е. в плоскости «соотношения этих двух моментов в последовательности категорий» («На философском фронте после Октября», стр. 190). На деле историческое и логическое—не «два момента в последовательности категорий», а отражение в мышлении реального исторического процесса. В духе меньшевистствующего идеализма вопрос о «последовательности категорий» ставился мною не в органической связи с ленинской теорией «отражения», а в плоскости «разработки отдельных категорий диалектической логики» («На философском фронте после Октября», стр. 190). Я например писал, что «вопрос о последовательности категорий имеет столь важное значение в диалектической логике, настолько важное значение, что «проблема логики» в марксизме по существу есть проблема «генезиса» и взаимной связи категорий материалистической диалектики» («Ленин и проблема логики в марксизме», «ПЗМ» № 4, 1929 г., стр. 15). Это положение ничем не отличается от рационалистического идеализма т. Тьямского и др.

Историзм—это не методологическая предпосылка, точно речь идет об «одной из многих» методологических установок, «одной из многих» точек зрения. Это не одна из «точек зрения», а это единственная действительная и естественная база мышления, ее реальная историческая основа. Меньшевистствующий идеализм не понимает того, что историзм и есть материалистическое понимание истории, что в марксизме нет особого, отличного от исторического материализма и рядом с ним существующего «историзма».

Так меньшевистствующие идеалисты оставляли лазейку, через которую шел отрыв логического от исторического, что сближало их с рубинщиной. Именно отрывом логического от исторического и объясняется то, что вопросами «структуры» логики, «порядка» категорий, «последовательности» их столь односторонне «интересовался» я в своих печатных работах.

Политический вред идеалистической ревизии марксистско-ленинского историзма заключается уже в том, что совершенно выпадает учение о классах и классовой борьбе, из истории выхолащивается классовая борьба, отрицается полностью необходимость революционного уничтожения капиталистической системы, роль партии и т. д. Вместе с возрождением гегельянства на Западе мы имеем ожив-

ление реакционнейшей школы историзма Кассирера, Лейзенганга и др. Все они обосновывают не более не менее, как то положение, что существуют особые исторически-«своеобразные» типы мышления, при чем формальная логика должна уступить место новой неформальной логике. Этот буржуазный историзм утверждает правомерность, законность и такого «исторического» типа мышления, как религиозное «мышление», как средневековая мистика. Отсюда ясно, куда ведет отрыв логического от исторического. В целом ряде моих статей по истории древней и новой философии отражалась та же черта логистического историзма. Что касается греческой философии, то в посвященных ей статьях классовый анализ нередко подменялся односторонним филологизмом (яркий пример: статья «Материалистическая система Демокрита», «Вестн. Ком. академии», 1925 г.).

Наша философия есть большевистская философия. Теория диалектического материализма должна быть верным оружием в руках партии для борьбы со всеми видами оппортунизма, со всеми антипартийными течениями и уклонами от генеральной линии партии, для борьбы с троцкизмом как с передовым отрядом контрреволюционной буржуазии.

Меньшевистствующий идеализм представляет собою форму проявления мелкобуржуазной идеологии, давление на пролетариат враждебных классовых сил. Ее классовые корни лежат в разоряющейся мелкой буржуазии, в представителях буржуазной интеллигенции, оторвавшихся от рабочего класса, обюрократившихся элементах. Огромный политический вред допущенных в моих печатных работах ошибок вытекает из того, что если механистическая ревизия диалектического материализма как главная опасность современного периода в основном является теоретической базой правого оппортунизма, то идеалистическая ревизия марксизма, меньшевистствующий идеализм был идейно и организационно связан с троцкизмом, леваками и право-«левацким» блоком. И еще более политический вред указанных ошибок подчеркивается тем фактом, что позиции меньшевистствующего идеализма не обеспечивали и не могли обеспечить последовательной критики механицизма как теоретической базы правого оппортунизма, не обеспечивали до конца проведенного разоблачения механистов.

Борьба за большевистскую линию в философии возможна лишь на основе борьбы на два фронта не только против механицизма как главной опасности, но и жесткой партийной самокритики и критики антимарксистской и антиленинской сущности системы взглядов меньшевистствующего идеализма.

Основным условием исправления своих ошибок считаю преодоление какой бы то ни было оторванности моей теоретической работы от практической политической работы партии и последовательную борьбу как в теоретической, так и в практической работе по подготовке философских кадров, со всеми видами оппортунизма и прежде всего путем критики ошибок в собственных печатных работах, с меньшевистствующе-идеалистической ревизией марксизма-ленинизма.

Гр. БАММЕЛЬ

О приеме в ИКП философии

Институт красной профессуры философии в 1932/33 учебном году организует работу основного и заочного ИКП со следующими отделениями:

1. История философии.
2. Диамат (сектора—диалектики «Капитала», техники и естествознания, стратегии и тактики марксизма-ленинизма).
3. Истмат (изучение империализма и переходного периода, культуры и идеологии и антирелигиозный).

Срок обучения в ИКП Ф—3 года.

По утверждению мандатной комиссии ЦК ВКП(б) поступающие вызываются на двухмесячную проверочную конференцию с 15 июня по 15 августа.

Кроме того все товарищи подвергаются устному коллоквиуму по диалектическому и историческому материализму, истории философии, истории ВКП(б) и ленинизму, политической экономии и советской экономике, истории народов СССР и истории Запада в объеме нижеприведенной литературы. Требуется также знание общеобразовательных предметов в объеме рабфака.

Начало занятий на основном ИКП Ф с 15 сентября.

Примечание: Подавшие заявление о поступлении на основное отделение ИКП Ф до проверочной конференции пользуются консультацией по линии Заочно-консультационного отделения ИКП Ф. Окончательный срок подачи заявления о приеме на основной ИКП Ф—1 июня.

Дирекция ИКП философии.

РАЗВЕРСТКА ПО РАЙОНАМ

Предоставляется количество мест в ИКП Ф в сентябрьский набор 1932 1933 учебного года:

Московская область	15 мест.
Украина	10 »
Средняя Азия	2 »
Северный Кавказ	2 »
Белоруссия	1 »
Западная Сибирь	4 »
Восточная Сибирь	2 »
ЦЧО	3 »
Средневожский край	3 »
Нижегородский край	2 »
Ив. промышленная область	3 »
Дальневосточный край	2 »
Крым	2 »
Нижевожский край	3 »
Область немцев Поволжья	1 »
Северный край	2 »
Западная область	2 »
Уральская область	3 »
Казакстан	2 »
Башкирская АССР	2 »
Закавказье	3 »
Татарская АССР	1 »

Дирекция ИКП философии

План учебно-проверочной конференции ЦКП философии на 1932/1933 уч. год

По философии—4 темы.

1. Материализм и идеализм.
2. Материалистическая диалектика и ленинский этап в философии
3. Учение марксизма-ленинизма о производительных силах и производственных отношениях.
4. Классы, классовая борьба и задача уничтожения классов во второй пятилетке.

По ленинизму—2 темы.

1. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую на исторических примерах 1905—1917 гг.
2. Теория пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

По истории ВКП(б)—1 тема.

1. Ленин в борьбе за революционный марксизм и партию нового типа (до второго съезда).

По экономике—2 темы.

1. Товар.
2. Ленинская теория империализма.

По истории Запада—1 тема.

1. Парижская коммуна.

Дирекция ЦКП Ф от 8/IV 1932 г.

ЛИТЕРАТУРА

К приемным испытаниям в Институт красной профессуры философии на 1932/1933 учебный год

1. Литература по философии и историческому материализму.

- Энгельс—Л. Фейербах.
 Энгельс—Анти-Дюринг.
 Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства.
 Энгельс—Диалектика природы.
 Энгельс—Жилищный вопрос.
 Маркс—Энгельс—Немецкая идеология (Архив Маркса и Энгельса; т. I).
 Маркс—Энгельс—Письма, перевод Адоратского.
 Маркс—Святое семейство, Собр. соч., т. III, стр. 153—163.
 Маркс—К критике гегелевской философии права, т. I, стр. 399—417.
 Маркс—Предисловие и введение к критике политэкономии.
 Маркс—Капитал, т. III, ч. 2, гл. 48—Триединая формула, гл. 51—Распределительные и производственные отношения, гл. 52—Классы.
 Маркс—Критика Готской программы.
 Маркс—Коммунистический манифест.
 Маркс—«Нищета философии», глава о методе.
 Ленин—Предисловие ко 2-му изд. «Развитие капитализма в России», т. III
 Ленин—Еще раз о профсоюзах, т. XXVI.
 Ленин—Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XXIV.
 Ленин—Шаг вперед, два назад, т. VI.
 Ленин—О брошюре Юниуса, т. XIX.
 Ленин—Замечание на «Экономику переходного периода» Бухарина. Лен. сборн. XI, стр. 345—403.
 Ленин—Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 1—295.
 Ленин—К вопросу о диалектике, т. XIII, стр. 207—304.
 Ленин—Что такое друзья народа, т. I, стр. 51—222.
 Ленин—Экономическое содержание народничества, т. I, стр. 225—362.
 Ленин—Маркс—Энгельс—марксизм (сборник).
 Ленин—Государство и революция, т. XXI, стр. 365—445.
 Ленин—Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII, стр. 331—412.
 Ленин—Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. XXV, стр. 165—250.
 Ленин—Удержат ли большевики государственную власть, т. XXI.
 Ленин—Ленинские сборники IX и XII.

- Ленин — О значении воинствующего материализма, т. XXVII, стр. 180—190.
 Сталин — а) Вопросы ленинизма, б) Доклад и заключительное слово на VII расширенном пленуме ИККИ (см. стенограф. отчет VII пленума ИККИ, т. II).
 Плеханов — Основные вопросы марксизма.
 Плеханов — К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
 Плеханов — Очерки по истории материализма.
 Плеханов — Критика наших критиков.
 Плеханов — Соч. т. XVII. Обратить внимание на механистические и идеалистические ошибки, географический уклон и т. д.
 Деборин — Очерки по истории материализма (для критики).
 Деборин — Ленин как мыслитель (для критики).
 Бухарин — Теория исторического материализма (для критики).
 Доклады тт. Сталина, Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева на XVI сессе ВКП(б).
 Материалы XVII партконференции — доклады и резолюции.
 Постановления ЦК о журнале «Под знаменем марксизма» и резолюция ячейки ИКП философии и естествознания («Под знаменем марксизма», № 10—12, 1930 г.).
 Митин — К итогам философской дискуссии, «ПЗМ» № 10—12, 1930 г.).
 Кроме того требуется знакомство с периодической марксистско-ленинской литературой по основным проблемам философии.

II. Литература по теоретической экономии.

- Маркс — Нищета философии.
 Маркс — К критике политической экономии (введение и предисловие).
 Маркс — Капитал, тт. I и III (гл. с 28 по 35 и с 41 по 43 из III т. не обязательны).
 Ленин — Империализм как новейший этап капитализма, т. XIX, стр. 67—176.
 Ленин — Замечание на «Экономику переходного периода» Бухарина, Ленинский сборник XI, стр. 345—403.
 Энгельс — Крестьянский вопрос во Франции и Германии.
 Бухарин — Политическая экономия рантье (введение и I гл.).
 Сталин — Речь на конференции аграрников-марксистов. Доклад и заключительное слово на VII расшир. пленуме ИККИ.
 Милютин — Боролин — Статья в «Большевике» № 2 за 1920 г.

III. Литература по истории Запада.

- Маркс — Капитал, т. I, гл. 24.
 Маркс — 18 брюмера Луи-Бонапарта.
 Маркс — Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг.
 Энгельс — Революция и контрреволюция в Германии.
 Ленин — Собран. соч., тт. XIII и XVI (целиком) по 1-му изд.
 Ленин — Из какого классового источника приходит и придут Кавеньяжская т. XX, стр. 536—538, т. IX, Луиблановщина, т. XX, стр. 91—93.
 Ленин — Русская революция и задачи пролетариата, т. IX, стр. 28—31.
 Ленин — Том XVIII (целиком).
 Лукин — Новая история.
 Лукин — Очерки по истории Германии.
 Степанов — Парижская коммуна.
 Ротштейн — Очерки по истории английского рабочего движения (см. рецензию в «Бюлетене» № 4 за 1931 г.).
 Стеклов — I интернационал.

IV. Литература по истории ВКП(б) и ленинизму*).

- Маркс и Энгельс — Коммунистический манифест. Обращение ЦК к Союзу коммунистов в марте 1850 г.
 Маркс — Критика Готской программы.
 Маркс — 18 брюмера Луи Бонапарта.
 Маркс — Гражданская война во Франции 1871 г.
 Маркс — Классовая борьба во Франции.
 Энгельс — Крестьянская война в Германии.
 Энгельс — Введение к «Гражданской войне во Франции».
 Энгельс — Крестьянский вопрос во Франции и Германии.
 Ленин — Развитие капитализма в России (т. III, стр. 1—477) (главы, помещенные в I т. Шеститомника).
 Ленин — Что такое «друзья народа», стр. 69—186, т. I, стр. 51, 57—437.
 Ленин — Что делать? т. IV, стр. 359 (т. V).
 Ленин — Шаг вперед, два шага назад, т. VI, стр. 155 (т. V).

*) В скобках указаны тома, часть и страницы по старому 1-му изданию.

- Ленин — Доклад о революции 1905 г., т. XIX, стр. 343—358.
- Ленин — Социал-демократия и временное революционное правительство, т. VII, стр. 183—195 (т. VI).
- Ленин — Две тактики социал-демократии в демократической революции, т. VIII, стр. 37—126 (т. VI).
- Ленин — Этапы, направления и перспективы революции.
- Ленин — Аграрная программа социал-демократии в 1-й русской революции 1905—1907 гг., т. XI, стр. 323—489 (т. IX).
- Ленин — Отношение социал-демократии к крестьянскому движению, т. VIII, стр. 181—188 (т. VI).
- Ленин — Уроки Московского восстания, т. X, стр. 48—59 (т. VII, ч. 2).
- Ленин — Доклад об объединительном съезде, т. IX, стр. 175—226 (т. VII).
- Ленин — Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, т. XV, стр. 10—24.
- Ленин — Проект резолюции о современном моменте и задачах партии.
- Ленин — Заметки публициста, т. XVI, стр. 492—495 и т. XXVII, стр. 197—205 (тт. XIII и XVIII).
- Ленин — О соц. структуре власти, перспективах и ликвидаторстве, т. XV, стр. 122—137 (т. XI, ч. 2).
- Ленин — О новой фракции примиренцев или добродетельных, т. XV, стр. 228—243 (т. XI, ч. 2).
- Ленин — Из резолюции всероссийской Пражской конференции.
- Ленин — О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве, т. XVII, стр. 377—394 (т. XII, ч. 2).
- Ленин — Письмо И. И. Степанову-Скворцову, т. XIV, стр. 212—216 (т. XX, ч. 1).
- Ленин — Международный соц. конгресс в Штутгарте, т. VIII, стр. 498—503.
- Ленин — Империализм как высшая стадия капитализма, т. XIX, стр. 67—175 (т. XIII).
- Ленин — О лозунге Соединенных штатов Европы, т. XVIII, стр. 130—234 (т. XIII).
- Ленин — Социализм и война, т. XVIII, стр. 185—223 (т. XIII).
- Ленин — Несколько тезисов, т. XVIII, стр. 311—313 (т. XIII).
- Ленин — Крах II интернационала, т. XVIII, стр. 235—281 (т. XIII).
- Ленин — Социалистическая революция и право наций на самоопределение, т. XIX, стр. 37—48 (т. XIII).
- Ленин — Итоги дискуссий о самоопределении, т. XIX, стр. 239—272 (т. XIII).
- Ленин — Письма издаюлка, т. XX, стр. 13—47 (т. X, ч. 2).
- Ленин — О задачах пролетариата в данной революции, т. XX, стр. 87—90 (т. XIV).
- (Ленин — Письма о тактике, т. XX, стр. 99—108 (т. XIV, ч. 1).
- Ленин — Задачи пролетариата в нашей революции, т. XX, стр. 111—135 (т. XIV).
- Ленин — Речи на апрельской конференции, т. XX, стр. 612—625 (т. XIV, стр. 411).
- Ленин — К лозунгам, т. XXI, стр. 33—38 (т. XIV, ч. 2).
- Ленин — О конституционных иллюзиях, т. XXI, стр. 48—59 (т. XIV, ч. 2).
- Ленин — Уроки революции, т. XXI, стр. 65—77 (т. XIV, ч. 2).
- Ленин — Кризис назрел, т. XXI, стр. 235—341 (т. XIV, ч. 2 и т. XV, ч. 2).
- Ленин — Марксизм и восстание, т. XXI, стр. 195—199 (т. XIV, ч. 2).
- Ленин — Удержат ли большевики государственную власть, т. XXI, стр. 243—281 (т. XIV, ч. 2).
- Ленин — Марксизм и восстание, т. XXI, стр. 195—199 (т. XIV, ч. 2).
- Ленин — Речи на II съезде советов.
- Ленин — Тезисы об учредительном собрании, т. XXII, стр. 131—134 (т. XV).
- Ленин — Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, т. XXIV, стр. 631—649 (т. XVI).
- Ленин — К 4-летней годовщине Октябрьской революции, т. XXVII, стр. 24—30.
- Ленин — О нашей революции, т. XXVII, стр. 365—455 (т. XIV, ч. 2).
- Ленин — Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII, стр. 218—224.
- Ленин — К истории вопроса о диктатуре, т. XXV, стр. 439—47 (т. XVII, стр. 349—367). (т. XV).
- Ленин — Очередные задачи советской власти, т. XXIII, стр. 435—468 (т. XV).
- Ленин — О «левом» ребячестве и мелкобуржуазной опасности, т. XXII, стр. 503—528 (т. XV).
- Ленин — Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XXI, стр. 502—534.

Ленин— Доклады и речи на VII, VIII, IX и X с'ездах партии, т. IV, стр. 359—507, т. XXV, стр. 89—130.

Ленин— О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого, т. XXVI, стр. 61—81.

Ленин— Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина, т. XXVI, стр. 109—145.

Ленин— Кризис партии, т. XXVI, стр. 83—94 (т. XVIII, ч. 1).

Ленин— О продналоге, т. XXVI, стр. 317—352 (т. XVIII, ч. 1).

Ленин— О значении золота теперь и после полной победы социализма, т. XXVII, стр. 79—85 (т. XVIII, ч. 1).

Ленин— Как нам реорганизовать Рабкрин, т. XXVII, стр. 402—405 (т. XVIII, ч. 2).

Ленин— Лучше меньше, да лучше, т. XXVII, стр. 406—420 (т. XVIII, ч. 2).

Ленин— О кооперации, т. XXVII, стр. 391—397 (т. XVIII, ч. 2).

Ленин— III интернационал и его место в истории, т. XXIV, стр. 246—254 (т. XVI).

Ленин— Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. XXV, стр. 165—250.

Ленин— Речи и резолюции на II конгрессе Коминтерна.

Ленин— Доклады и речи на III и IV конгрессах Коминтерна.

Сталин— Вопросы ленинизма.

Сталин— Об оппозиции.

Сталин— О некоторых вопросах истории большевизма.

Сталин— Марксизм и национальный вопрос.

Каганович— К вопросам изучения истории большевизма (речь на 10-летнем юбилее ИКП).

Резолюция XV с'езда и XVI партконференции.

XVI сезд. Доклады тт. Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева и резолюции.

XVII партконференция. Доклады тт. Молотова, Куйбышева и Орджоникидзе

Бела Кун— Коминтерн в резолюциях.

Резолюция VI конгресса Коминтерна и XI пленума ИККИ.

Программа и устав Коминтерна.

Статьи в «Большевике» и «Бюллетене Правды» в связи с письмом т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции».

О П Е Ч А Т К И

По техническим причинам в № 11—12 вкрались следующие досадные опечатки:	
стр. 2, абз. 2, строка 11—глухое противоречие	глубокое противоречие
стр. 51, абз. 1, строка 3—наступление по всему фронту	наступление социализма по всему фронту
стр. 145, абз. 1, строка 5—„расчет со всей тогдашней философской совестью“	„расчет со своей... и т. д.
стр. 153, заголовок	—Святое бруно. Святой Бруно.

Кроме того в № 9—10 имеются следующие опечатки:

стр. 9, абз. 2 от конца, последняя строка—	
решение ЦК и „ПЗМ“	— нужно читать — решение ЦК о „ПЗМ“
стр. 93, сноски 2-я, последняя строка	
доказал	— нужно читать — доказывал
стр. 94, абз. 3, строка 11—неспособностью	— нужно читать — способностью
стр. 248, абз. 1—затушеввал контр-революционный троцкизм, как в основном, методологию меньшевистствующего идеализма.	— нужно читать — затушеввал то, что меньшевистствующий идеализм в основном обособновывает методологию контр-революционного троцкизма.

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман,
А. А. Максимов, М. Б. Митин, М. Н. По-
кровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин

Уполномоченный Главлита № В—24549. Набор сдан 27/IV, подписан к печати 23/IV.
Зак. № 821, Изд. № 263. Тираж 33200.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СЛУШАТЕЛЕЙ

на I курс Института. Заявления подавать по адресу: Москва, Волхонка,
Б. Знаменский пер., д. 2.

Срок подачи заявлений до 15 июля. Подробные условия приема будут
опубликованы в ближайшие дни.

Настоящим объявляется список литературы, знание которой обязательно
для поступающих в ЭИКП.

I ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

1. Маркс. Капитал, т. I и II (отд. III), т. III, ч. 1 и 2 (гл. 28—35 не обя-
тельны).
  2. Маркс. К критике политической экономии.
  3. Маркс. Критические замечания на книгу А. Вагнера. Арх. кн. 5.
  4. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
  5. Ф. Энгельс. Рецензия на книгу «К критике политэкономии».
  6. Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии.
  7. Ленин. Аграрный вопрос и критики Маркса, т. XI, 2-е изд.
  8. Ленин. К характеристике экономического романтизма, т. II (2-е изд.).
  9. Ленин. Аграрная программа социал-демократии, т. XI, 2-е изд.
  10. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма, т. XIX
(2-е изд.).
  11. Ленин. Замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного
периода». Лен. сборн. XI.
  12. Сталин. Вопросы ленинизма (изд. 1932 г.).
  13. Сталин. Об оппозиции. Сборник.
  14. Милютин и Боролин—ст. «К разногласиям в политэкономии»,
журнал «Большевик» № 2 за 1930 г.
- Знакомство с нижеследующей литературой для критики:
15. Р. Гильфердинг. Финансовый капитал (для критики).
  16. Р. Люксембург. Накопление капитала (для критики).
  17. Н. Бухарин. К вопросу о закономерностях переходного периода
(для критики).
  18. Н. Бухарин. Заметки экономиста (для критики).

(См. продолж.).

(Продолжение).

II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

1. Ленин. Доклады, статьи и речи по вопросам экономической политики.
2. Сталин. Доклады, статьи и речи по вопросам экономической политики.
3. Доклады, резолюции, постановления партийных съездов и конференций по вопросам экономической политики.
4. Доклады, прения и резолюции XIV, XV и XVI съездов партии, XVI и XVII конференций Решения всех пленумов ЦК после XVI съезда партии. Постановления ЦК, СНК и СТО о кредитной реформе, хозрасчете и советской торговле.
5. Требуется знание итогов трех лет первой пятилетки и народнохозяйственного плана на 1932 г.

III. ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

1. Ленин. Развитие капитализма в России.
2. Покровский. Очерки по истории русской культуры.
3. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке.

IV. ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.

1. Маркс. Критика Готской программы.
2. Энгельс. а) Л. Фейербах, б) Анти-Дюринг, в) Происхождение семьи, частной собственности и государства.
3. Маркс и Энгельс. Письма, под ред. Адоратского.
4. Ленин. а) Материализм и эмпириокритицизм, б) К вопросу о диалектике, в) Что такое друзья народа, г) Маркс, Энгельс, марксизм (сборник), д) Государство и революция, е) Пролетарская революция и ренегат Каутский, ж) Детская болезнь «левизны» в коммунизме.
5. Основные работы Ленина на темы: партия и Коминтерн, пролетарская революция и диктатура пролетариата, аграрно-крестьянский вопрос; две концепции буржуазно-демократической революции, проблема социалистического строительства; решения съездов партии и конференций.
6. Сталин. Вопросы ленинизма. изд. 1932 г.
7. Сталин. Письмо в журнал «Пролетарская революция».
8. Плеханов. а) Основные вопросы марксизма, б) К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, в) Очерки по истории материализма.
9. Требуется знакомство с итогами философской дискуссии (см. постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма»), сборник «За поворот на философском фронте».
10. Сборник «Разногласия на философском фронте».
11. Адоратский—ст. «О теоретических основах марксизма-ленинизма», журнал «Большевик» №№ 17—20 за 1931 г.
12. Речь т. Кагановича на 10-летию ИКП.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ МАССОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

БОРЬБА КЛАССОВ

**ОРГАН О-ВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ —
БОЕВОЙ ОРГАН ПРОПАГАНДЫ МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА И ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ
ВКП(б) И КОМИНТЕРНА НА ОСНОВЕ ИСТО-
РИЧЕСКОГО ОПЫТА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ**

Ответ. редактор **М. Н. Покровский**
Зам. ответ. редактора **Б. М. Волин**

«БОРЬБА КЛАССОВ» выдвигает на первый план марксистско-ленинское изучение истории ВКП(б) и Коминтерна, изучение всего исторического опыта мировой борьбы рабочего класса за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата и ставит своей задачей освещение всех вопросов исторической науки под углом зрения ленинского этапа ее развития. Борьба за большевистскую партийность — центральная политическая задача журнала.

«БОРЬБА КЛАССОВ» исходит в своей работе из директив партии, данных т. Сталиным в письме в журнал «Пролетарская революция», и ведет беспощадную борьбу против троцкистской контрабанды и гнилого либерализма в нашей исторической литературе; борьбу со всякого рода буржуазными, социал-фашистскими теориями; борьбу с правым оппортунизмом и «лево»-оппортунистическими «теориями» и взглядами в исторической науке. Своей основной задачей журнал считает выполнение директивы т. Сталина: «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 мес. . . . . 1 р.   На 6 мес. . . . . 6 р.
На 3 мес. . . . . 3 р.   На 12 мес. . . . . 12 р.

Цена отдельного номера 1 руб.

Подписка принимается на почте или письмомосцами

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА на 1932 г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

11-й год издания

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма, ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» будет вести неуклонную борьбу на два фронта: с механической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стена и др.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они не маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, истории материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономики, статьи по теории советского хозяйства, истории социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении психологии и марксизма, диалектика и естественные, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел перепиши с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес. — 1 р. 25 к., на 3 мес. — 3 р. 75 к., на 6 мес. — 7 р. 50 к.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

на 12 мес. — 15 р.

Подписка принимается на почте, письменными и уполномоченными партпечати при ячейках ВКП(б).